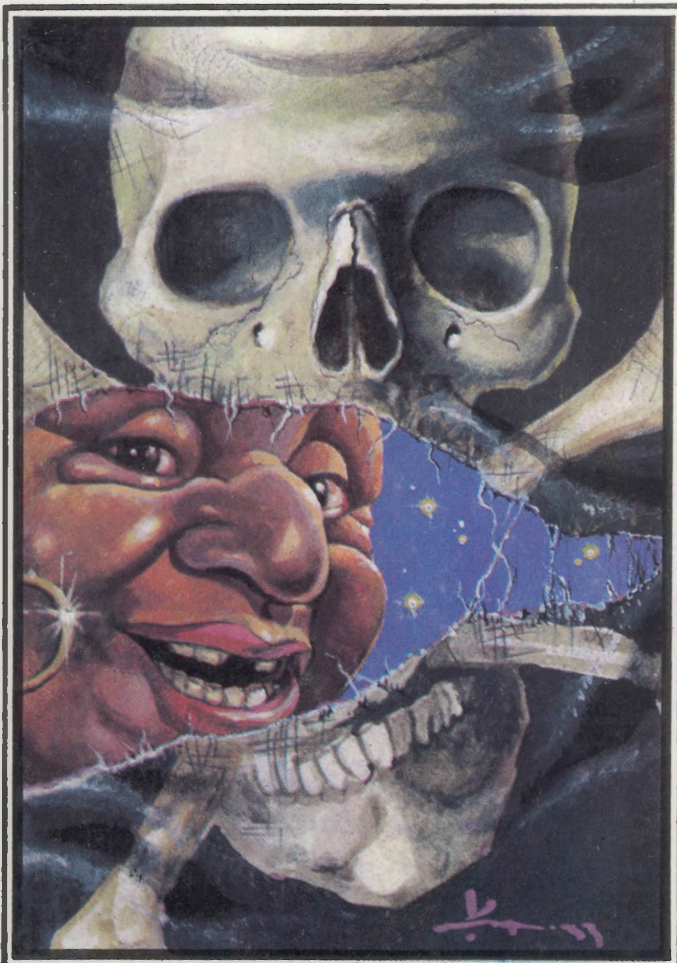

МИРЫ РОБЕРТА ХАЙНЛАЙНА

МИРЫ РОБЕРТА ХАЙНЛАЙНА

ИЗДАТЕЛЬСКАЯ
ФИРМА
«ПОЛЯРИС»

WORLDS OF ROBERT A. HEINLEIN

Volume eight

**CITIZEN OF
THE GALAXY**

**BETWEEN
PLANETS**

МИРЫ РОБЕРТА ХАЙНЛАЙНА

Книга восьмая

**ГРАЖДАНИН
ГАЛАКТИКИ**

**МЕЖДУ
ПЛАНЕТАМИ**

Издательская фирма «Полярис»
1994

Citizen of the Galaxy

Copyright © 1972 by Robert A. Heinlein

Between Planets

Copyright © 1951 by McCall Corporation
and Robert A. Heinlein

Гражданин Галактики

© 1993 Издательская фирма «Полярис»,
перевод на русский язык

Между планетами

© 1992 Ю. Логинов, *перевод*
на русский язык

© 1992 Издательская фирма «Полярис»,
оформление, составление, название серии

Перепечатка отдельных романов и
всего издания в целом запрещена без
разрешения издателя и переводчика.
Всякое коммерческое использование
данного издания возможно исключитель-
но с письменного разрешения издателя.

ISBN 5-88132-055-7

ГРАЖДАНИН ТАЛАКТИКИ

Глава 1

— Лот девяносто семь, — объявил аукционист. — Мальчик.

У паренька кружилась голова, ощущение твердой почвы под ногами вызывало тошноту. Невольничий корабль проделал путь в сорок с лишним световых лет, неся в своих трюмах смрад, такой же, как и на любом другом невольничьем корабле: затхлый дух сбившихся в кучу немытых тел, тяжкий запах страха, рвоты и неизбывной горечи. И все же на борту его мальчик что-то из себя представлял, он был признанным членом определенного сообщества, мог надеяться на ежедневную порцию похлебки и кулаками отстаивать свое право без помех ее проглотить. Даже имел друзей.

А теперь он снова никто и ничто. И опять выставлен на продажу. Удар молотка аукциониста означал продажу предыдущего лота: очень похожих друг на дружку светловолосых девушек, объявленных двойняшками. За них торговались, и цена оказалась высокой. Аукционист с довольной ухмылкой повернулся и указал на мальчика.

— Лот девяносто семь. Давайте его сюда.

Мальчишку пинком вытолкнули на помост. Он стоял, весь сжавшись, бросая по сторонам быстрые дикие взгляды, рассматривая то, что не мог видеть из своего

загона. Невольничий рынок был расположен на той стороне знаменитой площади Свободы, что примыкает к космопорту, напротив холма, увенчанного еще более знаменитым зданием Президиума Саргона, капитолия Девяти Миров. Но мальчик не знал, что это за здание; он не ведал даже, на какую планету его занесло. Он просто глядел на толпу.

Ближе всех к помосту работорговцев сгрудились нищие, чтобы лъстиво выклянчивать подавание у каждого покупателя, забиравшего свое приобретение. За ними полукругом стояли скамьи для богачей и знати. Сбоку от них размещались рабы, носильщики, телохранители и шоферы этих сливок общества. Они бездельничали возле автомобилей толстосумов или паланкинов и портшезов, принадлежавших еще более богатым толстосумам. Позади дам и господ собрались простолюдины, праздные и любопытные, вольноотпущенники и карманники, разносчики прохладительных напитков, мелкий купчишка, не получивший почетного сидячего места, но всегда готовый приобрести носильщика, писца, слесаря или даже служанку для своих жен.

— Лот девяносто семь, — повторил аукционист. — Чудесный здоровый парень. Может использоваться как паж или подмастерье. Дамы и господа, представьте себе, что он попал в ваш дом. Взгляните на...

Его слова потонули в визге звездолета, набравшего скорость при старте с космодрома у него за спиной.

Старый нищий по прозвищу Калека Баслим изогнулся всем своим полуобнаженным телом и, прищулив единственный глаз, заглянул за край помоста. По его мнению, мальчик мало чем походил на вышколенного домашнего слугу — это был грязный, тощий, покрытый синяками затравленный зверек. Сквозь корку грязи на спине проступали белые шрамы, наглядно демонстрировавшие мнение о мальчике его прежних хозяев.

Глаза и форма ушей парнишки навели Баслима на мысль, что он, возможно, чистокровный потомок землян. Однако наверняка можно было сказать лишь, что это мальчик, что он еще мал, перепутан, но по-прежнему строптив.

Мальчик почувствовал пристальный взгляд нищего и неприязненно посмотрел на него.

Визг звездолета стих, и разодетый щеголь, сидевший в первых рядах, небрежно взмахнул платком, привлекая к себе внимание аукциониста.

— Эй ты, мошенник, довольно впустую занимать наше время. Выставь-ка что-нибудь вроде предыдущего лота.

— О, благородный господин, мне полагается выкладывать номера в соответствии с каталогом.

— Тогда пошевеливайся! Или оттащи эту худосочную скотину в сторону и покажи нам стоящий товар.

— Вы так добры ко мне, господин, — аукционист возвысил голос. — Меня просят оживить торги, и я уверен, что мой благородный хозяин не станет возражать. Буду откровенен: этот славный парнишка молод, его новому владельцу придется всему его учить. Поэтому... — Мальчик почти не прислушивался. Он знал лишь несколько слов на местном языке, и к тому же все, о чем тут говорилось, не имело на самом деле для него значения. Он оглядел дам под вуалями и разряженных щеголей, гадая, кто из них станет его новым хозяином.

— Поэтому, — продолжал аукционист, — чтобы ускорить дело, назначается весьма низкая начальная цена. Это будет выгодная покупка! Что я слышу? Двадцать стелларов?

Тишина становилась напряженной. Холеная нарядная красавица под кружевной вуалью склонилась к щеголю и что-то зашептала ему на ухо, потом захихикала. Щеголь нахмурился, вытащил кинжал и сделал вид, будто чистит ногти.

— Я ведь сказал, чтобы с этим кончали побыстрее, — буркнул он.

Аукционист вздохнул.

— Господа, прошу вас помнить, что я несу ответственность перед своим хозяином. Но я, так и быть, снижу начальную цену. Десять стелларов. Да, я сказал «десять»! Невероятно! — Аукционист скорчил удивленную мину. — Уж не оглох ли я? Может быть, кто-то поднял палец, а я просто не вижу? Прошу внимания. Перед вами молодой крепкий парень — он подобен чистому листу бумаги, на котором вы можете изобразить все что хотите. За эту невероятно низкую

цену вы можете позволить себе сделать из мальчика немого слугу или все, что вам будет угодно.

— Или скормить его рыбам!

— Или скормить его... О, вы так остроумны, благородный господин!

— Это начинает приедаться. Ты что думаешь, это жалкое создание чего-нибудь стоит? Может, он твой сын?

Аукционист выдавил улыбку.

— Будь так, я гордился бы им. Я сожалею, что мне запрещено разглашать родословную этого парня!

— Значит, попросту говоря, она тебе неизвестна.

— Хотя я и обязан держать рот на замке, однако не премину указать на форму его черепа, на четко очерченные линии ушей, — тут аукционист схватил мальчика за ухо, тот извернулся и укусил его за руку. Толпа засмеялась. Аукционист отдернул руку.

— Экий живчик! Ну да плетка и не такие недуги лечила. Прекрасная родословная. Вы только взгляните на его уши! Можно сказать, лучшая наследственность в Галактике.

Аукционист совершил оплошность, не заметив, что молодой щеголь был уроженцем Синдона IV. Тот снял свой шлем, явив на свет типично синдонианские уши — длинные, заостренные и волосатые. Синдонианин подался вперед, уши его стали торчком.

— Кто твой благородный хозяин?

Старый Баслим тотчас же отодвинулся подальше, готовый чуть что улизнуть. Мальчик напрягся и начал озираться по сторонам, почувствовав непонятное беспокойство. Аукционист побледнел: никто не смел в открытую потешаться над синдонианином... более одного раза.

— О, мой господин, — выдавил он. — Вы не так меня поняли...

— А ну, повтори свою шутку про уши и лучшую родословную!

Наблюдавшие за аукционом полицейские находились достаточно далеко. Аукционист облизнул губы.

— Помилуйте, досточтимый господин, у меня дети. Я сказал лишь то, что говорят все. Это не мое личное

мнение. Я только хочу побыстрее сбыть этот товар... вы же сами настаивали...

В тишине прозвучал женский голосок:

— Ах, оставь, Дварол. Не его вина, что у этого раба такие уши. Он должен продать товар — вот и все.

— Вот и пусть продает! — сопя, откликнулся синдонианин.

Аукционист перевел дух.

— Да, мой господин, — он собрался с силами и продолжал: — Прошу простить меня, мои дамы и господа, за то, что трачу время на столь неинтересный лот. Прошу вас, назначьте хоть какую-нибудь цену!

Он подождал, затем нервно проговорил:

— Не слышу никаких предложений. Цену никто не назначает. Цена не назначена — раз... Если вы так ничего и не предложите, я буду обязан вернуть этот лот и прервать торги для консультации с моим патроном. Цена не назначена — два... А у меня еще вдоволь отличного товара. Какая жалость, если не удастся его показать. Цена не назначена — три...

— Вон твоя заявка! — рявкнул синдонианин.

Нищий старик поднял два пальца. Аукционист в изумлении уставился на него.

— Ты назначаешь цену?!

— Да, — проскрипел старик, — если господа и дамы позволят.

Аукционист обвел взглядом полукругом сидящую перед ним публику. Кто-то из толпы крикнул:

— Почему бы и нет! Деньги есть деньги!

Синдонианин кивнул, аукционист быстро спросил:

— Ты предлагаешь за этого мальчишку два стеллара?

— Нет, нет, нет, нет! — завопил Баслим. — Два минима!

Аукционист замахнулся было на старика, но тот проворно увернулся.

— Поди прочь! — вскричал аукционист. — Я тебе покажу, как глумиться над господами!

— Эй, аукционист!

— Да, господин? Слушаю, мой господин?

— Сам ведь говорил: «Назначьте хоть какую-нибудь цену», — сказал синдонианин. — Сплавь ему мальчишку!

— Но...

— Ты меня слышал?

— О, господин, я не могу продать за первую же назначенную цену. В законе ясно сказано: одна заявка — это не торги. Даже две, если аукционист не установил минимума. Без начальной цены я не смогу продать его, не услышав по крайней мере три предложения. Благородный господин, этот закон принят для защиты интересов владельца, а не ради меня, несчастного!

— Да, есть такой закон! — выкрикнул кто-то.

Синдонианин нахмурился.

— Тогда объяви цену.

— Цена любая, лишь бы она устраивала моих господ и дам, — аукционист воззвал к толпе: — Я слышал, что за лот девяносто семь предлагают два минима. Кто даст четыре?

— Четыре, — отозвался синдонианин.

— Пять! — раздался голос из толпы.

Синдонианин поманил к себе нищего. Баслим подполз на руках и одном колене, волоча обрубок второй ноги. Ему мешала миска для подаяний.

— Пять минимов — раз! Пять минимов — два...

— Шесть! — бросил синдонианин и, взглянув в миску нищего, достал кошелек. Он швырнул калеке горсть мелочи.

— Я слышал — шесть минимов! Услышу ли я — семь?

— Семь! — проскрипел Баслим.

— Семь минимов! Эй, господин с поднятым пальцем, вы предлагаете восемь?

— Девять! — перебил нищий.

Аукционист поморщился, но заявку принял. Цена приближалась к стеллару, шутка становилась дороговата для большинства присутствующих. Ни дамам, ни господам не хотелось ни приобретать такого никчемного раба, ни портить шутку синдонианина.

— Девять минимов — раз... — забормотал аукционист. — Девять минимов — два... Девять минимов — три... Продано за девять минимов!

Он столкнул мальчика с помоста, и тот угодил прямо в руки старика.

— Забирай и проваливай!

— Полегче, ты! — осадил его синдонианин. — Выписывай купчую.

Едва сдерживаясь, аукционист проставил имя нового владельца и цену на заранее заготовленном для лота девяносто семь бланке. Баслим уплатил девять минимов и воспользовался щедростью синдонианина, чтобы заплатить регистрационный налог, оказавшийся выше продажной цены мальчика. Паренек тихо стоял рядом. Он понял, что опять продан и что новый его хозяин — вот этот самый старик. Впрочем, это не имело для него особого значения: он не хотел бы принадлежать никому. Пока все занимались оформлением покупки, мальчишка внезапно бросился наутек.

Старый нищий, который вроде бы и не смотрел в его сторону, выбросил длинную руку и, ухватив парня за ногу, вернул его на место. Мальчик ощутил, как костлявая ладонь стискивает его предплечье, и сник, покорившись неизбежному. В который уж раз! Ничего, надо набраться терпения: рано или поздно все они теряли бдительность.

Обретя опору, калека с чувством собственного достоинства поклонился синдонианину.

— Мой господин! — просипел он. — Я и мой слуга благодарим вас.

— Пустое, пустое. Ступай, — синдонианин взмахнул платком.

От площади Свободы до Баслимовой норы было не больше полумили, но шли они долго. Баслим неуклюже скакал, используя мальчишку как опору, а этот способ передвижения был даже медленнее, чем обычный, когда нищий полз на руках и одном колене. Кроме того, он часто останавливался, чтобы просить подаяние, и ставлял мальчика совать миску под нос каждому встречному и поперечному.

Все это Баслим проделывал молча. Он уже пытался объясниться с мальчиком на интерлингве, космическом голландском, саргонезском наречии, на полудюжине всяких жаргонов — воровском, местном, блатном, на языке рабов и торговцев, даже на английском Системы. Все без толку, хотя пару раз Баслиму показалось, что парнишка понимает его. В конце концов нищий оставил

эту затею и стал выражать свои пожелания при помощи жестов и оплеух. «Пусть пока мы не можем найти общего языка, — думал Баслим. — Не беда, научим парня и словесному общению. Всему свое время. Всему свое время». Баслим никогда не спешил. Он вообще отличался неторопливостью.

Жилище Баслима располагалось под старым амфитеатром. Когда Саргон Август повелел воздвигнуть другой, более внушительный цирк, старый снесли лишь частично. Работы приостановили из-за второй Ситанской войны, и с тех пор все так и осталось. Баслим повел мальчика в эти развалины. Идти здесь было тяжело, и временами Баслиму приходилось пробираться ползком, но хватка его не ослабевала ни на миг. Однажды, правда, в руке нищего оказалась только набедренная повязка, и мальчишка едва не вывернулся из своего рубища, но нищий успел перехватить его запястье. После этого они пошли еще медленнее.

Старик спустился в темный лаз в конце обрушившейся галереи, заставляя мальчика идти первым. Потом они поползли по битой черепице и грудам булыжника, пока не очутились в другом коридоре, где было темно как ночью, но чисто. Ниже, еще ниже, опять вниз — и вот они уже в чреве старого амфитеатра, прямо под бывшей ареной.

Впотьмах Баслим и мальчик добрались до тщательно пригнанной двери. Баслим открыл ее, втокнул мальчишку внутрь, вошел сам и запер за собой дверь, прижав большой палец к замку-определителю. Потом он коснулся выключателя. Вспыхнул свет.

— Ну вот мы и дома, парень.

Мальчик изумленно огляделся. Он уже давно отвык интересоваться окружающим, но теперь увидел далеко не то, что можно было ожидать увидеть. Он стоял в просто обставленной милой комнате, чистой и уютной. Потолочные панели излучали приятный рассеянный свет. Меблировка скудная, но каждый ее предмет был на своем месте. Мальчишка с трепетом озирался по сторонам. Как ни скромно было это жилище, оно было лучше любого из тех, в которых ему приходилось жить прежде.

Старик отпустил его плечо и проковылял к шкафу. Поставив туда свою миску, он извлек на свет нечто

непонятное. Нищий стянул с себя рубище, повозился с ремнями, и тут мальчик понял, что это — протез, искусственная нога, причем сделана она была так здорово, что ничем не уступала настоящей, из плоти и крови.

Нищий поднялся, взял с полки брюки и натянул их. Теперь он вовсе не был похож на калеку.

— Поди сюда, — сказал он на интерлингве.

Мальчик не шелохнулся. Баслим повторил то же самое на других языках, потом пожал плечами, взял мальчика за руку и повел в соседнюю комнатушку. Это была маленькая кухня, совмещенная с ванной. Баслим наполнил водой ушат, вручил пареньку обмылок и сказал:

— Мойся, — и жестами объяснил, чего хочет.

Мальчик с молчаливым упрямством стоял неподвижно. Старик вздохнул, взял половую щетку и сделал вид, будто скребет ею мальчика. Когда жесткая щетина коснулась его кожи, старик остановил руку и повторил:

— Мойся. Прими ванну, — он произнес это на интерлингве и английском Системы.

Мальчик поколебался, снял набедренную повязку и начал медленно намыливаться.

— Так-то лучше, — сказал Баслим. Он поднял ветхую одежду, бросил ее в мусорный бачок, достал полотенце. Потом повернулся к своей кухонной утвари и занялся стряпней.

Через несколько минут он оглянулся. Мальчишка исчез. Старик не спеша вошел в комнату и увидел, что тот, голый и мокрый, изо всех сил тянет дверь. Заметив Баслима, мальчик удвоил усилия, но все было тщетно. Старик похлопал его по плечу и махнул рукой в сторону маленькой комнаты.

— Заканчивай мытье.

Он отвернулся. Паренек побрел следом.

Когда мальчик вымылся и вытерся, Баслим поставил на плиту котелок с похлебкой и, открыв шкафчик, достал из него склянку и клоч ваты из растительных волокон. Вымытая кожа мальчика явила миру богатое собрание разных шрамов и царапин, незаживающих порезов и ссадин, как старых, так и совсем свежих.

— Стой смирно, — ласково, но твердо проговорил Баслим и похлопал ребенка по руке. Тот расслабился, только вздрагивал каждый раз, когда лекарство щипало

воспаленную кожу. Старик тщательно осмотрел застарелую язву на колене мальчика, опять неторопливо приблизился к шкафчику, вернулся и всадил парню шприц пониже спины, предварительно растолковав, что оторвет ему голову, если тот не проявит должное терпение. Потом он отыскал кое-какую старую одежду, велел мальчику надеть ее и опять занялся стряпней.

Покончив с этим, он сдвинул стол и стул таким образом, чтобы мальчик мог сидеть на сундуке, и водрузил на стол большие миски с похлебкой. К похлебке вскоре добавились горсть зеленых стручков чечевицы и пара увесистых ломтей деревенского хлеба, черного и плотного.

— Суп готов, парень. Иди-ка закуси.

Мальчик опустилсЯ на краешек сундука, но есть не стал, готовый в любое мгновение сорваться и улизнуть. Баслим перестал жевать.

— В чем дело?

Он заметил, как мальчишка метнул быстрый взгляд на дверь и потупился.

— Ах, вот в чем дело. — Старик поднялся, прочно опираясь на свой протез, прошагал к двери и прижал большой палец к замку. — Дверь открыта, — объявил он. — Ешь свою похлебку или уходи.

Он повторил это на нескольких языках и с удовлетворением отметил, что раб понял его именно тогда, когда он обратился к мальчику на том языке, который считал его родным.

Однако Баслим не стал утруждать себя проверкой, а вернулся к столу, осторожно уселся на свой стул и взял ложку. Мальчик потянулся за своей, а потом внезапно сорвался с места и выскочил за дверь. Баслим продолжал есть. Дверь оставалась приоткрытой, и свет из нее лился в темный коридор.

Завершив свой обед, Баслим вдруг почувствовал, что мальчишка смотрит на него из темноты. Не оборачиваясь, старик произнес на том языке, который, как он считал, мог быть понятен мальчику:

— Может, вернешься и поешь, или мне выбросить твою порцию?

Мальчик не отвечал.

— Ну что ж, — продолжил Баслим. — Если ты не хочешь входить, я закрываю дверь. Оставлять ее нараспашку при включенном свете — слишком большой риск. — Он неторопливо поднялся, подошел к двери и начал потихоньку затворять ее.

— Последний раз зову, — объявил он. — Потом запру дверь на всю ночь.

И когда дверь уже почти захлопнулась, мальчик крикнул:

— Подожди!

На том самом наречии, которое и предполагал услышать старик.

Парнишка стремглав юркнул в дом.

— Добро пожаловать, — невозмутимо произнес Баслим. — Я не стану запираť дверь на замок — на тот случай, если ты передумаешь. — Он вздохнул. — Будь моя воля, вообще никто не сидел бы взаперти.

Мальчик не ответил. Он сел, склонился над миской и накинулся на еду с такой жадностью, будто боялся, что ее вдруг отнимут. Он бросал по сторонам быстрые взгляды, а Баслим сидел и наблюдал за ним.

Вскоре темп поглощения пищи замедлился, но мальчишка продолжал жевать и глотать, пока не исчезла последняя капля похлебки, последний стручок чечевицы и крошка хлеба. Остатки паренек поглощал через силу, но все же справился с ними, заглянул в глаза Баслима и застенчиво улыбнулся. Старик ответил на улыбку.

Внезапно лицо мальчика исказилось, стало белым, затем зеленоватым; из уголка рта потекла струйка слюны, и мальчишку бурно вырвало.

Баслим проворно отодвинулся, спасаясь от этого извержения.

— Звезды небесные, какой же я дурак! — вскричал он на своем родном языке.

Он вернулся с ведром и тряпкой, отер лицо мальчика и уложил его, потом вытер каменный пол.

Немного погодя он принес ребенку гораздо более скромную снедь — бульон и кусочек хлеба.

— Макай хлеб и ешь.

— Лучше не надо.

— Ешь. Тебя больше не будет тошнить. По тому, как у тебя живот к спине прирос, я должен был догадаться, что тебе не следует давать полноценный обед. Ешь, только помедленнее.

Мальчик поднял глаза, его подбородок затрясся. Он проглотил несколько ложек. Баслим смотрел на ребенка, пока тот не одолел весь бульон и почти весь хлеб.

— Ну вот и хорошо, — сказал наконец старик. — Ну, парень, мне пора на покой. Кстати, как тебя зовут? Мальчик поколебался.

— Торби...

— Торби. Хорошее имя. Можешь звать меня отцом. Спокойной ночи.

Он отстегнул протез, доскакал до шкафа и спрятал его, потом добрался до своей постели. Ложе было нехитрое — просто тюфяк в углу. Старик отодвинулся подальше, к стене, чтобы освободить место для мальчика, и сказал:

— Будешь ложиться — погаси свет.

С этими словами он закрыл глаза и стал ждать.

Довольно долго не доносилось вообще ни звука. Потом Баслим услышал, как мальчик идет к двери. Свет погас. Старик ждал, не раздастся ли звук открываемой двери. Но нет. Он почувствовал, как мальчик забрался на тюфяк.

— Спокойной ночи, — повторил Баслим.

— Спокойной...

Старик уже почти дремал, когда вдруг почувствовал, что мальчика всего трясет. Протянув руку, Баслим погладил обтянутые кожей ребра, и тут мальчик разрыдался. Тогда старик повернулся, устроил поудобнее искалеченную ногу, обнял трясущиеся плечи мальчугана и притянул его лицо к своей груди.

— Все хорошо, Торби, — ласково проговорил он. — Все в порядке. Все кончилось. Это никогда больше не повторится.

Мальчик всхлипнул и вцепился в старика. Баслим держал его в объятиях, бормоча что-то ласковое, пока не унялась судорожная дрожь. Но и потом он продолжал лежать неподвижно — до тех пор, пока Торби не уснул.

Глава 2

Раны Торби затягивались; телесные — побыстрее, душевные, как водится, помедленнее. Старик нищий раздобыл где-то еще один тюфяк и положил его в другой угол, но все равно, просыпаясь по ночам, порой обнаруживал рядом с собой маленький теплый комочек. Тогда он понимал, что мальчику опять приснился кошмар. Баслим спал очень чутко и не любил делить с кем-либо свое ложе, но, когда такое случалось, он не гнал Торби обратно на его тюфяк.

Иногда мальчик принимался громко кричать во сне. Однажды Баслим пробудился оттого, что Торби причитал:

— Мама... мама...

Не зажигая света, старик проворно подполз к постели мальчугана и склонился над ним.

— Ну-ну, сынок, все в порядке.

— Папа?

— Спи, сынок, а то маму разбудишь. Я побуду с тобой, — добавил Баслим. — Тебе нечего бояться. Успокаивайся. Нельзя же будить маму, правда?

— Ладно, пап...

Затаив дыхание, старик сидел рядом и ждал. В конце концов он сам окоченел от холода, разболелась культия. Убедившись, что мальчик спит, Баслим пополз на свое ложе.

Этот случай навел старика на мысль о гипнозе. Давным-давно, когда у Баслима еще были оба глаза и две ноги и не надо было нищенствовать, он изучал это искусство. Но гипноз ему не понравился, даже если применялся в лечебных целях: Баслим почти фанатично верил в неприкосновенность личности, а гипнотическое внушение противоречило его принципам.

Но сейчас он столкнулся с особым случаем. Старик был уверен, что Торби разлучили с родителями в таком возрасте, когда у него еще не было осознанных воспоминаний. Все, что мальчик видел в своей жизни, сводилось к бесконечной череде все новых и новых хозяев, один другого хуже, каждый из которых на свой лад стремился сломить дух «несносного мальчишки». Торби сохранил яркие воспоминания о некоторых из этих хозяев и описывал их на своем грубом языке — красочно и беспощадно. Однако он не имел представления о времени и месте развития тех или иных событий. «Место» для него было равнозначно «поместью», «имению» или «рабочему бараку», но не определенной планете или звезде (познания мальчика в астрономии были большей частью неверными, а о галактографии он и вовсе понятия не имел); что до времени, то тут для него существовало только «до» и «после», «долго» и «коротко».

Поскольку на каждой планете — свои сутки, свой год и свое летоисчисление, ученые пользовались стандартной секундой, длина которой вычислялась по радиоактивному распаду; стандартным считался год планеты — колыбели человечества, а единой точкой отсчета — день, когда человек впервые добрался до спутника этой планеты, Сол III. Неграмотный мальчишка просто не мог пользоваться такой датировкой. Земля была для Торби мифом, а день — промежутком времени между пробуждением и отходом ко сну.

Возраст парня Баслим определить не мог даже приблизительно. На вид Торби был чистокровным землянином и вроде бы еще не достиг отрочества, однако любые догадки на этот счет были бы не более чем домыслами. Вандорианцы и итало-глифы выглядят как земляне, но вандорианцы взрослеют втрое медленнее. Баслим вспомнил анекдот о дочке консула, которая

пережила двух мужей, причем второй из них был правнуком первого. Мутации иногда совсем не проявляются внешне.

Не исключено, что мальчишка «старше» самого Баслима — в стандартных секундах. Ведь космос велик, и человек по-разному приспосабливается к разным условиям. Но это неважно: Торби еще так мал и так нуждается в его помощи.

Гипноза Торби не испугался: это слово было для него пустым звуком, а давать объяснения Баслим не стал. Однажды после ужина старик просто сказал:

— Торби, я хочу, чтобы ты кое-что сделал для меня.

— Разумеется, пап. А что?

— Ложись на свой тюфяк, потом я тебя усыплю, и мы поговорим.

— Хе, ты хочешь сказать, что мы сделаем наоборот?

— Нет, это особая разновидность сна. Ты сможешь и спать, и говорить.

Торби воспринял это с большим недоверием, но согласился. Старик выключил осветительные панели и зажег свечу. Велев мальчику сосредоточиться на язычке пламени, он принялся монотонно повторять старинные формулы: успокоение... расслабление... дремота... сон...

— Торби, ты спишь, но слышишь меня и можешь отвечать.

— Ага, пап...

— Ты будешь спать до тех пор, пока я не велю тебе проснуться. Но ты сможешь отвечать на любой мой вопрос.

— Ага, пап...

— Ты помнишь, как назывался звездолет, на котором тебя привезли сюда?

— «Веселая вдовушка». Только мы называли его совсем не так.

— Ты видишь, как попал на этот корабль? Вот ты на борту. Ты все видишь. Ты все помнишь. Теперь возвратись туда, где ты был до того, как очутился на корабле. Спящий мальчик съежился и напрягся.

— Не хочу!

— Ничего, я с тобой, тебе нечего бояться. Ну-с, как называлось то место? Вернись туда, оглядись.

Полтора часа просидел Баслим над спящим ребенком. Пот струился по его морщинистому лицу. Старик чувствовал себя опустошенным. Чтобы вернуть мальчика в ту пору, которая его интересовала, надо было пройти через испытания, вызывавшие отвращение даже у Баслима, человека старого и закаленного. Поэтому мальчик вновь и вновь восставал, и старик не мог его винить. И все же теперь у Баслима было ощущение, что он наперечет знает все рубцы на спине Торби и может назвать имя негодяя, оставившего каждый из них.

Так или иначе, он добился своего, он заглянул в прошлое дальше, чем позволяла память мальчика в состоянии бодрствования, заглянул в его раннее детство, когда Торби, совсем еще младенца, вырвали из родительских рук.

Оставив мальчика в изнеможении лежать на тюфяке, Баслим попытался совладать с разбродом в мыслях. Последние минуты разговора дались Торби с таким трудом, что старик усомнился: а стоило ли вообще докапываться до корня зла?

Ну что ж, поразмыслим... Что именно он выяснил?

Мальчик рожден свободным. Но ведь Баслим и так был в этом убежден. Родной язык Торби — английский Системы, но парень говорит на нем с акцентом, которого Баслим не может распознать из-за особенностей детской артикуляции. Стало быть, мальчик родился в пределах Земной Гегемонии, а может быть (хотя и маловероятно), даже на самой Земле. Это был своего рода сюрприз: прежде Баслиму казалось, что родным языком мальчика является интерлингва, поскольку он владел ею лучше, чем тремя другими знакомыми ему языками.

Что еще? Родители мальчика, конечно же, мертвы, если можно полагаться на его искаленную и подавленную память, на обрывки воспоминаний, извлеченные Баслимом из глубин его мозга. Семейный или каких-то примет родителей старик так и не узнал. Они были просто «папой» и «мамой», так что в конце концов старик оставил надежду разыскать семью мальчика.

Ну, а теперь, чтобы это жестокое испытание оказалось ненеправильным, надо сделать вот что.

— Торби?

Мальчик застонал и заворочался.

— Чего, пап?

— Ты спишь. Ты проснешься только тогда, когда я тебе велю.

— Я проснусь, только когда ты велишь...

— Как только я скажу, ты пробудишься. У тебя будет прекрасное самочувствие, и ты начисто забудешь все, о чем мы беседовали.

— Ага, пап...

— Ты все забудешь, но будешь хорошо себя чувствовать, а через полчаса опять сделаешься сонным. Тогда я велю тебе лечь в постель, ты ляжешь и тотчас уснешь. Всю ночь ты будешь крепко спать и видеть приятные сны. А дурные тебе больше никогда не придутся. Повтори это.

— У меня больше не будет дурных снов...

— Ты никогда не увидишь кошмаров. Никогда.

— Никогда...

— Папа и мама не хотят, чтобы ты видел дурные сны. Они счастливы и тебе тоже желают счастья. И если приснятся тебе, то лишь в добрых снах.

— В добрых снах...

— Все хорошо, Торби. Ты начинаешь просыпаться. Ты просыпаешься и не можешь вспомнить, о чем мы говорили. Но ты никогда больше не увидишь дурных снов. Проснись, Торби.

Мальчик сел, протер глаза, зевнул и заулыбался.

— Надо же, я заснул. Что, не получилось, пап?

— Все в порядке, Торби.

Не один сеанс понадобился, чтобы усмирить призраков, но со временем кошмары отступили и прекратились вовсе. Однако Баслим не был достаточно искусным гипнотизером, чтобы стереть дурные воспоминания. Ему удалось лишь внушить Торби, что воспоминания эти не будут омрачать его жизнь. Впрочем, даже будь Баслим более сведущ в гипнозе, он все равно не стал бы избавлять мальчика от воспоминаний: по его твердому убеждению, житейский опыт человека — всецело его достояние и нельзя без разрешения стирать из памяти ничего, даже самого печального.

Ночи Торби наполнились покоем, зато дни — суетой. Поначалу Баслим все время держал мальчика при

себе. Позавтракав, они обычно брели на площадь Свободы. Старик устраивался на тротуаре, а Торби с голодным видом сидел или стоял рядом, держа в руке миску для милостыни. Место они всегда выбирали такое, где они мешали проходу, однако не настолько, чтобы вызвать со стороны полицейских более чем ворчание. Мало-помалу Торби открыл, что полицейские, патрулирующие площадь, всегда ограничивались ворчанием: полиция недоплачивали, и Баслим заключил с патрульными весьма выгодное для них соглашение. Вскоре Торби полностью освоил древнейшее ремесло. Он узнал, что господин, сопровождающий даму, всегда щедр, если обратиться за подаванием к его спутнице; что просить милостыню у женщины, шествующей в одиночестве, — бессмысленное занятие, разве что она идет без вуали; обращаясь к одинокому мужчине, можно с равной вероятностью получить и пинок, и монету, а только что совершившие посадку звездолетчики весьма щедры. Баслим научил мальчика всегда держать в миске немного денег — не крупных, но и не совсем уж мелочи.

Поначалу щедушный, полуголодный, покрытый струпьями Торби как нельзя лучше подходил для этой работы. Одной его наружности оказывалось вполне достаточно. Увы, вскоре он стал выглядеть куда лучше. Баслим исправлял это, накладывая грим, обводя глаза мальчика широкими черными кругами и рисуя впадины на щеках. Маленькая пластиковая нашлапка на подбородке выглядела совсем как настоящая язва, омерзительная на вид, и прикрывала давно зажившую рану. Она была смазана подслащенной водой и привлекала мух, поэтому податели милостыни, бросая в миску деньги, отводили глаза.

Скрывать упитанность тоже было непросто, но в течение года или двух Торби так быстро рос, что оставался тощим, несмотря на хороший завтрак, добрый ужин и сладкий сон.

Получил Торби и бесценное уличное образование. Джуббулпор, столица Джуббула и Девяти Миров, главная резиденция Великого Саргона, славился тем, что давал приют трем с лишним тысячам нищих, имевших соответствующие лицензии. Вдвое больше тут было

уличных торговцев. Число питейных заведений превышало количество церквей, которых в Джуббулпоре насчитывалось больше, чем в любом другом городе Девяти Миров. По улицам слонялось бесчисленное множество карманников, татуировщиков, продавцов наркотиков, воров и подпольных менял, гадалок, наемных убийц и мошенников. Граждане похвалялись тем, что на расстоянии полумили от пилона, которым оканчивался проспект Девятки со стороны космопорта, человек с деньгами мог купить все, что только существует в космосе, будь то космический корабль или десять гран звездной пыли. Тут можно было приобрести и скандальную славу, и сенаторскую тогу с сенатором в ней.

Формально Торби не имел отношения к преступному миру: у него было вполне легальное место на общественной лестнице (раб) и узаконенная профессия (нищий). На деле же он вращался в уголовной среде, наблюдая ее изнутри. И более низкой ступени, чем та, на которой он стоял, не было на общественной лестнице.

Будучи рабом, Торби научился лгать и воровать так же естественно, как другие дети осваивают приличные манеры, но при этом гораздо быстрее. Однако он убедился в том, что подобными талантами наделены многие обитатели городских задворков. Такие дарования расцветали тут бурным цветом, достигая высших уровней искусства. По мере того как Торби взрослел, осваивал язык и лучше узнавал улицу, Баслим начал отпускать его из дому одного — то с каким-нибудь поручением, то в лавку за провизией, а то и на промысел. Сам старик при этом оставался дома. В итоге Торби «попал в дурную компанию» и «опустился», если, конечно, можно опуститься ниже нулевой отметки.

Однажды он вернулся домой с пустой миской. Баслим не сказал Торби ни слова, но тот сам пустился в объяснения:

— Слышь, пап, я здорово поработал!

Он достал из набедренной повязки красивый шарф и гордо развернул его.

Но Баслим не улыбнулся и даже не прикоснулся к шарфу.

— Где ты это взял?

— Позаимствовал.

— Это ясно. У кого?

— У дамы. У красивой такой, нарядной.

— Дай-ка взглянуть на метку. М-да... похоже, это леди Фасция. Да, наверное, очень мила. Однако почему ты не в тюрьме?

— Ой, пап, ну с чего вдруг? Это было так легко. Меня Зигги научил, он все эти штучки знает, он такой ловкий! Видел бы ты его в деле!

Баслим задумался. Можно ли привить понятие о нравственности бродячему котенку? Старик решил не пускаться в абстрактные этические словоизлияния, чтобы объяснить мальчику, что к чему. Ни в прошлом, ни в его нынешнем окружении не было ничего, что научило бы его мыслить на таком уровне.

— Торби, ты хочешь сменить профессию? Почему? Нищенствуя, ты платишь положенную дань полицейским, вносишь в гильдию, делаешь подношения в храме в дни праздников и живешь себе без забот. Разве мы когда-нибудь оставались голодными?

— Нет, пап, но ты взгляни на него! Он, наверное, стоит целый стеллар!

— По моей оценке — не меньше двух. Но скупщик краденого даст тебе за него два минима, да и то, если расщедрится. В миске для подаяний ты больше бы принес.

— Ну... я еще научусь как следует... Это куда интереснее, чем нищенствовать. Ты бы посмотрел, как работает Зигги!

— Я видел. Он и впрямь искусник.

— Самый лучший!

— И все-таки, по-моему, он работал бы еще лучше, будь у него две руки.

— Ну, может, и так, хотя в деле нужна всего одна. Но он учит меня работать и левой, и правой.

— Это хорошо. Вероятно, тебе бесполезно будет узнать, что может настать день, когда и ты недосчитаешься одной руки, как это произошло с Зигги. Ты знаешь, как он потерял руку?

— Ну?

— Тебе известно, какое полагается наказание, если тебя ловят?

Торби не ответил, и Баслим продолжал:

— Попадаешься в первый раз — теряешь руку. Вот какой ценой Зигги постиг премудрости своего занятия. Да, он хорош, потому что до сих пор живой и в деле. Но знаешь ли ты, как наказывают, если попадаешься вновь? Отнюдь не лишением второй руки. Ты знаешь, как?

Торби проглотил слюну.

— Ну, точно не...

— Думается, ты об этом слыхивал, только вспоминать не хочешь, — Баслим чиркнул большим пальцем по горлу. — Вот что ждет Зигги в следующий раз. Его укоротят. Судьи Его Светлости полагают, что, если парень не усвоил первый урок, он не усвоит и второй. И его просто укорачивают.

— Но я не попадусь, пап! Я буду жуть какой осторожный... как сегодня. Даю слово!

Баслим вздохнул. Да, этот ребенок верит, что уж с ним-то ничего подобного не случится.

— Торби, принеси-ка мне купчую на тебя.

— Зачем, пап?

— Принеси, принеси...

Мальчик достал купчую, и Баслим перечитал ее: «Один ребенок мужского пола, регистрационный номер (выколот на левом бедре) ВХК40367», — девять минимов и пошел вон, нищий!

Старик посмотрел на Торби и с удивлением заметил, что с того памятного дня парень вырос на целую голову.

— Принеси мой карандаш. Я дам тебе вольную. Я все время хотел это сделать, но казалось, что можно не спешить. Но теперь сделаю, а завтра поутру ты пойдешь в императорский архив и все оформишь.

У Торби отвисла челюсть.

— Зачем, пап?

— Разве ты не хочешь быть свободным?

— Э... ну, пап... мне нравится быть твоим.

— Спасибо, мальчик, но я вынужден так поступить.

— Ты хочешь сказать, что выгоняешь меня?

— Нет, можешь остаться, но только как вольноотпущенник. Видишь ли, сынок, за деяния рабов отвечают хозяева. Будь я из благородных, меня бы просто оштрафовали за твой проступок. Но коль скоро я... В общем, если я потеряю еще и руку, как потерял ногу и глаз,

мне, наверное, не выжить. Поэтому лучше тебя освободить, если ты собрался осваивать ремесло Зигги. Такой риск — слишком большая роскошь для меня. Я и так уже слишком многого лишился. Пусть бы уж меня лучше сразу укоротили. Придется тебе жить на свой страх и риск.

Он не щадил Торби и не сказал ему, что на бумаге закон был куда суровее, чем на практике. Провинившего раба чаще всего просто конфисковали, продавали, а стоимость его шла на возмещение убытков потерпевшего, если владелец раба был не в состоянии расплатиться сам. В том случае, если владелец оказывался простолюдином и судья считал, что он несет реальную ответственность за проступок раба, его могли подвергнуть еще и порке.

И тем не менее Баслим верно изложил закон. Коль скоро хозяин вершит суд и расправу над своим рабом, стало быть, он и отвечает за действия последнего. И может быть даже казнен.

Торби начал всхлипывать. Впервые со времени начала их отношений.

— Не отпускай меня, пап... Ну, пожалуйста! Я должен быть твоим!

— Очень сожалею, сынок, но... Впрочем, я ведь сказал: ты не обязан уходить.

— Ну, пожалуйста, пап... Я больше ничего не украду! Баслим взял его за плечо.

— Взгляни-ка на меня, Торби. Хочу предложить тебе уговор.

— Все что угодно, пап. До тех пор, пока...

— Погоди, сперва выслушай. Я сейчас не буду подписывать твои бумаги, но я хочу, чтобы ты дал мне два обещания.

— Ну конечно! Какие?

— Не спеши. Во-первых, ты должен обещать, что никогда ничего ни у кого не украдешь. Ни у дам, что ездят в портшезах, ни у нашего брата. У первых воровать слишком опасно, у вторых... позорно, хотя вряд ли ты понимаешь, что значит это слово. Во-вторых, обещай, что никогда мне не соврешь. О чем бы ни шла речь.

— Обещаю... — тихо сказал Торби.

— Говоря о вранье, я имею в виду не только деньги, которые ты от меня утаиваешь. К слову сказать, тюфяк — неважный тайник для денег. Посмотри мне в глаза, Торби. Ты знаешь, что у меня есть кое-какие связи в городе?

Мальчик кивнул. Ему приходилось носить записки старика в странные места и вручать их странным людям.

— Если будет замечено, что ты ворует, со временем я об этом узнаю. Если ты солжешь мне, со временем я разоблачу тебя. Будешь ли ты врать другим — твое дело, но вот что я тебе скажу: прослыть лгуном — все равно что лишиться дара речи, потому что люди не прислушиваются к шуму ветра, это уж точно. Итак, в тот день, когда я узнаю, что ты воровал... или когда ты совершишь мне... я подписываю твои бумаги и освобождаю тебя.

— Хорошо, пап...

— Но это еще не все. Я вышвырну тебя пинком со всем достоянием, которым ты владел, когда я купил тебя, — лохмотьями и полным набором синяков. Между нами все будет кончено. И если я когда-нибудь снова увижу тебя, то плюну на твою тень.

— Хорошо, пап... Я не буду никогда, пап!

— Надеюсь. Ложись спать.

Баслим лежал без сна и с тревогой думал о том, что, возможно, он слишком суров. Но, черт побери, разве не суров этот мир? Разве он не обязан научить ребенка жизни в этом мире?

Потом он услышал шорох: казалось, крыса грызет что-то в углу. Баслим замер и прислушался. Чуть погодя мальчик тихонько поднялся с тюфяка и подошел к столу. Потом раздался приглушенный звон монет, ложащихся на дерево. Торби вернулся на свое ложе.

И только когда мальчуган начал похрапывать, Баслиму наконец удалось заснуть.

Глава 3

Баслим уже давно учил Торби читать и писать на интерлингве и саргонезском, порой подбадривая его оплеухой, поскольку мальчик почти не проявлял интереса к умственному труду. Но случай с Зигги и сознание того, что Торби растет, не давали Баслиму забыть о том, что время не стоит на месте, особенно для детей.

Торби так и не смог вспомнить, где и когда он догадался, что Баслим — вовсе не попрошайка-нищий или, во всяком случае, не только нищий. Об этом можно было судить как по тем четким указаниям, которые давал ему Баслим, так и по необычности средств, которыми эти указания доводились до сведения Торби (магнитофон, проектор, гипнотизатор). Поэтому теперь мальчик уже ничему не удивлялся. Что бы ни делал отец, он всемогущ и всегда прав. Торби достаточно хорошо знал нищих, чтобы видеть разницу между ними и Баслимом. Но мальчик не тревожился: отец есть отец, это такая же данность, как солнце и дождь.

На улице Торби никогда не говорил о своих домашних делах, даже о том, где находится их жилище. Гости к ним не ходили. Торби имел двух-трех приятелей, а у Баслима их было много, десятки или даже сотни, и старик, по-видимому, знал, хотя бы в лицо, всех жителей города. Но в дом он не пускал никого, кроме

Торби. Однако мальчик был уверен, что отец помимо нищенства занимается чем-то еще. Однажды ночью они как обычно легли спать, но на рассвете Торби разбудил какой-то шум, и он сонным голосом позвал:

— Пап?

— Это я. Спи.

Но мальчик встал и зажег свет. Он знал, что Баслиму трудно пробираться в темноте без ноги, а когда папе хотелось пить или было нужно что-нибудь еще, Торби всегда подавал.

— Что случилось, пап? — спросил он, поворачиваясь к Баслиму, и вздрогнул от удивления. Перед ним стоял какой-то незнакомец, настоящий джентльмен!

— Не путайся, Торби, — сказал незнакомец папиным голосом, — Все в порядке, сынок.

— Папа?

— Да, сынок. Прости, что напугал тебя, мне следовало сперва изменить внешность, а уж потом входить. Но так уж получилось, — он принялся снимать свою элегантную одежду.

Стянув вечерний парик, Баслим стал более похож на себя... Вот только...

— Пап, что у тебя с глазом?

— Глаз? Ах, это... его так же легко вынуть, как и вставить. С двумя глазами я выгляжу лучше, верно?

— Не знаю, — Торби с опаской посмотрел на глаз. — Что-то он мне не нравится.

— Вот как? Ну что ж, тебе не часто придется видеть меня в этом облики. Но уж коли ты проснулся, то можешь мне помочь.

Но проку от Торби было немного. Все, что проделывал сейчас Баслим, было для него в диковинку. Сначала Баслим вытащил чашки и миски из буфета, в задней стенке которого обнаружилась еще одна дверца. Затем он вынул искусственный глаз и, осторожно развинтив его на две части, пинцетом достал из него крохотный цилиндр.

Торби наблюдал за его действиями, не понимая ничего, но отмечая, что движения отца отличаются необыкновенной осторожностью и ловкостью. Наконец Баслим сказал:

— Ну вот, все в порядке. Посмотрим, получились ли у меня картинки.

Вставив цилиндрик в микропроектор, он посмотрел пленку и с мрачной улыбкой сказал:

— Собирайся. Позавтракать мы не успеем. Можешь взять с собой кусок хлеба.

— Что случилось?

— Быстрее. Время не ждет.

Торби надел набедренную повязку, разрисовал и измазал грязью лицо. Баслим ждал его, держа в руках фотографии и небольшой плоский цилиндрик размером в полминима. Показав фото Торби, произнес:

— Посмотри. Запомни это лицо, — и забрал фотографию. — Ты сможешь узнать этого человека?

— Э-э... дай-ка взглянуть еще разок.

— Ты должен узнать его. Смотри внимательнее.

Торби посмотрел внимательнее и вернул снимок.

— Я его узнаю.

— Ты найдешь его в одном из баров возле космопорта. Сперва загляни к Мамаше Шаум, потом в «Сверхновую», затем в «Деву под вуалью». Если там его не будет, ищи на улице Радости, пока не найдешь. Ты обязан разыскать его до начала третьего часа.

— Найду, пап.

— Затем положишь в свою миску несколько монет и вот эту штуку. Можешь плести ему все что угодно, только не забудь, что ты — сын Калеки Баслима.

— Я все понял, папа.

— Тогда ступай.

По дороге к космопорту Торби не тратил времени зря. Накануне был карнавал Девятой Луны, и прохожих на улице почти не было, так что мальчик не стал делать вид, будто собирает подаяние, а двинулся кратчайшим путем через задние дворы, заборы и проулки, стараясь не попадаться на глаза заспанным ночным патрульным. До места он добрался быстро, но нужного человека найти не смог: того не оказалось ни в одной из указанных Баслимом пивнушек, ни в других заведениях на улице Радости. Срок уже истекал, и Торби начинал тревожиться, когда вдруг увидел мужчину, выходящего из бара, в котором мальчик уже побывал.

Торби быстрым шагом пересек улицу и поравнялся с незнакомцем. Рядом с ним шел еще один человек — и это было плохо. Но Торби все же приступил к делу.

— Подайте, благородные господа! Подайте от щедрот своих...

Второй мужчина кинул ему монетку. Торби поймал ее ртом.

— Будьте благословенны, господин... — и повернулся к нужному человеку. — Умоляю вас, благородный сэр. Не откажите несчастному в милостыне. Я сын Калеки Баслима и...

Второй мужчина дал ему оплеуху.

— Поди прочь!

Торби увернулся.

— ... сын Калеки Баслима. Бедному старому Баслиму нужны еда и лекарства, а я — один-единственный сын...

Человек с фотографии полез за кошельком.

— Бросьте, — посоветовал ему спутник. — Все эти нищие — ужасные лгуны, и я дал ему достаточно, чтобы он оставил нас в покое.

— На счастье... перед взлетом, — ответил человек с фотографии. — Ну-ка, что там у нас? — и, сунув пальцы в кошелек, заглянул в миску и что-то положил туда.

— Благодарю вас, господа. Да пошлет вам судьба сыновей.

Торби отбежал в сторону и заглянул в миску. Крошечный плоский цилиндрик исчез.

Потом он неплохо поработал на улице Радости и, прежде чем идти домой, заглянул на площадь. К его удивлению, отец сидел на своем излюбленном месте у помоста для торгов и смотрел в сторону космодрома. Торби присел рядом.

— Все в порядке.

Старик что-то пробурчал в ответ.

— Почему ты не идешь домой, пап? Ты, должно быть, устал. Того, что я собрал, нам вполне хватит.

— Помолчи. Подайте, господа! Подайте бедному калеке!

В третьем часу в небо с пронзительным воем взмыл корабль. Лишь когда его рев затих, старик чуть-чуть расслабился.

— Что это был за корабль? — спросил Торби. — Это не синдонианский лайнер.

— Вольный Торговец «Цыганочка». Пошел к станциям Кольца... на нем улетел твой приятель. А теперь ступай домой и позавтракай. Хотя нет, лучше зайди куда-нибудь, ты это заслужил.

Отныне Баслим не скрывал от Торби своих занятий, не имевших отношения к нищенствованию, но и не объяснял ему, что к чему. Бывали дни, когда на промысел выходил лишь один из них, и в таких случаях нужно было идти на площадь, поскольку выяснилось, что Баслима очень интересуют взлеты и посадки кораблей, особенно невольничьих, равно как и аукционы, которые проводились сразу же после прибытия таких судов.

Обучаясь, Торби приносил старику все больше пользы. Баслим, по-видимому, был уверен в том, что у всякого человека хорошая память, и пользовался любой возможностью, чтобы внушить свою уверенность мальчику, несмотря на его недовольное ворчание.

— Пап, неужели ты думаешь, что я смогу все запомнить? Ты мне даже посмотреть не дал!

— Я показывал страницу не меньше трех секунд. Почему ты не прочел, что здесь написано?

— Ничего себе! Да у меня времени не было!

— А я прочел. И ты можешь. Торби, ты видел на площади жонглеров? Помнишь, как старый Мики, стоя на голове, жонглировал девятью кинжалами да еще крутил на ногах четыре обруча?

— Да, конечно.

— Ты мог бы делать так же?

— Ну... не знаю.

— Кого уютно можно научить жонглировать... для этого нужно лишь не жалеть времени и оплеух, — старик взял ложку, карандаш и нож и запустил их в воздух. Через несколько секунд он уронил один пред-

мет и вновь обратился к мальчику: — Когда-то я немножко занимался этим для забавы. Что же касается жонглирования мыслями, то... ему тоже может научиться любой.

— Покажи мне, как это делать, пап.

— В другой раз, если будешь себя хорошо вести. А сейчас ты учишься правильно пользоваться своими глазами. Торби, жонглирование мыслями было придумано давным-давно одним мудрым человеком, доктором Рэншоу с планеты Земля. Ты, наверное, слышал о Земле?

— Э-э... ну конечно, я слышал.

— Только, мне кажется, ты не веришь в ее существование.

— Ну, я не знаю... но все эти рассказы о замерзшей воде, которая падает с неба, о людоедах десятифутовой высоты, о башнях, которые выше Президиума, о крошечных людях, которые живут на деревьях... Пап, я же не дурак.

Баслим вздохнул и подумал о том, что с тех пор, как у него появился сын, ему приходилось вздыхать уже не одну тысячу раз.

— В этих легендах намешано много всякой чепухи. Как только ты научишься читать, я дам тебе книги с рисунками, которым можно верить.

— Но я уже умею читать.

— Тебе только кажется, что умеешь. Земля действительно существует, Торби. Это и впрямь необыкновенная и прекрасная планета, самая необыкновенная из планет. Там жило и умерло очень много мудрых людей, разумеется, при соответствующем соотношении дураков и мерзавцев. Кое-что из той мудрости дошло и до нас. Сэмюэль Рэншоу был как раз одним из таких мудрецов. Он доказал, что большинство людей проводит свою жизнь как бы в полусне. Более того, ему удалось показать, каким образом человек может пробудиться полностью и жить по-настоящему: видеть глазами, слышать ушами, чувствовать языком вкус, думать мозгами и хорошенько запоминать то, что он видел, слышал, ощущал, о чем мыслил, — старик показал мальчику свою культю. — Потеряв ногу, я не стал калекой. Своим единственным глазом я вижу больше, чем ты двумя. Я мало-помалу гложу, но я не так глух, как ты,

ибо запоминаю все, что слышал. Так кто из нас калека? Но ты не вечно будешь калекой, сынок, поскольку я намерен обучать тебя по методике Рэншоу, даже если мне придется вколачивать знания в твою тупую башку!

По мере того как Торби учился пользоваться мозгами, он обнаружил, что ему это нравится; мальчик превратился в ненасытного читателя, и Баслиму каждую ночь приходилось приказывать ему выключить проектор и ложиться спать. Многое из того, чем его заставлял заниматься старик, казалось Торби ненужным. Например, языки, которых он никогда не слышал. Однако для его разума, вооруженного новыми знаниями, эти языки оказались просты, и, когда мальчик нашел у старика катушки и пленки, которые можно было прочесть и прослушать на этих «бесполезных» языках, он внезапно понял, что знать их вовсе нелишне. Он любил историю и галактографию; его собственный мир, раскинувшийся на световые годы в физическом пространстве, оказался на деле едва ли не теснее невольничьего барака. Торби открывал для себя новые горизонты с таким же удовольствием, с каким ребенок изучает свой кулачок.

В математике он не видел смысла за исключением тех случаев, когда надо было на деле применять варварское искусство считать деньги. Но в конце концов он решил, что какого-то особого смысла и доискиваться не стоит. Математика — это игра вроде шахмат, только еще интереснее.

Порой старик задумывался, зачем все это нужно. Баслим уже понял, что мальчик оказался куда одареннее, чем он предполагал. Но пригодятся ли ему эти знания? Быть может, они лишь заставят его разочароваться в жизни? Какая судьба ждет на Джуббуле нищего раба? Ноль, возведенный в энную степень, так нулем и останется.

— Торби!

— Да, пап. Подожди чуть-чуть, я как раз на середине главы.

— После дочитаешь. Я хочу поговорить с тобой.

— Да, мой господин. Да, мой хозяин. Сию минуту, босс.

— И разговаривай повежливее.

- Прости, пап. О чем ты хотел поговорить?
- Сынок, что ты будешь делать, когда я умру?

На лице Торби появилось выражение замешательства.

- Ты плохо себя чувствуешь, пап?

— Нет. Мне кажется, что я смогу протянуть еще много лет. Но может случиться и так, что завтра я не проснусь. В моем возрасте ни в чем нельзя быть уверенным. Что ты будешь делать в этом случае? Займешь мое место на площади?

Торби молчал, и Баслим продолжал:

— Ты не сможешь нищенствовать, и мы оба знаем это. Ты уже вырос и не сможешь достаточно убедительно рассказывать свои сказки. Прохожие верили им, пока ты был маленьким, но не теперь.

— Я не собираюсь сидеть у тебя на шее, пап, — тихо произнес Торби.

- Разве я на это сетовал?

— Нет, — нерешительно ответил Торби, — я... ну, словом, я думал об этом. Ты мог бы сдавать меня внаем куда-нибудь, где требуются рабочие руки.

Старик гневно взмахнул рукой.

— Это не решение. Нет, сынок! Я собираюсь отослать тебя отсюда.

- Но ты обещал, что не станешь этого делать!

- Я ничего не обещал.

— Но мне вовсе не нужна свобода! Если ты освободишь меня, что ж, я останусь с тобой.

- Я имел в виду нечто другое.

После долгой паузы Торби спросил:

- Ты собираешься продать меня, пап?

- Не совсем. В общем... и да и нет.

Лицо Торби ничего не выражало. В конце концов он спокойно произнес:

— Так или иначе... я знаю, что ты имеешь в виду... и я полагаю, возражения тут неуместны. Это твое право, и ты был лучшим хозяином в моей жизни.

- Я тебе не хозяин!

— По бумагам выходит, что как раз наоборот. Это же подтверждает номер у меня на ноге.

- Прекрати! Никогда так не говори!

— Раб должен говорить именно так, либо вообще молчать.

— В таком случае умолкни ради бога! Давай-ка я все тебе объясню, сынок. Здесь тебе не место, и мы оба это знаем. Если я умру, не успев освободить тебя, при Саргоне ты вновь станешь тем, кем был.

— Пусть сперва поймают меня!

— Поймают. Но, даже дав тебе вольную, я не решу твоих проблем. Что ждет вольноотпущенника? Нищенство? Возможно. Но ты вырос, и тебе все труднее попрошайничать. Большинство вольноотпущенников, как ты знаешь, продолжает работать на своих прежних хозяев, ибо рожденные свободными не любят копаться в дерьме. Они недолюбливают вольноотпущенников и ни за что не соглашаются работать вместе с ними.

— Не беспокойся, пап. Я не пропаду.

— А я и не беспокоюсь. Так что слушай меня. Я собираюсь продать тебя одному знакомому, который вывезет тебя с планеты. На обычном корабле, не на невольничьем. Но вместо того чтобы доставить тебя туда, куда положено по грузовой декларации...

— Нет!

— Придержи язык! Тебя отвезут на планету, где рабовладение преследуется по закону. Не могу сказать, куда именно, потому что не знаю маршрута корабля и даже того, на какой именно звездолет ты попадешь; детали еще надо будет продумать. Но я уверен, что ты сумеешь хорошо устроиться в любом свободном обществе.

Баслим умолк, чтобы еще раз взвесить и оценить мысль, которая пришла ему в голову. Быть может, послать парня на планету, где родился он сам, Баслим? Нет. И не только потому, что это очень трудно устроить, но и потому, что там не место для молокососа-эмигранта... Нужно отправить его в один из пограничных миров, где человеку достаточно острого ума и трудолюбия. Есть немало таких планет, к которым проложены торговые пути из Девяти Миров. Баслим вновь пожалел о том, что не смог узнать, откуда Торби родом. Может быть, дома у него есть родственники, люди, которые помогли бы мальчику. Черт побери, для этого пришлось бы вести поиски по всей Галактике!

— Это все, что я могу сделать, — продолжал Баслим. — От момента продажи до старта корабля тебе

придется побыть на положении раба, но что значит несколько недель по сравнению с возможностью...

— Нет!

— Не дури, сынок.

— Может быть, я говорю глупости. Но делать этого я не буду. Я остаюсь.

— Вот как? Сынок, мне неприятно это говорить, но ты не можешь мне помешать.

— Да?

— Ты сам говорил, что у меня есть бумаги, в которых сказано, что я имею право тебя продать.

— Ох...

— Иди спать, сынок.

Баслим не мог уснуть. Часа через два после разговора он услышал, как Торби тихонько поднялся. По шорохам Баслим мог проследить каждое его движение. Торби оделся (то есть попросту обмотался набедренной повязкой), вышел в соседнюю комнату, порылся в хлебнице, напился впрок воды и ушел. Его миска для подаяний осталась дома: он даже не приблизился к полке, на которой та обычно стояла.

После его ухода Баслим повернулся на другой бок и попытался уснуть, но сон не шел. Старику было слишком больно. Ему и в голову не пришло остановить мальчика: Баслим слишком уважал себя, чтобы не признавать права других на самостоятельные решения.

Торби не было четверо суток. Он вернулся ночью, и Баслим слышал его шаги, но и теперь не сказал мальчику ни слова. Зато он впервые смог уснуть спокойным и глубоким сном. Утром он встал как обычно и произнес:

— Доброе утро, сынок.

— Доброе утро, пап.

— Займись завтраком. Мне нужно кое-что сделать.

Вскоре они сидели за столом, на котором стояли миски с горячей кашей. Баслим, как всегда, ел аккуратно и равнодушно. Торби только ковырял кашу ложкой.

— Так когда ты собираешься продать меня? — наконец выпалил он.

— А я и не собираюсь.

— Вот как?

— В тот день, когда ты убежал, я сходил в архив и выправил вольную грамоту. Теперь ты свободный человек, Торби.

Торби с испугом посмотрел на старика и впериł взор в миску. Маленькие горки каши, которые он нагребал ложкой, тут же расплывались. Наконец он сказал:

— Мне этого вовсе не хотелось.

— Если бы тебя поймали, то поставили бы клеймо беглого раба, а я хотел этого избежать.

Торби задумался.

— М-да... извини, пап, боюсь, я вел себя глупо. Спасибо тебе.

— Ты прав. Но я думал не о наказании; порка и тавро — такие штуки, о которых быстро забываешь. Я думал о том, что после второй поимки все могло бы быть гораздо хуже. Лучше уж сразу быть укороченным, чем пойманным после клеймения.

Торби совсем забыл о своей каше.

— Пап, а что делает с человеком лоботомия?

— Ммм... в общем-то, лоботомия облегчает труд на ториевых шахтах... впрочем, давай-ка не будем говорить о таких вещах за столом. Ты поел? Тогда бери миску для подаяний и не теряй времени. Нынче утрое аукцион.

— Ты хочешь сказать, что я могу остаться?

— Здесь твой дом.

С того дня Баслим больше не предлагал мальчику уйти. Освобождение Торби ничего не изменило ни в их распорядке дня, ни в их взаимоотношениях. Торби сходил в Имперские Архивы, заплатил налог и дал на лапу, как полагалось в таких случаях. После этого номер на его теле был перечеркнут татуированной линией, а рядом выкололи печать Саргона, номер книги и страницы, на которой было записано, что он отныне свободный гражданин Саргона, обязанный платить налоги, нести воинскую службу и голодать без помех.

Служащий, наносивший на номер Торби линию, взглянул на цифры и сказал:

— Непохоже, чтобы метку тебе нанесли при рождении, а, парень? Что, обанкротился твой старик? Или предки тебя продали, чтобы сбавить?

— Не твое дело!

— Полегче, парень, или ты узнаешь, что иголка может колоть больнее. А теперь отвечай мне вежливо. На тебе метка перекупщика, а не владельца, и, судя по тому, как она расплылась и выцвела, тогда тебе было пять-шесть лет. Так когда и где тебе ее тиснули?

— Я не знаю. Право же, не знаю!

— Вот как! То же самое я говорю своей жене каждый раз, когда она задает всякие вопросы... да не дергайся ты! Я уже почти закончил. Ну что ж... поздравляю тебя с вступлением в ряды свободных людей. Я и сам-то получил свободу всего пару лет назад, и вот что я хочу сказать тебе, парень: да, ты почувствуешь свободу, но это не значит, что тебе всегда будет легче жить.

Глава 4

У Торби пару дней болела нога, а во всех остальных отношениях его жизнь мало изменилась после освобождения. Правда, он и впрямь уже не мог быть «хорошим» попрошайкой: здоровому юноше подавали куда меньше, чем изможденному ребенку. Баслим зачастую просил Торби отвести его на площадь, а потом отсылал с поручением или отправлял домой учиться. Но в любом случае один из них всегда сидел на площади. Порой Баслим куда-то исчезал, даже не предупредив сына, и Торби приходилось весь день сидеть там, наблюдая за прибытием и отправлением кораблей, запоминая все, что происходило на аукционе, и собирая сведения о прибывших и стартовавших звездолетах с помощью зевак, шатающихся возле космопорта, женщин без вуалей и посетителей пивнущек.

Как-то раз Баслим исчез на целых две девятидневки; когда Торби проснулся, старика не было дома. Он отсутствовал гораздо дольше, чем когда бы то ни было. Торби пытался убедить себя, что отец сможет позаботиться о себе в любой обстановке, но перед его мысленным взором постоянно мелькала картина: Баслим, лежащий где-нибудь в сточной канаве. Тем не менее он продолжал ходить на площадь, посетил три аукциона и записал все, что видел и был в состоянии понять.

Наконец Баслим вернулся. Он сказал лишь:

— Почему ты записывал вместо того, чтобы запомнить?

— Я запоминал, но боялся забыть. Ведь было так много всего!

— Эх-хх!

После этого Баслим стал еще более молчаливым и сдержанным, чем был до сих пор. Торби думал, что отец, возможно, чем-то огорчен, но задавать такие вопросы Баслиму было бесполезно. Как-то раз ночью старик сказал:

— Сынок, мы так и не решили, что ты будешь делать после моей смерти.

— Как это? Ведь мы все выяснили! Это мои сложности, пап!

— Нет, я лишь отсрочил обсуждение из-за твоего тупого упрямства. Но у нас нет времени ждать. У меня есть для тебя кое-какие указания, и ты должен будешь их выполнить.

— Погоди-ка, пап! Если ты думаешь, что тебе удастся хитростью заставить меня уйти от тебя...

— Да помолчи ты! Я же сказал: «Когда меня не станет», то есть, когда я умру, ясно? Я не говорю об этих моих отлучках по делам. Так вот, ты найдешь одного человека и передашь ему послание. Я могу положиться на тебя? Ты ничего не упустишь? Не забудешь?

— Что ты, папа! Конечно! Но мне не нравится слушать такие речи. Ты будешь жить долго и даже, может быть, меня переживешь.

— Возможно. Ну, а теперь молчи, слушай и делай то, что я тебе скажу.

— Да, сэр.

— Ты найдешь этого человека (на это может уйти некоторое время) и передашь ему послание. Затем он кое-что поручит тебе... я надеюсь. Мне бы хотелось, чтобы ты в точности исполнил все, что он велит. Обещаешь?

— Конечно, пап, ведь это твое желание.

— Можешь считать это последней услугой старику, который старался сделать для тебя все, что в его силах, и сделал бы еще больше, будь он на это способен. Это

последнее, чего я хочу от тебя, сынок. Не утруждай себя сжиганием жертвоприношений за упокой моей души, сделай лишь две вещи: передай послание и исполни все, что велит этот человек.

— Я обещаю, папа, — торжественно ответил Торби.

— Ну вот и хорошо. А теперь за дело.

«Нужный человек» мог оказаться одним из пяти. Все они были шкиперами Вольных Торговцев, их корабли не были приписаны к портам Девяти Миров, просто иногда брали здесь груз. Просмотрев список, Торби сказал:

— Насколько я помню, пап, только один из этих кораблей садился в нашем порту.

— Все они бывали тут, всяк в свое время.

— Но один из них может появиться здесь еще очень нескоро.

— Возможно, придется ждать годы. Но когда это произойдет, ты должен немедленно доставить послание.

Послание было коротким, но запомнить его оказалось нелегко, потому что оно было составлено на трех языках — в зависимости от того, кто окажется получателем. И ни одного из этих языков Торби не знал. Баслим не стал объяснять смысла сообщения — он лишь потребовал, чтобы оно было заучено наизусть на всех трех языках.

После того как Торби в седьмой раз проямлил третий вариант, Баслим в отчаянии заткнул уши.

— Нет, нет, так не пойдет, сынок! Этот акцент!

— Но я стараюсь, — упрямо ответил Торби.

— Знаю. Я хочу, чтобы послание можно было понять. Ты помнишь, как я усыпил тебя и говорил с тобой, пока ты спал?

— Ммм... да я каждый вечер сонный. И сейчас тоже.

— Тем лучше.

Баслим погрузил мальчика в легкий транс. Это оказалось непросто, потому что Торби стал менее восприимчив к гипнозу, чем в детские годы. Все же Баслиму это удалось. Затем он записал послание в гипнотизатор, запустил его и проиграл мальчику, после чего дал постгипнотическую установку, по которой сын, проснувшись, должен был в точности воспроизвести весь текст.

У Торби получилось. В течение последующих двух ночей Баслим ввел ему в память послание на двух оставшихся языках, а потом неоднократно проверял выученное. Услышав имя шкипера и название корабля, Торби должен был произносить текст на соответствующем языке.

Баслим никогда не посылал Торби за пределы города: рабу требовалось специальное разрешение на поездку, и даже свободные граждане должны были отмечаться в дни отъезда и приезда. Но по столице Торби пришлось побегать. Спустя три девятидневки после заучивания текстов Баслим дал ему записку, которую нужно было доставить в окрестности космопорта, бывшего скорее особой зоной Саргона, чем городским районом.

— Надень свой знак вольноотпущенника, а миску оставь дома. Если тебя остановит полицейский, скажи, что ты ищешь какую-нибудь работу в порту.

— Он решит, что я сошел с ума.

— Но пропустит тебя внутрь. Они нанимают вольноотпущенников дворниками или чернорабочими. Записку держи во рту. Кого ты должен найти?

— Невысокого рыжеволосого человека, — повторил Торби, — с большой бородавкой над левой ноздрей. Он держит закусочную напротив главных ворот. Бороды у него нет. Я должен купить у него пирожок с мясом и сунуть записку вместе с деньгами.

— Все верно.

Торби нравилось ходить в новые, незнакомые места. Он не удивлялся тому, что отец на полдня отправил его в поход вместо того, чтобы связаться, с кем нужно, по видеофону: люди их круга не пользовались такой роскошью. Что до королевской почты, то мальчику не доводилось получать или отправлять писем, и он считал почту самым ненадежным способом связи.

По пути к космопорту Торби предстояло миновать заводской район. Ему нравилась эта часть города: здесь постоянно происходило что-нибудь интересное, район шумный, оживленный. Торби перебегал дорогу перед самым носом грузовиков и весело отвечал на брань водителей. Он заглядывал во все открытые двери, гадая, зачем нужны все эти механизмы и как это рабочие умудряются целый день простоять на одном месте,

вновь и вновь проделывая одну и ту же операцию — они же не рабы, в конце концов. Наверняка они свободные люди: рабам не разрешалось работать на силовых установках, разве что на плантациях, — из-за этого в прошлом году едва не вспыхнуло восстание, и Саргону пришлось вмешиваться, чтобы защитить интересы свободных работников.

Правда ли, что Саргон не спит и видит своим глазом все, что происходит в Девяти Мирах? Отец сказал, что все это чепуха и Саргон — такой же человек, как все. Но как тогда ему удалось стать Саргоном?

Миновав заводской район, мальчик оказался возле космоверфи. В такую даль его еще не заносило. Тут стояло на капитальном ремонте несколько звездолетов, два корабля поменьше только строились, их окутывали стальные кружева лесов. При виде кораблей у Торби чаще забилось сердце, ему вдруг нестерпимо захотелось улететь куда-нибудь. Да, он уже путешествовал на корабле, целых два раза — а может быть, даже три? — но это было давно, и он не желал лететь в невольничьем отсеке. Разве такой перелет назовешь путешествием?

Торби так увлекся, что едва не прошел мимо закусочной. Он вспомнил о ней, лишь заметив главные ворота. Они были вдвое шире обычных и охранялись, а над ними изгибалась большая вывеска, увенчанная гербом Саргона. Закусочная располагалась прямо напротив; Торби проскользнул сквозь поток машин, снующих в воротах, и вошел в заведение.

За стойкой стоял не тот человек, который был нужен Торби: лысый, но оставшиеся волосы — черные, и никаких бородавок на носу.

Торби вышел на улицу и, с полчаса побродив вокруг, вернулся обратно. Нужный человек так и не появился. Буфетчик явно заметил, что мальчик что-то высматривает, поэтому Торби подошел к нему и спросил:

— У вас есть сок солнечной ягоды с мякотью?

Буфетчик осмотрел его с ног до головы.

— Гони деньги.

Торби уже привык к проверкам своей платежеспособности. Он выудил монетку. Осмотрев ее, буфетчик откупорил бутылку.

— У стойки не пей, мне нужны места.

Свободных табуреток было полно, но Торби не обиделся: он сознавал, какое место занимает в обществе. Мальчик отошел от стойки, но не настолько далеко, чтобы навлечь на себя подозрение в попытке умыкнуть пустую бутылку, и начал медленно пить. Посетители входили и выходили, и мальчик внимательно разглядывал каждого из них, надеясь, что рыжий, возможно, уйдет на кухню обедать. И вообще он держал ухо востро.

Наконец буфетчик посмотрел на Торби.

— Ты что, собираешься выпить сок вместе с бутылкой?

— Уже допил, спасибо. — Торби поднялся, отставил бутылку и сказал: — Последний раз, когда я тут был, здесь был рыжий хозяин...

Буфетчик опять посмотрел на него.

— Ты приятель Рыжего?

— Ну, не совсем. Просто видел несколько раз, когда заходил хлебнуть холоденького.

— Покажи твое удостоверение.

— Что? Да мне вовсе не нужно...

Буфетчик хотел схватить его за руку, но Торби, как и любой нищий, прекрасно умел уворачиваться от тычков, пинков и затрещин, так что тот поймал лишь воздух.

Он выбежал из-за стойки, но Торби уже бросился к выходу, стремясь затеряться в уличной толчее. Он уже почти пересек улицу, сделав два резких поворота, когда заметил, что бежит к воротам, а буфетчик что-то кричит стоящим около них стражникам.

Торби развернулся и нырнул в поток машин. К счастью, движение было насыщенным, потому что дорога обслуживала космопорт. Парень трижды едва не угодил под колеса, заработав несколько ссадин. Потом он увидел поперечную улицу, заканчивающуюся сквозным проходом, проскользнул между двумя грузовиками, свернул в проулок, а потом еще раз, в первую же подворотню. Пробежав немного, он остановился за углом и прислушался.

Погони не было слышно.

Торби не раз приходилось спасаться бегством, и он не боялся преследования. Побег состоит из двух дейст-

вий: собственно отрыв от погони и отход, дабы обезопасить себя от случайностей. Первую задачу он выполнял, и теперь оставалось лишь покинуть район так, чтобы его не засекли, — медленным шагом, без подозрительных движений. Путая следы, он удалился от центра города, повернул налево на поперечную улицу, затем еще раз налево, в переулок, и теперь находился где-то позади закусочной; такую тактику он выбрал чисто подсознательно. Погоня будет двигаться от центра, и в любом случае его не станут искать возле закусочной. Торби прикинул, что через пять-десять минут буфетчик вернется за стойку, а стража — к воротам: они не могли оставлять свои посты без присмотра. В общем, Торби мог спокойно пройти по переулку и отправиться домой.

Он осмотрелся. Вокруг раскинулись пустыри. Земля на продажу, еще не застроенная фабриками, лавчонками, конторами мелких дельцов, лачугами и прогорающими мастерскими. Торби увидел, что стоит на задах маленькой ручной прачечной. Здесь торчали шесты, висели веревки, валялись деревянные корыта. Из трубы в пристройке валил пар. Торби сообразил, что закусочная через два дома отсюда. Он вспомнил выведенную от руки вывеску: «Домашняя прачечная «Маджестик». Самые низкие цены».

Можно было обойти здание и... но сперва лучше проверить. Торби распластался на земле и осторожно выглянул из-за угла, предварительно осмотрев переулок у себя за спиной.

О черт! По переулку шли двое патрульных. И дал же он маху! Они не прекратили погоню, а объявили общую тревогу. Озираясь, Торби подался назад. Куда деваться? В прачечную? Нет. В сарай во дворе? Преследователи заглянут и туда. Остается только бежать... чтобы угодить в лапы другого патруля. Торби знал, что патрули могут оцепить район очень быстро. На площади он сумел бы проскользнуть сквозь самую густую цепь, но здешние места ему незнакомы.

Его взгляд упал на перевернутое корыто... и мгновение спустя Торби уже заползал под него. Здесь было очень тесно: колени пришлось поджать к подбородку, а в спину вонзились какие-то щепки. Он испугался, что

набедренная повязка, возможно, торчит из-под корыта, но сделать уже ничего было нельзя: слышались чьи-то шаги. Они замерли рядом с корытом, и мальчик затаил дыхание. Кто-то влез на днище и стоял на нем.

— Эй, мать! — раздался мужской голос. — Давно ты здесь?

— Давно. Не задень шест, а то уронишь мне белье!

— Мальчишку видела?

— Какого мальчишку?

— Молодого, но высокого, как взрослый. С пушком на подбородке. В набедренной повязке, без сандалий.

— Кто-то, — раздался безразличный женский голос, — промчался тут, словно за ним черти гнались. Я не успела его разглядеть, веревку натягивала.

— Так это он и есть, наш мальчишка! Куда он делся?

— Прыгнул через забор и шмыгнул между теми домами.

— Спасибо, мать! Пошли, Джуби!

Торби ждал. Женщина продолжала возиться, стоя на корыте; дерево скрипело под ее ногами. Потом она слезла на землю и села на корыто. Легонько постучав, она тихо сказала:

— Сиди, где сидишь, — и мгновение спустя Торби услышал, как она уходит.

Торби ждал, пока не заныли кости. Но он решил сидеть до темноты. Конечно, был риск попасться ночному патрулю, который останавливает всех, кроме знати и своих же коллег-патрульных, но выбраться отсюда засветло было и вовсе невозможно. Торби не мог понять, с какой стати ради него объявили общую тревогу, но выяснять это ему совсем не хотелось. Время от времени он слышал, как кто-то — может быть, та женщина? — ходит по двору.

Наконец, примерно через час, он услышал скрип несмазанных колес. Кто-то постучал по корыту.

— Когда я подниму корыто, сразу же прыгай в тележку. Она прямо перед тобой.

Торби не ответил. Дневной свет резанул глаза, он заметил маленькую тележку и в следующее мгновение уже сидел в ней, сжавшись в комочек. На него навалили груду белья. Но прежде чем белье закрыло ему

обзор, он увидел, что корыто со всех сторон обвешано веревками, на которых висели простыни, скрывая его от постороннего взгляда.

Чьи-то руки разложили вокруг Торби тюки, и он услышал голос:

— Сиди тихо и жди команды.

— Хорошо, и миллион благодарностей! Когда-нибудь я отплачу вам за вашу доброту.

— Забудь об этом, — женщина тяжело вздохнула. — У меня когда-то был муж. Теперь он на рудниках. Меня не интересует, что ты там натворил. Но патрулю я никого не сдам.

— Ой, я очень сожалею...

— Умолкни!

Маленькая тележка затряслась, подскакивая на ухабах, и вдруг Торби почувствовал, что под колесами — ровное покрытие. Тележка вдруг остановилась; женщина стала перекладывать узлы, отошла куда-то на несколько минут, затем вернулась и взвалила на тачку тюки с грязным бельем. Только профессиональное смирение нищего помогло Торби выдержать все это.

Прошло немало времени, прежде чем повозка опять запрыгала на ухабах. Она остановилась, и женщина вполголоса произнесла:

— По моему сигналу ты выпрыгиваешь направо и уходишь. Поторопись.

— Понял. И еще раз спасибо!

— Молчи! — Тачка прокатилась еще немного, замедляя ход, и женщина скомандовала: — Давай!

Торби мгновенно отбросил узлы с бельем, выпрыгнул и приземлился на ноги. Прямо перед ним виднелся проход между двумя зданиями, ведущий на улицу. Торби рванул по нему, не забывая оглядываться через плечо.

Тачка скрылась за углом. Мальчик так и не увидел лица ее хозяйки.

Два часа спустя он оказался в знакомом районе. Опустившись на землю рядом с Баслимом, сказал:

— Плохи дела.

- Почему?
- Ищейки. Их там было целое полчище.
- Подайте, благородный господин!.. Ты проглотил записку?.. Подайте во имя ваших родителей!
- Конечно!
- Держи миску! — Баслим сам стал на руки и одно колено и пополз прочь.
- Пап! Давай я тебе помогу.
- Оставайся на месте.

Торби остался, обиженный тем, что отец не захотел выслушать его рассказ. После наступления темноты он поспешил домой. Баслим сидел на кухне среди вороха барахла и нажимал кнопки диктофона и проектора одновременно. Торби взглянул на проецируемую страницу и отметил, что текст написан на непонятном ему языке, а в каждом слове — семь букв, не больше и не меньше.

- Привет, пап! Сделай ужин?
- Тут негде... и некогда. Поешь хлеба. Что произошло сегодня?

Умывая хлеб, Торби рассказал ему о своих приключениях. Баслим только кивнул.

- Ложись. Придется опять гипнотизировать тебя. У нас впереди длинная ночь.

Материал, который диктовал Баслим, состоял из цифр и бесчисленных трехсложных слов, в которых мальчик не видел смысла. Легкий транс принес приятную сонливость, и слышать голос Баслима, доносящийся из диктофона, было тоже приятно.

Во время очередного перерыва, когда Баслим приказал ему проснуться, Торби спросил:

- Пап, для кого все эти послания?
- Если у тебя будет возможность передать их, ты узнаешь, не сомневайся. А возникнут сложности — попроси погрузить тебя в легкий транс, и все вспомнится.
- Кого попросить?
- Его. Неважно. А теперь засыпай. Ты спишь, — старик щелкнул пальцами.

Диктофон продолжал бормотать. У полусонного мальчика появилось ощущение, что Баслим куда-то уходил и только что вернулся. Протез его был пристегнут, что весьма удивило Торби: отец надевал его только дома.

Затем до него донесся запах дыма, и он рассеянно подумал, что на кухне что-то горит и надо пойти проверить. Но он был не в силах даже шевельнуться, и бессмысленные слова продолжали вливаться ему в уши.

Потом он вдруг осознал, что рассказывает Баслиму заученное.

— Я все правильно запомнил?

— Да. А теперь иди отдыхать. Остаток ночи можешь спать спокойно.

Утром Баслим ушел. Торби даже не удивился: последнее время поступки отца стали еще более непредсказуемы, чем раньше. Позавтракав, мальчик взял миску и отправился на площадь. Дела шли из рук вон плохо, отец был прав: Торби выглядел слишком здоровым и сытым, чтобы быть удачливым попрошайкой. Может, стоит научиться выкручивать суставы, как это делает Гринни-змееныш? Или достать контактные линзы с нарисованной катарактой?

Около полудня в порт прибыл грузовой звездолет, не значившийся в расписании. Наведя обычным способом справки, Торби выяснил, что это был Вольный Торговец «Сизу», приписанный к порту Новая Финляндия на планете Шива III.

Все эти сведения он, как всегда, должен был сообщить отцу при встрече. Однако шкипер «Сизу», капитан Крауза, входил в число тех пятерых, кому Торби должен был при первой возможности передать послание старика.

Мальчик заволновался. Он знал, что отец жив и здоров, и встречу с капитаном Краузой представлял себе как дело отдаленного будущего. Однако, быть может, отец ждет не дождется, когда прилетит «Сизу»? Торговцы появлялись и улетали, порой проводя в порту лишь несколько часов. И никто не знал, когда именно это может случиться.

Торби подумал, что он может добраться до дому за пять минут и впридачу, возможно, заслужит благодарность отца. В худшем случае старик выберет его за уход с поста на площади, но Торби сможет наверстать упущенное, прислушавшись к сплетням и пересудам.

Мальчик покинул площадь.

Руины старого амфитеатра протянулись на треть периметра нового. Дюжина лазов вела в лабиринт, который когда-то служил жилищем рабов, а оттуда бесчисленные ходы тянулись в ту часть развалин, где Баслим оборудовал себе жилье. И он сам, и Торби каждый раз выбирали новый путь домой и старались приходить и уходить незаметно для окружающих.

Мальчик торопливо зашагал к ближайшему лазу, но там стоял полицейский. Торби прошел мимо, сделав вид, будто направляется к маленькой овощной лавочке на улице, примыкавшей к развалинам. Остановившись, он заговорил с хозяйкой:

— Как дела, Инга? Нет ли у тебя подгнившей дыни, которую ты собираешься выбросить на помойку?

— Нет у меня никаких дынь.

Торби показал ей деньги.

— Как насчет вон той, побольше? Отдай мне ее за полцены, и я не стану обращать внимания на подпорченный бок, — он наклонился к хозяйке. — Чую я, тут пахнет жареным?

Она подмигнула, кивая на патрульного.

— Исчезни.

— Облава?

— Исчезни, я сказала.

Торби кинул на прилавок монетку, взял яблоко и пошел прочь, посасывая сок. Он не спешил.

Осторожная разведка показала, что развалины оцеплены полицией. У одного из входов под присмотром патрульных толпилась горстка встревоженных обитателей подземелья. По оценкам Баслима, тут нашли кров человек пятьсот. Торби в этом сомневался, поскольку ему лишь изредка доводилось видеть входящих в развалины людей и еще реже — слышать чужие шаги под землей. И только двоих из всех задержанных он знал в лицо.

Через полчаса Торби, с каждой минутой волновавшийся все больше, обнаружил лаз, о котором полиция, похоже, не знала. Понаблюдав за ним несколько минут, мальчик под прикрытием кустов шмыгнул вниз. Он тотчас же оказался в крошечной тьме и двигался осторожно, постоянно прислушиваясь. Полагали, что у полицейских есть очки, позволяющие видеть в темноте, но

Торби не был в этом уверен, потому что мрак нередко помогал ему избежать встречи с патрулем. И все же он решил не рисковать.

Внизу и правда была полиция: он услышал шаги двух легавых и увидел лучи фонариков, которыми те освещали путь. Если сыщики и имели очки ночного видения, у простых патрульных ничего подобного не было. Они явно что-то искали, держа наизготовку парализующие пистолеты. Но развалины были для Торби домом родным, а полицейские их совсем не знали. В течение двух лет парень дважды в день находил тут дорогу в крошечной тьме и поднаторел в спелеологии.

В этот момент они заметили его. Он бросился вперед, стремясь убежать от лучей их фонариков, отыскал лаз, ведущий на следующий уровень, прыгнул туда, нырнул в проход и затаился. Полицейские подошли к дыре, осмотрели узкий выступ, по которому Торби так ловко спустился в темноте, и один из них сказал:

— Без лестницы не обойтись.

— Да брось ты, мы найдем ступеньки или спуск, — и они ушли.

Торби немного выждал и выбрался из дыры.

Спустя несколько минут он уже был у своих дверей. Торби осматривался, прислушивался и принимался до тех пор, пока не убедился, что поблизости никого нет. Потом он подполз к двери и протянул палец к замку. И тут же понял: что-то не так.

Двери не было. Вместо нее зияла брешь.

Торби замер, напрягая все органы чувств. Пахло чужаками, но запах уже наполовину выветрился; не было слышно ни шороха, ни вдоха. Тишину нарушал только стук водяных капель, падавших из крана на кухне.

Торби решил осмотреться. Оглянувшись, он не увидел лучей фонариков, вошел в прихожую и повернул выключатель, установив самый слабый свет.

Но свет не зажегся. Мальчик перепробовал все положения переключателя. Тщетно. Он прошел через чистенькую комнату Баслима, огибая раскиданные по ней вещи, добрался до кухни и протянул руку к свечам. На обычном месте их не оказалось, но Торби все же

нашел одну штуку. Рядом лежали спички. Торби зажег фитиль.

Разгром и разорение!

И разгром этот свидетельствовал о том, что в доме был обыск, торопливый, но тщательный. Искали, не заботясь ни о чем. Содержимое всех шкафов и полок было вывалено на пол, там же валялись продукты. Матрасы в комнате вспороты, набивка вытащена. И все же в этом беспорядке угадывались признаки совершенно ненужного, бессмысленного вандализма.

Торби огляделся. Подбородок его дрожал, к глазам подступили слезы. У двери валялся протез отца, и Торби, увидев его сложный механизм, разбитый ударом тяжелого сапога, разразился рыданиями. Ему пришлось поставить свечу на пол, чтобы не уронить ее. Он поднял сломанную ногу, прижал ее к груди, словно куклу, и опустился на пол, стеноя и раскачиваясь из стороны в сторону.

Глава 5

Торби несколько часов просидел в темном коридоре неподалеку от своего разрушенного жилища, возле первой развилки. Тут он сможет услышать, как отец возвращается домой, а если появится полиция, успеет удрать.

Он почувствовал, что засыпает, вздрогнул, очнулся и решил, что неплохо бы узнать, который час: у Торби было такое ощущение, будто он сидит здесь не меньше недели. Вернувшись в каморку, он отыскал и опять зажег свечу. Но их единственные часы, их домашняя «Вечность», оказались разбитыми. Радиоактивная капсула, разумеется, продолжала отсчитывать время, но стрелки стояли. Торби посмотрел на них и заставил себя подумать о том, как ему теперь быть.

Будь отец на свободе, он бы уже вернулся. Но его схватила полиция. Может, они допросят его и отпустят?

Нет, не отпустят. Насколько было известно Торби, отец никогда не причинял вреда Саргону. С другой стороны, он уже давно знает, что Баслим — не просто безобидный старый нищий. Торби понятия не имел, зачем отец делал все то, что не вязалось с образом «безобидного старого нищего», но полиция, по-видимому, знала или подозревала. Примерно раз в год полицейские «чистили» развалины, бросая в самые подозри-

тельные лазы гранаты с рвотным газом; в итоге приходилось проводить пару ночей где-нибудь в другом месте, и только. На сей раз полицейские провели серьезную облаву. Они пришли, чтобы схватить отца, и что-то искали.

Полиция Саргона руководствовалась иными, чем юстиция, принципами: здесь было принято исходить из презумпции виновности, и к задержанному одна за другой применялись все более суровые меры воздействия, пока он не начинал говорить... Методы допроса были столь жестоки, что подследственные предпочитали признаться еще до начала дознания. Однако Торби был уверен, что полиции не удастся заставить отца говорить о том, о чем он захочет умолчать.

Так что допрашивать его будут долго.

Быть может, они уже мучают его в эту самую минуту. У Торби судорожно сжался желудок.

Он должен вырвать Баслима из их лап.

Но как? Разве может козьявка штурмовать Президиум? А шансы Торби были немногим выше, чем шансы козьявки. Баслим может сидеть в камере местного полицейского участка. Самое подходящее место для такой мелкой сошки. Но Торби испытывал необъяснимое ощущение, что отец не был мелкой сошкой... В таком случае он мог оказаться где угодно, хоть в застенках самого Президиума.

Торби мог бы отправиться в местный участок и спросить, куда девали его хозяина, однако тут же отбросил эту мысль: ведь его, как самого близкого человека, тоже стали бы допрашивать. Посадили бы в камеру и начали выколачивать ответы на те же вопросы, которые задают сейчас Баслиму, дабы проверить правдивость старика (если, конечно, он им что-то говорит).

Торби не был трусом, он просто понимал, что ножом воду не разрежешь. И все, что можно сделать для отца, придется делать исподволь. Он не мог «качать права», у него не было прав. Такая мысль даже не пришла ему в голову. Будь его карманы набиты стелларами, можно было бы решиться на подкуп. Но у Торби едва ли наберется два минима. Оставалось похищение, но для этого требовались точные сведения.

Он пришел к такому решению, как только понял, что полиция не освободит отца ни сейчас, ни позже. И все-таки в надежде на невозможное Торби написал записку, сообщая отцу, что вернется завтра, и положил ее на полочку для сообщений.

Когда он выглянул наружу, была уже ночь. Торби никак не мог сообразить, сколько времени он провел в подземелье — то ли полдня, то ли около полутора суток. Поэтому он изменил свои планы: он собирался найти зеленщицу Ингу и расспросить ее, но поскольку полиции поблизости не было, он мог спокойно идти куда угодно, не натываясь, разумеется, на ночные патрули. Но куда ему идти? Кто сможет или захочет снабдить его нужными сведениями?

У Торби были десятки друзей, сотни людей он знал в лицо. Однако на всех его знакомых распространялось действие комендантского часа. Торби встречался с ними днем и даже не знал, где они ночуют. Но поблизости было одно место, где комендантский час не соблюдался: заведения на улице Радости и в примыкавших к ней переулках не закрывались на ночь. Ради процветания торговли и в интересах залетных астронавтов бары, игорные дома и прочие гостеприимные заведения круглые сутки держали двери нараспашку. Любой гражданин, даже освобожденный раб, мог оставаться там всю ночь напролет; правда, от начала комендантского часа до рассвета он не мог оттуда уйти без риска быть задержанным патрулем.

Но риск не волновал Торби: он не собирался попадаться кому-либо на глаза, и, хотя район патрулировался полицией, мальчик был осведомлен о привычках полицейских. Они ходили парами, держась освещенных мест, и вмешивались, лишь когда закон нарушался самым вопиющим образом. Этот район привлекал Торби еще и тем, что слухи о любом событии разносились тут за много часов до того, как происходило само событие, и полнотой содержания намного превосходили официальные сообщения, в которых факты либо игнорировались, либо замалчивались.

Наверняка на улице Радости найдется хоть один человек, который знает, что случилось с отцом.

Торби по крышам добрался до этого злачного места. Спустившись по водосточной трубе в темный двор, он вышел на улицу Радости и остановился поодаль от фонарей, высматривая патрульных или знакомых. Народу крутом было полно, но в основном это был приезжий люд. Торби знал всех владельцев и почти всех работников каждого из заведений по обе стороны улицы, но не спешил войти в них, опасаясь попасть в лапы полиции. Он хотел найти человека, которому доверял, и поговорить с ним где-нибудь в подворотне.

Ни полиции, ни знакомого лица. А, нет! Вон тетушка Синэм.

Из всех гадалок, промышлявших на улице Радости, тетушка Синэм была самой лучшей, потому что никогда не предрекала ничего, кроме богатства. И если ее предсказания не сбывались, клиенты не сетовали: теплый голос тетушки звучал очень убедительно. Ходили слухи, что собственное богатство она приумножает, подрабатывая полицейской осведомительницей, но Торби не верил этим сплетням, потому что им не верил отец. Тетушка отлично знала все новости, и Торби решил попытать счастья. Если она и стучит в полицию, то сможет сказать лишь, что он жив и на свободе, а это легавым и так известно.

За углом справа от Торби находилось кабаре «Райский порт». Перед ним-то и расстелила свой коврик тетушка, дожидаясь конца представления, когда на улицу повалит клиентура.

Торби огляделся по сторонам и быстрым шагом дошел вдоль стены почти до самого кабаре.

— Тсс! Тетушка!

Гадалка испуганно оглянулась, потом лицо ее приняло равнодушное выражение. Не разжимая губ, но достаточно громко, чтобы он мог ее услышать, она проговорила:

— Беги, сынок! Прячься! Ты что, с ума сошел?

— Тетушка... куда они его уехали?

— Забейся в нору и закрой за собой вход! За твою голову назначена награда!

— Награда? Брось, тетушка, кто станет платить за меня награду? Скажи лучше, где они его держат. Ты знаешь?

— Не держат они его!

— «Не держат»? Как это?

— Так ты не знаешь? Бедный мальчик! Они его укоротили.

Торби был так потрясен, что потерял дар речи. Хотя Баслим не раз говорил с ним о своей смерти, Торби никогда не воспринимал его слова всерьез. Он даже представить себе не мог, что отец когда-нибудь умрет и покинет его.

Она говорила что-то еще, но Торби не услышал, и ей пришлось повторить:

— Ищейки! Сматывайся!

Торби оглянулся. Да, приближаются двое патрульных. Самое время удирать! Но с одной стороны улица, с другой — глухая стена. И ни одной лазейки, кроме дверей в кабаре... Если он шмыгнет туда в таком наряде, прислуга просто кликнет патруль.

Но другого выхода не было. Торби повернулся к полицейским спиной и вошел в узкое фойе кабаре. Там никого не оказалось. На сцене шло последнее действие, и даже лоточников не было видно. Рядом стояла стремянка, а на ней висел ящик с прозрачными буквами, которые вывешивались снаружи для оповещения об очередном представлении. Торби посмотрел на них, и его осенила идея, которая преисполнила бы сердце Баслима гордостью за своего питомца. Схватив ящик и стремянку, Торби выскользнул на улицу.

Полицейские приближались, но Торби, не обращая на них ни малейшего внимания, приладил стремянку под небольшим светящимся табло над входом и полез наверх, держась спиной к патрульным. Его туловище было ярко освещено, но лицо и плечи скрывались в тени над верхней строчкой афиши. Он начал методично снимать буквы, из которых было составлено имя звезды нынешнего представления.

Двое полицейских подошли вплотную и остановились прямо под ним. Торби постарался унять охватившую его дрожь и продолжал трудиться с размеренностью батрака, выполняющего осточертевшую ему работу. Снизу послышался голос тетушки:

— Добрый вечер, сержант!

— Привет, тетушка. Какие байки сегодня травим?

— А вот какие: вижу в будущем твоём прелестную юную деву, руки её прекрасны, как птицы. Дай мне ладонь, может быть, я прочту там её имя.

— А что скажет моя жена, не знаешь? Нет, сегодня мне не до болтовни, тетушка, — сержант посмотрел на мальчика, меняющего вывеску, и потер подбородок. — Мы ловим отродье старого Баслима. Ты его не видела? — Он ещё раз поднял голову, наблюдая за возней наверху, и его зрачки слегка расширились.

— Сидела бы я тут, собирая сплетни, если б видела его?

— Ммм... — полицейский повернулся к напарнику, — Рой, пошарь-ка в заведении у Туза и не забудь про сортир. А я понаблюдаю за улицей.

— Есть, сержант!

Напарник ушел, и старший полицейский вновь вернулся к предсказательнице.

— Плохи дела, тетушка... Кто бы мог подумать, что Баслим, этот калека, станет шпионить против Саргона?

— И в самом деле, кто? — она наклонилась вперед. — А правда ли, что он умер от страха прежде, чем его укоротили?

— У него был припасен яд. Видимо, он заранее знал, что ему грозит. Из каморки его вытаскивали уже умирающим. Капитан был в ярости.

— Зачем его укорачивали, если он уже помер?

— Ну, ну, ты же знаешь, тетушка: закон надо блюсти. Вот его и укоротили, хотя мне это не по нутру. — Сержант вздохнул. — Все это очень печально, тетушка. Как подумаю о несчастном парнишке, которого этот старый мошенник впутал в свои грязные делишки... А теперь комендант и капитан жаждут получить от парня ответы на вопросы, на которые так и не ответил старик.

— Какая им от него польза?

— Да никакой, естественно, — сержант поковырял землю концом дубинки. — Но на месте этого парня, зная, что старик уже мертв, и не зная ответов на некоторые заковыристые вопросы, я уже был бы ой как далеко отсюда. Нашел бы какую-нибудь ферму, хозяин которой не интересуется городскими делами и нуждается в дешевой рабочей силе. Но поскольку я не

он, то задержу мальчишку, если он мне попадется, и отведу его на допрос к капитану.

— Скорее всего, он сейчас забился где-нибудь в бобовые грядки и трясется от страха.

— Возможно. Но это все же лучше, чем расхаживать по городу в укороченном виде, — сержант еще раз осмотрел улицу и крикнул: — Ладно, Рой! Чего ты там застрял? — Прежде чем уйти, он еще раз взглянул на Торби. — Ну, пока, тетушка. Если увидишь его, кликни нас.

— Разумеется. Хайль Саргон!

— Хайль, хайль...

Полицейский медленно пошел прочь, а Торби продолжал делать вид, будто работает. Он изо всех сил пытался унять нервную дрожь. Из кабаре повалил народ, и тетушка заголосила, суля счастье, удачу и милости фортуны всего лишь за несколько монет. Торби уже собрался спуститься вниз, поставить стремянку в фойе и смыться, когда в его лодыжку вцепилась чья-то рука.

— Что ты здесь делаешь?

Торби похолодел, но тотчас же сообразил, что это всего лишь управляющий, разгневанный тем, что его вывеску разобрали по буквам. Не опуская головы, Торби проговорил:

— А что случилось? Вы мне сами заплатили, чтобы я снял эту афишу.

— Я? Заплатил тебе?

— Ну конечно. Вы сказали мне... — Торби скосил глаза вниз и притворился изумленным и смущенным. — Ой, это были не вы!

— Еще бы! А ну, слезай!

— Не могу! Вы держите меня за ногу!

Человек отпустил Торби и отступил на шаг, чтобы мальчик мог спуститься.

— Не знаю, какой идиот велел тебе... — Увидев попавшее в луч света лицо мальчика, он запнулся и закричал: — Да это же сын того самого нищего!

Торби метнулся в сторону, увернувшись от едва не схватившей его руки. Он лавировал между прохожими, а вслед ему неслись вопль:

— Патруль! Патруль! Патруль!

Потом он снова оказался в темном дворе и, подгоняемый адреналином в крови, взлетел вверх по водосточной трубе, словно по ровной дороге. Он остановился, лишь преодолев добрую дюжину крыш, уселся возле дымохода и, переведя дух, попытался собраться с мыслями.

Итак, отец мертв. Невозможное случилось. Старый Подди не стал бы говорить, не знай он наверняка. И голова отца в эту минуту торчит на колу возле пилона вместе с головами других бедолаг! На миг представив себе это ужасное зрелище, Торби сжался в комочек и разрыдался.

Прошло немало времени, прежде чем он поднял голову и встал на ноги, вытирая глаза костяшками пальцев.

Папа мертв. Ладно, что же теперь делать?

Во всяком случае, отец сумел избежать допросов. К горечи в душе Торби примешалась гордость. Отец был по-настоящему умным человеком, и, хотя они его поймали, он все же напоследок посмеялся над ними.

И все-таки как же теперь быть?

Тетушка Синэм предупредила: надо скрыться. Подди, с его обычной прямолинейностью, велел ему уматывать из города. Хороший совет. Если Торби не хочет, чтобы его укоротили, надо покинуть город затемно. Отец не хотел бы, чтобы Торби сидел и ждал ищеек: надо действовать быстро и без промедления. К тому же, отцу уже ничем не поможешь, он мертв... Эй, стой-ка!

«Когда я умру, ты найдешь человека и передашь ему послание. Я могу положиться на тебя? Ты ничего не забудешь?»

Да, папа! Ты можешь быть уверен: я ничего не забыл и я передам все слово в слово! Впервые за полтора дня Торби вспомнил, почему он вернулся домой раньше обычного: в порт прибыл корабль «Сизу»; его шкипер был одним из тех людей, которые значились в списке отца. «Первому из тех, кого ты встретишь», — вот что сказал Баслим. Я не потерял голову, папа; я немножечко растерялся, но теперь я вспомнил, я сделаю! Я сделаю то, что ты говорил. Вспышка ярости придала Торби силы: это послание наверняка и есть то самое последнее и самое важное дело, которое не успел

завершить отец. Ведь они сказали, что он шпион. Ну что ж, он поможет отцу довести дело до конца. Я все сделаю, папа! Мы им еще покажем!

Торби не мучали утрызения совести из-за той «измены», которую он собирался совершить: его привезли сюда против его воли как раба, и он не испытывал ни малейшего чувства преданности Саргону, а Баслим даже и не пытался ему внушить такого чувства. И вообще самым сильным из всех чувств, которые он питал к Саргону, был суеверный страх, но даже он отступил под натиском яростной жажды мести. Сейчас Торби не боялся ни полиции, ни самого Саргона: он просто хотел избежать встречи с ними, чтобы выполнить последнюю волю Баслима. Ну, а если его поймают, то... он надеялся, что все же успеет сделать все необходимое прежде, чем его укоротят.

Если «Сизу» все еще в порту...

О, он должен быть там! Тем не менее первым делом нужно узнать, не покинул ли корабль планету... Хотя, впрочем, нет, сначала нужно укрыться, пока не рассвело. Да, он должен понять своей тупой башкой, что улизнуть от шпииков сейчас в миллион раз важнее всего того, что он когда-либо делал для отца.

Скрыться, найти «Сизу», передать послание его шкиперу... и это при том, что вся полиция района усердно ловит его...

Может быть, лучше добраться до космоверфи, где его никто не знает и, вернувшись в порт кружным путем, найти «Сизу»? Нет, так не годится: он уже чуть не попал в лапы тамошних патрулей, и все потому, что не знал местности. А здесь ему, по крайней мере, знаком каждый дом и большинство жителей.

Но ему нужна помощь. Не может же он просто выйти на улицу и заговорить с первым попавшимся звездолетчиком! К кому из его приятелей можно со спокойной душой обратиться за помощью? Зигги? Чепуха: Зигги тут же его выдаст, рассчитывая получить обещанную награду. За пару минимов Зигги продаст родную мать, он всегда был редкостным подонком.

Кто же? Торби с огорчением подумал, что все его друзья одного с ним возраста и, так же как и он, мало что смогли сделать. Он не знал, где ночует большинство

из них, и уж конечно не мог рыскать по округе днем, чтобы встретиться с кем-нибудь. Что же касается тех немногих, что жили вместе с родителями и адреса которых он знал, то, во-первых, им вряд ли можно доверять, а во-вторых, их предки сразу же прибегут в полицию. В большинстве своем законопослушные граждане из тех, что были ему родней, тряслись за свою работу и предпочитали не ссориться с властями.

Придется обратиться к друзьям отца.

Он быстро припомнил их имена. О большинстве этих людей он не мог сказать наверняка, близкие это друзья или просто знакомые. Единственный человек, до которого можно добраться и который сумеет помочь, — мамаша Шаум. Как-то раз она приютила Торби и Баслима, когда их выкурили газом из подполья, и у нее всегда находилось доброе слово и холодное питье для Торби.

Приближался рассвет, и мальчик тронулся в путь.

Мамаша Шаум содержала пивную и гостиницу в дальнем конце улицы Радости, прямо напротив ворот порта, через которые звездолетки выходили в город. Спустя полчаса, миновав немало крыш, пару раз спустившись в темные дворы и один раз перебежав через освещенную улицу, Торби оказался на крыше ее заведения. Он не осмелился войти прямо в дверь: его увидели бы слишком многие, и Шаум пришлось бы вызвать патруль. Торби присел на корточки между двумя мусорными баками, присматриваясь к черному ходу, но потом рассудил, что, судя по голосам, на кухне битком народу.

Когда он наконец добрался до крыши, почти рассвело. Открыть замок и люк голыми руками оказалось невозможно. Торби посмотрел во двор, рассчитывая спуститься вниз и, плюнув на все, проникнуть в дом с черного хода. Стало совсем светло, и надо было спрятаться любой ценой. Осматривая двор, он заметил вентиляционные отверстия — по одному с каждого крыла невысокой мансарды. Они были едва ли шире его плеч, но вели внутрь. Их проемы были забраны прутьями, но после нескольких неудачных попыток он все же смог сломать одну из решеток. Он ступил босыми ногами через край проема и скользнул внутрь. Он влез по

пояс, но набедренная повязка зацепилась за острые края решетки, и Торби застрял. Ноги — внутри, а руки, грудь и голова — снаружи. Он был не в силах пошевелиться, а на улице уже светало.

Мальчик рванулся что было сил, и повязка порвалась. Он провалился вниз, ударившись головой и едва не потеряв сознание. Потом он замер и перевел дух.

Крыша была такая низкая, что по чердаку можно было передвигаться только ползком. Торби лихорадочно обшарил его в поисках люка. Первая попытка не увенчалась успехом, и мальчик даже засомневался, есть ли он здесь вообще. Торби знал, что в некоторых домах есть чердачные люки, но вообще-то устройство домов было ему неизвестно, поскольку Торби нечасто доводилось в них жить.

Он смог отыскать люк, только когда солнечные лучи пробились сквозь слуховые окна и осветили чердак. Крышка люка оказалась у противоположной стороны, ближе к улице.

И она была заперта изнутри.

Но люк оказался не столь прочен, как решетка. Торби осмотрелся, нашел тяжелый прут, брошенный здесь каким-то строителем, и стал долбить им дерево. В конце концов он пробил дыру, отложил прут в сторону и заглянул в отверстие.

Под ним была комната; Торби разглядел кровать, на которой лежал человек.

Он решил, что большей удачи быть не может. Ему предстоит иметь дело только с одним человеком, и он уговорит его найти мамашу Шаум, не поднимая тревоги. Оторвавшись от крышки люка, Торби сунул в отверстие палец и нащупал замок, ногтем отодвинул защелку и бесшумно поднял люк.

Человек на кровати даже не шелохнулся.

Торби спустился в люк, уцепившись пальцами за его края, потом прыгнул и сжался в комочек, стараясь не шуметь. Человек сел в постели и нацелил на мальчика пистолет.

— Долго же тебя пришлось ждать. Уже целый час слушаю, как ты там скребешься.

— Матушка Шаум! Не стреляйте!

Она подалась вперед, всматриваясь в мальчика.

— Сын Баслима, — женщина тряхнула головой. — Да, парень, ты опаснее горящего матраса... Зачем ты сюда забрался?

— Мне больше некуда идти.

Она нахмурилась.

— Я полагаю, это комплимент... хотя лично я предпочла бы заразиться проказой, — она вылезла из постели в одной ночной рубашке и, прошлепав босыми ступнями к окну, выглянула наружу. — Ищейки здесь, ищейки там... ищейки обнюхивают каждый угол и распутивают моих клиентов... Ты, парень, наделал больше переполоху, чем та стачка на заводах. Почему бы тебе сразу не покончить с собой?

— Вы не спрячете меня, матушка?

— Кто сказал, что не спрячу? Я никогда еще никого не закладывала. Но я вовсе не обязана радоваться этому, — она посмотрела на мальчика. — Когда ты ел в последний раз?

— Не помню.

— Сейчас соберу чего-нибудь... полагаю, заплатить ты не сможешь? — Она бросила на Торби колкий взгляд.

— Я не голоден. Матушка, не знаете ли вы, «Сизу» все еще в порту?

— Что? Не знаю. Впрочем, знаю! Да, он еще здесь, вечером ко мне заходили двое из экипажа. А зачем тебе?

— Я должен передать его шкиперу послание. Я должен с ним встретиться. Я обязан сделать это!

Матушка Шаум издала полный отчаяния стон.

— Сперва он вламывается в дом порядочной работающей женщины и мешает ей спать, валится сверху, подвергая опасности ее жизнь и едва не переломав ей руки-ноги... да еще лицензию могут отобрать... от него воняет, он весь в крови, и теперь, вне всякого сомнения, мне придется дать ему чистое полотенце, а стирка тоже денег стоит. Он голодный и не может заплатить за еду... И он еще смеет нагло требовать, чтобы я бегала по его поручениям!

— Я не голоден... и меня вовсе не волнует, дадут мне помыться или нет. Но я должен увидаться с капитаном Краузой.

— Будь любезен, не командуй мною в моей собственной спальне. Насколько я знаю старого мошенника, с которым ты жил, он разбаловал тебя и недостаточно часто лупил. Тебе придется подождать, пока не придет кто-нибудь с «Сизу», чтобы я могла передать весточку капитану, — она повернулась к двери. — Вода в горшке, полотенце — на вешалке. Мойся почище! — Матушка Шаум вышла.

Умывшись, Торби почувствовал себя лучше. На туалетном столике нашелся стрептоцид, и он обработал свои царапины. Шаум вернулась и положила перед Торби солидный кусок мяса, два ломтя хлеба, поставила кувшин молока и, ни слова не говоря, вышла из комнаты. Торби и мысли не допускал, что сможет есть после смерти папы, но теперь у него вновь разыгрался аппетит. Встреча с мамашей Шаум успокоила мальчика.

Хозяйка вернулась.

— Дожевывай и прячься. Ходят слухи, что полиция намерена обыскать каждый дом.

— Да? Тогда мне пора сматываться.

— Замолчи и делай то, что я говорю. Прячься.

— Куда?

— Сюда, — ответила она, указывая пальцем.

В углу у окна стоял пуфик, а рядом с ним размещался встроенный шкафчик. Главным его недостатком были размеры. Шириной он был с человеческое туловище, но высота его составляла лишь треть роста взрослого мужчины.

— Вряд ли я туда втиснусь.

— То же самое подумают и легавые. Давай быстрее, — она откинула крышку, вытащила барахло и приподняла заднюю стенку шкафчика. В стене открылось отверстие, ведущее в смежную комнату. — Суй туда ноги и не воображай, что ты первый, кто здесь прячется.

Торби влез в шкафчик и, просунув ноги в отверстие, лег на спину; опущенная крышка была в нескольких сантиметрах от его лица. Мамаша Шаум набросала сверху тряпья.

— Как ты там?

— Все в порядке. Матушка, а он и правда мертв? Ее голос смягчился.

— Да, малыш. Это очень печально.

— Вы уверены?

— Поначалу я тоже сомневалась, зная старика. И решила прогуляться к пилонам, убедиться воочию. Это он. И знаешь, что я тебе скажу? У него на лице улыбка, будто бы он, как всегда, перехитрил их... Да так оно и есть. Они ох как не любят, когда человек не дожидается допроса. — Она опять вздохнула. — Если хочешь, можешь поплакать, но только тихо. Услышишь кого-нибудь — затаи дыхание.

Крышка захлопнулась. Торби боялся задохнуться, но через некоторое время понял, что в шкафчике были дыры для вентиляции. Воздуха не хватало, но дышать было можно. Он повернул голову, чтобы наваленная сверху одежда не давила на нос.

И, поплавав, заснул.

Его разбудили шаги и голоса, раздавшиеся очень вовремя: спросонья он едва не сел в своем укрытии. Крышка приподнялась и вновь захлопнулась, оглушив его; мужской голос произнес:

— В этой комнате пусто, сержант!

— Посмотрим! — Торби узнал голос Подди. — Ты забыл про чердак. Давай лестницу.

— Там ничего нет, — сказала мамаша Шаум. — Наверху ничего, кроме воздуха, сержант.

— Я же сказал «посмотрим».

И через несколько минут добавил:

— Дай-ка фонарик... Хм... вы правы, Шаум... Но он здесь был!

— Что?

— В том конце крыши выломана решетка... И следы в пыли. Я думаю, он пробрался через чердак, спустился в вашу спальню и убежал.

— Святые и черти! Ведь он мог убить меня в моей же постели! Так-то полиция нас бережет!

— Вы же не пострадали... И все-таки я посоветовал бы вам починить решетку, иначе у вас поселятся змеи и прочие их родственники, — он помолчал. — Мне думается, он хотел отсидеться где-нибудь в этом районе, но понял, что это опасно, и вернулся в развалины. Что ж, если так, мы, конечно же, выкурим его оттуда.

— Так вы полагаете, мне ничего не грозит?

— А зачем ему нужен такой куль с жиром!

— Какая грубость! А я как раз собиралась предложить вам промыть горло от пыли.

— Да? Ну что ж, идемте на кухню и обсудим это. Быть может, я не прав.

Торби услышал, как они уходят и уносят лестницу. Наконец он осмелился вздохнуть свободнее.

Вскоре мамаша Шаум вернулась и подняла крышку, ворча:

— Можешь размять ноги. Но будь готов сигануть обратно. Три пинты моего лучшего нектара! Тоже мне, полицейские!

Глава 6

Шкипер «Сизу» появился в тот же вечер. Капитан Крауза был высоким и плотным белокурым мужчиной; озабоченное выражение лица и жесткая складка у рта свидетельствовали о привычке командовать и нести на своих плечах бремя ответственности. Он был явно зол на себя и на того человека, который осмелился оторвать его от повседневных забот. Капитан бесцеремонно оглядел Торби с ног до головы.

— Так что, матушка Шаум, это и есть тот самый человек, который говорил, будто у него ко мне неотложное дело?

Капитан изъяснялся на языке Торговцев Девяти Миров, жаргонном варианте саргонезского, проглатывая окончания слов и пренебрегая всякими правилами грамматики. Но Торби понимал это наречие. Он ответил:

— Если вы — капитан Фьялар Крауза, то у меня есть к вам послание, благородный господин.

— Не называй меня «благородным господином». Да, я и есть капитан Крауза.

— Да, благор... то есть, я хотел сказать, да, капитан.

— Если у тебя есть, что сказать, то я слушаю.

— Да, капитан, — и Торби принялся излагать послание Баслима на языке суоми: — «Капитану Фьялару Краузе, командиру звездолета «Сизу», от Калеки

Баслима. Приветствую тебя, мой старый друг! Я передаю привет также твоей семье, клану и всей родне. Выражаю почтительное уважение твоей досточтимой матери. Я говорю устами своего приемного сына. Он не понимает финского; я обращаюсь к тебе в частном порядке. Когда ты получишь это послание, меня уже не будет в живых...»

Крауза, уже начавший улыбаться, вдруг вскрикнул от изумления. Торби умолк.

— Что он говорит? — вмешалась мамаша Шаум. — Что это за язык такой?

— Это мой язык, — отмахнулся Крауза. — Так это правда? То, что говорит мальчишка?

— Какая правда? Откуда мне знать? Для меня его речь — пустой звук.

— О! Прошу прощения! Он говорит, что старый нищий, который болтался на площади и называл себя Баслимом, умер. Это так?

— Ага! Конечно, это правда. Я сама могла сказать вам, кабы знала, что вам интересно. Все знают о том, что он мертв.

— Все, кроме меня. А что с ним случилось?

— Его укоротили.

— Укоротили? За что?

Она пожала плечами.

— Почему мне знать? Ходят слухи, что он не то отравился, не то сделал еще что-то. В общем, убил себя сам, чтобы не попасть к ним на допрос. Но я не знаю наверняка. Я всего лишь бедная старая женщина, стараюсь жить честно, а цены с каждым днем растут... Полиция Саргона не делится со мной своими секретами.

— Но если... впрочем, неважно. Он обвел их вокруг пальца, верно? Это очень на него похоже, — Крауза обернулся к Торби. — Ну что ж, продолжай.

Прерванный на полуслове, Торби был вынужден вернуться к самому началу. Крауза с нетерпением дождался, пока мальчик дошел до слов: «... уже не будет в живых. Мой сын — это все, что у меня было, и я доверяю его твоим заботам. Прошу тебя помочь ему и воспитать его, как это делал я. Я хотел бы, чтобы ты при первой же возможности передал мальчика капитану какого-либо сторожевого корабля Гегемонии. Ска-

жи, что он — похищенный гражданин Гегемонии и что ему нужно помочь в поисках семьи. Если они возьмутся за дело как следует, то смогут установить его личность и вернуть парня родным. В остальном всецело полагаюсь на твой опыт. Я велел ему слушаться тебя и полагаю, что он будет это делать. Он хороший мальчик, разумеется, со скидкой на возраст и житейский опыт, и я с легким сердцем доверяю его тебе. А теперь я должен уйти. Я прожил долгую и богатую событиями жизнь и вполне доволен ею. Прощай».

Капитан закусил губу, и на его лице появилось такое выражение, будто он с трудом сдерживает слезы. Наконец он хрипло произнес:

— Все ясно. Что ж, парень, ты готов?

— Сэр?

— Я забираю тебя с собой. Разве Баслим тебе не говорил?

— Нет, сэр. Но он велел мне делать все, что вы скажете. Я должен пойти с вами?

— Да. Как скоро мы сможем отправиться в путь?

Торби сглотнул.

— Хоть сейчас, сэр.

— Тогда идем. Я должен вернуться на корабль, — капитан осмотрел Торби. — Матушка, нельзя ли подыскать для него что-нибудь поприличнее? Не могу же я взять на борт такого оборванца. Впрочем, не надо. Тут на улице есть лавочка, я сам куплю ему костюм и все, что нужно.

Женщина слушала его с возрастающим изумлением.

— Вы берете его к себе на корабль? — спросила она наконец.

— У вас есть возражения?

— Что? Вовсе нет... если вас не беспокоит, что его могут в любой момент схватить.

— О чем это вы?

— Вы с ума сошли! По пути отсюда до ворот порта вы встретите не меньше шести ищеек, которые ради вознаграждения готовы землю рыть!

— Хотите сказать, что этот парень в бегах?

— Как вы думаете, чего ради я стала бы прятать его в своей спальне? Он жжется почище кипящего сыра!

— Но почему?

— Откуда мне знать? Только это так.

— Вы что, в самом деле считаете, будто такой вот парнишка может знать о делах Баслима так много, что они...

— Давайте не будем говорить о том, что делал или что сделал Баслим. Я — законопослушная гражданка Саргона... и мне вовсе не хочется, чтобы меня укоротили. Вы говорите, что берете мальчишку на свой корабль. Я говорю «отлично!». Я рада избавиться от хлопот. Но как?

Крауза пощелкал костяшками пальцев.

— Я полагал, — медленно проговорил он, — что должен лишь провести его через ворота и заплатить эмиграционный сбор.

— Вы ошиблись, так что забудьте об этом. Нет ли возможности взять его на борт, минуя ворота?

Капитан явно встревожился.

— На этой планете приняты такие суровые меры против контрабанды, что мой корабль будет конфискован, если парня засекут. Итак, вы просите меня рискнуть своим кораблем... своей головой... и всем экипажем?

— Я не прошу вас рисковать. Я сама ломаю голову над этой задачей. Я лишь объяснила, как обстоят дела. Если хотите знать мое мнение, то попытка увезти Торби — чистое безумие.

— Капитан Крауза... — подал голос Торби.

— Чего тебе, парень?

— Папа велел мне делать все, что вы скажете... Но я уверен, что он не захотел бы подвергать вас риску из-за меня. — Торби проглотил подкативший к горлу комок. — Я не пропаду.

Крауза нетерпеливо рубанул ладонью воздух.

— Нет, нет! — сурово произнес он. — Баслим хотел, чтобы я это сделал... а долги надо платить! Всегда!

— Не понимаю.

— А тебе и не нужно понимать. Баслим хотел, чтобы я забрал тебя с собой, значит, быть по сему. — Он повернулся к мамаше Шаум. — Вопрос один: как это сделать? У вас есть какие-нибудь идеи?

— Ммм... Есть одна мыслишка. Пойдемте обсудим ее. — Она повернулась. — А ты, Торби, лезь назад в

свое укрытие и будь осторожен. Возможно, мне придется кое-куда сходить.

На другой день, незадолго до наступления комендантского часа, большой портшез покинул улицу Радости. Патрульный остановил его, из-за занавески высунулась голова мамыши Шаум. Патрульный удивился.

— Уезжаете? Кто же будет заботиться о ваших клиентах, матушка?

— У Мюры есть ключи, — ответила женщина. — Но ты, как добрый друг, все же пригляди за моим заведением. Мюре не хватает моей твердости, — мамаша Шаум вложила что-то в ладонь полицейского. Это «что-то» тотчас исчезло.

— Договорились. Вас не будет всю ночь?

— Надеюсь, что нет. Но все же лучше иметь пропуск, как ты думаешь? Я хотела бы, завершив дела, сразу вернуться домой.

— Сейчас с пропусками строго.

— Все еще ищут мальчишку того нищего?

— В общем-то, да. Но мы его найдем. Если он удрал за город, то сдохнет с голоду. Если остался здесь, его затравят.

— Ну, меня-то вы с ним не спутаете. Так как насчет краткосрочного пропуска для старой женщины, которой нужно нанести частный визит? — Она положила на дверцу руку; между пальцами торчал уголок банкноты.

Патрульный взглянул на бумажку и заозирался по сторонам.

— До полуночи хватит?

— Думаю, этого достаточно.

Полицейский вытащил записную книжку, что-то нацарапал в ней, потом вырвал страничку и протянул женщине. Как только она взяла документ, деньги исчезли.

— Только не задерживайтесь после полуночи.

— Надеюсь управиться раньше.

Он заглянул в портшез, затем осмотрел его снаружи. Четверо носильщиков стояли спокойно, не говоря

ни слова, да оно и не удивительно, поскольку все они были лишены языков.

— Откуда они? Из гаража «Зенит»?

— Я всегда вызываю отсюда.

— Кажется, я их узнаю. Неплохо подобраны.

— Осмотри их хорошенько. Может, среди них — сын нищего.

— Эти волосатые гиганты? Бросьте, матушка!

— Пока, Шол.

Носильщики плавно подняли портшез и трусцой двинулись вперед. За углом Шаум приказала им замедлить ход и плотно задернула занавески. Похлопала по разбросанным вокруг диванным подушкам.

— Как ты там?

— Едва не задохнулся, — ответил слабый голос.

— Лучше задохнуться, чем укоротиться. Сейчас станет чуть полегче. Ну и острые же у тебя коленки!

Всю последующую милю пути она сосредоточенно переодевалась и обвешивалась драгоценностями. Затем опустила вуаль так, что видны были только ее живые черные глаза. Покончив с этим, высунула наружу голову и отдала несколько приказаний старшему носильщику; портшез свернул направо, к космопорту. Когда они добрались до высокого глухого забора, уже почти стемнело.

Ворота для звездолетчиков находятся в самом начале улицы Радости. Пассажирский выход расположен восточнее, в здании эмиграционного контроля. Еще дальше, в районе складов, были торговые ворота, через которые везли грузы, и таможня. Еще дальше, в нескольких милях, находились ворота космоверфи. А между верфью и торговыми воротами была маленькая калитка для знати, для тех ее представителей, у которых хватало денег на содержание собственных космических яхт.

Портшез поравнялся с забором космопорта неподалеку от торговых ворот, свернул и двинулся вдоль стены к воротам, представлявшим собой несколько проездов, ведущих к разгрузочным докам. Дорогу преграждал барьер, подле которого надлежало разгружать прибывшие фургоны. Здесь работали инспекторы Саргона: взвешивали, обмеряли, протыкали и просвечивали

грузы, прежде чем пропустить их за барьер, откуда портовые машины доставляли их к кораблям.

Этой ночью барьер третьего дока был открыт: заканчивалась погрузка Вольного Торговца «Сизу». Его хозяин наблюдал за процессом, препираясь с инспекторами и не забывая время от времени, как было заведено с незапамятных времен, «подмазывать» скрипучий механизм таможни. Младший инспектор, управлявшийся с расчетами при помощи дощечки и карандаша, делил с капитаном заботы.

Лавируя между фургонами, портшез приблизился к открытому доку. Оглянувшись, хозяин «Сизу» заметил даму под вуалью, обзоревавшую царящую здесь суматоху. Мельком посмотрев на часы, Крауза сказал офицеру:

— Еще одно место, Ян. Отправляйтесь с этим грузовиком, а я поеду на последнем.

— Да, сэр, — молодой человек забрался в машину и велел шоферу трогаться. Освободившееся место тут же занял пустой грузовик. Работа шла быстро, но хозяин нашел, к чему придраться. Он был чем-то недоволен и потребовал начать все сызнова. Старший инспектор оскорбился, но хозяин прервал его, вновь взглянув на часы:

— Время еще есть. Я не хочу, чтобы контейнеры свалились с машины прежде, чем мы доставим их к кораблю. Груз денег стоит. Так что уложите его получше.

Портшез двинулся вдоль забора. Вскоре совсем стемнело. Дама под вуалью посмотрела на светящиеся часы-перстень и велела носильщикам перейти на рысь.

Наконец они добрались до калитки для знати. Дама высунула голову и крикнула:

— Открывайте!

У ворот дежурили двое охранников. Один — в маленькой караулке, другой снаружи. Он открыл ворота, но как только портшез двинулся вперед, преградил дорогу жезлом. Остановившись, носильщики опустили портшез на землю. При этом его правая дверца была обращена к воротам.

Дама крикнула:

— С дороги! Яхта лорда Мэрлина!

Преградивший путь охранник заколебался.

— Есть ли у миледи пропуск?

— Ты что — сдурел?

— Если у госпожи нет пропуска, — медленно проговорил тот, — то, возможно, она предъявит какое-нибудь подтверждение тому, что лорд Мэрлин ожидает ее?

Голос женщины доносился из темноты; у охранника хватило ума не светить ей в лицо фонариком. У него был большой опыт общения с благородными господами. И все же голос дамы звучал сердито, она кипела от злости, будто котел.

— Ну, если ты и впрямь сдурел, что ж, вызови лорда с его яхты. Позвони ему, и, я уверяю тебя, ты очень его обрадуешь!

Из будки вышел второй охранник.

— Что-то случилось, Син?

— О нет, — двое охранников принялись шептаться. Младший отправился звонить на яхту, второй остался у портшеза.

Однако даме, похоже, взбрело в голову излить на них всю свою взбалмошность без остатка. Распахнув дверцу, она выскочила наружу и, словно разъяренная тигрица, ринулась в будку, сопровождаемая изумленным охранником. Звонивший отнял палец от клавиш, так и не добившись соединения, оглянулся... и почувствовал, что у него подгибаются ноги. Он и не представлял себе, что дела его настолько плохи. Перед ним стояла не ветреная инфанта, удравшая от своей дуэньи, а разгневанная матрона, вполне способная упечь человека на общественные работы, а то и куда подальше. И, судя по ее норову, она вполне могла так и сделать. Охранник с разинутым ртом слушал ее цветистую едкую брань и думал о том, что сегодняшний день — самый черный и мрачный из всех за все годы его службы у калитки для благородных господ и леди.

Внимание обоих стражников было целиком поглощено красочной речью мамыши Шаум. Тем временем из портшеза выбрался человек, шмыгнул в открытые ворота и вскоре исчез из виду, скрывшись во мраке, окутывающем стартовую площадку. Торби бежал, каждую секунду ожидая, что в спину вот-вот вопьются пули, но у него достало храбрости не потерять голову и

ориентировку. Отыскав по разметке нужную полосу, он ничком бросился на асфальт.

Мамаша Шаум умолкла, чтобы перевести дух.

— Госпожа, — попытался успокоить ее один из охранников, — если вы дадите нам возможность дозвониться до...

— Забудьте об этом! Впрочем, нет! Помните! Не далее завтрашнего дня вы получите весточку от лорда Мэрлина, — мамаша Шаум рухнула на сиденье портшеза.

— Госпожа, прошу вас...

Она пропустила его слова мимо ушей и отдала отрывистое приказание рабам. Те подняли портшез и сразу пошли рысью. Рука одного из стражников дернулась к поясу, словно он почуял что-то неладное. Но замерла. Охранник не рискнул подстрелить носильщика знатной дамы, что бы там ни было у нее на уме.

К тому же, она ведь не нарушила закон.

Когда владелец «Сизу» в конце концов удовлетворился тем, как загружена последняя машина, он забрался на трейлер, взмахом руки велел водителю трогаться и двинулся вперед, к кабине.

— Эй, ты! — крикнул он, постучав в заднее окошко.

— Да, капитан? — донесся слабый голос водителя.

— Я видел знак «стоп» на дороге, там, где она выходит на полосу, ведущую к кораблям. Я заметил, что большинство водителей даже не обращают на него внимания.

— Ах, этот? Та дорога обычно пуста. Ею пользуются только благородные, потому и стоит знак.

— О чем я тебе и толкую. В любой момент может появиться любой из них, и я просрочу старт из-за дурацкой дорожной аварии. А тогда меня могут задержать.

— Как скажете, капитан. Чай деньги вы платите.

— Это точно, — банкнота в полстеллара исчезла в кабине. Когда грузовик притормозил, Крауза подошел к заднему борту. Машина остановилась, капитан наклонился и втащил в кузов Торби.

— Тихо!

Мальчик кивнул, сдерживая дрожь. Капитан достал инструменты и принялся за контейнер. Вскоре одна из

стенка отвалилась, и капитан, откинув джутовую ткань, принялся выгребать наружу листья верги, стоявшие бешеных денег на любой другой планете. Вскоре получилось нечто вроде большой норы, листья унесло ветром.

— Лезь сюда!

Торби протиснулся в ящик, стараясь сжаться как можно плотнее. Крауза натянул ткань, прибил планки и запечатал контейнер поддельной печатью инспекции, вручную изготовленной в мастерских звездолета. Потом он выпрямился и вытер со лба пот. Машина свернула к погрузочной площадке «Сизу».

Капитан лично проследил за окончанием погрузки. Рядом стоял инспектор Саргона, отмечая каждый контейнер, каждый ящик, исчезающий в трюме. Потом Крауза, как водится, отблагодарил инспектора и шагнул в подъемник вместо того, чтобы воспользоваться пассажирским лифтом. Оператор осторожно повел подъемник вверх, так как в гондоле стоял человек. Трюм был заполнен почти до отказа; груз уже принайоновили, и экипаж взялся за последние ящики. Даже капитан приложил руку, во всяком случае, он сам перетащил один из контейнеров. Освободив груз от талей, экипаж задраил люки. Капитан Крауза вновь полез в карман и, достав инструмент, начал вскрывать контейнер.

Два часа спустя мамаша Шаум стояла у окна спальни и смотрела в сторону космопорта. Она бросила взгляд на часы. С башни взмыла зеленая ракета. Через несколько секунд в небо взметнулся столб белого пламени. Когда донесся рев двигателей, женщина усмехнулась и спустилась вниз посмотреть, как идут дела. Ведь одной Мюре нипочем не справиться.

Глава 7

Первые несколько миллионов миль полета Торби провел в тягостном убеждении, что совершил ошибку.

Он лишился чувств от дурманящего аромата листьев верги и очнулся в крошечной одноместной каюте. Торби проснулся с неприятным ощущением. В «Сизу» поддерживалась сила тяжести в одну стандартную единицу гравитации, но тело мальчика почувствовало, что сила эта не такая, как на Джуббуле. К тому же искусственное тяготение отличалось от естественного. Тело еще помнило невольничий трюм, и ощущение полета навяло первое за многие годы кошмарное сновидение.

Его усталому одурманенному мозгу потребовалось немало времени, чтобы перебороть страх.

Наконец Торби окончательно пришел в себя и, осмотревшись, сообразил, что находится в безопасности на борту звездолета. Мальчик облегченно вздохнул и с удовольствием подумал о том, что он куда-то летит, путешествует. Новизна и перемены оттеснили на задний план даже горечь потери отца.

Помещение, в котором он находился, имело форму куба с длиной стороны, превышающей собственный рост Торби на фут или чуть больше. Мальчик лежал на койке, занимавшей полкаюты, и под ним был матрац невероятной и чудесной мягкости, из теплого, упругого

и гладкого материала. Торби потянулся и зевнул, удивляясь роскоши, в которой живут Торговцы. Затем спустил ноги на пол и встал.

Койка беззвучно поднялась и утонула в переборке. Торби, как ни старался, не смог понять, каким образом снова опустить ее. Наконец он прекратил свои попытки. Он выпался и теперь хотел осмотреться.

Когда он открыл глаза, потолок слабо светился, а когда встал, свет стал ярче. Но и при свете мальчик не увидел дверей. С трех сторон его окружали металлические панели, каждая из которых могла оказаться дверью, но ни на одной из них не было видно ни петель, ни замков, ни других привычных деталей.

Торби подумал, что его вполне могли запереть. Он жил в подземелье, а трудился на площади, так что ему была неведома боязнь замкнутых или открытых пространств: мальчику лишь хотелось найти дверь, и он подосадовал, что не может этого сделать. Даже если дверь закрыта, капитан Крауза вряд ли станет держать его взаперти слишком долго, подумал Торби. Но дверь так и не нашлась.

На полу лежали шорты и рубашка. Он проснулся обнаженным, как спал всегда. Взяв одежду, Торби робко помял ее в руках, дивясь ее великолепию. Он вспомнил, что примерно такие же вещи носит большинство космонавтов, и его на миг охватил восторг оттого, что теперь и ему доступна подобная роскошь. Но мгновение спустя его разум отверг столь дерзкое предположение.

Однако затем Торби вспомнил, что капитан Крауза не хотел, чтобы мальчик появлялся на борту в своей обычной одежде — да, капитан собирался зайти в лавку на улице Радости, где все товары предназначены для космонавтов! Он так и говорил!

Наконец Торби убедил себя в том, что одежда приготовлена для него. Для него! Лохмотья исчезли, а капитану вряд ли хочется, чтобы Торби ходил по кораблю нагишом. Он не страдал излишней застенчивостью; условности на Джуббуле касались только высших сословий. Тем не менее одежда была обязательна.

Торби оделся, дивясь собственному нахальству. Сначала он натянул шорты задом наперед и лишь потом,

заметив оплошность, надел их как следует. Рубашку, похожую на пуловер, он также надел неправильно, но это не так бросалось в глаза. Полагая, что он сделал все как нужно, мальчик не стал переодеваться. Он почувствовал неодолимое желание посмотреться в зеркало. Шорты и рубашка были простого покроя, без лишних украшений, ярко-зеленого цвета, из крепкого недорогого материала; это была обычная роба, взятая со склада корабля. Одежду такого типа столетиями носили мужчины и женщины многих планет. Однако даже Соломон во всей славе своей не имел столь роскошного облачения, как теперь Торби! Оглаживая костюм, он мечтал только об одном — чтобы кто-нибудь еще увидел это великолепие. Он принялся с удвоенным рвением разыскивать дверь.

Дверь отыскалась сама. Проведя рукой по одной из панелей, Торби почувствовал дуновение и, оглянувшись, увидел, что одна переборка исчезла. Дверь вела в коридор.

По извилистому туннелю к Торби приближался молодой человек, одетый примерно так же, как и он сам. Именно в этот момент Торби заметил, что рубашка надета задом наперед. Он шагнул вперед и вежливо приветствовал юношу на саргонезском жаргоне Торговцев.

Глаза молодого человека скользнули по мальчику, но он прошел мимо так, будто к нему никто не обращался. Торби запнулся, озадаченный и немного обиженный. Потом повторил приветствие на интерлингве.

Человек исчез прежде, чем Торби успел пустить в ход другие известные ему языки. Он пожал плечами и решил не обращать внимания. Бродяге нельзя быть слишком чувствительным. Торби принялся изучать звездолет.

За двадцать минут ему удалось увидеть немало интересного. Во-первых, «Сизу» оказался намного больше, чем он думал. До сих пор ему не доводилось видеть космический корабль изнутри, разве что из невольничьего отсека. На расстоянии звездолеты, стоявшие на площадке космопорта в Джуббуле, выглядели весьма внушительно, но не такими громадами! Во-вторых, Торби удивило число людей на борту. Он знал, что

экипажи грузовиков, курсирующих между планетами Девяти Миров, состоят из шести-семи человек, а здесь он за считанные минуты встретил в несколько раз больше людей обоих полов и самых разных возрастов.

В-третьих, Торби с огорчением заметил, что на него никто не обращает внимания. Люди либо вовсе не удостоивали его взглядом, либо не отвечали на обращенные к ним слова; если бы он вовремя не отступал в сторону, они, похоже, так и норовили бы пройти сквозь него. Единственным человеком, с которым ему почти удалось пообщаться, была крошечная девочка, едва начавшая ходить. В ответ на его попытку заговорить она посмотрела на него серьезными, чуть печальными глазами, но ее тут же утащила женщина, которая даже не взглянула на Торби.

Такое обращение было ему хорошо знакомо; именно так знать Джуббула относилась к людям его круга. Благородные не видели их, бедняков как бы не существовало, и даже милостыню им передавали через рабов. На Джуббуле Торби не обижало подобное отношение — это было естественно и в порядке вещей, и мальчик не чувствовал себя из-за этого отверженным или оскорбленным. Его всегда окружали добрые друзья, такие же, как и он, бедняки, и Торби никогда не ощущал себя изгоем.

Но знай он, что члены экипажа «Сизу» отнесутся к нему так же, как Джуббульская знать, он ни за что не взошел бы на борт, невзирая на травлю. Однако такого он никак не ожидал. Капитан Крауза, услышав послание Баслима, отнесся к мальчику дружелюбно, пусть даже по-отечески грубовато, и Торби полагал, что экипаж «Сизу» станет воспринимать его так же, как командир звездолета.

Он бродил по стальным коридорам, чувствуя себя привидением в царстве живых, и в конце концов, загрустив, решил вернуться в каюту, в которой проснулся час назад. Но тут же понял, что заблудился. Он по памяти восстановил дорогу назад (уроки Баслима пошли ему впрок), но обнаружил лишь безликий туннель. Торби начал поиски сызнова и, ощутив некое неудобство, решил, что, найдет он свою каюту или нет, но туалет отыщет, даже если ему придется схватить кого-

нибудь и как следует встряхнуть, чтобы дознаться, где это место.

Он сунулся в какую-то дверь, но, услышав исполненный негодования женский визг, поспешно отпрянул. За спиной хлопнула дверь.

В тот же миг его едва не сбил с ног шедший быстрым шагом мужчина, который заговорил с ним на интерлингве:

— Чего ты тут шляешься и повсюду суешь свой нос?

Торби почувствовал облегчение. Уж лучше брань, чем полное пренебрежение.

— Я заблудился, — робко произнес он.

— А чего тебе на месте не сиделось?

— Я не знал, что должен был... простите, благородный сэр. К тому же, там не было туалета.

— Ясно. Туалет расположен напротив твоей каюты.

— Я не знал, благородный сэр.

— Ммм... да уж, конечно, не знал. Кстати, я не «благородный сэр», а первый помощник главного энергетика. Придется тебе это запомнить. Пошли, — мужчина схватил Торби за руку и быстро потащил его по лабиринту к тому самому туннелю, в котором мальчик так растерялся. Офицер тронул рукой стальную переборку.

— Вот твоя каюта.

Панель скользнула в сторону.

Потом мужчина повернулся и точно так же тронул противоположную переборку.

— Это галюн для холостяков правого борта, — он с презрением фыркнул, когда Торби нерешительно замер при виде незнакомых приспособлений, потом проводил мальчика обратно в его каюту.

— Оставайся здесь. Поесть тебе принесут.

— Первый помощник главного энергетика, сэр?

— Что еще?

— Нельзя ли мне поговорить с капитаном Краузой? Мужчина удивился.

— Ты полагаешь, у шкипера нет других забот, кроме как беседовать с тобой?

— Но...

Офицер уже ушел, и Торби обращался к стальной переборке.

Вскоре появилась снедь. Юнец, притащивший поднос, держался так, словно в каюте вообще никого не было. Спустя некоторое время он принес еще несколько тарелок и забрал опустевшие. Торби почти удалось заставить его обратить на себя внимание: уцепившись за поднос, он заговорил на интерлингве. В глазах молодого человека сверкнула искра понимания, но он ответил лишь презрительным:

— Фраки!

Торби не знал этого слова, но интонацию, с какой оно было произнесено, понял прекрасно.

Фраки — это маленькая безобразная полуящерица, питающаяся падалью, обитатель Примы III альфы Центавра, одного из первых миров, заселенных людьми. Это мерзкое, практически безмозглое создание с отвратительными повадками. Мясо фраки мог бы съесть только умирающий с голоду. Кожа ее неприятна на ощупь и противно воняет.

Но «фраки» означает нечто большее. Так называют того, кто обретаётся в грязи, принадлежит к чуждому племени, кто не летает в космос, кого можно даже человеком не считать, дикаря, подонка. В языках старой Земли почти каждое название животного служило ругательством: свинья, собака, корова, акула, скунс, червяк — всего не перечислить. Но ни одно из этих слов не звучало так обидно, как «фраки».

К счастью, Торби смог понять лишь, что молодой человек не желает с ним разговаривать... а это было ясно и без слов.

Вскоре Торби задремал. Но, хотя его и научили движением руки открывать дверь, он так и не сумел найти комбинацию поглаживаний, толчков и надавливаний, которая помогла бы ему откинуть койку. Пришлось ночевать на полу. Утром доставили завтрак, но Торби не посмел заговорить с человеком, который его принес; в туалете напротив ему встретились несколько юношей. Они по-прежнему игнорировали его, но Торби, понаблюдав за ними, обнаружил, что в туалете можно стирать одежду. Ее полагалось засунуть в специальную машину, которая, поработав несколько минут, выдавала шорты и рубашку свежими и выглаженными. Торби был так очарован техникой, что выстирал одеж-

ду целых три раза. Больше делать было нечего. Следующую ночь он опять провел на полу.

Торби сидел в каюте, чувствуя глубокую тоску и боль при воспоминании об отце и жалея, что покинул Джуббул. Вскоре кто-то постучался в его дверь.

— Можно войти? — раздался робкий голос, произносивший саргонезские слова с сильным акцентом.

— Входите! — с готовностью отозвался Торби и вскочил на ноги, чтобы открыть дверь. Перед ним стояла женщина средних лет с милым добрым лицом. — Входите, — повторил он по-саргонезски и отступил в сторону.

— Благодарю, вы очень любезны, — она запнулась и быстро спросила: — Не говорите ли вы на интерлингве?

— Разумеется, мадам.

— Хвала небесам, — пробормотала она на английском Системы. — Саргонезский меня уже утомил, — и перешла на интерлингву: — Тогда давайте говорить на этом языке, если вы не возражаете.

— Как вам будет угодно, мадам, — ответил Торби и добавил по-английски: — Если, разумеется, вы не предпочитаете другие языки.

Она удивилась.

— На скольких же языках вы говорите?

Торби задумался.

— На семи, — ответил он, — и понимаю еще несколько, но не осмелюсь утверждать, что говорю на них.

Ее удивление росло с каждой минутой.

— Возможно, я ошиблась. Но, поправьте меня, если я не права: мне сказали, что вы — сын нищего с Джуббула.

— Я сын Калеки Баслима, — с гордостью произнес Торби. — Саргон по доброте своей выдал ему лицензию на нищенство. Мой отец был мудрым, ученым человеком, и мудрость его была известна всей площади от края до края.

— Верю... Так что, все нищие Джуббула такие же замечательные полиглоты?

— Что вы, мадам! Большинство говорит лишь на самом низкопробном жаргоне. Но мой отец не позволял мне этого... ну, разве что в интересах дела.

— Разумеется, — женщина моргнула. — Хотела бы я быть знакомой с твоим отцом.

— Спасибо, мадам. Может быть, присядете? Мне очень жаль, но я могу предложить вам только пол. Но уж зато весь он в вашем распоряжении.

— Благодарю, — она уселась с гораздо большим трудом, чем Торби, который провел в позе лотоса тысячи часов, надрывая глотку мольбами о подаении.

Торби никак не мог решить, закрыть ли ему дверь, или же дама (на саргонезском он называл ее «миледи») оставила ее открытой нарочно. Мальчик чувствовал, что тонет в океане незнакомых обычаев и условностей, и общественное устройство корабля было ему совершенно непонятно. Он разрешил эту проблему при помощи здравого смысла, спросив:

— Предпочитаете ли вы закрыть дверь или держать ее распахнутой, мадам?

— А? Не имеет значения. Хотя, впрочем, пусть остается открытой. Здесь живут холостяки, а я располагаюсь в той части корабля, где обретаются незамужние женщины. Но я пользуюсь некоторыми льготами и дополнительными свободами... ну, скажем, как комнатная собачка. Я — «фраки», но меня терпят, — последние слова она произнесла со смущенной улыбкой.

Торби не уловил смысла.

— Собака? Это животное, произошедшее от волка?

Она пристально посмотрела на него.

— Ты учил этот язык на Джуббуле?

— С самого раннего детства я жил только на Джуббуле. Простите, если я выражаюсь неправильно. Может быть, лучше поговорим на интерлингве?

— Нет, нет... Ты прекрасно говоришь по-английски. Твой земной акцент гораздо приятнее моего. А я так и не сумела научиться произносить гласные так, как это принято на моей родной планете. Но я стараюсь, чтобы меня понимали. Кстати, я забыла представиться. Я не Торговец. Я антрополог, и они позволили мне совершить путешествие на их корабле. Меня зовут доктор Маргарет Мейдер.

Торби склонил голову и сложил ладони.

— Рад нашему знакомству. Меня зовут Торби, сын Баслима.

— Мне тоже очень приятно, Торби. Зови меня Маргарет. Мой титул здесь ничего не значит, поскольку он не имеет отношения к корабельной иерархии. Знаешь ли ты, что такое антрополог?

— Простите, мадам... Маргарет.

— Название громкое, но означает по сути простую вещь. Антрополог — это ученый, исследующий человеческое общежитие.

— Разве это наука? — с сомнением спросил Торби.

— Иногда я и сама не знаю. Но это — достаточно сложные исследования, потому что люди могут устраивать свои общины бесчисленным количеством способов. Существует лишь шесть признаков, объединяющих людей и отличающих нас от животных: три из них относятся к физиологическим особенностям работы органов, а три другие еще изучаются. Все остальное — поступки людей, их вера, обычаи — чрезвычайно разнообразно. Антропологи изучают это разнообразие, эти переменные величины. Ты знаешь, что такое «переменная»?

— Икс в уравнении? — неуверенно предположил Торби.

— Совершенно верно! — радостно ответила женщина. — Мы изучаем иксы в человеческих уравнениях. Именно этим я и занимаюсь. Я изучаю образ жизни Вольных Торговцев. У них принят самый, вероятно, необычный во всей истории людей способ решения этой сложной задачи — быть человеком. Они уникальны, — она непрерывно ерзала по полу. — Торби, можно я пересяду в кресло? Мое тело уже не так гибко, как в молодости.

Торби покраснел.

— Мадам, у меня ни одного нет. Я не...

— Одно из кресел расположено прямо за твоей спиной. И еще одно — за моей, — она привстала и прикоснулась рукой к стене. Панель раздвинулась, и из нее выползло небольшое кресло.

Увидев озадаченное лицо мальчика, она спросила:

— Разве они тебе не показали? — и сделала то же самое с другой стеной; в каюте появилось еще одно сиденье.

Торби осторожно присел, потом позволил себе расслабиться и уселся всем телом, почувствовав, что кресло само приняло наиболее удобную форму. На его лице появилась широкая улыбка.

— Здорово!

— А ты знаешь, как раскрыть откидной столик?

— Столик?

— Боже праведный, неужели они вообще ничего тебе не показали?

— Ну... сначала тут была койка. Но я потерял ее.

Доктор Мейдер что-то пробормотала и сказала вслух:

— Можно было догадаться. Торби, я восхищаюсь этими Торговцами. Я даже иногда испытываю к ним нежные чувства. Но порой они бывают до глупости спесивыми и самовлюбленными. Впрочем, не буду хулить наших хозяев. Вот, — она дотронулась руками до двух кружков на стене, и исчезнувшая койка появилась вновь. Теперь, при двух откинутых креслах, в каюте почти не осталось места. Пожалуй, тут мог бы стоять только один человек.

— Лучше я уберу ее. Ты заметил, что я делала?

— Дайте я попробую.

Маргарет показала Торби и другие встроенные предметы, которые прятались в, казалось бы, совершенно гладкую стену: два кресла, койку, шкафчики для одежды. Торби обнаружил, что в его распоряжении еще две смены одежды, две пары мягких корабельных туфель и еще несколько странных, на его взгляд, предметов: книжные полки, на которых, впрочем, стояли только брошюры «Устава "Сизу"», фонтанчик для питья, лампа для чтения в кровати, интерком, часы, зеркало, обогреватель, а также панель с кнопками, назначения которых он не мог понять, поскольку сроду не видал таких вещей.

— Что это? — наконец спросил он.

— Это? Наверное, микрофон для связи с кабиной старшего офицера. А может быть, имитация, а настоящий где-нибудь спрятан. Но не беспокойся: на этом корабле никто не говорит по-английски, и старший офицер тоже не исключение. Тут пользуются «секретным» языком, да только никакой он не секретный: самый обычный финский. У каждого Торговца свой

язык — один из земных, а для связи между кораблями официально принят общий «секретный» язык, представляющий собой упрощенную латынь, но и на латыни они не говорят: Свободные Корабли общаются на интерлингве.

Торби слушал вполуха. Ему было просто приятно находиться в обществе, и он наслаждался тем, как к нему относится Маргарет.

— Доктор Мейдер... а почему они не говорят с людьми?

— Ага, — она заметно погрузтелась. — Мне следовало понять это самой. Они попросту игнорируют тебя, верно?

— Ну... они кормят меня.

— Но разговаривать не желают. Бедный мой! Торби, они не хотят говорить с тобой потому, что ты не относишься к «Людям». Так же, как и я.

— С вами они тоже не разговаривают?

— Теперь разговаривают. Для этого потребовалось прямое распоряжение капитана и много терпения с моей стороны, — она нахмурилась. — Торби, у каждой клановой культуры — а я не знаю другой, которой были бы в такой же мере присущи черты клановости, — у каждой такой культуры есть особое слово... которое означает «человек». Правда, произносят его по-разному. Такое слово обозначает их самих. «Я и моя жена, мой сын Джон, нас трое, а больше никого нет на всем белом свете». Такая точка зрения отсекает их от всех прочих групп людей и отрицает право других считаться людьми. Тебе уже довелось слышать слово «фраки»?

— Да. Но я не знаю, что это значит.

— Фраки — это безвредное, но достаточно противное животное. В их устах «фраки» означает «чужак».

— Ну что ж, я действительно чужой для них.

— Да, но это означает, что ты никогда не станешь ничем иным. Это означает, что ты и я — недочеловеки, стоящие вне закона — их закона.

Торби растерялся.

— Значит ли это, что мне придется безвылазно сидеть в каюте и ни с кем не разговаривать?

— Великое небо! Не знаю. Но ведь я-то разговариваю с тобой.

— Спасибо!

— Итак, подведем итог. Торговцы отнюдь не жестоки, в них лишь сквозит провинциальное высокомерие. Им и в голову не приходит, что ты способен что-то чувствовать. Я поговорю с капитаном. Мы с ним условились побеседовать, как только на корабле возникнет необычная ситуация, — она взглянула на часы. — Господи, уже столько времени! Я пришла поговорить о Джуббуле, а мы даже не вспомнили об этом! Ты позволишь мне прийти еще?

— Я хотел бы вас видеть почаще.

— Ну, вот и хорошо. Культура Джуббула изучена неплохо, но, как мне кажется, ни один исследователь не имел возможности взглянуть на нее с вашей точки зрения. То, что ты оказался профессиональным нищим, весьма и весьма меня обрадовало.

— То есть?

— Видишь ли, ученые, которым довелось изучать Джуббул, общались в основном с высшей знатью планеты. О жизни рабов они могли судить... ну, скажем, поверхностно, а не изнутри. Понимаешь?

— Верно, — кивнул Торби, — и если вам захочется узнать о жизни рабов побольше, то я к вашим услугам.

— Ты был рабом?

— Теперь я свободный человек. Мне следовало сказать вам раньше, — проговорил он, ощущая некое неудобство и даже опасение, что новообретенный друг, узнав о его социальном происхождении, отнесется к нему с презрением.

— Что ты! Да я счастлива узнать об этом! Торби, ты просто кладезь сокровищ! Слушай, милый, мне нужно бежать, я опаздываю. Ты не будешь возражать, если я к тебе вскоре загляну?

— Ну что вы, Маргарет! — и он честно добавил: — Ведь мне все равно больше нечего делать.

Этой ночью Торби спал на своей новой чудесной кровати. Все утро он провел в одиночестве, но не скучал, так как у него появилась масса игрушек, с

которыми он мог забавляться. Он извлекал предметы и вновь заставлял их прятаться, восхищаясь тем, как удобно и компактно все устроено. «Чтобы придумать все это, нужно прямо-таки дьявольское хитроумие», — подумал он. Баслим говорил, что магии и волшебства не существует, но Торби забывал о его словах, видя перед собой настоящее чудо.

Он уже в шестой раз раскладывал койку, когда раздался пронзительный вой, от которого Торби едва не выпрыгнул из башмаков. Это был звук корабельной сирены, возвещавшей учебную тревогу и призывавшей всех занять свои места, но Торби об этом не знал. Уняв сердцебиение, он приоткрыл дверь и выглянул наружу. По коридору сломя голову бежали люди.

Мгновение спустя их и след простыл. Мальчик вернулся в каюту и попытался привести в порядок свои мысли. Вскоре его острый слух уловил, что мягкое шуршание вентиляторов стихло. Но Торби не знал, что ему делать. Он должен был сейчас прятаться в особом помещении вместе с детьми и теми, кому не полагалось участвовать в боевых действиях, но не ведал об этом.

Поэтому он просто ждал.

Снова взвыла сирена, но на сей раз вой сопровождался звуком рожка, и опять по туннелям помчались люди. Тревога повторялась снова и снова: экипаж отрабатывал ситуации поражения рубки, пробойны, отказа энергосистемы, отказа системы подачи воздуха, радиационной опасности — все приемы, которые обычно предлагаются космонавтам во время учений. Затем отключилось освещение и исчезло искусственное поле тяготения, и Торби испытал ужасное ощущение свободного падения.

Вся эта непонятная сумятица продолжалась достаточно долго, и наконец мальчик услышал звук отбоя, а вентиляционная система вновь заработала нормально. Никому даже в голову не пришло побеспокоиться о Торби; старая женщина, командовавшая небоеспособным населением корабля, забыла о каком-то фраки, хотя пересчитывала по головам даже животных, находящихся на борту.

Сразу же после тревоги Торби вызвали к старшему офицеру.

Человек, открывший его дверь, схватил мальчика за плечо и вытащил наружу. Поначалу Торби был слишком ошарашен, чтобы сопротивляться, но, пройдя несколько шагов, взбунтовался: он был сыт по горло подобным обращением.

Чтобы выжить в Джуббулпоре, он был вынужден научиться приемам уличной драки; однако этот его противник явно изучал боевое искусство, построенное на научных основах и самообладании. Торби все же изловчился и нанес один-единственный удар, после чего был прижат к переборке с вывернутым и едва не сломанным запястьем.

— Прекрати дурить!

— А куда ты меня тащишь?

— Я сказал, прекрати эти глупости! Тебя вызывает старший офицер. Не зли меня, фраки, или я выбью мозги из твоей башки!

— Я хочу видеть капитана Краузу!

Мужчина слегка ослабил хватку и ответил:

— Увидишь. Но тебя вызывает старший офицер, а она не любит ждать. Ты успокоишься? Или доставить тебя по частям?

Торби покорно поплелся следом. Вывернутая кисть вкупе с нажимом на нерв, проходящий под костью, несет в себе свою грубую логику. Они поднялись по палубам, и мужчина втолкнул его в открытую дверь.

— Старший офицер! Я привел этого фраки.

— Благодарю вас, третий палубный мастер. Вы можете идти.

Торби понял только слово «фраки». Поднявшись на ноги, он осмотрелся и увидел, что находится в помещении, в несколько раз превосходящем размерами его собственную каюту. Самым заметным предметом обстановки была огромная кровать, но крохотная фигурка, покоящаяся на кровати, довлела над всем окружающим. Оторвав от нее взгляд, Торби только теперь заметил, что по одну сторону кровати молча стоит Крауза, а по другую — еще одна женщина, ровесница капитана.

Женщина на кровати, несмотря на преклонные годы, излучала властность и силу. Она была богато одета — один лишь шарф, прикрывавший ее тонкие волосы,

стоил столько денег, сколько Торби никогда не видел зараз. Однако мальчик видел только ее пронзительные глаза за полуприкрытыми веками.

— Вот как! Немало неприятностей принесла бы мне эта история, поверь я в нее, старший сын, — она говорила по-фински.

— Мать моя, послание подлинное.

Женщина фыркнула.

Капитан с упрямой настойчивостью произнес:

— Мать, выслушайте его сами, — он повернулся к Торби и сказал на интерлингве: — Повтори послание, переданное твоим отцом.

При виде друга отца Торби почувствовал облегчение и покорно воспроизвел непонятный ему текст. Пожилая женщина выслушала его и обернулась к капитану Краузе.

— Что такое? Он говорит на нашем языке? Фраки?

— Нет, мать моя, он не понимает ни слова. Это голос Баслима.

Она вновь обратила взгляд на Торби и обрушила на него шквал финских слов. Мальчик вопросительно посмотрел на капитана.

— Пусть повторит еще раз, — велела женщина.

Капитан отдал приказ. Торби смутился, но с готовностью повторил. Женщина лежала молча, а остальные терпеливо ждали. На ее лице появилась раздраженная гримаса; наконец она выдохнула:

— Долги надо платить!

— Я тоже так считаю, мать моя.

— Но почему эти помои выплескиваются на нас? — сердито спросила она.

Капитан ничего не ответил, и женщина продолжала более спокойно:

— Послание подлинное. Сначала я думала, что все это — сплошная чепуха, и, зная я о твоих намерениях, я запретила бы тебе. Но, старший сын, как ты ни глуп, правда на твоей стороне. А долги надо платить, — капитан продолжал молчать, и женщина гневно воскликнула: — Ну! Чего молчишь? Какой монетой ты собираешься расплачиваться?

— Я уже думал об этом, мать, — медленно проговорил Крауза. — Баслим просил, чтобы мы позаботи-

лись о мальчике до тех пор, пока не представится возможность передать его какому-нибудь военному кораблю Гегемонии. Долго ли придется ждать? Год, два года? Тут возникают проблемы. Правда, у нас есть прецедент — та самая женщина-фраки. Семья приняла ее, не без ропота, конечно, но теперь все привыкли к ней и даже рады ее присутствию. Если бы мать вмешалась в судьбу мальчика таким же образом...

— Чепуха!

— Но, мать моя, мы должны это сделать. Долги надо...

— Тихо!

Крауза умолк.

Женщина заговорила слабым голосом:

— Или ты не расслышал, какое бремя взвалил на тебя Баслим? «Помочь ему и воспитать его так же, как это делал я». Кем был Баслим этому фраки?

— Он называл его приемным сыном. Я думал...

— Ничего ты не думал! Если тебе придется заменить Баслима, то кем ты становишься? Разве можно понять его слова, его просьбу как-то иначе?

Капитан встревожился. Старуха продолжала:

— «Сизу» всегда платит долги сполна. Мы не допускаем обмера и обвеса. Этот фраки должен быть усыновлен... тобой.

Лицо Краузы было непроницаемо. Вторая женщина, до сих пор молча занимавшаяся рукоделием, уронила поднос.

Капитан проговорил:

— Но, мать моя, что решит Семья...

— Семья — это я! — Старуха быстро обернулась ко второй женщине. — Жена старшего сына! Пусть все остальные дочери немедленно придут ко мне!

— Слушаюсь, мать моего мужа, — она поклонилась и вышла.

Старший офицер мрачно посмотрела поверх голов Краузы и Торби, а затем едва не улыбнулась.

— Это не беда, старший сын. Как ты думаешь, что произойдет на следующей Встрече Людей?

— Нас будут благодарить.

— «Спасибо» в трюм не погрузишь, — она облизнула тонкие губы. — Люди будут в долгу перед «Си-

зу»... и в статусе кораблей произойдут кое-какие изменения. Мы не прогадаем.

Крауза слабо улыбнулся.

— Вы всегда были хитрой лисой, мать.

— «Сизу» повезло, что им команду я. Возьми мальчишку и подготовь его. Не будем тянуть с этим делом.

Глава 8

У Торби было две возможности: или спокойно позволить усыновить себя, или возмутиться, но все равно быть усыновленным. Он выбрал первый вариант, разумно решив, что противиться воле старшего офицера бесполезно и небезопасно. К тому же, хотя он и чувствовал себя неуютно, вступая в новую семью сразу после смерти папы, он не мог не сознавать, что это пойдет ему на пользу. Будучи фраки, он занимал самую низшую ступень на общественной лестнице. С ним могли сравниться разве что рабы.

И, что было гораздо важнее, отец велел ему делать все, что прикажет капитан Крауза.

Усыновление состоялось в тот же день в кают-компании во время ужина. Церемония велась на «секретном» языке, посему Торби мало что извлекал для себя из происходящего и еще меньше — из произносимых слов, однако капитан заблаговременно объяснил, что ему надлежит делать. В салоне собрался весь экипаж «Сизу», за исключением вахтенных. Даже доктор Мейдер получила приглашение. В церемонии она не участвовала, зато внимательно слушала и глядела в оба.

Когда внесли старшего офицера, все встали. Она заняла место во главе офицерского стола, где за ней тут же принялась ухаживать невестка, жена капитана.

Устроившись поудобнее, старший офицер сделала знак, и все уселись, причем капитан занял место по ее правую руку. Дежурившие нынче девушки принесли чаши с постной похлебкой. Никто к ней даже не притронулся. Старший офицер ударила ложкой по своей чашке и сказала речь, краткую и выразительную.

Затем наступила очередь ее сына. Торби с удивлением услышал часть переданного им послания: он сумел уловить последовательность звуков.

Капитану ответил старший инженер, мужчина, выглядевший старше Краузы, а затем взяли слово еще несколько мужчин и женщин. Старший офицер задала вопрос, и экипаж хором произнес единодушный ответ. Ей не пришлось спрашивать, голосует ли кто-нибудь против.

Капитан обратился к Торби на интерлингве. Мальчик одиноко сидел на стуле и чувствовал себя не очень уютно, особенно потому, что те немногие, которые удостаивали его взглядом, выглядели не так уж дружелюбно.

— Подойди сюда!

Торби поднял глаза и увидел, что на него смотрят капитан и его мать. Женщина выглядела чуть раздраженной, хотя, вполне возможно, ей вообще была свойственна такая мина. Мальчик торопливо вскочил.

Она опустила ложку в миску и слегка прикоснулась к ней языком. Борясь с ощущением, что делает нечто ужасное, но повинувшись приказу капитана, Торби осторожно зачерпнул из ее миски и сделал глоток. Женщина потянулась к нему и, пригнув вниз его голову, ткнулась сухими губами в обе его щеки. Он вернул ей эту символическую ласку, чувствуя, как его кожа покрывается пупырышками.

Затем Крауза взял бурды из миски Торби, а тот, в свою очередь, — из капитанской. Крауза взял нож и, зажав острие между большим и указательным пальцами, прошептал на интерлингве:

— Смотри не заори.

И уколол плечо Торби.

Мальчик с презрением подумал, что Баслим научил его переносить куда более сильную боль. Кровь ударила струей. Крауза вывел Торби на середину зала, где

все могли его видеть, что-то громко воскликнул и опустил руку мальчика так, чтобы кровь стекала на палубу, где вскоре скопилась небольшая лужица. Капитан наступил на нее, растер кровь ботинком, опять издал какой-то клич, вызвав оживленную реакцию присутствующих, и вновь обратился к Торби на интерлингве:

— Твоя кровь — в нашей стали, наша сталь — в твоей крови!

Ощувтив себя частицей корабля, Торби почувствовал прилив гордости.

Жена капитана заклеила порез пластырем. Затем Торби обменялся едой и поцелуем с ней, а потом и со всеми присутствующими. Он обошел все столы, всех своих новообретенных братьев, сестер, кузин и тетушек. Вместо поцелуев мужчины жали ему руку и крест-накрест хлопали по плечам. Подойдя к столу, за которым сидели незамужние девушки, он заколебался, но те не стали его целовать: хихикая, повизгивая и краснея, они торопливо прикасались к его лбу кончиками пальцев.

За его спиной дневальные убрали со столов миски с кашей, которая оказалась чисто ритуальным блюдом, символизирующим скудость рациона, которым пришлось бы при необходимости довольствоваться в космосе, и заменяли бурду изысканными яствами. Торби пришлось бы нахлебаться бурды по самые уши, если бы он вовремя не сообразил, что нужно не есть ее, а только облизывать ложку. Однако, усевшись как полноправный член Семьи за стол холостяков, он уже не ощущал тяги к лакомствам, поданным в его честь. Приобретение более восьмидесяти новых родственников оказалось нелегким делом. Торби устал, нервничал и вовсе не чувствовал голода.

Он все же попытался поесть. Вскоре до его уха долетело чье-то замечание, в котором он узнал только одно слово — «фраки». Подняв голову, Торби увидел напротив молодого человека, смотревшего на него с явной неприязнью.

Старший из холостяков, сидевших за одним столом с Торби, заявил во всеуслышание:

— Сегодня вечером мы должны говорить только на интерлингве, да и потом мы дадим нашему новому родственнику возможность изучить язык постепенно, —

он холодно посмотрел на юношу, с презрением глядевшего на Торби. — А ты, мой побочный кузен по линии супруги, должен уяснить (я больше не стану напоминать), что мой младший приемный брат является для тебя старшим. После ужина зайдешь ко мне в каюту.

Юноша выглядел испуганным.

— О, старший кузен, я только говорил, что...

— Придержи язык.

Старший вежливо обратился к Торби:

— Нужно пользоваться вилок. Люди не едят руками.

— Вилкой?

— Лежит слева от твоей тарелки. Смотри на меня, и скоро научишься. Не давай окружающим повода смеяться над тобой. Кое-кому из наших мальчишек следовало бы понимать, что решения бабушки — закон для всех нас.

Из своей каюты Торби был переведен в менее роскошное помещение большего размера, предназначенное для четырех холостяков. Его соседями оказались Фриц Крауза, старший неженатый молочный брат и старший по столу холостяков, Челан Крауза-Дротар, молочный двоюродный брат Торби, и Джери Кингсолвер, его молочный племянник по старшему женатому брату.

Торби быстро постигал финский язык. Однако первые слова, которые ему пришлось выучить, оказались вовсе не финскими, а были заимствованными или изобретенными для обозначения тонкостей родственных отношений. Языки отражают культуру, которую обслуживают; в большинстве языков есть слова для обозначения таких понятий, как «брат», «сестра», «отец», «мать», «тетя», «дядя», а также приставки для обозначения связи поколений. В некоторых языках не делается различия между отцами и дядьями, и такие языки отражают клановые обычаи общества. С другой стороны, в ряде языков (например, норвежском) понятие «дядя» расщепляется на женскую и мужскую линии.

Для Вольных Торговцев было обычным делом выражать такие сложные отношения родства, как «сводный двоюродный дядя по супружеству с материнской стороны» одним-единственным словом, которое означало только это отношение и ничего другого. Таким обра-

зом, можно было обозначить отношения между любыми двумя точками на генеалогическом древе. Большинство культур имеет в своих языках около дюжины необходимых в данном случае слов, но Торговцам едва хватало двух сотен. Их язык содержал четкие и краткие термины, означавшие различные поколения, прямые и побочные линии, кровных родственников и свойственников, отношения возрастов в пределах одного поколения, пол говорящего и пол человека, к которому он обращался, пол родственников, образующих линию, кровное и дальнее родство, а также то, жив ли член Семьи, о котором идет речь, или уже умер.

Первой задачей Торби было выучить слова и родственные связи, ими обозначаемые, и научиться правильно обращаться к более чем восьмидесяти родственникам; он должен был усвоить тончайшие оттенки родства, близость и старшинство; он должен был знать также титулы, с которыми каждому родственнику надлежало обращаться к нему. Не запомнив всех этих сведений, он попросту не мог разговаривать с окружающими, ибо его речь была, по местным понятиям, ужасающе некультурной.

Он должен был научиться сопоставлять пять признаков каждого члена команды «Сизу»: внешность, полное имя (его самого теперь звали Торби Баслим-Крауза), семейный титул, титул лица, с которым данный член Семьи обращается к нему, а также корабельный ранг (например, «старший офицер», «второй помощник кока»). Он усвоил, что к каждому следует обращаться по семейному титулу, если речь идет о делах Семьи, по корабельному званию, если речь идет о служебных обязанностях, и по имени — в отдельных случаях и лишь с разрешения старшего. Уменьшительные имена употреблялись редко и только сверху вниз, но не наоборот.

Не выучив всех этих правил, он не мог считаться полноправным членом Семьи, хотя и был в нее формально принят. Уклад жизни на корабле представлял собой кастовую систему с таким сложным комплексом обязанностей, привилегий и предписанных реакций на определенные поступки, что даже строго расчлененное и стиснутое многочисленными правилами общество

Джуббула представлялось сплошным хаосом. Жена капитана приходилась Торби матерью, но она также была заместителем старшего офицера, и его обращение к ней зависело от того, что он хотел ей сказать. Поскольку Торби попал на корабль уже холостым мужчиной, между ними не возникло отношений, присущих матери и сыну; тем не менее она относилась к юноше тепло и всегда подставляла щеку для поцелуя точно так же, как и его соседу по комнате старшему брату Фрицу.

Однако в роли заместителя старшего офицера она могла повести себя с ледяной вежливостью сборщика налогов.

В ее положении были свои сложности: она не могла стать старшим офицером до тех пор, пока старуха не соизволит умереть. Пока же она действовала только от имени и по поручению свекрови и должна была ухаживать за ней. Теоретически старшие должности были выборными; на практике же это были выборы с единственным кандидатом и заранее предпрешенным исходом. Крауза унаследовал капитанский чин от отца; его жена стала заместителем старшего офицера только потому, что была супругой капитана, и ей предстояло занять пост старшего офицера и командовать всем кораблем — точно так же, как это делала мать Краузы, в силу тех же причин. До тех же пор высокий статус жены капитана был сопряжен с самой тяжелой работой на корабле, без сна и отдыха, ибо старшие офицеры служили пожизненно... если их не снимали с поста и не высаживали на планету с низким уровнем жизни, а то и не вышвыривали в открытый космос, обвинив в нарушении древних законов «Сизу». Однако такие случаи были так же редки, как двойное затмение Солнца. Мать Торби могла рассчитывать лишь на смерть свекрови от сердечной недостаточности, удара или от иной неожиданности, подстерегающей человека преклонных лет.

Торби, как младший приемный сын капитана Краузы, старшего мужчины в клане Крауза, номинального главы Семьи (настоящим ее главой была его мать), оказался по клановому статусу выше трех четвертей своих родственников (корабельного ранга ему еще не присвоили). Однако старшинство отнюдь не облегчило

ему жизнь. Ранг приносит привилегии. Но вместе с ними на человека возлагаются ответственность и обязанности, груз которых перевешивает удобства, доставляемые льготами.

Научиться нищенствовать было куда проще.

Торби с головой ушел в эти новые для него проблемы и по несколько дней не виделся с доктором Маргарет. Как-то раз, торопливо шагая по коридору четвертой палубы, — теперь он всегда спешил, — Торби налетел на нее, едва не сбив с ног.

Он остановился.

— Здравствуйте, Маргарет!

— Здравствуй, Торговец. А я уж было решила, что ты не захочешь даже разговаривать с фраки.

— Что вы, Маргарет!

Она улыбнулась.

— Я шучу. Поздравляю тебя, Торби. Я рада за тебя: это решение при таких обстоятельствах было самым верным.

— Благодарю вас. Я тоже так думаю.

Перейдя на английский Системы, она с материнской заботливостью спросила:

— Я слышу сомнение в твоём голосе. Что-нибудь не так?

— Да нет, все в порядке, — и вдруг он выпалил всю правду: — Боюсь, я никогда не смогу понять этих людей.

— В начале каждого полевого сезона я ощущаю то же самое, — мягко проговорила она, — а этот корабль представляется мне самым загадочным. Так что же тебя беспокоит?

— Ну... я не знаю. И, боюсь, никогда не сумею разобраться. Возьмем Фрица — он мой старший брат. Он много помогал мне, но, когда я не оправдывал его ожиданий, он начинал орать мне прямо в ухо. Один раз даже ударил меня. Я не остался в долгу, и мне показалось, что он вот-вот взорвется.

— Ключнул его как следует...

— Что?

— Неважно. Это не научное сравнение. Люди — не цыплята. Так что же произошло?

— Ну, он тут же стал холодно-вежлив и сказал, что прощает мне оплеуху и забудет о ней, принимая во внимание мое невежество.

— *Noblesse oblige.*

— Простите?

— Извини. Мои мозги засорены подобными словечками сверх меры... И что же он? Забыл, простил?

— Начисто. Стал слаще сахара. Не знаю, из-за чего он так разъярился и почему успокоился после того, как я его ударил, — Торби развел руками. — Это так неестественно.

— Верно... и в то же время неверно. Ммм... Торби, я могу тебе помочь. Мне кажется, я понимаю Фрица. Понимаю благодаря тому, что я — не из Людей.

— Что вы имеете в виду?

— Моя работа как раз и заключается в том, чтобы понимать людей. Фриц родился среди Торговцев. Много из того, что он знает — а он очень умный молодой человек, — лежит в области подсознательного. Фриц не может объяснить многие свои поступки: он не думает, а просто действует. Ну, а я два последних года сознательно изучала все, что видела и слышала. Поэтому я могу дать тебе совет каждый раз, когда ты стесняешься спросить что-либо у них. Со мной ты можешь разговаривать совершенно свободно: у меня нет никакого статуса.

— Маргарет, неужели вы действительно можете?

— Всякий раз, когда у тебя появится время для разговора. Но я не забыла и твоего обещания рассказать мне о Джуббуле. А теперь не буду тебя задерживать. Ты, очевидно, торопишься.

— В общем-то, нет, — он застенчиво улыбнулся. — Когда я по-настоящему спешу, у меня нет времени перекинуться с кем-либо хотя бы словом... да и не знаю, как это сделать.

— Понятно. Торби, у меня есть фотографии, списки имен, семейная классификация и обязанности каждого члена экипажа. Это поможет тебе?

— Еще бы! Фриц думает, что достаточно лишь показать мне человека и один раз объяснить, кто он есть, — и я всех узнаю!

— Тогда пойдем ко мне в каюту. Не стесняйся: мне разрешено принимать у себя для работы всех, кого бы я ни пожелала. Дверь открывается в общий коридор, и тебе не придется заходить на женскую половину.

Обложившись со всех сторон фотографиями и списками, Торби за полчаса усвоил все необходимые сведения благодаря урокам Баслима и дотошности доктора Мейдер. Она приготовила также полное генеалогическое древо «Сизу». Торби впервые видел его — такого не было ни у одного из его новых родственников: они не нуждались в памятках, потому что знали все наизусть.

Маргарет показала Торби место на древе, где располагался он сам.

— Крестик означает, что, хотя ты и находишься в прямых отношениях с кланом, родился ты не его членом. А вот еще пара людей, состоящих в дальнем свойстве с Семей, но введенных в клан... я полагаю, это было сделано для того, чтобы назначить их на ведущие должности. Экипаж «Сизу» называет себя семьей, но в сущности данная группа представляет собой фратарий.

— Что это?

— Совокупность групп, объединенных родством, но не имеющих общих предков, практикующая экзогамию — обычай искать супругов вне группы. Законы экзогамии продолжают действовать, однако теперь они модифицированы правилами разделения обязанностей. Ты знаешь, как работают пары?

— Они по очереди несут вахты.

— Да, но знаешь ли ты, отчего на ходовых вахтах чаще заняты холостяки, а во время стоянки в порту — незамужние женщины?

— Не знаю.

— Женщины, которых принимают в Семей со стороны, обычно дежурят в порту, а холостяки, родившиеся в Семей, заняты в полете. Каждую девушку из Семей пытаются пристроить на другой корабль, иначе ей придется выбирать себе мужа из весьма ограниченного числа холостяков. Кстати, тебя могли усыновить так, что ты попал бы именно в такую группу, правда, для этого потребовался бы другой отец. Видишь эти

имена, обведенные голубым кружком и крестиком? Одной из этих девушек предстоит стать твоей супругой... если ты не найдешь себе невесту на другом корабле.

Эта мысль неприятно поразила Торби.

— Так я действительно обязан...

— Если тебе присвоят корабельное звание, соответствующее твоему семейному положению, то тебе придется отбиваться от кандидаток палкой.

Торби рассердился. Запутавшись в семейных делах, он скорее захотел бы обзавестись третьей ногой, чем жениться.

— И большинство сообществ, — продолжала Маргарет, — практикует и эндогамию и экзогамию одновременно: человек ищет себе супруга вне семьи, но в среде своего народа, расы, в своей вере, и ваши Торговцы — не исключение. Надо выбирать себе пару на другом корабле, но только не фраки. Однако ваши правила создают не совсем обычное положение: каждый корабль представляет собой патрилокальный матриархат.

— Что?

— Термин «патрилокальный» означает, что жена принимает фамилию мужа, ну а матриархат... скажи, кто управляет кораблем?

— Капитан.

— Так ли?

— Ну, отец, разумеется, слушается бабушку, но она стареет и...

— Никаких «но». Настоящим хозяином является старший офицер. Поначалу меня это удивляло: я думала, что такое положение существует только на этом корабле. Но нет, это правило распространяется на всех Людей. Мужчины ведут торговлю, управляют кораблем и энергоустановкой, но властвует всегда женщина. В рамках системы это имеет смысл, и брачные обычаи становятся более-менее терпимыми.

Однако Торби явно не желал продолжать обсуждение проблем, связанных с женитьбой.

— Ты еще не видел дочерей Торговцев. Девушки покидают родной корабль, плача и стелая, и их приходится тащить едва ли не волоком... но, попав на другой

корабль, они тут же вытирают слезы и готовы улыбаться и флиртовать, высматривая себе мужа. Подцепив подходящего парня и прижав его к рукам, девушка получает шанс стать главой суверенного государства. А слезы ее высыхают очень быстро потому, что в своей семье она была никем. Теперь подумай: если бы хозяевами были мужчины, такой обычай переродился бы в обычную работорговлю; а так у девушки появляется возможность использовать свой шанс.

Доктор Мейдер отвела взгляд от записей.

— Обычай, которые облегчают людям совместное существование, никогда не планируются заранее. Но они полезны — либо они отмирают. Торби, тебя раздражает то, как ты должен обращаться со своими родственниками?

— Еще бы!

— Что для Торговца самое главное?

Торби задумался.

— Пожалуй, Семья. Все зависит от положения, которое ты занимаешь в Семье.

— Вовсе нет. Главное — это корабль.

— Говоря «корабль», вы подразумеваете «Семья».

— Как раз наоборот. Если Торговец чем-то недоволен, куда ему деваться? Он не может жить в космосе без корабля, как не может даже представить себе жизнь среди фраки. Ему противна сама мысль об этом. Корабль для Торговца — все, даже воздух для дыхания создается кораблем, так что приходится учиться жить в нем. Но необходимость постоянно пребывать бок о бок с одними и теми же людьми почти невыносима, а избавиться друг от друга невозможно. Напряжение может дойти до предела, и кто-нибудь будет убит... а то и корабль подвергнется разрушению. Но человеку свойственна способность приспосабливаться к любым условиям. Обряды, этикеты, образцы поведения, предписываемые реакции являются смазкой для скрипучего механизма общественных отношений. Когда напряжение нарастает и становится невыносимым, Люди прикрываются условностями. Поэтому Фриц перестал сердиться.

— Как это?

— Он не мог злиться долее. Ты что-то сделал неправильно, и сам этот факт показал, что ты еще невежествен. Фриц забылся на мгновение, но потом вспомнил, кто ты есть, и его гнев улетучился. Люди не позволяют себе злиться на детей; вместо этого они стараются наставить их на путь истинный... и постепенно ты привыкнешь к сложным правилам, выполнение которых для Фрица — вторая натура.

— Да, я, кажется, понял, — Торби вздохнул. — Но все это не так-то просто.

— Потому, что ты родился в другом мире. Но ты усвоишь это, и в будущем следовать всем правилам станет не труднее, чем дышать, и почти так же полезно. Обычаи подсказывают человеку, кто он такой, какому миру принадлежит и что он обязан делать. Лучше нелогичные обычаи, чем никаких; людям без них не прожить. С точки зрения антрополога, «справедливость» означает поиск работоспособных правил.

— Мой отец, я имею в виду Калеку Баслима, говорил, что единственный путь к справедливости — это честное отношение к другим людям. И при этом не нужно обращать внимания на то, как они поступают с вами.

— Разве это противоречит моим словам?

— Пожалуй, нет.

— Полагаю, Баслим счел бы Людей справедливыми, — она потрепала мальчика по плечу. — Не волнуйся, Торби. Веди себя хорошо, и в один прекрасный день ты женишься на какой-нибудь из этих прекрасных девушек. Ты будешь счастлив.

Это пророчество отнюдь не воодушевило Торби.

Глава 9

Когда «Сизу» достиг Лосиана, Торби уже перевели в боевую рубку и поручили ему работу, достойную настоящего мужчины. Поначалу его назначили на второстепенную должность на складе одежды. Продвижению Торби по службе помогла его математическая подготовка.

Торби продолжал учиться в корабельной школе. Баслим дал ему широкое образование, но учителя не замечали этого, поскольку старик даже не затрагивал большинства предметов, которые считались необходимыми на корабле. Тут учили финскому языку, потому что на нем говорила вся Семья, истории Народа и «Сизу», торговым правилам и деловым навыкам, экспортно-импортным законам многих планет, гидропонике, экономике корабля, его безопасности. Баслим уделял особое внимание языкам, математике, галактографии и истории. Торби быстро схватывал новые предметы лишь благодаря методике Рэншоу, которой столь настойчиво обучал его отец. Торговцам требовалась прикладная математика для ведения бухгалтерской отчетности, навигационных расчетов и управления термоядерными процессами в двигателях корабля. Первую дисциплину Торби усвоил молниеносно, над второй пришлось попотеть, и лишь когда он дошел до третьей, преподаватели

с удивлением обнаружили, что этот бывший фраки, по-видимому, уже изучил начала многомерной геометрии.

Они поспешили сообщить капитану о том, что на корабле появился математический гений.

Это было явным преувеличением; тем не менее Торби тут же пересадил за пульт компьютера, управлявшего корабельным вооружением.

Наибольшую опасность для торгового корабля представляют начальный и конечный отрезки пути, на которых звездолет движется со скоростью чуть меньше световой. Теоретически возможно засечь и проследить корабль, движущийся в несколько раз быстрее света, когда судно как бы теряется в четырехмерном мире человеческого восприятия; на деле же это ничуть не проще, чем попасть пущенной из лука стрелой в отдельную дождевую каплю во время полуденной бури. Однако быстрому и маневренному кораблю не составит труда проследить и атаковать громоздкий медлительный грузовик с битком набитыми трюмами во время торможения или разгона.

«Сизу» мог развивать ускорение в одну сотую стандартной единицы гравитации, и, стремясь сократить время прохождения опасных участков, экипаж выжимал из двигателей все до последней капли. Тем не менее для достижения световой скорости при ускорении километр в секунду за секунду требовалось восемьдесят четыре часа.

Три дня экипаж проводил в тягостном, изматывающем нервы ожидании. Удвоение ускорения сократило бы это время наполовину, а «Сизу» стал бы столь же резвым, как рейдер, но это потребовало бы восьмикратного увеличения мощности термоядерных реакторов и одновременного утяжеления защитного экрана, вспомогательного оборудования и парамагнитных емкостей, содержащих водород. Прирост массы сводил бы к нулю грузоподъемность корабля.

Торговцы зарабатывают на жизнь тяжким трудом; даже если бы в космосе не шныряли охотящиеся за ними пираты, Люди не могли бы позволить себе приносить свои доходы в жертву законам многомерной физики. У «Сизу» были лучшие двигатели, какие только могла себе позволить Семья, но их мощности было

недостаточно, чтобы оторваться от преследователя, идущего налегке.

К тому же, маневренность грузовика оставляла желать лучшего. Входя в беззвездную ночь N-пространства, «Сизу» был вынужден строго выдерживать принятый курс, иначе при выходе из него он мог бы оказаться слишком далеко от места назначения; такие ошибки могли разорить Торговца. И, что еще неприятнее, капитану судна приходилось быть готовым мгновенно выключить тягу, чтобы не оказаться в поле тяготения, которое превратило бы экипаж в кровавое месиво, ибо хлипкие человеческие тела подверглись бы стократным перегрузкам.

Капитан корабля мгновенно зарабатывал на своем посту язву желудка, а ведь ему еще приходилось заниматься подсчетом издержек и прибыли, угадывать, какие товары принесут наибольший доход. Прыжок в N-пространстве длится недолго, и лишь в это время капитан может отдохнуть и поныть с детишками. Начало и окончание перелета буквально убивали его. Долгие часы, и в течение этих часов ему, возможно, придется в долю секунды принимать решение, от которого зависят жизнь или свобода всех членов его семьи.

Если бы рейдеры стремились лишь уничтожать грузовые корабли, то у «Сизу» и его братьев не было бы ни малейшего шанса спастись. Но рейдеру нужен груз и рабы; просто расстреляв звездолет, он ничего не выигрывал.

Торговцы же, в свою очередь, не скованы подобными соображениями. Для них идеальным выходом было и остается уничтожение агрессора. Атомные искатели цели баснословно дороги, и их эксплуатация изрядно сказывалась на доходах Семьи, но уж если компьютер обнаруживал цель, то ее обычно удавалось поразить, в то время как рейдер мог использовать оружие уничтожения, только если жертва пускалась наутек. Пираты стремились ослепить грузовик, спалив его приборы, и подойти к нему достаточно близко, чтобы парализовать находящийся на борту экипаж или, если это не удастся, убить людей, сохранив звездолет и груз.

Торговец уходил, когда мог, и дрался, если его к этому принуждали. Но вступив в бой, он бился на смерть.

Двигаясь с субсветовой скоростью, «Сизу» всеми своими приборами ловил каждый шорох многомерного пространства, прислушивался к шепоту доносящихся из N-космоса сообщений и к «белому шуму» кораблей, разгоняющихся с ускорениями, многократно превышающими стандартное ускорение гравитации. Данные поступали в корабельный астронавигационный анализатор, откуда приходили ответы на вопросы: где находится тот или иной корабль? Каким курсом идет? С какими скоростью и ускорением? Успеет ли он перехватить нас прежде, чем мы нырнем в N-пространство?

Если полученные ответы свидетельствовали об опасности, вся информация передавалась в компьютер, управляющий бортовым вооружением, и «Сизу» готовился к бою. Комендоры поглаживали полированные бока атомных ракетных установок и искателей и потихоньку бормотали свои заклинания; главный инженер приводил в готовность рычаг самоподрыва, который мог превратить энергоустановку в водородную бомбу чудовищной мощности, и молил небеса дать ему силы в случае необходимости умертвить Семью, избавив ее от худшей участи. Капитан включал сирену, рев которой был слышен по всему кораблю — от носовой рубки до кают-компаний. Коки гасили огонь в плитах; инженеры, следящие за вспомогательными системами, перекрывали циркуляцию воздуха; фермеры прощались с зелеными всходами и спешили занять свои места по боевому расписанию; матери собирали детей, покрепче прижимали их к себе и надевали привязные ремни.

А потом начиналось ожидание.

Но только не для Торби и тех, кто был занят у боевого вычислителя. Пристегнутые к своим креслам ремнями, они обливались потом, зная, что в течение ближайших минут или даже часов жизнь Семьи находится в их руках. Агрегаты боевого компьютера, обрабатывая данные, после миллисекундного раздумья решали, могут ли торпеды поразить цель, и предлагали четыре варианта: баллистически «возможно» или «невозможно» при имеющихся условиях, «да» или «нет» при изме-

нении позиции одного, либо второго, либо обоих кораблей. Автоматика обрабатывала эти ответы, но думать машина не могла. Хорошая половина схем компьютера была предназначена для того, чтобы дать оператору возможность определить вероятные изменения обстановки в ближайшем будущем — в течение пяти минут или около того, — если менялись исходные параметры... и решить, сможет ли торпеда достичь цели при изменении этих параметров.

Окончательное решение принимал человек; интуиция оператора могла спасти корабль — или погубить его. Парализующий луч мчится со скоростью света, а у торпеды нет времени для разгона до скоростей, превышающих несколько сот километров в секунду. Но даже если рейдер пронзал пространство иглой парализующего луча, Торговец мог успеть запустить торпеду прежде, чем ослепнуть... и мгновение спустя после атомной вспышки, в горниле которой погибал пират, приходило спасение.

Но если оператор на миг опережал события или — что в принципе одно и то же — медлил, осторожничая, лишнюю секунду, он мог проиграть сражение. Нетерпеливый стрелок пускал торпеду мимо цели, слишком осторожный вовсе не успевал ее запустить.

Люди в летах не годились для этой работы. Лучше всего с ней справлялись подростки либо молодые мужчины и женщины, сообразительные и проворные, уверенные в себе, способные к интуитивному нестандартному математическому мышлению, не боящиеся смерти, поскольку они еще не способны представить себе, что это такое.

Торговцам постоянно приходилось искать способных юнцов. Торби, похоже, обладал математическим чутьем; вероятно, он смог бы даже научиться играть в шахматы при повышенной перегрузке. Его учителем стал Джери Кингсолвер, племянник Торби, живший с ним в одной каюте. По семейному рангу Джери был ниже Торби, но, по-видимому, старше по возрасту. Вне компьютерной рубки он называл Торби дядей, находясь же на посту, Торби именовал его старшим стрелком правого борта и добавлял «сэр».

Все долгие недели гиперпространственного перелета к Лосиану Джери муштровал Торби. Сначала предполагалось, что Торби будет учиться на гидропониста, а Джери занимал пост старшего клерка суперкарго, но фермеров на корабле и так уже было достаточно, а для штата суперкарго во время полета работы не было вовсе. Капитан Крауза велел Джери как следует поднатаскать Торби в компьютерной.

Разгон до световых скоростей длился половину недели, и, поскольку все это время на корабле поддерживалась боевая готовность, к каждому боевому посту были приписаны два человека, несущие вахты вместе. У Джери в подчинении находилась его младшая сестра Мата, младший стрелок правого борта. Компьютер имел два терминала, и функции управления могли быть переданы любому из них при помощи особого переключателя. Двое стрелков сидели бок о бок: Джери вел наблюдение, а Мата была готова подключиться в любой момент.

После насыщенного курса лекций по управлению машиной Джери посадил Торби за один терминал, Мату — за другой и ввел данные, полученные из рубки управления корабля. К терминалам были подключены регистрирующие устройства, так что можно было фиксировать действия каждого стрелка, а затем сравнить их с записанными загодя действиями операторов, участвовавших ранее в сражениях — настоящих или тренировочных.

Уже очень скоро Торби совершенно вымотался; Мата справлялась с заданием гораздо успешнее.

Юноша попытался сосредоточиться, но дело пошло еще хуже. Обливаясь потом и стараясь уследить за маневрами пирата, некогда появлявшегося на экране радара «Сизу», Торби постоянно и почти болезненно ощущал соседство стройной темноволосой изящной девушки. Ее проворные пальцы едва уловимыми движениями нажимали кнопки и передвигали рычажки, меняя угол или вектор. Мата действовала расслабленно и не спеша, и было несказанно унижительно узнать потом, что действия соседки «спасли корабль», в то время как сам он промахнулся.

И, что хуже всего, она нравилась Торби, о чем он даже не подозревал, лишь чувствуя, что ее присутствие сковывает его.

Закончив учебный бой, Джери связался с ними из рубки управления.

— Конец занятия. Оставаться на местах.

Вскоре он вошел в компьютерную и принялся изучать ленты, читая замысловатые символы так же легко, как обычный человек читает текст книги. Рассматривая ленты Торби, он почмокал губами.

— Стажер, вы стреляли трижды... и ни одна из ваших торпед не взорвалась ближе чем в пятидесяти тысячах километров от вражеского корабля. Речь идет не о расходах — это забота старшего офицера. Но, стреляя, вы должны поразить врага, а не застрашивать его. Вам придется немало поработать, чтобы стрелять без промаха.

— Я старался изо всех сил!

— Этого недостаточно. Давай-ка разберемся с тобой, сестрица.

Подобная фамильярность еще больше уязвила Торби. Брат и сестра любили друг друга и не утруждали себя обращением по званиям. Торби как-то попытался называть их по именам... и получил щелчок по носу: здесь он был «стажером», а они — «старшим стрелком» и «младшим стрелком». Тут ничего нельзя было поделывать: на посту он был младшим. Целую неделю во внеслужебное время Торби называл Джери «приемный племянник», и тот вежливо и неукоснительно именовал его по семейному титулу. Торби в конце концов решил, что это глупо, и вновь стал называть Джери по имени. Но тот, обращаясь к Торби во время занятий, продолжал говорить «стажер». И Мата тоже.

Джери посмотрел записи Маты и кивнул.

— Отлично, сестричка! Ты лишь на секунду запоздала против расчетного идеала, но на три секунды опередила выстрел, который был бы признан удовлетворительным. Я могу с полным правом сказать, что ты действовала отлично... тем более что тот выстрел был сделан мною. Тот рейдер с Ингстела... помнишь?

— Еще бы, — Мата взглянула на Торби.

Торби почувствовал себя омерзительно.

— Это нечестно! — заявил он, отстегивая ремни.

Джери удивился.

— Что вы сказали, стажер?

— Я говорю, это нечестно. Вы дали задачу, и я взялся за нее с нуля и промахнулся, потому что еще слабо подготовлен. А она лишь нажимала кнопки, чтобы получить ответ, который знала заранее... чтобы унижить меня!

На лице Маты появилось выражение растерянности. Торби шагнул к двери.

— Я не напрашивался на эту работу! Пойду к капитану, пусть он определит мне другое занятие.

— Стажер!

Торби остановился. Джери тихим голосом продолжал:

— Сядьте. Сначала я выскажусь, а уж потом вы пойдете к капитану, если думаете, что это вам поможет.

Торби сел.

— Хочу сказать две вещи, — холодно произнес Джери. — Во-первых... — он обернулся к сестре, — младший стрелок, вы знали о том, какая именно задача будет поставлена?

— Нет, старший стрелок.

— А раньше вы с ней встречались?

— По-моему, нет.

— Откуда вы знаете об этом случае?

— Что? Так вы ведь сами сказали об ингстелском рейдере. Я никогда не забуду обед, который тогда состоялся, — вы сидели рядом с бабушкой, рядом со старшим офицером!

Джери обратился к Торби:

— Вам ясно? Она тоже решала эту задачу с нуля... точно так же, как в свое время и я. И она действовала успешнее меня; я горжусь тем, что у меня такой подчиненный. К вашему сведению, мистер глупый младший стажер, упомянутое сражение состоялось задолго до того, как мой младший стрелок стала стажером. И она эту задачу не решала. Мата лучше вас справилась с заданием — и все тут.

— Ну и хорошо, — мрачно произнес Торби. — Кажется, толку из меня не выйдет. Говорю же — с меня хватит.

— Я не договорил. Никто не напрашивается на работу, от которой разламывается голова. Но никто и не бросает ее. Со временем работа становится не по силам оператору, когда анализы показывают, что он потерял сноровку. Может быть, я уже начинаю ее терять. Но вот что я вам скажу. Или вы научитесь этому делу как следует, или я пойду к капитану и сам заявлю ему, что вы гроша ломаного не стоите. А до тех пор... если я услышу хотя бы звук, вы будете иметь дело со старшим офицером! — Он помолчал и рявкнул: — Приступаем к повторному занятию! Боевой пост! Приготовить оборудование! — и вышел из помещения.

Спустя мгновение вновь послышался его голос:

— Компьютерный расчет! Доложить о готовности!

Раздался звук сирены, приглашающий экипаж к обеду. Мата четко ответила:

— Расчет к бою готов. Данные получены, приступаю к выполнению задания!

Ее пальцы легли на клавиши. Торби склонился над своим пультом; есть ему совершенно не хотелось.

Несколько дней он говорил с Джери только по делу. Мату он видел либо на занятиях, либо напротив себя за обеденным столом; он обращался к ней с холодной вежливостью и старался научиться работать так же хорошо. Он мог встречаться с ней и в другое время: на людях молодежь общалась без помех. Но Мата стала для него своего рода табу потому, что была его племянницей и потому, что они принадлежали к одному сообществу, хотя, конечно, все это не было препятствием для внеслужебных отношений.

Он не мог не встречаться с Джери: они ели за одним столом, спали в одной каюте. Но у Торби была возможность воздвигнуть между ними стену формальных отношений; так он и сделал. Никто не сказал ни слова — такие вещи случались нередко. Даже Фриц делал вид, будто ничего не замечает.

Как-то вечером Торби отправился в зал посмотреть фильм на тему, связанную с Саргоном; когда же фильм закончился, он не успел избежать встречи с Матой — она обошла вокруг Торби, встала прямо против него и, обращаясь к Торби почтительно, как к дяде, спросила,

не согласится ли он перед обедом сыграть с ней партию в мяч.

Он уже хотел отказаться, но девушка смотрела ему в глаза с такой трагической надеждой, что он сказал лишь:

— Почему бы и нет? Спасибо, Мата. Нагуляем аппетит.

Мата расплылась в улыбке.

— Чудесно! Ильза уже заняла столик. Пойдем!

Торби выиграл три партии и одну свел вничью... неплохой результат, если учесть, что Мата была чемпионкой среди женщин и ей позволялось взять лишь одно очко форы, играя с чемпионом среди мужчин. Торби не думал об этом и лишь упивался своим успехом.

Его дела в компьютерной пошли на лад, отчасти из-за его серьезного отношения к делу, отчасти — благодаря его навыкам сложных геометрических построений. Помогало и то, что Торби был сыном нищего, и эта древняя профессия отточила его умственные способности. Джери более не сравнивал вслух успехи Торби и Маты, ограничиваясь лишь кратким комментарием по его адресу: «Уже лучше», либо «Продолжайте, стажер», или, что бывало реже, «Стопроцентное попадание». Торби приобрел уверенность в своих силах; он избавился от стеснительности и гораздо чаще появлялся на людях и играл в мяч с Матой.

Путешествие близилось к концу, когда завершилось последнее занятие, и как-то раз утром Джери скомандовал:

— Отбой! Я вернусь через пару минут.

Торби с удовольствием стянул напряжение, но тут же вновь забеспокоился: он не мог отделаться от ощущения, что стал частью подвластного ему оборудования.

— Младший стрелок... как вы думаете, он не станет возражать, если я взгляну на свою ленту?

— Думаю, нет, — ответила Мата, — впрочем, давайте-ка я сама ее достану. Тогда ответственность ляжет на меня.

— Мне не хочется доставлять вам неприятности.

— Ничего страшного, — серьезно ответила девушка и, потянувшись к терминалу Торби, вытащила ленту, пригладила, чтобы та не скручивалась, и внимательно

ее изучила. Потом извлекла свои записи и сравнила с лентой Торби.

Она внимательно посмотрела на юношу.

— Великолепный ход, Торби.

Впервые за все время она назвала его по имени. Но Торби едва ли это заметил.

— Правда? Вы хотите сказать, что...

— Это очень хороший ход... Торби. Мы оба поразили цель. Но ваши расчеты достигли оптимума на отрезке между «возможно» и «критический предел», в то время как я поторопилась. Видите?

Торби только учился читать записи с ленты, но он был рад услышать это от Маты. Вошел Джери и, взяв обе ленты, посмотрел на Торби, а потом пригляделся к нему более внимательно.

— Прежде чем спуститься сюда, я провел анализ, — сказал он.

— И что же, сэр? — нетерпеливо спросил Торби.

— Ммм... после еды я изучу все это более внимательно, но похоже, что вы избавляетесь от своих ошибок.

Мата воскликнула:

— Да что ты, братец, ведь он отлично сработал, и ты прекрасно об этом знаешь!

— Ты так думаешь? — усмехнулся Джери. — Но ведь ты вряд ли хочешь, чтобы у нашего звездного мальчика закружилась голова, верно?

— Да чего там!

— Кругом, безобразная карлица! Пора подкрепиться!

Узким туннелем они вышли в длинный коридор второй палубы и зашагали рука об руку. Торби глубоко вздохнул.

— Тебя что-то беспокоит? — спросил его племянник.

— Ничуть! — Торби обнял обоих за плечи. — Вы, Джери и Мата, еще сделаете из меня настоящего снайпера!

Впервые с того дня, когда он получил взбучку, Торби обратился к племяннику по имени. И Джери спокойно воспринял его попытку примирения.

— Не теряй надежды, коллега. Я думаю, нам улыбнется удача, — и добавил: — О, я вижу, тетя Анна смотрит на нас своим холодным взглядом. И если кого-

то интересует мое мнение, то я думаю, что сестрица еще может ходить без посторонней помощи. Я уверен, что тетя Анна тоже так считает.

— Да ну ее! — быстро защелкала Мата. — Ведь Торби только что справился с заданием на «отлично»!

«Сизу» вынырнул из темноты, замедляясь и двигаясь с субсветовой скоростью. Менее чем в пятидесяти миллиардах километров сияло солнце Лосиана, и через несколько дней корабль должен был совершить очередную посадку. На «Сизу» была объявлена боевая готовность.

Мата несла вахту в одиночестве; Джери потребовал, чтобы стажер дежурил вместе с ним. Первая вахта обычно проходила спокойно; даже если рейдер получал по N-космическим каналам связи точную информацию о времени прибытия и месте назначения «Сизу», на расстоянии многих световых лет было невозможно точно предсказать, где и когда именно корабль вынырнет в реальное пространство.

Джери занял свое кресло через несколько минут после того, как Торби затянул ремни со странным, испытанным многими стажерами ощущением, что это уже не учеба. Джери взглянул на него.

— Расслабься. Если будешь напрягаться, заболит спина, и ты долго не выдержишь.

Торби озабоченно кивнул.

— Буду стараться.

— Так-то лучше. Сейчас мы сыграем в одну игру, — Джери вытащил из кармана коробочку и открыл ее.

— Что это?

— «Забава убийцы». Ставим ее сюда... — Джери накрыл коробкой переключатель, определяющий, какой из терминалов становился ведущим. — Ты видишь, в каком положении тумблер?

— Что? Нет.

Джери пощелкал скрытым от Торби переключателем.

— Кто из нас будет управлять ракетой, если придется ее запускать?

— Откуда мне знать? Убери ее, Джери, я и так нервничаю.

— В этом и состоит игра. Может быть, на контроле я, а ты лишь впустую давишь на кнопки, а может быть, все зависит от тебя, а я сплю в своем кресле. Время от времени я стану щелкать тумблером, но ты не будешь знать, в каком положении я его оставил. Так что при появлении пирата — а он не заставит себя ждать, я это нутром чую, — ты уже не сможешь надеяться, что старый добрый Джери, человек с твердой рукой, держит ситуацию под контролем. Тогда тебе придется спасти нашу лавочку. Тебе, и никому другому.

Торби с содроганием представил себе расположенные палубой ниже стеллажи с торпедами и людей, застывших в ожидании его решения — единственного правильного решения невероятно трудного уравнения жизни и смерти, искривленного пространства, движущихся векторов и сложной геометрии.

— Ты шутишь, — робко произнес он. — Ты не можешь доверить мне управление. Капитан заживо сдерет с тебя шкуру.

— А вот тут-то ты ошибаешься! Наступает день, когда стажер по-настоящему наводит на цель. Только после этого он становится стрелком... или превращается в ангела. Ладно, позволим тебе расслабиться... хотя нет! Теперь ты постоянно будешь в напряжении! Тем временем мы поиграем. Каждый раз, как только я скажу «ну!», ты будешь угадывать, чей терминал включен. Если угадываешь, я отдаю тебе свой десерт. Не угадываешь — и твоя порция достается мне. Ну!

Торби быстро прикинул.

— Я!

— Ошибка! — Джери приподнял коробочку. — Я выиграл твой десерт, сегодня это ягодный торт; у меня даже слюнки потекли. Отвечай побыстрее — ты должен принимать решения мгновенно. Ну!

— Опять ты.

— Верно. Ну!

— Ты!

— Ничего подобного. Видишь? И я все же съем твой торт. Пока я впереди, мне стоит бросить игру. Ах, какой крем! Ну!

Когда на смену пришла Мата, Торби проигрывал Джери десерт за четыре дня.

— В следующий раз начнем при этом счете, — заявил Джери, — только ягодный торт я все-таки съем. О, я забыл сообщить, что будет главным призом!

— И что же?

— Когда дойдет до настоящего дела, мы поспорим на три порции. Как только покончим с пиратом, ты сразу же должен будешь отгадать. В настоящем бою награда должна быть больше, не так ли?

Мата фыркнула.

— Ты что, хочешь, чтобы он нервничал?

— Ты нервничаешь, Торби?

— Еще чего!

— Перестань беспокоиться, сестричка. Берись-ка за компьютер своими немытыми пальчиками и держись за него покрепче!

— Я сменяю вас, сэр.

— Пойдем, Торби, нас ждет еда. Ах, ягодный торт!

Три дня спустя счет сравнялся, но лишь ценой множества порций сладкого, с которыми Торби пришлось расстаться. «Сизу» значительно замедлил ход и двигался со скоростью, примерно равной скорости планеты. Сияющее солнце Лосиана заполнило весь экран. Торби с легкой досадой подумал, что на сей раз его умение не подвергнется испытанию.

Внезапно раздался рев тревоги, заставивший юношу подскочить на месте так, что лишь привязные ремни удержали его в кресле. Джери как раз что-то говорил; его голова быстро повернулась к пульту, он осмотрел приборы и впился пальцами в клавиши.

— Приготовиться! — рявкнул он. — Это уже правда!

Торби стряхнул оцепенение и склонился над панелью. В компьютер уже поступали данные, и тут же на экране появились результаты баллистического расчета. Боже милостивый, он так близко! И как быстро перемещается! Как ему удалось незаметно подкрасться вплотную? Торби отбросил посторонние мысли и начал просматривать ответы. Нет, еще нет... хотя уже скоро... не повернет ли пират и не сбросит ли скорость?..

попробовать поворот с шестикратным ускорением... достанет ли его ракета?... достанет ли он, если не...

Он едва почувствовал легкое прикосновение Маты к своему плечу. Но очень хорошо расслышал крик Джери:

— Назад, сестрица! Мы засекали его, мы засекали!

На пульте Торби сверкнул огонек, раздался звук горна:

— Дружественный корабль, дружественный корабль! Оpoznан Лосианский межпланетный патруль! Спокойно несите вахту!

Чувствуя, как к горлу поднимается тяжелый комок, Торби глубоко вздохнул.

— Продолжать прицеливание! — крикнул Джери.

— Как?

— Выполнять задание! Это не лосианский корабль! Это рейдер! Лосиане так не разворачиваются. Ты накрыл его, парень! Пускай ракету!

Торби услышал испуганный всхлип Маты и тут же вновь с головой ушел в бой. Что-нибудь изменить? Он достанет врага? Достанет ли он его в конусе возможных перемещений? Ну! Он отдал компьютеру команду.

Голос Джери был едва слышен; казалось, что он произносит слова необычайно медленно.

— Ракета ушла. Думаю, ты накрыл его... но ты слишком торопился. Запусти еще одну, пока они не ослепили нас лучом.

Торби автоматически повторил команду. Для принятия иного решения оставалось слишком мало времени. Он велел машине отправить ракету по тому же прицелу. И тут он увидел на своем экране, что цель исчезла, и с непонятным чувством опустошения подумал, что его первая ракета поразила ее.

— Вот и все! — сообщил Джери. — Ну-с?

— Что?

— Кто запустил ракету? Ты или я? Три десерта.

— Я! — уверенно заявил Торби. Где-то в глубине его сознания мелькнула мысль, что ему не суждено стать настоящим Торговцем, таким, как Джери, для которого цель означала просто фраки. Или три десерта.

— Ошибка. Три-ноль в мою пользу. Я перепугался и взял управление на себя. Разумеется, после приказа капитана ракеты были разряжены, а пусковые шахты

заблокированы... так что кораблю друзей ничто не угрожало.

— Друзей?

— Конечно. Но для вас, помощник младшего стрелка, все прошло как в настоящем бою... как я и хотел.

У Торби голова пошла кругом. Мата сказала:

— Ты с самого начала все знал. Ты смошенничал!

— Еще бы. Ну что ж, теперь он — настоящий стрелок, получил боевое крещение. А мне достался тройной десерт, что тоже очень приятно. Сегодня вечером подадут мороженое!

Глава 10

Торби недолго оставался помощником младшего стрелка; Джери перешел в стажеры к астронавигаторам, боевой пост у компьютера заняла Мата, и Торби был официально назначен на должность младшего стрелка. Теперь от него зависели жизнь и смерть Семьи, и он был отнюдь не в восторге от этого.

Однако уже очень скоро все опять изменилось.

Лосиан относился к числу безопасных планет. Здесь жили цивилизованные негуманоиды, и, поскольку порт не подвергался пиратским налетам, в охране посадочных площадок не было необходимости. Мужчины могли спокойно покидать корабль, и даже женщинам это не возбранялось. (Некоторые из женщин, живших на борту, покидали корабль только на Встречах Людей, где «Сизу» обменивался девушками с другими семьями.)

Для Торби Лосиан оказался первой чужой планетой, поскольку он помнил только Джуббул. Юноша с нетерпением дожидался возможности осмотреть новые для него места. Но на первом месте была работа. После того как Торби был утвержден в звании стрелка, его перевели из гидропонистов на младшую должность в штате суперкарго. Статус Торби значительно повысился: торговля считалась более важным делом, чем ведение хозяйства. Теоретически в его обязанности входило

осматривать грузы, но на практике этим занимался старший клерк, а Торби вместе со своими сверстниками из других отделов надрывался, перетаскивая контейнеры. Обработка грузопотока относилась к работам, к которым привлекались все свободные рабочие руки. Портовые грузчики не допускались на «Сизу», хотя это и приводило к дополнительной нагрузке на членов экипажа.

На Лосиане не существовало таможи, так что покупатель получал уложенные в контейнеры мешки с листьями верги прямо у люка корабля. Несмотря на вентиляцию, в трюме стоял острый дурманящий запах, напомнивший Торби о том, как месяцы назад в нескольких световых годах отсюда он, скрюченный в три погибели беглец, боявшийся укорочения, прятался в норе, устроенной в одном из контейнеров, а незнакомый друг тайком спасал его от полиции Саргона. Сейчас это казалось просто невероятным. «Сизу» стал для юноши родным домом, и он даже мыслил на языке Семьи.

С внезапным ощущением вины Торби подумал, что в последнее время он слишком редко вспоминает об отце. Неужели он его забыл? Нет, нет! Он ничего не мог забыть... ни голоса Баслима, ни его отрешенного взгляда, когда тот начинал сердиться, ни его неуклюжих движений в зябкие рассветные часы, ни его непоколебимого спокойствия при любых обстоятельствах — да, ведь отец никогда не злился на мальчика... нет, все же один раз Торби вывел его из себя. «Я не хозяин тебе!»

Тогда Баслим разгневался. Это испугало Торби: он ничего не понял.

И лишь теперь, когда миновали месяцы и за кормой остались световые годы, Торби внезапно понял все. Рассердить отца могла только одна вещь; старик был до глубины души оскорблен напоминанием о том, что он, Калека Баслим, является рабовладельцем, хоть и утверждал, что умного человека ничто не может оскорбить, потому что правда — не оскорбление, а на ложь не стоит обращать внимания.

И все же он обиделся, услышав правду, ведь формально он стал хозяином Торби, купив его на аукционе.

Чепуха! Мальчик никогда не был его рабом, он был старику сыном... отец никогда не вел себя как хозяин, даже если давал ему легкий подзатыльник. Папа... был папой.

Теперь юноша понял, что единственное, что Баслим и впрямь ненавидел, было рабство.

Торби не знал, откуда у него взялась такая убежденность, но... он был уверен. Он не мог припомнить ни одного случая, когда Баслим впрямую говорил бы о рабстве; Торби помнил одно: отец постоянно повторял, что человек должен быть свободен в своих мыслях.

— Эй!

К нему обращался суперкарго.

— Да, сэр?

— Ты несешь этот контейнер или собираешься заснуть на нем?

Через трое местных суток, когда Торби и Фриц заканчивали счищать с себя грязь в душе, в ванную заглянул боцман и, указав на Торби, произнес:

— Капитан объявляет вам благодарность и просит клерка Торби Баслима-Краузу зайти к нему.

— Есть, боцман! — отозвался Торби и чертыхнулся про себя. Торопливо оделся, заглянул в ванную и, предупредив Фрица, быстрым шагом отправился к капитану, надеясь, что боцман доложит тому, что Торби был в душе.

Дверь была открыта. Торби начал было докладывать по всей форме, но капитан поднял глаза и сказал:

— Здравствуй, сынок. Входи.

Торби перешел на семейное обращение.

— Да, отец.

— Собираюсь пойти прогуляться. Может быть, составишь мне компанию?

— Сэр? То есть я хотел сказать, отец... я был бы очень рад!

— Прекрасно. Я вижу, ты уже готов. Пойдем, — он выдвинул ящик стола и протянул Торби несколько изогнутых кусков проволоки. — Это тебе на карманные расходы; можешь купить себе какой-нибудь сувенир.

Торби посмотрел на проволоку.

— Сколько стоят эти штуки?

— Вне Лосиана — ничего. Поэтому оставшиеся ты мне потом вернешь, и я обменяю их на валюту. Лосиане рассчитываются с нами торием и другими товарами.

— Да, но как мне узнать, сколько стоит та или иная вещь?

— Можешь положиться на их слово. Лосиане не мошенничают и не торгуются. Станные создания. Не то что на Лотарфе... Там, если ты берешь кружку пива, не поторговавшись по меньшей мере час, тебя обязательно обманут.

Торби сказал себе, что понимает жителей Лотарфа гораздо лучше, чем лосиан. Было что-то унижительное в том, чтобы приобретать товар, не поторговавшись хорошенько. Но у фракки варварские обычаи, и к ним приходилось приспосабливаться. «Сизу» гордился тем, что в его отношениях с фракки никогда не случалось недоразумений.

— Ну что, идем? Поговорим по дороге.

Когда они спустились, Торби посмотрел на стоящий поблизости корабль «Эль Нидо», принадлежавший клану Гарсиа.

— Отец, мы идем навестить их?

— Нет, мы обменялись визитами сразу по прибытии.

— Я говорю о другом. Будут ли какие-нибудь встречи, вечеринки?

— Ах, это? Мы с капитаном Гарсиа решили отложить развлечения. Они торопятся отправиться в путь. Однако нет никаких препятствий к тому, чтобы ты навестил их в свободное от работы время. Но вряд ли стоит это делать. Обычный корабль, очень похож на «Сизу», только менее современный.

— Я надеялся, что мне позволят осмотреть их компьютер.

Они опустились на нижний уровень и вышли из люка.

— Сомневаюсь, чтобы тебя пустили в компьютерную. Гарсиа очень суеверны.

Когда они отошли от трапа, к ним подбежал лосианский малыш и, сопя и обняв их ноги, принялся скакать вокруг. Капитан Крауза позволил ему изучить себя, но потом произнес ровным спокойным голосом:

— Ну ладно, хватит, — и мягко отодвинул мальчика в сторону.

Подоспевшая мамаша свистом подозвала ребенка и, взяв на руки, пару раз шлепнула его. Крауза махнул ей рукой:

— Здравствуй, приятельница!

— Приветствую тебя, Торговец, — ответила та на интерлингве пронзительным шепелявым голосом. Ростом она была в две трети роста Торби и стояла на четырех лапах, освободив передние. Ребенок опирался на все шесть. Оба, и мать, и дитя, были тоненькими, симпатичными и востроглазыми. Они очень понравились Торби, который нашел во внешности лосиан лишь одну отталкивающую черту. У них было два рта: один для приема пищи, другой — чтобы дышать и говорить.

Капитан Крауза продолжил прерванную беседу.

— Ты великолепно взял на прицел тот лосианский корабль.

Торби покраснел.

— Так вы знаете об этом, отец?

— Плохой был бы из меня капитан, кабы я не знал о таких вещах. А, я понимаю, что тебя тревожит. Не думай об этом. Если я указываю тебе цель, ты просто обязан спалить ее. Заблокировать твою команду, если мы опознали дружественный корабль — это моя задача. Как только я поверну рычаг «отбой», ты уже не сможешь открыть стрельбу, ракеты отключаются, пусковая установка запирается и главный инженер уже не сможет дать команду на самоуничтожение корабля. Так что даже если ты услышал мой приказ прекратить прицеливание, либо в горячке боя ты его не услышал, это ничего не меняет. Заканчивай наведение и стреляй. Это отличная тренировка.

— Я не знал об этом, отец.

— Разве Джери тебе не объяснил? Ты должен был заметить переключатель — такая большая красная кнопка у моей правой руки.

— Но я ни разу не был в рубке управления, отец.

— Да? Что ж, мы исправим это упущение, в один прекрасный день хозяином рубки можешь оказаться и ты. Напомни мне об этом... как только мы выйдем в гиперпространство.

— Слушаюсь, отец, — Торби обрадовался возможности войти в эту святая святых — он был уверен, что едва ли хотя бы половина его родственников побывала там, — но замечание капитана его удивило. Неужели бывший фраки может взять бразды правления кораблем в свои руки? Приемный сын вполне мог занять высший пост — такое случалось, когда у капитанов не было собственных сыновей. Но бывший фраки?

— Я не уделял тебе должного внимания, сынок, — продолжал капитан Крауза. — Внимания, которого заслуживает сын Баслима. Но наша Семья так велика, что у меня не хватает времени. Как к тебе относятся новые родственники? Все в порядке?

— Еще бы, отец!

— Ммм... рад это слышать. Ведь... словом, ты родился не в нашей Семье, понимаешь?

— Да. Но ко мне все относятся очень хорошо.

— Отлично. О тебе дают только прекрасные отзывы. Похоже, ты очень быстро набираешься ума-разума, схватываешь на лету. Ты уже побывал в двигательном отсеке? — продолжал капитан.

— Нет, сэр.

— Сейчас самое подходящее время. Мы стоим в порту, так что инструктажи и авралы отнимают меньше времени. К тому же, сейчас безопаснее, — Крауза некоторое время помолчал и продолжал: — Впрочем, нет. Подождем окончательного решения вопроса о твоём статусе. По мнению главного инженера, тебя надо перевести в его отдел. Ему взбрело в голову, что у тебя все равно не будет детей, и он хочет воспользоваться возможностью зацепить тебя на крючок. Ох уж эти инженеры!

Торби отлично понял капитана, даже его последний возглас. Все считали инженеров слегка свихнувшимися; полагали, что излучение маленькой звезды, обеспечивающей жизнь корабля, ионизирует их мозговую ткань. Как бы то ни было, инженеры могли позволить себе весьма серьезные нарушения правил этикета. Формула «невиновен ввиду невменяемости» была молчаливо признававшейся привилегией людей, непрерывно подвергавшихся одной из опасностей ремесла космонавта.

Главный инженер осмеливался пререкаться даже со старшим офицером.

Однако младшие инженеры не допускались к вахтам в двигательном отсеке до тех пор, пока могли надеяться обзавестись потомством. Они обслуживали вспомогательное оборудование и несли тренировочные вахты на макетах. Торговцы с большой осторожностью подходили к проблеме мутаций, поскольку были подвержены радиации в гораздо большей степени, чем жители планет. Никто не видел во внешности Людей явных признаков мутаций. Что происходило с младенцами, родившимися с отклонениями? Это было окутано тайной, хранимой столь строго, что Торби даже не знал о такой проблеме. Он лишь видел, что вахты у двигателей несут исключительно пожилые люди. О том, чтобы обзаводиться потомством, Торби тоже не думал. Юноша лишь уловил в замечании капитана намек на то, что главный инженер считал его способным в короткий срок приобрести высокий статус вахтенного инженера двигательной установки. Торби был поражен столь блестящей перспективой. Люди, умирившие бешеных дьяволов ядерных реакторов, уступали по статусу лишь астронавигаторам... но в душе ставили себя куда выше. Их самооценка была гораздо ближе к истине, чем официальное мнение. Неужели бывший фраки мог мечтать о таких высотах? Неужели он смог бы в один прекрасный день стать главным инженером и безнаказанно пререкаться даже со старшим офицером?

— Отец, — нетерпеливо произнес Торби, — главный инженер считает, что я мог бы приступить к занятиям в двигательном отсеке?

— А я о чем толкую?

— Да, сэр. Интересно, почему он так решил?

— Не можешь пошевелить мозгами? Или ты такой незаурядный скромник? Человек, который справляется с математикой прицеливания, сумеет овладеть и ядерной техникой, либо с равным успехом заняться астронавигацией, что ничуть не менее важно.

Инженеры даже не прикасались к грузам; их единственной обязанностью в портах было заправить корабль торием и дейтерием и решить другие узкоспециальные

задачи. К ведению хозяйства они тоже не привлекались. Они...

— Отец! Я вовсе не прочь стать инженером.

— Вот как? Ладно, оставим эту тему.

— Но...

— Что «но»?

— Ничего, сэр. Слушаюсь, сэр.

Крауза вздохнул.

— Сынок, я принял на себя определенные обязанности по отношению к тебе, и я постараюсь устроить все наилучшим образом, — он прикинул, что можно рассказать мальчику. Мать сказала, что, если бы Баслим хотел, чтобы мальчик знал содержание послания, он передал бы текст на интерлингве. С другой стороны, коль уж Торби овладел языком Семьи, он вполне справился бы с переводом. Вероятнее всего, он забыл текст.

— Торби, ты знаешь, к какой семье принадлежишь?

Юноша удивился.

— Моя семья, сэр, — это «Сизу».

— Верно! Но я спрашиваю о семье, в которой ты был до того, как появился на корабле.

— Вы говорите о папе? О Баслиме?

— Нет, нет! Он был твоим приемным отцом — таким же, как и я. Что ты знаешь о семье, в которой родился?

— По-моему, у меня никогда не было семьи, — уныло пробормотал Торби.

Сообразив, что задел болезненное место, Крауза поспешно возразил:

— Нет, нет, сынок, ты вовсе не обязан разделять мнения людей, с которыми ты сейчас живешь. Если бы не было фраки, с кем бы мы торговали? Как бы тогда жили Люди? Родиться среди Людей — это счастье, но и родиться фраки вовсе не зазорно. Каждый атом Вселенной имеет свое предназначение.

— Я ничего не стыжусь!

— Ну-ну, не волнуйся.

— Извините, сэр. Мне нечего стыдиться своих родственников. Просто я не знаю, кто они были. Из всего, что мне известно, могу предположить, что они были Людьми.

Крауза не мог скрыть удивления.

— Что ж, может, так оно и было, — медленно произнес он.

В основном рабов покупали на планетах, которые порядочные Торговцы даже и не посещают, многие рождаются в поместьях своих хозяев... но какой-то их процент составляли Люди, захваченные пиратами. Вот этот парень... интересно, пропадал ли какой-нибудь корабль Торговцев в соответствующее время? Капитан подумал, нельзя ли во время Встречи заняться установлением личности юноши, покопавшись в записях коммодора.

Но даже и этим не исчерпывались все возможности. Некоторые старшие офицеры небрежно относятся к обязанностям, связанным с идентификацией новорожденных, а некоторые дожидаются очередной Встречи. Мать, например, никогда не считалась с расходами на длинные передачи через N-космос и требовала, чтобы дети регистрировались немедленно, — на «Сизу» не терпели расхлябанности.

Представим себе, что мальчик был захвачен на торговом корабле, а его данные так и не попали к коммодору. Какая несправедливость — потерять права, положенные человеку по рождению!

В голову капитана закралась мысль. Ошибку можно исправить несколькими путями. Пропадал ли какой-нибудь Свободный Корабль? Крауза не помнил.

Говорить об этом он тоже не мог. Было бы очень здорово вернуть мальчику его предков! Эх, была бы только возможность...

Крауза заговорил о другом:

— В каком-то смысле, парень, ты всегда принадлежал к Людям.

— Извините, отец?

— Баслим был почетным членом нашего сообщества.

— Что? Как это, отец? Какого корабля?

— Всех. Его избрали на Встрече. Видишь ли, сынок, когда-то очень давно случилось нечто постыдное. Но Баслиму удалось все уладить. И теперь все Люди в долгу перед ним. Я не могу рассказать тебе больше. Хочу спросить: ты думал о женитьбе?

Такая мысль даже не приходила Торби в голову: больше всего он хотел узнать о том, что сделал отец и

как он стал одним из Людей. Но он понял, что его старший собеседник наложил на эту тему запрет.

— Нет, отец.

— Твоя бабушка считает, что ты начал всерьез заглядывать на девушек.

— Да, сэр, бабушка всегда права... но я этого не сознавал.

— Холостой мужчина неполноценен. Впрочем, мне кажется, что ты еще недостаточно взрослый. Смейся вместе со всеми девушками, но ни с одной не дели печалей, и помни о наших обычаях.

Крауза подумал, что, согласно пожеланию Баслима, он должен обратиться к Гегемонии за помощью и выяснить, откуда же родом мальчик. И будет не совсем удобно, если Торби женится раньше, чем представится такая возможность. Между тем за месяцы пребывания на «Сизу» юноша значительно повзрослел. К беспокойству капитана примешивалось неприятное ощущение того, что, пускаясь на поиски настоящих (либо мнимых) родителей Торби да еще не вполне представляя себе, как этого добиться, он нарушает взятые на себя обязательства перед Баслимом.

И тут ему в голову пришла замечательная идея.

— Знаешь что, сынок? Вполне возможно, девушка, которая тебе нужна, вовсе не на нашем корабле. На женской половине их не так уж и много, а ведь женитьба — дело серьезное. Жена может поднять твой статус, но может и обратить его в ничто. Так что давай пока не думать об этом. На Встрече ты сможешь познакомиться с сотнями подходящих девушек. И если ты встретишь ту, которая тебе понравится и которой понравишься ты, мы обсудим это с бабушкой. Если она одобрит твой выбор, скупиться мы не станем. Идет?

Такое решение сулило отсрочку в решении проблемы, и это было очень кстати.

— Отличная мысль, отец!

— На том и покончим, — Крауза с облегчением подумал, что, пока Торби будет встречаться с «сотнями» девушек, он сможет порыться в архивах и ему не придется пересматривать свои обязательства перед Баслимом до того, как он справится с этой задачей. Парень вполне может оказаться чистокровным потомком Лю-

дей — его достоинства делали его происхождение от фрази весьма сомнительным. Если так, то пожелания Баслима будут исполнены в точном соответствии с духом и буквой его послания. Ну, а пока — забыть!

Прошагав около мили, они вышли к окраине города. Поглядывая на блестящие лосианские корабли, Торби с раскаянием подумал о том, что едва не сжег одну из этих прекрасных машин. Но потом ему вспомнились слова отца о том, что выбор цели не входит в обязанности стрелка.

Они вступили в зону уличного движения, и Торби тут же забыл о своем беспокойстве. Лосиане не пользуются ни автомобилями, ни такой роскошью, как носилки и портшезы. Пешком они передвигаются вдвое быстрее бегущего человека, а в случае спешки берут некий аппарат, внешний вид которого наводит на мысль о реактивной тяге. Четыре, а порой все шесть лап просовываются в рукава, оканчивающиеся чем-то вроде коньков. Тело поддерживается рамкой, на которой установлен и двигатель (принципа его действия Торби так и не понял). Одетые в такой своеобразный костюм механического клоуна, лосиане носились, словно маленькие ракеты, пренебрегая элементарной безопасностью, рассыпая вокруг себя искры, издавая пронзительный визг. На поворотах они напрочь забывали о трении, инерции, гравитации и тормозили в самый последний момент. Потоки пешеходов и механизированных лихачей свободно смешивались, причем правил дорожного движения, по-видимому, не было и в помине. Казалось, что возрастного ограничения на право вождения тут не существовало, и самые юные лосиане представляли собой лишь еще более бесшабашную копию старших.

Торби даже засомневался, сможет ли он улететь с этой планеты живым. Лосиане мчались навстречу Торби по чужой полосе движения («своих» полос тут вовсе не было), останавливаясь у самых его ног, со свистом проносились мимо — так близко, что у него перехватывало дыхание и бешено колотилось сердце, — но тем не менее всякий раз благополучно избегали столкновения. Торби едва успевал уворачиваться. После нескольких таких прыжков он счел за лучшее следовать

примеру своего приемного отца. Капитан Крауза спокойно и упрямо продвигался вперед, как бы рассчитывая на то, что сумасшедшие водители сочтут его неподвижным предметом. Торби усомнился было в правильности такой тактики, но... по-видимому, здесь невозможно было поступать иначе.

Торби никак не мог понять городскую планировку. Машины и пешеходы устремлялись всюду, куда только можно было проехать или пройти, и разделения на общественные и частные территории, по-видимому, не существовало. Они прошли по площади, которая напомнила Торби рынок, а затем, поднявшись по пандусу, — сквозь некое строение, не имевшее отчетливых границ: ни вертикальных стен, ни крыши, а потом вновь вышли наружу и спустились вниз сквозь арку, под которой был проход. Торби полностью потерял ориентировку.

Однажды ему показалось, что они проходят сквозь частный дом — им пришлось проталкиваться в толпе, которая была занята чем-то вроде званого обеда. Гости только убирали конечности с их пути.

Крауза остановился.

— Мы почти пришли. Сейчас мы нанесем визит одному фраки, который покупает наш товар. Мы встречаемся, чтобы утрясти кое-какие недоразумения, возникшие в ходе торгов. Он оскорбил меня, предложив плату; сейчас нам предстоит вновь стать друзьями.

— Мы что, собираемся отдать товар даром?

— Что бы тебе ответила бабушка? Нам уже заплатили, но сейчас я отдам ему товар бесплатно, а он подарит мне торий в знак своей симпатии ко мне. Обычаи лосиан не позволяют им заниматься таким мерзким делом, как торговля.

— Они не торгуют друг с другом?

— Конечно, торгуют. Выглядит это так: один фраки дает другому то, что у него просят. И тут — разумеется, чисто случайно — у второго оказываются в наличии деньги, которые он спешит безвозмездно всучить первому. Потом выясняется, что оба подарка имеют одинаковую стоимость. Лосиане очень хитрые деляги: нам ни разу не удалось вытянуть из них хотя бы незначительную поправку.

— К чему же такие нелепости?

— Если задумываться над тем, почему фраки поступают так или этак, можно свихнуться. Находясь на их планете, ты должен приспосабливаться к местным обычаям... так будет лучше всего. Теперь слушай и запоминай. Во время встречи состоится дружеский обед, но... для лосиан это неприемлемо: они «теряют лицо». Поэтому между нами будет установлен прозрачный экран. Твое присутствие необходимо, потому что там будет лосианин-сын, точнее — дочь. Фраки, с которым я встречаюсь, — мать семейства, а не отец. У меня сложилось впечатление, что у лосиан мужчины находятся в подчиненном положении. Но обрати внимание: когда я буду говорить через переводчика, я стану говорить как мужчина.

— Почему же?

— Потому, что они достаточно хорошо осведомлены о наших обычаях, чтобы знать, что у нас заправляют мужчины. Если ты вдумаешься, то поймешь, что в этом есть определенная логика.

Торби задумался. Кто был главой Семьи? Отец? Или, может быть, бабушка? Разумеется, старший офицер, отдавая распоряжение, подписывает его «по приказу капитана», но это лишь для того, чтобы... нет. Хотя, как бы то ни было...

Внезапно Торби пришло в голову, что во многих отношениях нелогичны именно традиции Семьи. Но капитан продолжал:

— На самом деле мы не станем есть: это не более чем условность. Тебе подадут сосуд с зеленой тягучей жидкостью. Поднеси его ко рту, но не пей: выест кишки. И... — капитан запнулся, оглядываясь на промчавшегося в опасной близости очередного ездока, — ...будь внимателен, и ты сумеешь понять, как вести себя в следующий момент. О, я совсем забыл! Я спрошу, сколько лет сыну хозяина, и потом такой же вопрос будет задан тебе. Отвечай «сорок».

— Почему сорок?

— Потому что в их понятии сорок лет — самый подходящий возраст для ребенка, который начинает помогать отцу.

Наконец они прибыли на место и опустились на корточки напротив двух лосиан, к которым сбоку при-

мостился еще и третий. Разделявший их экран был сделан из материала, напоминавшего прозрачную ткань, и Торби прекрасно видел сквозь него. Он пытался смотреть в оба, слушать и вникать, но шум дорожного движения постоянно его отвлекал. Ракетки проносились мимо и даже порой между сидящими, пронзительно и весело визжа.

Хозяева начали беседу и обвинили капитана в каком-то злонамеренном поступке. Переводчика было почти невозможно понять, но он проявил удивительное мастерство в употреблении бранных выражений интерлингвы. Торби не мог поверить своим ушам и ожидал, что отец либо тут же повернется и уйдет прочь, либо затеет скандал.

Однако Крауза спокойно выслушал и выступил с вдохновенной, исполненной поэтики речью, обвиняя лосиан во всевозможных пороках — от сутяжничества до тунеядства и торговли наркотиками.

Произнесенные слова настроили договаривающиеся стороны на дружественный лад. Лосианин преподнес капитану торий и выразил намерение подарить ему своих сыновей и все свое имущество.

Крауза с благодарностью принял дар и выразил желание расстаться со своим «Сизу» и всем, что было на борту.

Затем стороны сделали широкий жест и вернули друг другу подарки. В итоге был сохранен «статус кво» и каждый оставил у себя лишь то, чем уже завладел к нынешнему моменту: лосианин — несколько центнеров листьев верги, Торговец — контейнеры с торием. Оба сошлись во мнении, что верга и торий — сущая безделица, пустяк, не более чем символ нежной дружбы. В приливе нахлынувшего чувства лосианин подарил капитану своего сына, и Крауза тут же преподнес ему (или ей?) Торби. Последовавший затем обмен мнениями выявил, что оба они слишком молоды, чтобы покидать родные стены.

Возникшее затруднение было разрешено предельно просто: дети обменялись именами. Торби стал обладателем имени, которое ему вовсе не нравилось и которого он даже не мог произнести. Затем последовал «обед».

Торби даже представить не мог, как можно пить эту отвратную зеленую бурду. Поднеся ее ко рту, он почувствовал, как его ноздри опалило огнем, и закашлялся. Капитан предостерегающе посмотрел на него.

«Поев», они тут же двинулись в обратный путь. Никаких «до свидания», просто поднялись с места и отправились восвояси. Пробираясь, словно лунатик, сквозь уличную толчею, капитан Крауза рассеянно произнес:

— Для фракки они очень неплохие существа. Никакого авантюризма, и притом кристально честны. Меня всегда интересовало, что бы они стали делать, кабы я принял всерьез какой-нибудь из их подарков. Вероятно, отдали бы без всяких возражений.

— Не может быть!

— Не скажи. Ты вполне мог бы уйти отсюда, таща за собой этого лосианского мальчика.

Торби умолк.

Покончив с делами, Крауза помог ему сделать покупки и сориентироваться на местности, что принесло юноше немалое облегчение, ибо он не знал ни что купить, ни как пройти к кораблю. Отец привел его в лавку, хозяин которой говорил на интерлингве. Лосиане производят массу вещей, исключительно сложных на вид, о назначении которых Торби мог только догадываться. По совету капитана он выбрал маленький полированный кубик, внутри которого, если его потряхивать, проецировались бесконечные виды Лосиана. Торби протянул продавцу одну из проволочных «банкнот», и тот дал ему сдачу в виде целого ожерелья «монет». Затем лосианин вручил юноше покупку и подарок «от заведения».

Торби передал продавцу через Краузу свои пожелания, что может предложить взамен лишь свою признательность до гробовой доски. Процедура приобретения сувенира закончилась обменом вежливыми оскорблениями.

Наконец на горизонте показался космопорт, и, увидев вдаль родные контуры «Сизу», Торби почувствовал облегчение.

В каюте сидел Джери, задрав ноги на стол и заложив руки за голову. Он хмуро посмотрел на Торби.

- Привет, Джери!
- Здравствуй.
- Выходил в город?
- Нет.

— А я прогулялся. Смотри, что я купил! — Торби протянул племяннику волшебный кубик. — Потряси его, и каждый раз новое изображение.

Джери посмотрел одну картинку и вернул кубик обратно.

- Очень интересно.
- Ты чего такой смурной? Съел что-нибудь не то?
- Нет.
- Тогда в чем дело?

Джери опустил ноги на палубу и посмотрел на Торби.

— Я возвращаюсь в компьютерную.

— Что?

— Да нет, статуса я не потерял. Придется опять заняться обучением новичков.

Торби похолодел.

- Ты хочешь сказать, что меня выставляют?
- Нет.
- Так что же случилось?
- Мату обменяли.

Глава 11

Обменяли Мату? Навсегда? Маленькую Матти с серьезными глазами и веселым смехом? Торби ощутил, как накатывает грусть, и, к своему удивлению, осознал, насколько это для него существенно.

— Не верю!

— Не валяй дурака!

— Когда это случилось? Куда ее отправили? Почему мне ничего не сказали?

— Ясное дело, на «Эль Нидо»; кроме «Сизу», это единственный корабль Людей в лосианском порту. Мата ушла около часа назад. Я не предупредил тебя потому, что сам не знал... до тех пор, пока меня не вызвали в бабушкину каюту, чтобы я попрощался с сестрой. — Джери нахмурился. — Когда-нибудь это должно было произойти... но я думал, что бабушка не отпустит Мату до тех пор, пока она не утратит навыков стрельбы.

— Тогда зачем, Джери? Почему?

Джери встал и холодно произнес:

— Больше я ничего не могу сказать, мой приемный двоюродный дядя.

Торби пихнул его обратно в кресло.

— Не увиливай, Джери. Я твой «дядя» только потому, что меня так называли. Но я по-прежнему все тот же

бывший фраки, которого ты обучал мастерству стрельбы, и мы оба знаем это. Так поговорим как мужчина с женщиной. Давай выкладывай все начистоту.

— Тебе это не понравится.

— Уже не нравится! Матти ушла... Слушай, Джери, в каюте нет никого, кроме нас. Что бы там ни было, ты должен рассказать мне все. Клянусь тебе сталью «Сизу», что Семья никогда об этом не узнает.

— Нас может подслушать бабушка.

— Если так, то я приказываю тебе говорить и беру всю ответственность на себя. Впрочем, едва ли сейчас бабушка слушает: обычно в это время она уже сидит за карточным столом. Говори же!

— Ладно, — Джери мрачно посмотрел на собеседника. — Ты сам напротился. Значит, ты хочешь сказать, что не имеешь ни малейшего понятия о причинах, побудивших бабушку выставить с корабля мою сестренку?

— Конечно, нет. Иначе я бы не спрашивал.

Джери нетерпеливо фыркнул.

— Торби, я знал, что ты малость недалек. Но не подозревал о том, что ты глух, слеп и нем.

— Оставь свои комплименты. Расскажи суть дела.

— Мату обменяли из-за тебя. Из-за тебя, — Джери с отвращением посмотрел на Торби.

— Меня?

— Из-за кого же еще? С кем Мата чаще всех играла в мяч? С кем сидела рядом в кинозале? Подумай, кого из новых членов Семьи постоянно видели рядом с девушкой, принадлежащей к одному с ним сообществу? Я намекну тебе — его имя начинается на «Т».

Торби побледнел.

— Джери, мне и в голову не приходило...

— Значит ты был единственным на корабле, кто этого не видел, — Джери пожал плечами. — Впрочем, тебя я не обвиняю. Это была ее ошибка. Она выбрала тебя, тупой клоун! И лишь одного я не мог себе представить — что ты ничего не знаешь. Я не раз пытался тебе намекнуть.

В таких делах Торби разбирался не лучше, чем невинная птаха в баллистике.

— Я не верю.

— Верись, не верись... какая разница? Все это видели. Впрочем, это могло сходить вам с рук, пока все было открыто и невинно — а я внимательно следил, не переступаете ли вы грань, — если бы сестрица не потеряла головы.

— Что же произошло?

— Она кое-что сделала и тем привлекла внимание бабушки к нашему идиоту-стрелку. Мата пришла к ней и попросила, чтобы ее удочерил кто-нибудь из другой семейной ветви. Святая простота! Она решила, что раз уж ты усыновлен, то не имеет никакого значения тот факт, что она твоя племянница, — остается лишь немного переиграть, и она сможет выйти за тебя замуж, — Джери хмыкнул. — Если бы тебя усыновили в другой ветви, у нее еще могло бы что-то получиться. Но она, очевидно, рехнулась, если решила, что бабушка — бабушка! — согласится на такой скандал.

— Да, но... мы ведь в сущности не были родственниками. Да я и не собирался жениться на ней.

— Ну, хватит! Я уже устал от тебя.

Торби бродил по кораблю, не желая возвращаться в каюту и встречаться с Джери. Он чувствовал себя потерянным и одиноким. Торби был совершенно сбит с толку: жизнь Семьи казалась столь же странной, а обычаи непонятными, как у лосиан.

Ему не хватало Маты. До сих пор у него не возникало такого ощущения. Общество девушки было приятным, но таким же привычным, как трехразовое питание и прочие удобства, к которым Торби уже привык, живя на корабле. И вот теперь он скучал без нее.

Если уж она так этого хотела, то почему они не исполнили ее желание? Не то чтобы Торби мечтал об этом, но... коль скоро ему все равно суждено обзавестись женой, Мата была бы ничуть не хуже любой другой. Она нравилась Торби.

Наконец он вспомнил, что на корабле есть человек, с которым можно об этом поговорить. И Торби отправился со своей печалью к доктору Мейдер.

Постучавшись в ее дверь, он тотчас же услышал: «Войдите!». Она встретила его, стоя на коленях в гряде своих вещей.

— А, Торби! Очень хорошо, что ты пришел. Мне сказали, что ты вышел в город, и я боялась, что разми- нусь с тобой.

Она говорила на английском Системы, Торби отве- чал ей на том же языке.

— Вы хотели меня видеть?

— Чтобы попрощаться. Я возвращаюсь домой.

— Ой, — Торби вновь ощутил болезненный тол- чок — такой же, как когда он слышал от Джери о Мате. Внезапно его охватила волна тоски по отцу. Он взял себя в руки и ответил:

— Мне очень жаль. Я буду скучать по вам.

— И я тоже буду скучать, Торби. В этом огромном корабле ты был единственным человеком, рядом с ко- торым я ощущала себя словно дома... это странно, ведь твоя и моя жизни отстоят друг от друга так далеко, как только возможно. Мне будет не хватать наших с тобой бесед.

— И мне тоже, — простодушно ответил Торби. — Когда вы уходите?

— «Эль Нидо» отправляется в полет завтра. Но я должна перебраться не позже сегодняшнего вечера. Мне нельзя опоздать к старту, иначе я не смогу попасть домой еще несколько лет.

— «Эль Нидо» идет на вашу планету? — в голове мальчика начал складываться фантастический план.

— Нет, нет. Корабль направляется на Таф Бету IV. Но там бывают почтовые корабли Гегемонии, и на них я смогу добраться домой. Слишком удачный шанс, что- бы упустить его.

Хитроумный план померк в голове юноши — он с самого начала был нелеп. Торби мог решиться посе- литься на незнакомой планете, но Мата не была фрази.

Доктор Мейдер продолжала:

— Все устроила старший офицер, — она невесело улыбнулась. — Она была рада избавиться от меня. Я даже надеяться не могла, что у нее что-то получится: я хорошо помню, с каким трудом мне удалось попасть на «Сизу»; полагаю, за этим стоит какая-то сделка, о которой бабушка не упоминает. Итак, я покидаю вас... и мне вновь предстоит полная изоляция на женской

половине. Не беда: я потрачу это время на обработку полученных мною данных.

Эти слова напомнили Торби о том, что Маргарет может встретиться на женской половине с Матой. Смущаясь и запинаясь, он принялся объяснять, о чем пришел поговорить. Доктор Мейдер слушала его со всей серьезностью, продолжая упаковывать вещи.

— Я знаю, Торби. Я услышала об этом печальном деле гораздо раньше, чем ты.

— Маргарет, вы когда-нибудь сталкивались с подобной нелепицей?

Она замялась.

— Да, мне нередко доводилось слышать и о еще более глупых вещах.

— Но ведь ничего такого не было! И если Мата захотела, то почему бабушка не пошла ей навстречу... вместо того, чтобы отправлять девушку к чужим людям?

Женщина-фраки улыбнулась.

— Это самое необычное признание в любви, какое я когда-либо слышала, Торби.

— Вы могли бы отнести ей записку?

— Если ты хочешь передать свои уверения в вечной любви или что-нибудь в этом духе, то нет, не могу. Бабушка сделала для своей внучки самое лучшее, что было в ее силах. Сделала это быстро, с любовью и мудростью. Сделала это, исходя из интересов Маты, а не сиюминутных потребностей «Сизу», ведь Мата была превосходным стрелком. Бабушка, как и подобает старшему офицеру, исходила из высших соображений; она обдумала глубинные общие интересы и решила, что они перевешивают потерю одного стрелка. Я проникаюсь все большим уважением к бабушке, ведь, между нами, я и на старости лет остаюсь глупой девчонкой, — она вдруг улыбнулась. — Лет через пятьдесят Мата тоже примет подобное мудрое решение. Семья «Сизу» — очень крепкий клан.

— Провалиться мне на месте, если я что-нибудь понимаю!

— Это оттого, что ты почти такой же фраки, как и я... и не имеешь моей подготовки. Торби, о большинстве вещей можно говорить, плохи они или хороши, только зная истинную их подоплеку; сами по себе

плохи или хороши многие вещи. Поступки, которые квалифицируются в определенном обществе как правильные или неправильные, действительно являются именно таковыми. Возьмем такой обычай Людей, как экзогамия. Ты, вероятно, думаешь, что это способ уменьшить опасность мутаций. По крайней мере, в корабельной школе вас учили именно так.

— Конечно. И потому я не могу понять, зачем...

— Секундочку. Ты не можешь понять бабушкиных возражений. Но для Людей чрезвычайно важно устраивать браки между членами экипажей разных кораблей. И не в генах дело — они имеют второстепенное значение, — а в том, что корабль слишком мал, чтобы быть устойчивым изолированным обществом. Корабли должны постоянно обмениваться идеями и достижениями, иначе тот же «Сизу», да и сама культура Людей погибнут, так что закон соблюдается строжайшим образом. Малейшее отступление от закона — то же самое, что крохотная пробоина в борту корабля, появление которой ведет к губительным последствиям, и устранить их можно лишь самыми решительными мерами. Ну... теперь ты понимаешь?

— Э-э... нет, не думаю.

— Сомневаюсь, что сама бабушка отчетливо понимает это; она лишь знает, что хорошо и что плохо для Семьи, и действует дальновидно и решительно. Ты все еще хочешь отправить записку?

— Ну, что ж... не могли бы вы передать Мате, что мне очень жаль — нам не удалось попрощаться.

— Ммм... хорошо.

— Вот и отлично.

— Теперь чувствуешь себя лучше?

— В общем, да... ведь вы говорите, что так будет лучше для Маты, — Торби внезапно взорвался: — Но, Маргарет, я не понимаю, что творится со мной! Мне казалось, что все стало на свои места, и вот теперь моя уверенность рассыпалась в прах. Я мыслю и чувствую как настоящий фраки и сомневаюсь, смогу ли я стать истинным Торговцем.

Лицо собеседницы внезапно омрачилось.

— Ты уже был свободен. И эту дурную привычку трудно преодолеть.

— Как вы сказали?

— Тебе довелось испытать серьезные потрясения. Твой приемный отец — я имею в виду первого, Баслима Мудрого, — купил тебя и усыновил, дав тебе такую же свободу, какой пользовался и сам. И вот теперь второй твой отец, поступая из самых лучших побуждений, усыновил тебя и тем самым сделал тебя рабом.

— Что вы, Маргарет! — возразил Торби. — Как вы можете такое говорить?

— Если ты не раб, то кто же?

— Ну, я — Вольный Торговец. Во всяком случае, отец надеется, что я смогу им стать, если мне удастся избавиться от моих привычек фраки. Но я не раб. Люди свободны. Семья состоит из свободных Людей.

— Все вместе вы свободны... но не по отдельности.

— Что вы имеете в виду?

— Люди свободны. Это составляет главный предмет их гордости. Любой Торговец скажет вам, что именно свобода делает Людей Людьми и отличает от фраки. Люди свободны, странствуя средь звезд и нигде не пуская корней. Столь свободны, что превращают свой корабль в суверенное государство, которое никого ни о чем не просит, странствует, где хочет, дерется с любым врагом, не нуждается ни в каком пристанище, не вступает ни с кем в союз, который бы его не устраивал. О да, Люди свободны! Старушка Галактика еще не ведала такой полной свободы. Общество, насчитывающее менее сотни тысяч человек, царствует в пространстве в четверть миллиарда кубических световых лет, и эти люди совершенно вольны двигаться в любую сторону в любое время. Такой культуры не было никогда и, быть может, не будет. Свободны как само небо... более свободны, чем звезды, поскольку те движутся твердо установленными путями. Да-да, конечно, Люди свободны! — Женщина некоторое время молчала. — Но какой ценой куплена эта свобода?

Торби заморгал.

— Я скажу тебе. Нет, бедность тут ни при чем. Такого высокого уровня жизни, как у Людей, история еще не знала. Доходы от вашей торговли просто баснословны. За них не приходится платить ни физическим, ни душевным здоровьем. Мне не доводилось

видеть общества, в котором болели бы так мало. Не приходится платить и счастьем либо самоуважением. Но ваше счастье полно самодовольства, а гордыня почти греховна — разумеется, гордиться вам есть чем. Но за свою беспрецедентную свободу вы платите... самой свободой. Нет, я не говорю загадками. Люди свободны... за счет потери личной свободы каждого из вас, и капитан со старшим офицером отнюдь не являются исключением: они лишь еще более несвободны, чем кто бы то ни было из вас.

В ее словах звучала неподдельная ярость.

— Как мы можем быть свободными и несвободными одновременно? — возразил Торби.

— Спроси Мату. Торби, ты живешь в стальной темнице, вне которой ты проводишь не более нескольких часов за много месяцев. Правила внутреннего распорядка на корабле значительно строже, чем в любой тюрьме. То, что целью этих правил является сделать вас всех счастливыми — и они это делают, — сейчас неважно. Вы должны повиноваться им. Вы спите, где прикажут, едите по звонку и только то, что предложат, — и совершенно несущественно, что пища вкусная и качественная, важно то, что вас не спрашивают, чего вы хотите. Девяносто процентов времени вы делаете то, что вам прикажут. Вы так стиснуты правилами, что бо́льшая часть того, что вы говорите, — не живая речь, а предписанный ритуал. За целый день можно не произнести ни одной фразы, которой не было бы в законах «Сизу». Верно?

— Да, но...

— «Да» без всяких «но»! Скажи, Торби, у кого из людей меньше свободы? У рабов? Можешь ли ты подобрать слово точнее?

— Но нас нельзя продать!

— Рабство часто существовало в форме, не допускавшей продажу или покупку людей. Их просто передавали по наследству. Так же, как на «Сизу». Быть рабом означает принадлежать хозяину и не иметь надежды на перемены. Вы — рабы, которые называют себя Людьми и не могут даже мечтать о воле.

Торби нахмурился.

— Вы полагаете, что именно из-за этого я чувствую себя так противно?

— Мне кажется, рабский ошейник, который не беспокоит твоих товарищей, потому что они родились в нем, начинает душить тебя, ведь ты уже был свободен, — женщина осмотрела свои пожитки. — Мне пора отправляться на «Эль Нидо». Поможешь мне?

— Буду рад.

— На встречу с Матой не рассчитывай.

— Я и не думал об этом, — соврал Торби, — только хотел помочь вам. Мне очень жаль расставаться.

— Честно говоря, я рада, что отправляюсь домой, но мне не хочется прощаться с тобой, — она помедлила. — Я тоже хотела бы тебе помочь. Антрополог никогда не вмешивается, но я уже ухожу, а ты никогда не был частичкой этой культуры. Ты сможешь понять намеки старой женщины?

— Вы совсем не старая!

— Еще одна любезность. Я уже бабушка, хотя старший офицер, пожалуй, удивилась бы, услышь она это от меня. Торби, мне казалось, что ты сумеешь привыкнуть к этой тюрьме. Теперь я в этом не уверена. От привычки быть свободным не так-то легко избавиться. Милый, если ты почувствуешь, что не в силах это выдержать, дождись, когда корабль опустится на планету, где царят свобода, демократия и гуманизм, и беги отсюда прочь. Это нужно сделать до того, как бабушка решит тебя женить, ибо промедление — твоя гибель!

Глава 12

От Лосиана к Финстеру, от Финстера к Тоту IV, от Тота IV к Вуламурре — «Сизу» прокладывал свои пути в пространстве диаметром в девяносто световых лет. В центре этой сферы располагалась легендарная Терра, колыбель человечества. «Сизу» никогда не опускался на этой планете; Люди предпочитают миры, где выше прибыль, где меньше полиции и торговля не связана головоломными статьями налогового законодательства.

История «Сизу» утверждала, что первый корабль Семьи был построен на Терре, и там же появился на свет первый капитан Крауза, который был (по слухам) урожденным фраки. Но с тех пор Семья сменила шесть кораблей, а история «Сизу» была верна только в общих чертах, незначительные подробности вполне могли оказаться искаженными. Тот «Сизу», сталь которого служила домом нынешнему поколению Семьи, был зарегистрирован в Новой Финляндии, на Шиве III... в этот порт корабль более не возвращался, но местные налоги уплачивались регулярно — это давало Семье законное право в погоне за прибылью свободно перемещаться в цивилизованном секторе Галактики. Администрация Шивы III понимала нужды Вольных Торговцев и не докучала им инспекциями и проверками, пока те исправно платили положенные взносы. Очень многие корабли

Людей сочли удобным зарегистрироваться на этой планете.

На Финстере Торби познакомился еще с одним способом ведения дел. Здешние фраки, известные науке под замысловатым латинским названием и которых Люди называли «эти чертовы мошенники», жили в телепатическом симбиозе с лемуруподобными существами, обладавшими очень сложными развитыми конечностями. Предполагалось, что неуклюжие доминирующие монстры мыслят, а лемуры — работают своими тонкими руками.

Планета поставляла на рынок чудесно ограненные камни, медную руду и водоросли, содержащие алкалоид, нашедший применение в психиатрии. Оставалось лишь догадываться о том, что еще здесь можно приобрести. Местные жители не имели ни устной, ни письменной речи, так что общение с ними было крайне затруднено.

Здесь Торби научился новому для себя методу торговли — безмолвному аукциону, который изобрели финикийские торговцы после того, как открыли африканские побережья.

Вокруг «Сизу» были штабелями разложены товары, которые могли предложить продавцы: необходимые местным жителям тяжелые металлы, «вечные» часы, которыми те лишь начинали учиться пользоваться, и прочие предметы, к которым их надеялась приучить Семья. Когда члены экипажа вернулись на борт, Торби подошел к старшему клерку и поинтересовался:

— Мы так и оставим товары валяться на песке? На Джуббуле они тут же исчезли бы, стоило лишь повернуться к ним спиной.

— Разве ты не видел, что комендоры установили пулеметы?

— Нет, я был в нижнем трюме.

— Так вот, пулеметы заряжены и при них неотлучно находятся стрелки. Местные твари абсолютно аморальны, но отнюдь не глупы. Однако теперь они будут так же честны, как кассир, за которым наблюдает босс.

— И что же дальше?

— Будем ждать. Они осмотрят наши товары и через некоторое время... через день, может быть, через два...

принесут свои и уложат рядом с нашими штабелями. Мы еще немного подождем; может быть, они чего-нибудь добавят. А может, уберут принесенное и предложат что-либо другое, и мы рискуем перехитрить самих себя и упустить какой-нибудь ценный товар. Возможно, нам придется разделить штабель надвое, чтобы показать, что нас устраивает товар, но не цена. Может случиться и так, что мы не пожелаем брать их товар ни за какую цену. И придется переместить наш штабель к тому их товару, который нам нужен. Но и тогда мы не станем трогать того, что они принесут: мы будем выжидать. Наконец в течение долгого времени ни мы, ни они не будем ничего передвигать. Значит, цена устраивает обе стороны, и мы забираем их товар, а они уносят наш. Потом мы забираем свои товары, за которые они не дали нужной нам цены, а они уносят все то, что отвергли мы.

Но и это еще не все. К этому моменту и те и другие уже знают, чего хочет партнер и какую цену он готов предложить. Они вновь принесут что-нибудь, и мы в ответ выставим то, что, как нам уже известно, они захотят взять. Совершается еще несколько сделок. По окончании второго этапа у нас не остается товаров, которые они хотели бы взять по цене, устраивающей нас. Очень хороший способ. На планетах, где мы можем общаться при помощи речи, все проходит куда сложнее.

— Очень уж долго тянется такая сделка.

— Можешь предложить что-нибудь лучшее?

Обмен грузами, цена которых была известна заранее, прошел без сучка и задоринки. И лишь когда наружу были вынесены пробные партии товаров, и без того неспешный процесс замедлился пуще прежнего. Сложная электроника, мгновенно раскупавшаяся на Лосиане, не вызвала у жителей Финстера вообще никакого интереса. Шестьсот складных ножей, которые предназначались для Вуламурры, были проданы здесь по весьма приличной цене. Однако наибольший ажиотаж вызвали предметы, которые вообще не считались товаром.

Бабушка Крауза, хотя и была прикована к постели, частенько объезжала помещения корабля с личной ин-

спекцией; в результате таких проверок кого-нибудь обязательно наказывали. Незадолго до прибытия на Финстер она пожелала осмотреть детскую и каюты холостяков. Первое, на чем остановились ее глаза, были стопки комиксов. Бабушка велела конфисковать этот «мусор, годящийся только для фраки».

Затем осмотру подверглись каюты холостяков, в то время как накануне был пущен слух, будто бы бабушка намерена ограничиться детской и женской половиной, так что юноши не успели припрятать картинки с голыми красотками.

Бабушка была шокирована! После изъятия комиксов и фотографий было велено разыскать журналы, из которых они были вырезаны. Кипу контрабандной макулатуры передали инженерам, чтобы те распылили эту гадость на атомы.

Там журналы попались на глаза суперкарго, в голове у которого зародилась идея получше. Конфискованную «литературу» вынесли из корабля и бросили рядом с другими товарами.

Напротив пачки бумажного хлама появилась кучка ограненных самоцветов: хризобериллы, гранаты, опал, хрусталь.

Суперкарго, растерянно моргая, осмотрел эти сокровища и отправился с докладом к капитану.

Книжки и журналы разложили по отдельности. Местные жители принесли еще камней.

В конце концов каждый предмет был расчленен на страницы, которые разложили по одной. Было достигнуто окончательное соглашение: за каждую цветастую картинку туземцы отдали по одному камню. В этот момент даже самые хитроумные юнцы, сумевшие уберечь свои излюбленные фотографии, внезапно воспылали чувством долга и проявили врожденную деловитость: в конце концов, они могли пополнить запасы чтива в ближайшем цивилизованном порту. Из детской была изъята очередная порция комиксов с приключениями.

Беспрецедентный в истории случай: за комиксы и порнографию Семья получила драгоценные камни, вес которых многократно превышал массу бумаги, на которой были напечатаны безвкусные картинки!

За Тотом IV следовала Вуламурра. Каждый перелет приближал корабль к месту Встречи Людей; корабль охватила карнавальная лихорадка. Экипаж забросил работу и занялся музицированием, вахты перетасовывались так, чтобы могли спеться квартеты, для атлетов был составлен тренировочный план, а их самих освободили от всех вахт, кроме боевых, и они выкладывались в спортзале так, что едва доползали до своих постелей. Обсуждая планы шикарных приемов, должных послужить вящей славе «Сизу», люди спорили до хрипоты и головной боли.

Через N-космос летели длинные послания, и главный инженер гневно протестовал против скандального перерасхода энергии, ядовито намекая на высокую цену трития. Однако старший офицер, посмеиваясь, одобряла все расходы. Проходили дни, и морщины бабушки все чаще складывались в непривычную для нее улыбку, словно она знала что-то, о чем предпочитала покамест помалкивать. Торби дважды заметил, как она улыбалась, глядя на него. Это насторожило юношу: он считал за благо не привлекать внимания бабушки. В полной мере ему довелось удостоиться ее внимания позднее, и это ему не очень-то понравилось.

Торби сжег рейдер, и в его честь был устроен обед, на котором он сидел за одним столом со старшим офицером.

Пират появился на экране «Сизу», когда корабль поднимался с Финстера — весьма необычное для нападения место, поскольку в окрестностях планеты никогда не было особенно оживленного движения. Тревога поднялась лишь спустя несколько часов после старта, когда «Сизу» набрал всего пять процентов световой скорости, так что надежды оторваться от преследователя не было никакой.

Справляться с ситуацией выпало Торби; бортовой вычислитель вышел из строя — у него произошел «нервный срыв», и электронщики, обливаясь потом, возились со схемами, готовя корабль к прыжку. Племянник Торби, Джери, вернулся к астронавигаторам. Новый стажер кое-чему подучился во время длительного перелета от Лосиана, но это был безусый юнец, и Торби не очень-то ему доверял, но не стал возражать, когда Джери

решил, что Кенан Дротар готов нести вахту, пусть он и не прошел боевое крещение. Джери стремился поскорее вернуться в ходовую рубку по двум причинам. Во-первых, он не желал терять высокого статуса, а во-вторых, о чем он даже сам не думал и не говорил, компьютерная была тем самым местом, где он когда-то работал с покинувшей корабль младшей сестрой.

И поэтому, когда появился рейдер, разбираться с ним пришлось Торби.

Он приступил к решению задачи с чувством неуверенности, поскольку знал, что бортовой компьютер неисправен. Жизнь стрелка значительно облегчает вера в сверхчеловеческие способности программистов: «Если даже я лопухнусь, эта куча мозгов все равно накроет его». Тем временем программисты думали то же самое о нем. И эта мысль давала людям столь необходимую возможность расслабиться.

На сей раз у Торби такого ощущения безопасности не было. Финстериане не совершали дальних перелетов; было невозможно даже предположить, что рейдер приписан к здешнему порту. Не мог он быть и Торговцем: он слишком быстро ускорялся. Не был это и крейсер Гегемонии: Финстер находился слишком далеко от цивилизованного мира. Торби с уверенностью, от которой его затошнило, подумал о том, что через несколько часов ему придется запустить ракету и поразить цель либо уже очень скоро он вновь станет рабом и та же участь постигнет всю его Семью.

Все эти соображения путали расчеты, парализовали мышление.

Внезапно юноша забыл о неисправном компьютере, о Семье и даже о пирате как таковом. Маневры рейдера стали всего лишь потоком поступающих на терминал данных, превратившись в задачу, к решению которой так долго готовился Торби. Его напарник забился в другое кресло и пристегнулся ремнями, а ходовая рубка атаковала его запросами. Торби не слышал ответов напарника и даже не заметил, когда рубка умолкла. Вскоре в компьютерную ворвался Джери, присланный капитаном; Торби не обратил на него внимания. Джери вытянул из кресла стажера, уселся в него сам и, заметив, что включен терминал Торби, даже не прикоснул-

ся к переключателю. Он молча наблюдал за действиями юноши и продумывал на всякий случай альтернативные решения, готовый включиться сразу после того, как Торби запустит ракету, и тут же выстрелить еще раз. Торби по-прежнему ничего не замечал.

Внезапно динамик заговорил низким голосом капитана Краузы:

— Стрелок... не помочь ли вам маневром?

Торби не слушал. Джери посмотрел на него и ответил:

— Я бы не советовал, капитан.

— Ну ладно.

Старший бортовой баллистик, грубо нарушая требования устава, примчался в компьютерную и, утирая пот со лба, наблюдал за безмолвным поединком. Торби его не замечал. Для него в этот момент существовали только рукоятки, клавиши и кнопки, ставшие продолжением его собственной нервной системы. И даже когда ему нестерпимо захотелось чихнуть, Торби с легкостью подавил это желание, даже не обратив внимания на попавшую в нос пылинку.

Сверившись с последними данными, он ввел тончайшие поправки, автоматическим движением нащупал кнопку и отдал команду запустить ракету в момент максимального искривления траектории цели. Двумя секундами позже ракета покинула пусковую шахту и легла на курс.

Джери потянулся к переключателю, но его рука замерла на полпути; Торби отчаянно застучал по клавишам, запуская вторую ракету по траектории, вычисленной с поправкой на вероятное уменьшение целью своей тяги. Внезапно поток данных прервался: корабль ослеп, его коснулся парализующий луч.

Последующий анализ показал, что луч действовал семьдесят одну секунду. Джери пришел в себя, когда луч исчез; он увидел, как Торби изумленно осмотрел свой терминал и вновь начал лихорадочно действовать, подготавливая очередной пуск в соответствии с последними полученными им данными.

Джери положил ему на плечо руку.

— Бой окончен, Торби.

— Что?

— Ты накрыл его. Отличный выстрел. Мата могла бы гордиться тобой.

Ослепшие «глаза» корабля ремонтировали целый день. Капитан продолжал ускорение: больше ему нечего было делать. Наконец «Сизу» вновь обрел зрение и двумя днями позже благополучно нырнул в безопасный мрак N-космоса. Этим же вечером в честь Торби был дан обед.

Бабушка произнесла обычную речь, вознеся благодарственную молитву за спасение Семьи. И никто иной, как сын «Сизу», ныне сидевший рядом с ней, был орудием счастливого избавления. Затем старший офицер вновь откинулась на подушки и приступила к еде; ей прислуживала невестка.

Торби не радовалась выпавшая на его долю честь. Он с трудом припоминал ход поединка, и ему казалось, что его чествуют по ошибке. Он долгое время провел в полузабытьи, и лишь теперь к нему вновь возвращалось воображение.

Он понимал, что это были всего лишь пираты. Пираты и работорговцы, они пытались захватить «Сизу» и продать в рабство Семью. Сколько Торби помнил себя, он ненавидел работорговцев — не просто безликий институт рабства, а именно работорговцев он ненавидел с молодых ногтей, еще до того, как узнал это слово.

Он был уверен, что Баслим одобрил бы его; он знал, что тот при всей его мягкости укоротил бы любого работорговца, не проронив и слезинки.

И тем не менее Торби не чувствовал себя счастливым. Он продолжал думать о живом корабле, на который вдруг обрушилась смерть, превратив его в сгусток излучения. Он посмотрел на свой указательный палец и задумался. Его занимала извечная дилемма, которая преследует всех людей, не утративших человеческого облика, людей, едящих мясо, но предпочитающих, чтобы туши свеживал кто-нибудь другой.

Трое суток перед званым обедом Торби спал урывками, и у него слипались глаза. Тем не менее он принялся за еду.

Проглотив очередной кусок, он вдруг заметил, что на него внимательно смотрит бабушка. Торби поперхнулся, забрызгав свою рубашку.

— Что с тобой? Уснул? — сердито заговорила старший офицер.

— Ох, извините, бабушка. Вы что-то мне говорили?

Торби уловил предостерегающий взгляд матери, но было уже поздно. Бабушка насупилась.

— Мы все ждем, что ты что-нибудь скажешь.

— Да, да... сегодня чудесный день...

— Не вижу в этом ничего особенного. Видишь ли, в космосе редко бывает плохая погода.

— Я хотел сказать, что у нас отличный обед. Просто прекрасный. Спасибо вам за то, что устроили такой вечер.

— Это уже лучше. Не забывайте, молодой человек: когда джентльмен обедает с дамой, он должен поддерживать приятную беседу. Может быть, у фраки это и не принято, но Люди соблюдают это правило неукоснительно.

— Да, бабушка. Благодарю вас, бабушка.

— Давай-ка начнем сначала. Мы все рады присутствовать на этом обеде. Да. Мы стараемся сделать так, чтобы каждый из нас чувствовал себя равным другим членам Семьи, и для этого мы стремимся оценивать заслуги каждого по достоинству. Полагаю, тебе приятно внести столь значительный вклад в благополучие Семьи. Это прекрасно, тем более что не всякому удастся такое. Поздравляю тебя. А теперь твоя очередь.

Торби залился румянцем.

Бабушка слегка поморщилась и спросила:

— Как ты готовишься ко Встрече?

— Я не знаю, что делать... видите ли, я не умею ни петь, ни танцевать, играю только в шахматы и в мяч. К тому же я ни разу не бывал на Встречах. Я даже понятия не имею, что это такое.

— Так, ты никогда не бывал на Встречах...

Торби почувствовал себя виноватым.

— Бабушка... — произнес он, — должно быть, вы побывали на очень многих Встречах. Расскажите мне о них.

Это был удачный ход. Бабушка заулыбалась и, понизив голос, заговорила:

— Знаешь, теперь уж не бывает Встреч, какие я видывала в свои молодые годы...

С этого момента Торби открывал рот только для того, чтобы издать очередное восхищенное восклицание. Семье пришлось очень долго ждать, пока бабушка разрешит встать из-за стола.

— ...и у меня была масса предложений от сотни кораблей, вот что я тебе скажу. Я была восхитительным созданием с маленькой ножкой и вздернутым носиком. Многие Люди предлагали моей бабушке соблазнительные условия, но я знала, что мое место — на «Сизу», и сумела настоять на своем. Ах, как я была резва! Танцевала всю ночь напролет, а к утру вновь была свежа, словно...

В общем, если обед и не очень удался, то и провала не было.

Поскольку Торби оказался бесталанным, он стал актером.

Тетку Торби, главного распорядителя продовольственного склада и лучшего повара Семьи охватил литературный зуд в его тяжелейшей форме: тетя Афина Крауза-Форгат разродилась пьесой. Произведение, описывавшее жизнь первого капитана Краузы, должно было продемонстрировать безупречный аристократизм семьи «Сизу». Первый Крауза представал в виде святого с сердцем из стали. Преисполненный отвращения к мерзким фраки, он построил «Сизу» (сам, в одиночку) и возвел на борт свою супругу (в черновике она значилась под фамилией Форгат, но, прежде чем передать рукопись для прочтения бабушке, в текст вставили ее девичью фамилию) и своих прекраснейших на всем свете детей. На последних страницах пьесы описывалась волнующая сцена: «Сизу» взмывает ввысь, чтобы нести свет культуры и процветание в самые отдаленные уголки Галактики.

На роль первого Краузы назначили Торби. Услышав об этом, он едва не лишился дара речи и даже пытался отказаться. Тетка Афина была поражена не меньше его самого и, читая вслух список артистов, запнулась и прочитала имя Торби еще раз. Однако бабушка, казалось, была довольна. Она посещала репетиции и высказала ряд замечаний, с благодарностью принятых автором.

Главную женскую роль играла Лоан Гарсиа, девушка, недавно пришедшая в Семью с «Эль Нидо». После

ухода Маты Торби начал сторониться девушек; он ничего против них не имел, но общение с ними не доставляло ему особой радости. Однако найти общий язык с Лоан оказалось нетрудно. Это была темноволосая симпатичная девушка с приятными манерами. Тем не менее когда ему велели в нарушение всех запретов поцеловать ее на виду у бабушки и прочих зрителей, юноша растерялся.

После его первой попытки бабушка с отвращением воскликнула:

— Что ты делаешь? Собираешься укусить ее? Ты так смотришь на нее, будто она насквозь радиоактивна! Это же твоя жена, болван! Ты только что привел ее на корабль и остался наедине со своей любимой женщиной! Давай же! Нет, нет! Афина!

Торби огляделся невидящим взором, но тем не менее заметил Фрица. Глаза того были выпучены, на губах играла блаженная улыбка.

— Афина! Подойди сюда, дочка, и покажи этому недотепе, как нужно целовать женщину! Поцелуй его сама, а потом пусть он попробует еще раз. Все по местам!

Тетка Афина была вдвое старше Торби, и он стеснялся ее гораздо меньше. Он неуклюже последовал ее наставлениям и наконец сумел поцеловать Лоан, не спотыкаясь об ее ноги.

Вероятно, это была хорошая пьеса; она очень понравилась бабушке, которая предвкушала успех постановки на Встрече.

На Вуламурре бабушка умерла.

Глава 13

Вуламурра — утопающая в зелени планета первопроходцев, только что принятая в состав земной Гегемонии; здесь «Сизу» сделал последнюю остановку перед тем, как направиться напрямик к месту, где должна была состояться Встреча. Здесь было вдоволь продовольствия и сырья, а местные фракы с удовольствием скупали промышленные товары. «Сизу» распродал множество лосианских изделий и драгоценностей с Финстера. Однако Вуламурра крайне скупно отпускала товары, которые могли бы принести значительную прибыль, и атомное топливо здесь было дорогим: планета относилась к разряду слаборазвитых и неохотно расставалась с радиоактивными материалами, в которых так нуждалась зарождающаяся местная промышленность.

Урана «Сизу» приобрел немного, но вдоволь отборного мяса и прочих деликатесов. Семья всегда стремилась иметь на своем столе изысканную пищу; сейчас в трюмы корабля было загружено гораздо больше продовольствия, чем мог съесть экипаж, однако этими лакомствами можно было похвастаться на Встрече.

Нехватку топлива покрыли за счет трития и дейтерия. Первоначально построенная здесь фабрика водородных изотопов предназначалась для нужд кораблей Гегемонии, однако продукции фабрики хватало всем. В

последний раз «Сизу» заправлялся на Джуббуле, так как лосианские корабли приводят в движение другие ядерные реакции.

Несколько раз Торби вместе с отцом выходил в порт Новый Мельбурн. Здесь был в ходу английский Системы; Крауза знал этот язык, но местные фраки проглатывали окончания и растягивали гласные, так что капитан понимал едва ли половину. Но для Торби в местном произношении не было ничего странного: именно так он и учился говорить. Поэтому Крауза брал его с собой в качестве переводчика.

В этот день им предстояло завершить сделку по приобретению топлива. Затем подписанные документы следовало заверить в центральном банке и отвезти на завод. После того как на всех бумагах появились печати и были внесены необходимые суммы, капитан сел поболтать с директором. Крауза умел держать себя с фраки на равных и дружелюбно, ничем не показывая, что их разделяет колоссальная социальная пропасть.

Пока они болтали, Торби мучился сомнениями. Директор рассказывал о Вуламуре:

— Любой толковый мужик с крепкими руками и головой, способный держать ушки на макушке, может отправиться в незаселенный район, получить землю и ковать свое счастье.

— Вне всякого сомнения, — признал капитан. — Я видел ваш мясной скот. Эти животные просто великолепны.

Торби тоже согласился. Быть может, на Вуламуре не хватало асфальта, театров и водопровода; но планета буквально бурлила от открывавшихся на ней возможностей. Кроме того, это был приятный славный мир, где обитало не так уж много жителей, что вовсе неплохо. Доктор Мейдер словно бы именно его имела в виду, когда советовала: «...Подожди, когда корабль сядет на планете, где царят свобода, демократия и гуманизм... и тогда беги!».

Жизнь на «Сизу» была приятнее, хотя Торби уже в полной мере осознал, что она требует изоляции от внешнего мира и полного подчинения личности интересам Семьи. Юноше даже начинало нравиться быть актером; сцена оказалась презабавным местом. Торби

удавались каламбурь, способные вызвать улыбку даже на лице бабушки. Помимо прочего, хотя все происходило лишь на сцене, обнимать Лоан было очень приятно. Она целовала его и шептала: «Мой муж! Мой благородный муж! Мы вместе покорим Галактику!».

По простоте душевной Торби решил, что она великая актриса.

Они очень подружились. Лоан было любопытно узнать, чем занимается бортовой стрелок, и как-то раз под бдительным присмотром тетки Торы юноша устроил ей экскурсию в компьютерную.

На лице девушки появилось восхитительное выражение замешательства.

— Что такое N-космос? Мы видим глазами длину, ширину, толщину... неужели могут быть и другие измерения?

— Давай обратимся к логике. Ты ощущаешь четыре измерения... те три, о которых ты уже говорила, плюс четвертое — время. Его ты не видишь, но измерить можешь.

— Да, но при чем здесь логика?

— Сейчас поймешь. Что такое точка? Это некое место в пространстве. Но представь себе, что нет никакого пространства, даже четырех обычных измерений. Пространства нет. Можно ли в таких условиях представить себе точку?

— Я как раз об этом думаю.

— Об этом нельзя даже думать, не думая одновременно о пространстве. Если ты представляешь себе точку, то думаешь о том, что она расположена в каком-то конкретном месте. Скажем, ты выбираешь линию и представляешь себе точку на этой линии. В общем, точка — это какое-то определенное место, и если это место некуда поместить, точка обращается в ничто. Понимаешь?

— Послушайте, дети, — вмешалась тетка Тора. — Нельзя ли продолжить ваш разговор где-нибудь в другом месте? У меня ноги устали.

— Простите, тетя Тора. Обопритесь на мою руку.

Беседу продолжили в холле.

— Так ты уяснила себе, что для существования точки нужна линия?

— Кажется, да. Если у точки нет возможности где-то находиться, ее нет вообще.

— А теперь подумаем о линии. Ты согласна с тем, что она не может существовать без поверхности?

— Это уже труднее.

— Но если ты сумеешь это себе представить, то справишься и с остальным. Линия — это упорядоченная последовательность точек. Откуда берется порядок? От того, что линия лежит на поверхности. Если линия не принадлежит никакой поверхности, она сжимается и исчезает. У линии нет ширины. Ты даже не увидела бы, что она сжалась, ведь тебе не с чем ее сравнить. И все ее точки одинаково близки друг к другу, а упорядоченность исчезает. Понимаешь?

— С трудом.

— Итак, точке нужна линия, линии — поверхность. В свою очередь, поверхность должна быть частью объема, иначе ее структура разрушается. Объем должен быть частью гиперпространства, которое его вмещает... и так далее. Каждое измерение нуждается в еще более высоком, иначе геометрия становится бессмысленной. Исчезает само пространство, — Торби хлопнул по столу. — Но пространство существует, отсюда мы знаем, что гиперпространство тоже существует, несмотря на то, что мы его не видим.

— Но должен быть какой-то предел!

— Ничего подобного. Размерность пространства бесконечна.

Девушка поежилась.

— Это пугает меня.

— Не бойся. Даже главный инженер имеет дело лишь с первой дюжиной размерностей. Кстати, когда корабль выходит в гиперпространство, мы все как бы выворачиваемся наизнанку. Ты это замечаешь?

— Нет. Мне в это не верится.

— Это трудно себе представить, поскольку у нас нет соответствующих органов чувств. Выход в гиперпространство может произойти в тот самый момент, когда ты ешь суп, но ты даже капли не прольешь, несмотря на то, что суп тоже выворачивается наизнанку. Это всего лишь математическая концепция, вроде корня квадратного из минус единицы. Нет нужды ви-

деть многомерное пространство, ощущать его или понимать; нужно лишь разработать соответствующие логические символы. Однако многомерное пространство вполне реально, если только слово «реальность» вообще что-то значит. До сих пор никто не видел электрона. И мысли тоже. Ты не можешь видеть мысль, не можешь измерить, взвесить, попробовать на вкус, тем не менее «мысли — это одна из самых реальных вещей в Галактике», — процитировал Торби Баслима.

Девушка посмотрела на него с уважением.

— Ты, должно быть, чертовски умен, Торби. «Никто не может увидеть мысль»... Мне это нравится.

Торби с достоинством выслушал похвалу.

Вернувшись в каюту, он застал Фрица, который читал, лежа в постели. После разговора с приятной собеседницей Торби пребывал в приподнятом настроении.

— Привет, Фриц! Учишься? Или прожигаешь свои молодые годы?

— Ага, учусь. Знакомлюсь с истинным искусством.

Торби скользнул взглядом по обложке.

— Смотри, как бы бабушка тебя не поймала.

— Не забудь запасться товаром перед очередным визитом на Финстер!

Вуламурра была «цивилизованной планетой», и холостяки восполнили свои запасы образчиков «истинного искусства».

— Выглядишь так, будто тебе удалось урвать на Лосиане премию. Чего ты такой довольный?

— Только что поболтали с Лоан. Я немножко просветил ее насчет N-космоса... просто удивительно, как быстро она все схватывает.

— Да, Лоан умная девушка, — рассудительно произнес Фриц. — Когда же бабушка объявит о помолвке?

— О чем ты?

— Что, помолвка не состоится?

— Что за глупости!

— Ммм... хорошая у тебя подружка. И умная к тому же. Знаешь ли ты, насколько она умна?

— Ну?

— Она настолько способный человек, что ей доверили преподавать в школе «Эль Нидо». Ее специально-

стью была математика. Точнее — многомерная геометрия.

— Не может быть!

— Я случайно видел ее документы... Впрочем, спроси ее сам.

— И спрошу! Почему же она не преподает математику на нашем корабле?

— Об этом надо спросить бабушку. Послушай, Торби, мой тощий недоразвитый братец, мне иногда кажется, что в детстве тебя неудачно уронили. Несмотря на все эти недостатки, я люблю тебя за ту неуклюжую элегантность, с которой ты вытираешь слюну со своего подбородка. Хочешь послушать совета старшего мудрого брата?

— Говори. Все равно ты молчать не станешь.

— Спасибо. Лоан — чудесная девушка, и, я полагаю, было бы приятно решать вместе с ней уравнения до последнего дня твоей жизни. Но мне нестерпимо видеть человека, который делает покупку, не обойдя прежде всего рынка. Если ты продержишься хотя бы еще один перелет, ты увидишь, что у Людей очень много хорошеньких девушек. Несколько тысяч.

— Но я вовсе не ищу себе жену!

— Ну, ну... это, в конце концов, одна из обязанностей мужчины. Все же подожди Встречи, и мы пошарим по прилавку. А теперь умолкни, я возвращаюсь к изучению литературы.

— Можно подумать, это я болтаю!

Торби не стал спрашивать у Лоан, чем она занималась на «Эль Нидо», но теперь у него открылись глаза и он понял, что сам того не зная, играл главную роль в спектакле «Ухажер». Это его испугало. Торби припомнил совет доктора Мейдер: «Прежде чем бабушка решит женить тебя, беги... иначе тебе конец!».

Отец болтал с представителем вуламурской администрации, а Торби продолжал мучиться сомнениями. Не покинуть ли «Сизу»? Если уж он не собирается всю жизнь быть Торговцем, то лучше всего сделать это сейчас, пока он холост. Разумеется, можно было потянуть время, как Фриц. Нельзя сказать, что Торби начал хуже относиться к Лоан, даже несмотря на то, что она его одурачила.

Но если он хочет распрощаться с кораблем — а Торби не сомневался в том, что не сможет долго терпеть размеренную монотонную жизнь Торговца, — то Вуламурра была лучшим местом для исполнения такого замысла, и другой такой возможности могло не представиться долгие годы. Ни каст, ни гильдий, ни бедности, ни иммиграционных законов — да они готовы были принять даже мутанта! Торби встречал здесь шестипалых, волосатых, альбиносов, людей с волчьими ушами, гигантов и других уродцев. Вуламурре пригодился бы любой, лишь бы он мог работать.

Что ему делать? Сказать: «Простите, пожалуйста», выйти из каюты и бежать без оглядки? Или «заблудиться» и ждать, пока корабль стартует? Нет, так Торби поступить не мог. Слишком многим он был обязан отцу и «Сизу».

Что же тогда? Заявить бабушке, что он хочет уйти? Да если она отпустит его, в космосе вспыхнет новая звезда! Бабушка сочтет желание покинуть «Сизу» величайшим из грехов.

Кроме того... Приближается Встреча. Торби испытывал неодолимое желание увидеть это зрелище. К тому же, было бы нехорошо уйти, так и не сыграв в пьесе. Торби не смог бы объяснить это сам. Хоть ему и нравилась сцена, он не хотел играть героя мелодрамы. Так он считал, а на самом деле ему не терпелось показаться у рамп.

Окончательное решение придется отложить.

Капитан Крауза притронулся к его плечу.

— Нам пора.

— Ох, извините, капитан... я задумался.

— Это хорошее дело, продолжай напрягать мозги. Прощайте, директор, и спасибо. Надеюсь встретиться с вами во время следующего визита на вашу планету.

— Вряд ли вы найдете меня здесь. Я собираюсь уволиться с фабрики и пойти куда глаза глядят. Куплю землю. Если вам прискучат стальные палубы, место на Вуламурре для вас всегда найдется. И для вашего парнишки.

Лицо Краузы ничем не выдавало охватившего его отворачивания.

— Благодарю вас. Но мы, Торговцы, даже представления не имеем, с какого конца братья за плут.

— У каждой кошки своя крыса.

Когда они вышли на улицу, Торби спросил:

— Что он хотел сказать, отец? Кошек я видел, но что такое крыса?

— Животное вроде сорси, только меньше по размеру и более спокойное. Но директор имел в виду, что каждый человек должен быть на своем месте.

— Ага.

Некоторое время они шли молча, и Торби размышлял, на своем ли месте он находится сейчас.

Капитан Крауза думал о том же. Недалеко от «Сизу» стоял еще один корабль, и, глядя на него, Крауза испытывал утрызения совести. Это было почтовое судно Гегемонии, экипаж которого составляли гвардейцы. В памяти Краузы неумолчно звучали слова Баслима: «...как только появится возможность, передай мальчику командиру любого военного корабля Гегемонии».

Стсаявший рядом корабль не был военным, но это не имело значения: намерения Баслима были совершенно ясны, и этот корабль вполне отвечал требованиям. Долги надо платить. К сожалению, мать поняла эти слова буквально. Капитан понимал, отчего: она решила предъявить Торби на Встрече. Она собиралась извлечь максимальную выгоду из того факта, что «Сизу» платит долги Людей. Что ж, это можно было понять.

Но честно ли это по отношению к юноше?

У Краузы были свои причины представить Торби Людям. Он утвердился во мнении, что родственники мальчика были Людьми, и надеялся отыскать подтверждение тому в архиве коммодора.

С другой стороны... Он был согласен с решением матери насчет Маты Кингсолвер. От этой кокетки, которая едва не загнала парня в угол, надо было избавиться как можно скорее. Но неужели мать не подумала о том, к чему это приведет?

Нет, он не должен был позволять! Конечно, мальчик слишком юн, и свадьбу следовало отложить — по крайней мере, до тех пор, пока не удастся доказать, что Торби родился среди Людей! Тогда можно было бы считать, что долг Баслиму уплачен.

Однако, глядя на стоящий поодаль почтовый корабль, Крауза понимал, что, хотя он и обвиняет мать в нежелании честно выполнить пожелание Баслима, сам он поступает ничуть не лучше.

Но ведь он делает это ради самого Торби!

Справедливо ли это?

Что ж, есть один честный выход. Взять парня и в его присутствии открыть матери все карты. Полностью раскрыть Торби смысл послания Баслима. Сказать ему, что сейчас есть возможность посадить его на почтовый корабль и отправить в центральные миры, растолковав, что он должен делать, чтобы отыскать свою семью. Но прежде объяснить ему, что он, Крауза, также считает, что Торби рожден среди Людей и что эту возможность нужно исследовать в первую очередь. И, кстати, прозрачно намекнуть ему, что мать пыталась связать его женитьбой. Вероятно, она поднимет шум и начнет цитировать Закон, но тут уж ничего не поделаешь: данный случай не касается старшего офицера; Баслим возложил эту обязанность на Краузу. К тому же, поступить так было бы справедливо: парень должен выбрать сам.

Строгий и подтянутый, но подавляя внутреннюю дрожь, капитан отправился к матери.

У выхода из лифта их ожидал боцман.

— Старший офицер выражает вам свое почтение и желает встретиться с капитаном Краузой.

— Вот так совпадение, — мрачно сказал капитан. — Пойдем, сынок. Встретимся с ней вдвоем.

— Да, отец.

Пройдя по коридору, они оказались у каюты старшего офицера. У дверей стояла жена капитана.

— Здравствуй, дорогая. Боцман сказал, что мать посылала за мной.

— Это я посылала.

— Значит, он что-то спутал. Ладно, говори, что там у тебя, и покороче. Мне нужно увидеться с матерью немедленно.

— Он ничего не перепутал. Тебя действительно вызвала старший офицер.

— Что?

— Капитан, ваша мать умерла.

Капитан выслушал эти слова с каменным лицом, но затем самообладание изменило ему: распахнув дверь, он ринулся к постели матери и, сев у изголовья, обнял покоившееся на ней хрупкое высохшее тело. Из груди его вырвались глухие страшные звуки, говорящие о глубокой скорби, которая ломает самых крепких людей, когда они уже не в силах носить ее в себе.

Торби смотрел на происходящее с благоговейным ужасом и, вернувшись к себе, погрузился в раздумья. Юноша пытался понять, отчего ему так скверно. На борту не было ни одного человека, который мог бы представить себе «Сизу» без бабушки; она сама была «Сизу». словно вечное пламя, двигавшее корабль, она олицетворяла собой неиссякаемую энергию, мощь, главную силу. И внезапно она исчезла.

Она погрузилась в дремоту, как обычно, поворчав по поводу того, как плохо соблюдается распорядок дня на Вуламурре, — но что поделаешь с этими фраки! Но она погрузилась в сон, следуя нерушимой привычке, которую не могли нарушить никакие расписания.

Когда ее невестка пришла, чтобы разбудить бабушку, та уже спала вечным сном.

Блокнотик, лежащий у кровати, был испещрен множеством записок. «Поговорить с сыном об этом». «Велеть Торе сделать то». «Гл. инж. — проверить температурный режим». «Обсудить с Афиной праздничное меню». Рода Крауза вырвала листок, разгладила его и вызвала боцмана, чтобы тот нашел ее супруга.

Капитан не стал обедать. Из зала убрали бабушкино кресло; на его месте расположилась новая старший офицер. Поскольку капитан отсутствовал, она дала знак главному инженеру и, когда тот предложил прочесть молитву по усопшей, кивнула в ответ. Обед прошел в молчании. Похороны отложили до Встречи.

Старший офицер поднялась с места.

— Капитан хотел бы сообщить, — произнесла она тихим голосом, — что он благодарит всех, кто желает принести ему свои соболезнования. Он приступит к своим обязанностям завтра. — Она немного помолчала. — Атомы выходят из космоса, туда же они возвращаются. Но дух «Сизу» вечен.

И внезапно Торби ощутил, что он больше не одинок.

Глава 14

Большая Встреча превзошла все ожидания Торби. Корабли тянулись многомильной вереницей, более чем восемьсот Вольных Торговцев расположились концентрическими окружностями вокруг площадки диаметром в четыре мили. «Сизу» занял место на внутренней дуге — что порадовало мать — рядом с кораблями, о существовании которых юноша и не подозревал: «Кракен», «Деймос», «Джеймс Квин», «Светлячок», «Бомарше», «Дон Педро», «Ци Кворед», «Омега», «Эль Нидо», — Торби вспомнил о Мате, — «Святой Кристофер», «Вега», «Вега Прима», «Галактический Банкир», «Римская возлюбленная», — Торби торопливо набрасывал схему расстановки кораблей, — «Сатурн», «Чанг», «Сельская Лавочка», «Джозеф Смит», «Алоха»...

Очень уж много их было. Разумеется, посещая десять кораблей в день, можно было бы осмотреть большинство. Но были и другие дела, и поглазеть было на что. Торби забросил свои записи.

Внутри круга была устроена огромная временная сцена, гораздо более обширная, чем новый амфитеатр в Джуббулпоре. Здесь должны были происходить выборы, погребения и свадьбы, атлетические состязания, представления и концерты. Торби вспомнил о том, что

ему предстоит участвовать в спектакле, — и его охватила сценическая лихорадка.

Между сценой и крутом кораблей оставили место для лавочек, игровых площадок, танцевальных залов, которые не закрывались круглые сутки, выставки технических новинок, гадалщиков, открытых баров, предлагавших любые напитки — от соков ягод с Пилад до бурой жидкости, выдаваемой за старинную «Кока-колу» с Терры, производимую нынче на Гекате.

Попав в этот водоворот, Торби чувствовал себя так, будто он вновь бродит по Улице Радости — широкой, пестрой и раз в семь более многолюдной. Нынче у фраки была возможность сказочно разбогатеть, дурача кого-либо из хитрейших деляг в Галактике. Сегодня корабли открыли люки, Торговцы вышли на прогулку без телохранителей, и местные купцы вполне могли продать вам вашу же шляпу, стоило лишь на секунду оставить ее на прилавке.

Фриц взял Торби с собой, дабы уберечь от неприятностей, хотя и сам не слишком разбирался, что к чему: до сих пор он побывал лишь на одной Встрече. Старший офицер обратился к молодым людям с наставлением, напомнив, что «Сизу» всегда отличался безупречной репутацией, а затем выдала каждому по сотне кредитов, предупредив, что эти деньги надо растянуть до конца Встречи.

Фриц посоветовал Торби оставить большую их часть на борту.

— Поиздержавшись, мы сможем выпросить у отца еще немного, но таскать с собой всю сумму просто глупо.

Торби не возражал. Он не удивился, почувствовав в кармане руку воришки. Схватив его за кисть, он повернулся, чтобы взглянуть, кого поймал.

Сначала ощупал бумажник, потом внимательно пригляделся к карманнику. Это был совсем юный чумазый фраки, который напомнил Торби Зигги, только у этого было две руки.

— Ничего, в другой раз повезет, — утешил его Торби. — У тебя еще нет навыка.

Мальчишка, казалось, был готов заплакать. Торби уже хотел было его отпустить, но спохватился.

— Фриц, проверь свой бумажник.

Фриц зашарил по карманам. Бумажник исчез.

— Ах, чтоб меня...

— Давай его сюда, парень.

— Я не брал! Отпустите меня!

— Давай, давай... пока я не открутил тебе башку!

Наконец мальчишка вытащил бумажник Фрица, и Торби отпустил его.

— Зачем ты это сделал? — спросил Фриц. — Я уже искал полицейского.

— Именно поэтому.

— Что? Скажи толком.

— Когда-то я пытался освоить эту профессию. Это не так-то просто.

— Ты? Неудачная шутка, Торби.

— А ты помнишь меня? Бывшего фраки, сына нищего? Это глупое покушение на наши карманы вызвало у меня ностальгию. Знаешь, Фриц, там, где я вырос, карманники имели определенный статус. Я же был простым нищим.

— Только не рассказывай об этом матери!

— Не стану. Но я — тот, кто я есть, я знаю, кем я был, и не собираюсь этого забывать. На карманника я так и не выучился, но нищим я был хорошим. Меня учил настоящий мастер. Мой отец. Калека Баслим. Я не стыжусь его, и никакие законы «Сизу» не заставили бы меня это сделать.

— А я и не пытался тебя стыдить, — спокойно ответил Фриц.

Они пошли дальше, протискиваясь сквозь веселящуюся толпу. Торби сказал:

— Не сгонять ли нам в рулетку? Мне кажется, я уловил систему.

Фриц покачал головой.

— Не стоит. Ты посмотри на эти так называемые выигрыши.

— Не хочешь — не надо. Меня в сущности интересует игра, а не приз.

— Торби...

— Да? Чего это у тебя такая торжественная физиономия?

— Знаешь ли ты, кем на самом деле был Баслим?

Торби задумался.

— Для меня он был отцом. Если бы он хотел, чтобы я знал о нем больше, то он бы мне рассказал.

— Ммм... пожалуй, да.

— Ты что-то знаешь?

— Кое-что.

— Меня интересует одна вещь. Бабушка велела усыновить меня в уплату какого-то долга. О чем идет речь?

— Я и так уже сказал достаточно.

— Но ты знаешь?

— К черту! Об этом знают едва ли не все Люди. Об этом еще пойдет речь на нынешней Встрече.

— Не заговаривай мне зубы, Фриц.

— Ну... видишь ли, Баслим не всегда был нищим.

— Я это уже давно заметил.

— Не мне говорить о том, кем он был. Люди годами держали эти сведения в тайне. И никто не дал мне понять, что их можно разгласить. Но одно обстоятельство известно всем Людям... а ты теперь один из нас. Когда-то давным-давно Баслим спас целую Семью. Люди никогда этого не забудут. Это был «Ханси»... кстати, «Нью-Ханси» уже здесь. На нем изображен щит. Большого я не могу тебе рассказать: на всю эту историю наложено табу — дело было настолько постыдным, что мы никогда о нем не говорим. Я и так сказал достаточно. Но ты можешь пойти на «Нью-Ханси» и попросить показать тебе их старые журналы. Если ты объяснишь им, кто ты такой и какое отношение имел к Баслиму, они не посмеют тебе отказать. Хотя старший офицер после твоего визита забьется в истерику.

— Хм... мне не хотелось бы узнавать вещи, от которых дама ударится в слезы. Ну что, Фриц? Показателся?

После прыжков со сверхсветовой скоростью и ускорений до сотни единиц обычная карусель показалась Торби столь восхитительным развлечением, что он едва не опоздал на ленч.

Большая Встреча, заполненная радостями и встречами старых и новых друзей, преследует также и серьезные цели. Помимо похорон, поминальных служб по погибшим кораблям, обменов девушками, здесь заключались сделки, затрагивавшие интересы всех Людей.

Самыми важными были сделки по приобретению кораблей.

На Гекате были лучшие космоверфи во всей исследованной части Галактики. Точно так же, как у людей, потомство появлялось и у кораблей. К нынешнему дню «Сизу» был явно перенаселен и располагал немалыми деньгами, вырученными за торий и уран; наступило время разделять Семью. По меньшей мере треть всех семей испытывала острую потребность в жизненном пространстве; фраки — торговцы кораблями — потирали руки, предвкушая, какими будут комиссионные. Однако звездолеты нельзя было продавать, как прохладительные напитки; порой маклеры и брокеры в своих мечтах возносились слишком уж высоко. Но, как бы то ни было, в течение ближайших недель предстояло продать около сотни кораблей.

Некоторые из них — новые суда, сошедшие со стапелей «Галактического Транспорта, Лтд», дочерней корпорации известных во всем цивилизованном мире «Галактических Предприятий», либо «Корпорации Космических Инженеров», «Кораблей Гекаты», «Энджинз Инкорпорейтед», «Гаскомба и Сына» — гигантов торговли. Предложения были на любой вкус. Брокеры, не связанные со строителями кораблей, могли приобрести исключительное право на продажу подержанного судна. Владельцы охотно прислушивались к разговорам и слухам, и, если цена оказывалась подходящей, любой мог поймать удачу за хвост — надо было только не зевать. Ярмарка близилась к концу, и это было самое подходящее время для того, чтобы потратиться на дорогостоящие послания через N-космос.

Семья, которой не хватало места на корабле, могла решить свои проблемы двумя способами: купить новое судно и разделиться, образовав две семьи, либо же объединиться с другим кораблем, чтобы купить третий, который принадлежал бы им на паях. Разделение повышало статус: это свидетельствовало о том, что Семья состоит из умелых Торговцев, которые могут обеспечить своим детям самостоятельность, не прибегая к посторонней помощи. Однако на практике обычно выбирали другой путь — объединение и приобретение судна в складчину, причем даже в этом случае нередко

бывало так, что для покупки нового корабля приходилось закладывать все три.

Последний раз «Сизу» разделялась тридцать лет назад. Все эти годы Семье сопутствовал успех, и она могла бы разделить вновь уже самостоятельно. Однако десять лет назад на последней Большой Встрече бабушка предложила «Сизу» в качестве залога за новорожденный корабль. Тот дал в честь «Сизу» банкет, нырнул в ночь гиперпространства и был таков. Космос беспределен. Помянем пропавший корабль на очередной Встрече.

В итоге «Сизу» пришлось выплачивать треть от сорока процентов стоимости пропавшего корабля, и это был тяжелый удар. Корабли-родители, разумеется, рассчитаются с «Сизу»: долги должны быть оплачены, но после разделения они и так выжали из себя все, что могли, и от них оставались лишь кожа да кости. С неимущего должника требовать нечего: остается лишь ждать.

Бабушка была не глупа. Корабли-родители, «Цезарь Август» и «Дюпон», не теряли связи с «Сизу», и все три корабля старались поддерживать друг друга. К тому же, это была неплохая сделка: Торговец, не желающий предоставлять кредит, очень скоро понимает, что и ему никто не поможет. Во всяком случае, «Сизу» мог смело выписывать чек и рассчитывать на то, что он будет принят любым Вольным Торговцем с подобающим почтением.

Однако к моменту разделения Семьи у «Сизу» было меньше наличных, чем обычно.

В первый же день по прибытии капитан Крауза посетил «Норберта Винера», на котором держал свой флаг коммодор. Супруга капитана осталась на борту, где у нее было забот выше головы: став старшим офицером, она потеряла покой и сон. Сегодня у нее нашлась работа на палубе: она встречалась с другими офицерами и несколько раз звонила в город, устраивая дела со Встречей. Когда ей принесли поесть, она велела оставить завтрак, но тот так и оказался нетронутым вплоть до возвращения ее мужа. Крауза вошел в каюту и устало опустился в кресло. Старший офицер просмо-

рела стопку слайдов, пощелкала клавишами калькулятора и заговорила:

— Если взять корабль Гаскомба «Ф-2», то залог составит всего лишь пятьдесят процентов.

— Рода, ты же знаешь: «Сизу» не под силу приобрести корабль самостоятельно.

— Не торопись, дорогой. Вместе с нами подпишутся «Гус» и «Дюпон», а их подпись — то же самое, что наличные.

— Согласятся ли они ждать?

— «Нью-Ханси» тоже согласен присоединиться — смотря по обстоятельствам, — и...

— Рода! Еще две Встречи назад ты была девчонкой, но теперь ты должна понимать, что долг ложится равным бременем на всех, не только на «Нью-Ханси». Кстати, это было общее мнение.

— Но я была достаточно взрослой, чтобы стать твоей женой, Фьялар. Не стоит читать мне Законы. «Нью-Ханси» готов вступить в долю, если условия сделки останутся в тайне. Ты не ходил посмотреть на «Галактическую Лямбду»?

— Мне незачем смотреть: я читал его техническое описание. Слишком маленькая мощность.

— Ну и ну! Восемьдесят единиц ускорения ты называешь «слишком маленькой мощностью»?

— Если бы тебе пришлось сидеть в моем кресле, ты бы сказала то же самое. Корабли класса «Лямбда» проектировались для перевозки грузов в пределах Гегемонии: это все, на что они способны.

— Ты слишком консервативен, Фьялар.

— Я придерживаюсь традиционных взглядов на все, что касается безопасности судна.

— Не сомневаюсь. И мне придется искать решение, которое удовлетворило бы твои предрассудки. Ну что ж, «Лямбда» — лишь один из возможных вариантов. Есть еще... ну, ты знаешь, о чем я говорю. Можно купить за бесценок.

Крауза нахмурился.

— Несчастливый корабль.

— Да, придется его изрядно почистить, чтобы избавить тебя от мрачных мыслей. Но подумай о цене.

— Тут не только «мрачные мысли». Видишь ли, мне до сих пор ни разу не доводилось слышать о старшем офицере, покончившем с собой. И о сошедших с ума капитанах я тоже не слыхал. Честно говоря, я удивлен, что они добрались сюда.

— Я тоже. Но как бы то ни было, корабль здесь, и его выставят на продажу. А чистить надо любое судно.

— Еще бы.

— Не будь суеверным, дорогой. Это простой обряд, и заниматься им придется мне. Ну ладно, давай забудем об этом корабле. Мы можем скинуться с другим кораблем.

— А я думал, что ты уже остановилась на каком-нибудь варианте.

— Да нет, я просто прикидываю наши возможности. Кстати, помимо самостоятельного корабля, у нас есть и другие не менее важные вопросы.

— Еще бы! Силовая установка, вооружение, начальный капитал, опытные офицеры на ключевых постах — да что там, мы не сможем составить экипаж для двух кораблей. Да ты возьми хотя бы стрелков. Если...

— Не волнуйся. С этим мы справимся. Фьялар, ты не думал о том, чтобы стать заместителем коммодора?

Крауза осекся на полуслове.

— Рода! У тебя лихорадка?

— Ничего подобного.

— Я знаю десяток шкиперов, достойных занять это место. Я никогда не стану коммодором, и, что еще важнее, я не хочу им быть.

— Я сумею настоять на введении поста резервного заместителя: коммодор Денбо намерен подать в отставку сразу после того, как будет выбран новый заместитель. Можешь не сомневаться: уже на следующей Встрече ты станешь коммодором.

— Пустые слова!

— Интересно, отчего вы, мужчины, столь непрактичны? Вот ты, Фьялар, думаешь только о своей ходовой рубке и торговле. Если бы я тебя не подталкивала, ты не смог бы стать даже старшим помощником.

— Какая ты ненасытная, право!

— Я не жалею о аппетит, мой милый. Тот день, когда я взшла на борт «Сизу», был для меня большим

днем. Так слушай же. Нас поддержат многие, не только «Гус» и «Дюпон». Поможет любой корабль, с которым мы пожелаем объединиться. Я собираюсь отложить решение до окончания нынешних выборов. Все утро ко мне поступают разные предложения от сильных кораблей с хорошими связями. В конце концов, остается «Нью-Ханси».

— И что же «Нью-Ханси»?

— Если «Нью-Ханси» назовет твое имя в нужный момент, ты будешь избран под бурные аплодисменты.

— Рода!

— Тебе даже пальцем пошевелить не придется. И Торби тоже. Вы вдвоем покажетесь на людях и продемонстрируете свои мужественные натуры, чуждые политиканства. Я уж постараюсь, чтобы это выглядело именно так. Кстати, сейчас поздновато выводить из игры Лоан, но я сделаю все, чтобы прекратить это как можно быстрее. Ваша мать не видела всей перспективы целиком. Мне очень хочется, чтобы мои сыновья женились, но в нынешней обстановке очень важно, чтобы Торби не женился и не имел невесты до тех пор, пока не пройдут выборы. А теперь... ты уже был на флагманском корабле?

— Конечно.

— Так на каком корабле родился Торби? Это может иметь огромное значение.

Крауза вздохнул.

— Торби не рожден среди Людей.

— Что? Не может быть! Ну да, ты говорил, что идентификация не гарантирует точного ответа... а какой из пропавших кораблей подошел бы ему?

— Я же сказал: он не из Людей! Нет ни пропавших кораблей, ни исчезнувших детей — ничего, что подходило бы к данному случаю. Он должен быть либо значительно старше, либо моложе, чем он есть.

Старший офицер покачала головой.

— Не верю.

— Или не хочешь верить?

— Я действительно не верю. Торби родился среди Людей. Об этом можно судить по его походке, по его манерам, его способностям... да вообще по нему самому! М-да... Я сама просмотрю его досье.

- Давай. Если уж ты не веришь мне...
- Ну, Фьялар... Я же не говорила, что...
- А что же ты сказала? Скажи тебе, что снаружи идет дождь, когда ты этого не хочешь, и ты...
- Ах, милый! Ты же знаешь, что на Гекате в это время года не бывает дождей. Я только...
- О небо!
- Не выходи из себя. Капитану это не к лицу.
- Капитану не льстит и то, что в его словах сомневаются на его собственном корабле!
- Прости, Фьялар, — она понизила голос. — Я не хотела тебя обидеть. Если я расширю круг поисков или пороюсь в старых материалах — ты же знаешь, как неаккуратно относятся к старым досье... Ммм... в общем, ты понимаешь, как было бы здорово, если бы еще до выборов удалось узнать, кто были родители Торби. И, поскольку до тех пор я не разрешу ему жениться, известие о том, что сразу после выборов состоится помолвка, обеспечит нам мощную поддержку.
- Рода!
- Что, дорогой? Если удастся прояснить вопрос с семьей Торби, нас поддержит весь клан «Вега», особенно если мы выберем невесту среди их девушек...
- Рода!
- Не перебивай.
- Дай и мне сказать. Слушай, супруга: Торби родился среди фраки. Баслим был в этом уверен... и дал мне совершенно ясное поручение найти его семью. Я надеялся и верил, что в архивах найдется хоть что-нибудь, свидетельствующее о заблуждении Баслима, — Крауза нахмурился и закусил губу. — Крейсер из Гегемонии пробудет здесь еще две недели. Тебе должно хватить этого времени, чтобы удостовериться, что я перерыл архив достаточно тщательно.
- Что ты имеешь в виду?
- А разве непонятно? Долги нужно возвращать... и нам предстоит еще одна плата.
- Женщина внимательно посмотрела на капитана.
- В своем ли ты уме, дорогой?
- Мне это нравится ничуть не больше, чем тебе. Торби не только хороший мальчик; он еще и самый лучший стрелок из всех, какие у нас были.

— Стрелок! — с горечью ответила она. — Как ты можешь думать об этом? Фьялар, если ты воображаешь, что я позволю одному из своих сыновей вернуться к фраки... — голос ее прервался.

— Он и есть фраки.

— Ничего подобного. Он — «Сизу», так же, как и я. Меня приняли в Семью так же, как и его. Мы оба — «Сизу», и останемся ею навсегда.

— Это уж как тебе угодно. Я надеюсь, что в глубине души Торби всегда останется «Сизу». Но долги должны быть оплачены.

— Этот долг отдан сполна уже очень давно!

— Не думаю.

— Ты ошибаешься! Баслим просил вернуть мальчика его семье. Какой-то семье фраки — если у фраки бывает семья. Так мы приняли Торби в свою Семью, в свой клан. Неужели это не лучший способ выполнить просьбу Баслима? Или ты считаешь более уместным вышвырнуть мальчика в кишашую мухами навозную кучу фраки? Или ты так низко ценишь «Сизу»?

Она посмотрела на него, и Крауза с горечью подумал о том, что мнение, будто чистая кровь Людей гарантирует им высокие мыслительные способности, явно преувеличено. Общаясь с фраки, он никогда не терял головы. Но в беседах с матерью, а вот теперь и с Родой, самообладание нередко покидало его.

И если мать, как бы тверда она ни была, никогда не требовала невозможного, то Рода... что ж, она стала женой капитана лишь недавно... И Крауза сдержанно произнес:

— Старший офицер, эта обязанность возложена лично на меня, а не на «Сизу». И у меня нет иного выбора.

— Вот как? Что ж, капитан, мы еще вернемся к этому разговору. А теперь, сэр, мое почтение, но у меня масса дел.

Встреча понравилась Торби, но все же здесь было не так весело, как он ожидал; мать частенько вызывала его к себе, когда с визитами на «Сизу» прибывали старшие офицеры других кораблей. Порой они явля-

лись со своими дочками и внучками, и Торби приходилось развлекать девушек, пока старшие вели свои беседы. Он старался изо всех сил и уже очень скоро мог непринужденно болтать со сверстницами, ведя беседы, полные прозрачных намеков. И даже научился изображать что-то вроде танца; правда, глядя на танцующего Торби, можно было подумать, что у него либо обе ноги левые, либо колени сгибаются не в ту сторону. Но теперь он мог без содрогания и озноба брать девушку за талию под звуки музыки.

Гости расспрашивали его об отце. Он старался отвечать вежливо, но его раздражало то обстоятельство, что, казалось, все знали о Баслиме больше, чем он. Разумеется, если речь шла о действительно важных вещах.

Однако светские обязанности, казалось, можно было с успехом возложить на кого-нибудь другого. Торби сообразил, что он — младший сын, а старший, Фриц, тоже неженат, и обратился к нему за помощью, обещая вернуть этот долг позже.

Фриц одарил его обаятельной улыбкой.

— Что ты можешь предложить мне в возмещение того времени, которое я мог бы провести на Встрече?

— Ну...

— Вот-вот. А если серьезно, то мать и слушать не станет, даже если я сойду с ума и предложу свои услуги. Она назвала тебя, и она имела в виду именно тебя, — Фриц зевнул. — Слушай, парень, я смертельно устал! Та рыженькая со «Святого Луиса» готова плясать всю ночь. Так что отстань от меня, я должен выспаться перед банкетом.

— У тебя не найдется лишней рубашки?

— Поищи в своем белье. И перестань шуметь.

И вот, как-то утром, спустя месяц после прибытия на Гекату, капитан взял Торби с собой. Мать не могла задержать юношу: ее самой не было на борту. Был День Памяти. Служба должна была начаться не раньше полудня, но мать вышла заранее, чтобы утрясти кое-какие вопросы с завтрашними выборами.

Торби занимали совсем другие мысли. Служба должна была кончиться поминовением его отца. Крауза рассказал Торби, что он должен будет делать, и пообещал

помочь ему прорепетировать, но Торби все же волновался. Его отнюдь не успокоила весть о том, что нынче вечером должна состояться премьера «Духа Сизу».

Еще больше Торби расстроился, когда увидел у Фрица экземпляр пьесы, которую тот тщательно зубрил.

— Учу твою роль! — недовольно пробормотал Фриц. — Отец велел мне подготовиться на случай, если у тебя вдруг отнимутся ноги или ты упадешь от волнения в обморок. Но не беспокойся: я не собираюсь отнимать твой триумф, я лишь должен помочь тебе расслабиться, если ты, конечно, сможешь сделать это, когда тысячи глаз станут смотреть, как ты лижешься с Лоан.

— А ты сумел бы?

Фриц задумался.

— Можно попробовать. Лоан выглядит просто восхитительно. Может быть, мне стоит самому переломать тебе ноги?

— Голыми руками?

— Не соблазняй меня. Торби, это всего лишь предосторожность. Точно так же и вы, стрелки, несете вахты парами. Ей-богу, ты так задаешься, что тебя можно вылечить, только поломав тебе все конечности!

Торби и Крауза вышли из корабля за два часа до начала службы. Капитан заметил:

— Мы и сами можем неплохо провести время. День Памяти — великий праздник, особенно если ты сумеешь настроить свои мысли надлежащим образом. Однако сиденья там жесткие, и служба очень длинная.

— Да, отец... расскажите мне, что я должен буду делать во время поминовения моего папы, Баслима?

— Ничего особенного. Ты будешь сидеть в первом ряду и подавать реплики во время молитвы по усопшим. Ты знаешь слова?

— Не уверен.

— Я запишу их для тебя. Что же касается остального... будешь делать то же, что и я для своей матери, твоей бабушки.

— Понятно, отец.

— А теперь успокойся.

К удивлению Торби, капитан Крауза двинулся по пути, уходившему в сторону от места Встречи, и сви-

стом подозвал автомобиль. Экипаж мчался гораздо быстрее, чем было принято ездить на Джуббуле, и почти так же лихо, как на Лосиане. Едва успев обменяться парой слов с водителем, они прибыли на железнодорожную станцию. Торби не успел даже разглядеть город Артемис.

Он удивился еще раз, когда отец купил билеты.

— Куда мы едем?

— За город, — Крауза посмотрел на часы. — У нас масса времени.

Монорельсовая дорога давала восхитительное ощущение скорости.

— С какой скоростью мы движемся, отец?

— Полагаю, около двухсот километров в час, — Краузе пришлось повысить голос.

— А кажется, что еще быстрее.

— Достаточно быстро, чтобы свернуть себе шею. Быстрее и ехать-то нельзя.

Ехали они полчаса. Сельские пейзажи уступали место стальным корпусам заводов и фабрик с большими складскими помещениями. Все было ново и необычно, и, рассматривая то, что открывалось его взгляду, Торби решил, что мощь Саргона ничтожна по сравнению со всем, что он увидел здесь. За зданием станции, на которой они вышли, простиралась длинная высокая стена; Торби разглядел стоящие за ней звездолеты.

— Куда мы приехали?

— На военный космодром. Мне нужно встретить с одним человеком, и сегодня самое подходящее время.

Они подошли к воротам. Крауза остановился и осмотрелся: вокруг никого не было.

— Торби...

— Да, отец?

— Ты не забыл то послание, которое для меня передал Баслим?

— Сэр?

— Ты можешь его повторить еще раз?

— Ну, не знаю, отец. Это было так давно.

— Все же попробуй. Итак: «Капитану Фьялару Краузе, шкиперу звездолета «Сизу», от Калеки Баслима. Приветствую тебя, мой старый друг...»

— «...Приветствую тебя, мой старый друг, — подхватил Торби. — Приветствую тебя и твою Семью, клан, и...» Смотри-ка, я все помню!

— Разумеется, — мягко сказал Крауза, — ведь сегодня День Памяти. Давай дальше.

Торби продолжал. Он услышал голос отца, звучащий из его уст, и по щекам юноши потекли слезы.

— «...свидетельствую мое уважение твоей досточтимой матери. Я говорю устами своего приемного сына. Он не понимает финского...» — но я же все понимаю!

— Продолжай.

Когда Торби дошел до слов «...я уже умру...», его голос прервался. Крауза яростно потер нос и велел говорить дальше. Торби сумел добраться до конца текста, хотя его голос предательски дрожал. Крауза дал ему выплакаться, потом строго приказал вытереть лицо и взять себя в руки.

— Сынок, ты понял, о чем шла речь в середине текста?

— Да... да, я понял все.

— Тогда ты понимаешь, что я обязан сделать.

— Я должен... покинуть «Сизу»?

— А что говорил Баслим? «При первой возможности...» Так вот она, эта первая возможность... и, вероятно, последняя. Баслим не подарил, а лишь одолжил мне тебя, сынок. И вот я должен отдать долг. Ты понимаешь это?

— Да... полагаю, да.

— Тогда приступим к делу, — Крауза полез во внутренний карман куртки, достал пачку банкнот и сунул их Торби. — Клади в карман. Я должен бы дать гораздо больше, но это все, что мне удалось прихватить, не возбуждая подозрений матери. Надеюсь, что смогу переслать тебе еще, пока ты не отправишься в полет.

Торби взял пачку, даже не взглянув на деньги, хотя такой суммы ему еще не доводилось держать в руках.

— Отец... ты хочешь сказать, что я уже ушел с «Сизу»?

Крауза отвернулся и некоторое время молчал.

— Знаешь, сынок... так будет лучше. Прощание не доставляет удовольствия, только память приятна. К тому же, иначе ничего не получится.

Торби сглотнул.

— Да, сэр.

— Пойдем.

Они быстро зашагали к пропускному пункту и уже почти вошли внутрь, когда Торби остановился и сказал:

— Отец... но я не хочу уходить!

Крауза посмотрел на него без всякого выражения.

— Ты не обязан.

— Но ты, кажется, говорил, что обязан?

— Нет. Баслим потребовал, чтобы я вывез тебя с Саргона, и передал послание, которое он предназначал для меня. На этом мои обязанности кончаются, и долг выплачен. Не я приказываю тебе покинуть Семью... Это идея Баслима, он сделал так из лучших намерений, руководствуясь заботой о твоём благе. Должен ли ты выполнять его пожелания — это дело твое и Баслима. Решай сам. Что бы ты ни был должен Баслиму, это не имеет никакого отношения к тому, чем ему обязаны Люди.

Крауза ждал, а Торби молчал, собираясь с мыслями. Чего хотел от него отец? Что он велел ему сделать? «Я могу положиться на тебя?» Да, но чего ты хочешь, пап? «Не надо никаких жертвований... только передай послание и сделай все, что потребует тот человек». Да, пап, но он ничего мне не велит!

— У нас мало времени, — обеспокоенно произнес Крауза. — Мне пора возвращаться. Имей в виду, сынок, твое нынешнее решение будет окончательным. Если ты откажешься покинуть «Сизу» сегодня, другого шанса у тебя не будет. Я в этом уверен.

«Самая последняя вещь, о которой я тебя прошу... могу ли я положиться на тебя?» — услышал мальчик торопливый голос Баслима, звучавший в его голове.

Торби вздохнул.

— Мне кажется, я должен сделать так, как ты говоришь, отец.

— Я тоже так думаю. А теперь поспешим.

Стража у ворот не спешила их пропустить, особенно после того, как Крауза, хоть и подтвердив свою

личность и личность сына по корабельным документам, отказался сообщить, какое у него дело к командиру сторожевого крейсера «Гидра», заявив лишь, что оно «неотложное и официальное».

Наконец в сопровождении вооруженного с ног до головы фраки они подошли к трапу корабля и были переданы другому стражнику. Их проводили по коридору к двери с табличкой «Секретарь корабля — входить без стука». Торби понял, что «Сизу» был не столь велик, как он думал до сих пор. Ни разу в жизни юноше не доводилось видеть столько полированной стали. Он успел лишь мельком пожалеть о своем решении.

Секретарем корабля оказался вежливый подтянутый молодой человек с аксельбантами лейтенанта. Он был столь же тверд, как и стража у ворот.

— Простите, капитан, но вам придется изложить свою просьбу мне... если вы хотите встретиться с командиром корабля.

Крауза промолчал и лишь поплотнее уселся в кресло.

Симпатичный молодой человек покраснел и забарабанил пальцами по крышке стола. Потом он поднялся на ноги.

— Прошу прощения...

Вскоре он вернулся и сказал невыразительным голосом:

— Командир дает вам пять минут.

Он провел Торби и Краузу в еще более просторный кабинет и оставил их там. За столом, заваленным бумагами, сидел человек постарше. Он был без кителя, и знаков различия не было видно. Он привстал, протянул руку и осведомился:

— Капитан Крауза? Из Вольных Торговцев... корабль «Сизу», не так ли? Я полковник Брисби, командующий.

— Рад посетить ваше судно, капитан.

— Рад встретиться с вами. О чем вы хотите поговорить? — он взглянул на Торби. — Это ваш младший офицер?

— И да и нет.

— То есть?

— Полковник, не могли бы вы сказать, какую должность вы занимаете?

— Я офицер класса ноль-восемь. Зачем это вам?

— Сейчас поймете. Этот юноша — Торби Баслим, приемный сын полковника Ричарда Баслима. Полковник поручил мне доставить его к вам.

Глава 15

— Что?!

— Это имя что-нибудь говорит вам?

— Разумеется, — командир взглянул на Торби. — Но я не вижу сходства.

— Я сказал вам, что он — приемный сын. Полковник усыновил его на Джуббуле.

Брисби прикрыл двери и сказал Краузе:

— Полковник Баслим мертв или же «пропал без вести и предположительно мертв» последние два года.

— Я знаю. Все это время мальчик был со мной. Я могу сообщить вам некоторые обстоятельства смерти Баслима, если они неизвестны.

— Вы были его связным?

— Да.

— Подтвердить можете?

— Икс-три-ноль-семь-девять код ФТ.

— Можно проверить позже. А пока примем это за истину. Скажите, откуда вы знаете, что ваш парень — действительно Торби Баслим?

Торби не прислушивался к разговору. В его ушах стоял непрекращающийся шум, словно при перегрузке прицельного оборудования, каюта то расширялась, то вновь становилась тесной. Он понял, что сидящий перед ним офицер был знаком с Баслимом, и это хоро-

шо... но что он говорил насчет того, что отец был полковником? Отец был Калеккой Баслимом, дипломированным нищим милостью... милостью...

Полковник Брисби отрывистым голосом приказал Торби сесть, что он с удовольствием и сделал. Брисби включил вентилятор и повернулся к капитану Краузе.

— Ну ладно. Не знаю, что с вами делать... правда, нам вменено в обязанность помогать людям из корпуса «Икс», однако тут несколько иной случай. Но я не могу подвести полковника Баслима.

— Но вы можете просто оказать помощь гражданину, попавшему в беду, — предположил Крауза.

— Очень непросто изобразить этот случай как помощь гражданину Гегемонии, особенно если нет даже и признака того, что он в беде... разве что он нездоров... Впрочем, я постараюсь.

— Спасибо, шкипер, — Крауза посмотрел на часы. — Я могу идти? Мне уже пора.

— Секундочку. Вы что — просто оставите парня у меня?

— Боюсь, что это единственный выход.

Брисби пожал плечами.

— Как скажете. Может, хотя бы позавтракаете? Я бы хотел порасспросить вас о полковнике Баслиме.

— Простите, не могу. Если захотите со мной увидеться — приезжайте на Встречу.

— Приеду. Ну, хотя бы кофе выпейте, — командир потянулся к кнопке.

— Шкипер, — произнес Крауза с беспокойством. — Мне нужно уехать сейчас же. Сегодня у нас День Памяти... И через пятьдесят минут начнутся похороны моей матери.

— Почему вы не сказали сразу же? Господь с вами! Вы не успеете.

— Боюсь, что так... но я должен успеть.

— Минуточку... — Брисби распахнул дверь. — Эда, аэрокар для капитана Краузы! И побыстрее! Взять его на борт и посадить там, где он попросит. Мигом!

— Есть, шкипер!

Брисби обернулся, вскинул брови и вышел в приемную. Рот Краузы, сидевшего лицом к Торби, горестно искривился.

— Подойди сюда, сынок.

— Да, отец.

— Мне пора идти. Может быть, когда-нибудь... тебе удастся посетить Встречу.

— Я постараюсь, отец!

— Если же нам не суждено увидеться, то помни: твоя кровь в нашей стали, наша сталь в твоей крови. Ты был и остаешься «Сизу».

— Сталь в крови...

— Удачи тебе, сынок. Будь умницей.

— Удачи... Ох, отец!

— Не надо! А то я не выдержу. Сегодня же вечером я передам от тебя привет. Ты больше не должен появляться там.

— Да, сэр.

— Я и твоя мать — мы оба любим тебя.

Брисби приоткрыл дверь.

— Вас ждет аэрокар, сэр.

— Иду, шкипер, — Крауза расцеловал Торби в обе щеки и быстро двинулся к выходу. Последнее, что увидел Торби, была его широкая спина.

Вскоре вернулся Брисби. Усевшись в кресло, он посмотрел на Торби и сказал:

— Я даже не знаю толком, что с тобой делать. Ну ладно, придумаем что-нибудь, — он нажал кнопку. — Эдди, пусть боцман разыщет где-нибудь свободную койку, — и обернулся к Торби. — Мы все уладим, если ты не слишком привередлив. Я знаю, что вы, Торговцы, живете в роскоши.

— Сэр?

— Что такое?

— Баслим был полковником? Вашей службы?

— Ммм... в общем, да.

Торби задумался на несколько минут, и воспоминания с новой силой нахлынули на него. Он нерешительно произнес:

— Мне кажется, у меня есть послание... для вас.

— От полковника Баслима?

— Да, сэр. Меня нужно погрузить в легкий транс, но мне кажется, я смогу вспомнить начало и так, — Торби произнес несколько кодовых групп. — Это предназначено для вас?

Полковник Брисби вновь проворно прикрыл дверь и со всей серьезностью сказал:

— Ни в коем случае не употребляй этот код, пока ты не будешь абсолютно уверен, что тебя слушает тот, кому положено, и что комната проверена и не прослушивается.

— Простите, сэр.

— Ничего страшного не произошло. Однако любая информация, закодированная этим шифром, является строго секретной. Надеюсь, содержание послания за два года не утратило своего значения, — и вновь нажал кнопку. — Эдди, отставить боцмана. Пришли ко мне офицера-психолога. Если его нет на борту, пусть его разыщут, — он посмотрел на Торби. — Я все еще не знаю, что с тобой делать. Лично я предпочел бы держать тебя в сейфе.

Длинное послание было вытянуто из Торби в присутствии только самого Брисби, его старшего заместителя, подполковника Стэнка, и бортового психолога, капитана медицины Исадора Кришнамурти. Дело шло туго; доктору Кришнамурти нечасто приходилось пускать в ход гипноз. Торби был напряжен и не поддавался воздействию, а подполковник, отчаянно богохульствуя, пытался управиться с записывающей аппаратурой. Наконец психолог выпрямился, вытирая со лба пот.

— Я думаю, это все, — устало произнес он. — Но что это такое?

— Забудьте все, что слышали, док, — посоветовал Брисби. — А еще лучше сразу перережьте себе горло.

— Хм... спасибо, босс.

— Шеф, давайте прокрутим его еще раз, — предложил Стэнк. — Гипноз нашего псих-доктора подействовал на меня гораздо успешнее, чем на парня. К тому же, у него дикий акцент, и я опасаясь за достоверность информации.

— Ничего подобного. У парня чистое земное произношение.

— Ну, значит, дело в моих ушах. Они подвергались вредному влиянию — я слишком долго пробыл на борту.

— Так вот почему так засорен язык ваших офицеров, — хладнокровно проговорил Брисби. — Слушайте, Стэнк, правда ли, что ваши подчиненные вынуждены

записывать слова на бумажке, чтобы вы могли их понять?

— Только уроженцы Аралеша, сэр... не принимайте мои слова в свой адрес, вы сами спросили. Так может быть, повторим? Было бы неплохо отсеять шум.

— Ваше мнение, док?

— Хмм... пациент устал. Нельзя ли в другой раз?

— Можно. Теперь он останется у нас надолго. Ладно, будите его.

Пока Торби расправлялся с принесенными боцманом несколькими литрами кофе, подносом сэндвичей и бифштексом на закуску, полковник и его помощник начисто переписали тысячи слов последнего донесения Калеки Баслима. Стэнк откинулся на спинку кресла и присвистнул.

— Можете расслабиться, шеф, эта штука будет жечься еще пару сотен лет.

— Да, — серьезно ответил Брисби. — К тому времени успеет погибнуть немало отличных парней.

— Точно. И вы знаете, что поражает меня больше всего? Этот мальчишка-Торговец, который мотался по всей Галактике, неся в голове донесение «перед-прочтением-сжечь». Может быть, отравить его?

— И потом писать бесчисленные объяснительные?

— Ну что ж, может быть, доктор Криш сумеет стереть ему память, не прибегая к лоботомии.

— Полагаю, что, если кто-нибудь хотя бы дотронется до парня, полковник Баслим восстанет из мертвых и придушит его. Ты знал Баслима, Стэнк?

— Он читал мне курс психологического оружия в последний год обучения в Академии. И сразу после этого ушел в корпус «Икс». Самый блестящий ум, который я когда-либо встречал, — конечно, если не считать вашего, босс.

— Не напрягайся. Без сомнения, он был великолепным учителем, да и во всем остальном всегда оказывался на высоте. Но если бы ты знал его еще раньше! Мне посчастливилось служить у него в подчинении. Даже теперь, когда я командую кораблем, я часто спрашиваю себя: «А как поступил бы на моем месте Баслим?». Он был лучшим командиром корабля из всех, у кого я служил. Тогда он уже второй раз отказывался от повы-

шения: ему должны были присвоить маршала, но он предпочел письменному столу палубу корабля.

Стэнк покачал головой.

— А мне, вероятно, так и не дожждаться того мига, когда я пересяду за стол и стану писать за ним инструкции, которые никто не будет читать.

— Ты не Баслим. Не будь его работа так трудна, он нипочем не взялся бы за нее.

— Я не герой. Я всего лишь соль земли. Скажите, шеф, вы были с ним во время спасения «Ханси»?

— Хочешь сказать, что мне бы тогда не носить нашивки? Нет, слава богу, меня тогда перевели в другое место. Баслиму пришлось сражаться врукопашную. У них там была сушая мясорубка.

— Наверное, у вас просто хватило ума не напрашиваться в добровольцы.

— Стэнк, даже такой лентяй, как ты, — и тот мигом шагнул бы вперед, если бы Баслиму потребовались добровольцы.

— Я не лентяй. Просто не привык зря суетиться. Кстати, откройте мне секрет: почему десант возглавил сам командир корабля?

— Старик подчинялся только тем правилам, с которыми был согласен. Он хотел лично обрушиться на работоторговцев, потому что ненавидел их лютой ненавистью. Он вернулся героем, и что оставалось делать Департаменту? Ждать, пока Баслим выйдет из госпиталя, чтобы отдать его под трибунал? Знаешь, Стэнк, даже отъявленные тупицы способны понять, что к чему, если их хорошенько ткнуть носом. Поэтому они сослались на «чрезвычайные обстоятельства» и определили его на должность с ограниченными обязанностями. Однако с тех пор каждый раз, когда возникают подобные «чрезвычайные обстоятельства», ни один офицер не может оправдания ради сослаться на уставы. Приходится следовать примеру Старика.

— Только не мне, — твердо заявил Стэнк.

— И тебе тоже. Как только возникнет необходимость делать что-либо неприятное, ты будешь это делать, втягивая живот и надувая щеки, и твоя круглая упитанная физиономия станет красоваться в строю ге-

роев. И ничего ты с этим не поделаешь. Тебя будет подталкивать пример Баслима.

Они легли только на рассвете. Брисби собирался поспать подольше, но, следуя старой привычке, поднялся лишь на несколько минут позже обычного. И он ничуть не удивился, застав своего заместителя, профессионального лодыря, за работой.

Полковника дожидался казначей. Он держал в руке телеграмму, и Брисби понял, в чем дело. Прошлой ночью, после того, как они просидели несколько часов, разбирая текст донесения на фразы, чтобы послать их по разным каналам, полковник вдруг вспомнил, что, перед тем как лечь спать, он должен организовать для приемного сына Баслима идентификационный поиск. Брисби вовсе не был уверен в том, что след ребенка, подобранного на Джуббуле, может отыскаться среди досье граждан Гегемонии. Но если Старик счел необходимым послать через космос свое пожелание, то, значит, он хотел именно этого, и говорить тут не о чем. Полковник Брисби испытывал к Баслиму, живому или мертвому, уважение младшего офицера к старшему. Поэтому он написал депешу и послал дежурного офицера взять у Торби отпечатки пальцев. Только после этого полковник позволил себе вздремнуть.

Брисби мельком взглянул на телеграмму.

— До сих пор не отправили? — осведомился он.

— Фотолаборатория как раз заканчивает кодировать отпечатки пальцев. Однако офицер связи распорядился передать депешу мне на подпись, поскольку ее содержание не касается корабельных служб.

— Ну так подпишите. Неужели я должен заниматься такими пустяками?

Казначей понял, что шеф опять не выспался.

— Плохие новости, шкипер.

— Выкладывай, что там у тебя.

— Я не знаю, откуда взять деньги. Сомневаюсь, что у нас найдутся средства, даже если мы сумеем обосновать требуемые расходы.

— Расходы меня не волнуют. Придумай что-нибудь и гони депешу. Пусты ее под общим кодом, каким-нибудь «ноль-ноль-и-что-там-еще».

— «Непредвиденные перерасходы на административные нужды». Не сработает, шкипер. Идентификационный поиск гражданского лица за счет корабля не спишешь. Конечно, я могу присвоить исходящий номер, и вы получите ответ, но...

— Именно этого я и хочу. Мне нужен ответ.

— Да, сэр. Однако через пару дней вся эта история достигнет ушей Центрального Ревизионного Управления, закрутится бюрократическое колесо и выплюнет карточку с красной пометкой. Они могут заморозить мой счет до тех пор, пока я не внесу всю истраченную сумму. Таким приемом они заставляют нас выучивать законы назубок и хорошенько считать.

— Ты разрываешь мое сердце на куски. Ну ладно. Отправляй телеграмму и, если ты боишься подписывать ее, сообщи мне исходящий номер. Я подпишу запрос своим именем и званием. Идет?

— Да, сэр. Но, шкипер...

— Слушай, у меня была трудная ночь.

— Да, сэр. Однако закон требует, чтобы я давал вам советы. Разумеется, вы не обязаны к ним прислушиваться.

— Еще бы, — мрачно отозвался Брисби.

— Шкипер, вы хотя бы имеете представление о том, как дорого обходится идентификационный поиск?

— Не думаю, чтобы это было очень уж дорого. И не понимаю, чего вы так всполошились. Я хочу лишь, чтобы клерк оторвал зад от стула и порылся в архивах. Мне кажется, они постесняются присылать нам счет. Все будет сделано в порядке взаимной любезности.

— Мне бы вашу уверенность! Однако вы требуете неограниченного поиска. Поскольку вы не назвали планету, запрос прежде всего попадет в Тихо-Сити, в архив по делам живых и умерших. Или вы желаете ограничиться только живыми?

Брисби задумался. Если Баслим считал, что Торби попал к нему из Внутренних Миров, то, вероятнее всего, его семья считает мальчика погибшим.

— Нет.

— Это уже хуже. Объем информации по умершим втрое больше, чем по живым. Так что для начала его будут разыскивать в архивах Тихо. Это отнимет немало

времени даже у компьютера — ведь у них около двадцати миллиардов дел! Предположим, что вы получили нулевой результат. Тогда запрос проследует в аналогичные учреждения на всех планетах, поскольку Центральный Архив не успевает обновлять данные, а правительства многих планет вообще не высылают их. Счет будет все разбухать, особенно если сообщения пойдут по N-космосу. Полный код отпечатков пальцев занимает объем солидной книги. Разумеется, если вы запрашиваете сведения по одной планете зараз и пользуетесь обычной почтой...

— Это недопустимо.

— Ну что ж... Шкипер, а почему бы не ввести ограничение? Скажем, тысячу кредитов... или сколько вы сможете выделить, если... я хотел сказать, «когда»... они подпишут ваши расходы.

— Тысячу кредитов? Смешно!

— Если я не прав, то ограничение не играет роли. А если прав — а я прав, — то тысячи кредитов хватит для начала, и ваша шея будет в относительной безопасности.

Брисби сердито посмотрел на него.

— Вы здесь не для того, чтобы сообщать мне, чего я не могу делать.

— Да, сэр.

— Вы здесь для того, чтобы растолковать мне, как именно я должен делать все то, что я собираюсь делать. Покопайтесь в ваших книгах и найдите способ. Законный. И чтобы не пришлось платить.

— Слушаюсь, сэр.

Брисби не сразу вернулся к делам. Он был раздражен тем, что вот уже несколько дней корабль не может стартовать из-за всевозможных бюрократических препон. Полковник готов был поспорить, что Старик ушел в корпус «Икс» с чувством облегчения. Агенты корпуса не были стеснены финансовыми ограничениями; если кто-нибудь из них считал необходимым потратить какую-то сумму, он так и делал, шла ли речь о десяти кредитах или десяти миллионах. Такой уж был стиль: взять на службу человека и затем доверять ему безоговорочно. Никаких рапортов, бланков —

ничего, кроме задания, которое нужно было выполнить.

Потом к Брисби поступили рапорт о загрузке топливом и инженерно-технический отчет. Отложив их в сторону, полковник достал чистый бланк депеши и составил сопроводительную записку к донесению Баслима, информируя Бюро о том, что внештатный связник, доставивший донесение, все еще находится в распоряжении отправителя и что, по мнению одного, имеется возможность получить дополнительную информацию, если отправитель будет уполномочен продолжить работу со связником по своему усмотрению.

Шкипер решил не передавать депешу шифровальщикам, открыл сейф и принялся кодировать сам. Он уже заканчивал работу, когда в дверь вновь постучался казначей. Брисби поднял глаза.

— Ну что, нашли нужный параграф?

— Кажется, да. Я поговорил со старшим офицером.

— Короче.

— Итак, у нас на борту находится некое лицо...

— Только не говорите мне, что я должен получать на это разрешение!

— Вовсе нет, шкипер. Прокормить мы его прокормим. Вы можете держать его на борту сколько угодно, и я ничего не замечу. Все идет нормально, пока не наступает время вносить расходы в официальные документы. Но скажите, как долго вы собираетесь держать его на корабле? Наверное, не день и не два — судя по тому, что вы затеяли идентификационный поиск.

Командир нахмурил брови.

— Возможно, мальчик останется здесь надолго. Для начала я хотел бы узнать, кто он и откуда. На время поиска я намерен, не внося его в судовую роль, дать парню какую-нибудь работу. Если поиск ничего не даст, что ж, я оставлю его на корабле просто так. Это трудно объяснить, но это необходимо.

— Хорошо. Так почему бы не включить его в состав экипажа?

— Что?

— И тогда все станет на свои места.

Брисби нахмурился.

— Понятно. Я могу взять его с собой на законных основаниях... а затем передать парня кому-нибудь еще. А зачисление дало бы тебе табельный номер. Но представь себе, что мы прибудем на Шиву III, а зачисление еще не состоится. Что же, прикажешь ему просто смыться с корабля? Кстати, я отнюдь не уверен в том, что он захочет стать членом экипажа.

— Спросите его. Сколько ему лет?

— Сомневаюсь, что он сам знает. Он найденный.

— Тем лучше. Итак, вы берете его на корабль. Затем, когда мы наконец определим, откуда он родом, вы обнаруживаете ошибку в его возрасте и исправляете ее таким образом, что он в соответствии с законами своей родной планеты становится совершеннолетним и имеет право получать плату.

Брисби моргнул.

— Неужто все казначеи такие мошенники?

— Только самые лучшие. Вам не нравится такая комбинация, сэр?

— Очень даже нравится. Хорошо, я обдумаю ваше предложение. У меня готово донесение, но мы не будем спешить с отправкой.

Казначей сделал невинное лицо.

— О нет, сэр, мы вовсе не станем его отправлять.

— Почему?

— В этом не возникнет необходимости. Помимо всего прочего, мы дадим парню настоящую должность. Пошлем его данные в Бюро Кадров. Они начнут обычную проверку — имя, родная планета, скажем, Геката, поскольку мы выбрали его там. Тем временем мы будем уже далеко. Они выяснят, что мальчик там не числится. Тогда они обратятся в Бюро Безопасности, и те вышлют нам распоряжение, запрещающее упомянутому лицу нести службу на жизненно важных постах корабля. И это все, что грозит парню, ведь может оказаться и так, что эта несчастная невинная личность вообще нигде не зарегистрирована. Однако Бюро Безопасности не сможет оставить это дело просто так, и они начнут именно тот поиск, которого вы и добивались. Сначала — в Тихо, затем по всему космосу, да еще с грифом «срочно», поскольку тут замешаны соображения безопасности. Допустим, они что-то найдут

Тогда, если он не разыскивается за убийство, все ограничится обычной волокитой. Если не найдут ничего, то им придется поломать голову — зарегистрировать ли его или предложить ему в двадцать четыре часа покинуть пределы Галактики. Ставлю семь против двух, что они предпочтут закрыть глаза, ну разве что прикажут кому-нибудь на борту наблюдать за парнем и сообщать о его подозрительном поведении. Вся прелесть состоит в том, что поиск будет проведен за счет Бюро Безопасности.

— Вы полагаете, что у меня на корабле есть агенты Безопасности, о которых мне неизвестно?

— А вы как думаете?

— Ммм... не знаю, но будь я шефом Безопасности, я обязательно имел бы таких! К черту, если я доставляю отсюда к Кольцу гражданское лицо, об этом тоже кто-нибудь сообщит, даже если я сделаю соответствующую запись в вахтенном журнале.

— Я бы не удивился, сэр.

— Давай вали отсюда! А я вызову парня и узнаю, как он отнесется к этой идее. — Брисби нажал кнопку. — Эдди!

Вместо того чтобы вызвать Торби к себе, полковник отправил его на обследование к врачу. Не имело смысла говорить с юношей о зачислении, не узнав прежде, способен ли тот нести службу. Перед ленчем к Брисби явился майор Штейн в сопровождении капитана Кришнамурти.

— Итак?

— По состоянию здоровья мальчик годен, шкипер. А психолог пусть доложит свои соображения сам.

— Отлично. Кстати, сколько лет парню?

— Он сам не знает.

— Да, да, — нетерпеливо согласился Брисби. — Ну, а сами-то вы что думаете?

Доктор Штейн пожал плечами.

— А какова структура его генов? В каких условиях он рос? Не подвергался ли мутациям, влияющим на скорость развития организма? Какова сила тяжести на планете, где он жил? Метаболический индекс планеты? По внешнему виду ему можно дать и десять стандартных лет, и тридцать. Могу лишь произвольно прикинуть

его возраст, исходя из предположения, что он не подвергался существенным мутациям и жил в условиях, приближающихся к земным, и вынести ничем не подтвержденное заключение, что его возраст не меньше четырнадцати и не больше двадцати двух стандартных лет. Пока женщины не научатся рожать детей, на теле которых была бы укреплена табличка, содержащая их данные, точнее сказать невозможно.

— То есть, можно предположить, что ему восемнадцать?

— Ну, в общем, да.

— На том и порешим — это минимальный возраст для зачисления.

— На его коже имеется татуировка, — вмешался Кришнамурти. — Это может помочь нам. Метка раба.

— Час от часу не легче! — Брисби подумал о том, что донесение в корпус «Икс» все же придется отправить. — Датированная метка?

— Датирована только вольная, по саргонезскому времяисчислению, что подтверждает его рассказ. Клеймо работоторговца. Даты нет.

— Это плохо. Ну что ж, если медицинских противопоказаний нет, я могу поговорить с ним лично.

— Полковник?

— Да, Криш?

— Я бы не рекомендовал брать его на службу.

— Что? Мне казалось, он психически не менее здоров, чем вы сами.

— Вне всяких сомнений. Но тут есть немалый риск.

— В чем же дело?

— Сегодня утром я исследовал его под легким гипнозом. Скажите, полковник, у вас когда-нибудь была собака?

— Нет. На моей родной планете они не водятся.

— Очень полезные лабораторные животные, многие их характеристики аналогичны человеческим. Так вот, если вы возьмете щенка и станете бить, дразнить и унижать его, он превратится в злобного хищника. Возьмите его кровного брата, ласкайте его, разговаривайте с ним, кладите спать с собой, но тренируйте его — и получите довольное жизнью послушное домашнее животное. Возьмите из того же выводка третьего щенка,

ласкайте его по четным дням и лупите по нечетным. Он будет сбит с толку и не сможет существовать ни в той, ни в другой роли; он не сможет ни одичать, ни понять, что требуется от домашнего животного. Вскоре он перестанет есть и спать, потеряет контроль над собой; лишь будет дрожать и жаться в угол.

— Хм... и часто вы, психологи, прибегаете к подобным экспериментам?

— Лично мне не доводилось. Но в литературе такие опыты описаны... и в случае с этим молодым человеком можно провести кое-какие параллели. В детстве, когда его личность только формировалась, мальчику довелось перенести целый ряд травматических воздействий, последнее из которых случилось с ним лишь вчера. Он растерян и подавлен. Как собака, он готов в любой момент огрызнуться и укусить. Его ни в коем случае нельзя подвергать дальнейшим испытаниям; его нужно окружить заботой и доставить в клинику, где ему окажут психотерапевтическую помощь.

— Фф-у!

Офицер-психолог пожал плечами. Брисби поспешил извиниться.

— Прошу прощения, доктор. При всем уважении к вашему профессионализму я осведомлен об этом случае гораздо больше вас. Два последних года мальчик находился в превосходных условиях. — Брисби вспомнилось трогательное прощание, невольным свидетелем которого он был. — А до тех пор он жил на попечении полковника Ричарда Баслима. Слышали о таком?

— Я знаю, какой репутацией он пользовался.

— Я готов рискнуть своим кораблем и держать пари, что Баслим не причинил мальчику ни малейшего зла. Да, парню пришлось перенести тяжелые времена. Но его воспитал самый сильный, разумный и гуманный человек из всех, кто когда-либо носил нашу форму. Вы приводите в пример своих собак. Я — полковника Ричарда Баслима. Итак... вы советуете мне зачислить его?

Психолог колебался. Брисби вновь спросил:

— Итак?

— Не обижайтесь, Криш, — вмешался майор Штейн, — но я совершенно не согласен с вами.

— Чтобы принять решение, — сказал Брисби, — мне нужен прямой ответ.

Доктор Кришнамурти медленно произнес:

— Мне кажется, я могу констатировать, что серьезных оснований для отказа в зачислении нет, но все же я должен изложить свое мнение в его медицинском свидетельстве.

— Зачем?

— Совершенно очевидно, что вы хотите зачислить парня. Но если он что-нибудь натворит, моя запись поможет ему избежать трибунала, все ограничится отставкой по состоянию здоровья.

Полковник Брисби хлопнул его по плечу.

— Ну вот и хорошо, Криш! Джентльмены, на этом наше совещание закончено.

Торби провел беспокойную ночь. Боцман разместил его в помещении старших офицеров, и члены экипажа отнеслись к нему хорошо. Однако юношу привела в замешательство та подчеркнутая вежливость, с которой окружающие отводили взгляд от яркой формы «Сизу». До сих пор он с гордостью ощущал, как ладно сидит на нем одежда; теперь же он с грустью понял, что всякое одеяние имеет двойное значение. Ночью, прислушиваясь к храпу, доносившемуся со всех сторон — чужие, фраки, — он мечтал вернуться к Людям, которые его понимали и считали своим.

Ворочаясь на жесткой койке, он думал о том, кому достанется его место на «Сизу»?

И живет ли сейчас кто-нибудь в той каморке, которую он по-прежнему именовал домом? Починил ли новый жилец дверь, содержит ли комнаты в чистоте и порядке, как отец? И что он сделал с папиным протезом?

Засыпая, он видел перед собой и «Сизу», и Баслима, и видения смешивались. Наконец, когда перед ним поплыли обезглавленная бабушка и летящий наперерез пират, папа прошептал: «Больше не будет плохих снов, Торби. Никогда. Только хорошие сны».

И только тогда он заснул спокойно — и проснулся в этом ужасном месте, наполненном болтовней фраки. Завтрак оказался сносным, но ему было далеко до стандартов тетки Афины; однако Торби не хотел есть.

После завтрака ему довелось в полной мере ощутить свое бедственное положение. Ему велели раздеться и подвергли унизительному осмотру. Впервые Торби столкнулся с тем, как бесцеремонно медики могут обходиться с человеческим телом, — а он терпеть не мог, когда его тыкают и щупают.

И когда командир послал за Торби, тот уже не испытывал радости от того, что увидится с человеком, который знал отца. Именно в той каюте он прощался с Краузой, и это помещение рождало у него неприятные воспоминания.

Он бесстрастно выслушал объяснения Брисби, чуть-чуть оживившись только после того, как понял, что ему будет присвоен статус — не очень высокий, догадался он. Но тем не менее. У фраки тоже существовало это понятие, но ему не приходило в голову, что оно может иметь значение даже для них самих.

— Тебя никто не принуждает, — заключил Брисби, — но это значительно облегчило бы выполнение воли Баслима — я имею в виду, найти твою семью. Тебе ведь тоже этого хочется, не так ли?

Торби едва не выпалил, что знает, где его семья. Но он тут же сообразил, что имеет в виду Брисби: его кровных родственников, существования которых Торби даже не мог себе представить. Да и были ли у него кровные родственники?

— Полагаю, да, — медленно проговорил он. —точно не знаю.

— Ммм... — Брисби подумал о том, каково придется картине, потерявшей свою раму. — Полковник Баслим очень настоятельно просил меня найти твою семью. Мне будет проще это сделать, если ты официально станешь членом моего экипажа. Ну? Гвардеец третьего класса... оклад тридцать кредитов в месяц, еды до отвала, а спать — сколько получится. И еще слава. В общем, немного.

Торби поднял глаза.

— Скажите, это та же Сем... — та же служба, в которой был мой отец? Полковник Баслим, вы его так называете? Он служил здесь?

— Да. Он занимал гораздо более высокий пост, чем я предлагаю тебе. Но служба — та же самая. Мне кажется, ты хотел сказать «семья». Мы считаем свою службу одной большой семьей. Полковник Баслим был одним из самых уважаемых ее членов.

— Тогда я хочу, чтобы меня приняли.

— Зачислили.

— Да, сэр.

Глава 16

При более близком знакомстве ффраки оказались неплохим народцем.

У них был свой тайный язык, хотя сами они полагали, что разговаривают на интерлингве. Прислушиваясь к их речи, Торби обогатил свой словарный запас несколькими сотнями существительных и парой десятков глаголов. Он обнаружил, что окружающие с уважением относятся к тем световым годам, которые он намотал в космосе в бытность свою Торговцем. Впрочем, Людей тут считали несколько странными. Торби не спорил: ффраки в этом не разбирались.

Поднявшись с Гекаты, «Гидра» отправилась к мирам Кольца. Перед самым стартом пришел денежный перевод, к которому суперкарго «Сизу» приложил бумагу, гласящую, что это — одна восемьдесят третья часть доходов звездолета, полученных по пути от Джуббулпора до Гекаты. Слово он девушка, которую собираются выдать замуж, подумалось Торби. Сумма была велика до неприличия, тем более что в бумаге Торби не нашел упоминания о вычете своей части общей стоимости корабля, которое, он это чувствовал, должно было бы там присутствовать, чтобы расчеты были справедливыми. А здесь все выглядело так, будто он — не уроненец корабля. Жизнь среди Людей научила нищего

мальчишку смотреть на деньги с такой стороны, с какой он никогда не увидел бы их, собирая подаяние. В бухгалтерских книгах должен быть порядок, а долги надо платить.

Он спросил себя, что бы сказал Баслим, увидев такую кучу денег. Торби почувствовал изрядное облегчение, узнав, что может сдать их на хранение казначею.

Вместе с деньгами прибыла записка с несколькими теплыми словами и пожеланием удачи, куда бы судьба ни забросила Торби, подписанная: «С любовью. Мать». От этих слов Торби сперва приободрился, но потом почувствовал себя еще хуже.

Фриц прислал пакет с личными вещами Торби, вложив в него листок со словами: «Дорогой брат, о последних событиях толком никто ничего не знает, но на нашей старой посудине царит напряженность. Не будь это немыслимо, я бы сказал, что старшие члены Семьи разошлись во мнениях. Что же до меня, то я не имею никаких суждений и хочу лишь сказать, что уже скупаю по твоей наивной болтовне и вечно смущенной физиономии. Не грусти и не забывай считать сдачу. Кстати, пьеса имела головокружительный успех. Лоан — просто прелесть. Фриц».

Прибывшие с «Сизу» пожитки Торби запихал дальше: теперь, когда он стал гвардейцем, они смущали его. Он выяснил, что Гвардия не была замкнутым обществом вроде Людей, и для того, чтобы стать гвардейцем, не требовалось никакого чуда: если человек соответствовал предъявляемым требованиям, никто не спрашивал его о том, откуда он прибыл и кем был раньше. «Гидра» набирала экипаж на многих планетах, этой цели служили компьютеры Бюро Кадров. Торби видел вокруг себя высоких и маленьких, костлявых и дородных, лысых и волосатых, людей с признаками мутации и без таковых. Сам Торби был близок к норме, а его привычки, вынесенные им из мира Вольных Торговцев, воспринимались окружающими как безобидная эксцентричность; хотя Торби попал на борт недавно, он не был новичком в космосе.

В сущности, от остальных его отличало лишь то, что он был новобранцем. Звание «гвардеец третьего клас-

са» — это все, на что мог рассчитывать необученный новичок до тех пор, пока не проявит себя, к тому же Торби не проходил даже начальной подготовки.

Однако его положение было ничуть не хуже, чем у любого новобранца, только что вставшего под знамена корпуса. Он получил койку, место за столом, служебные обязанности, и младший офицер говорил ему, что он должен делать. Торби мыл палубу, а во время тревоги, если отказывала связь, должен был исполнять роль вестового офицера-оружейника. Это значило, что его можно послать за чашкой кофе.

В целом его жизнь на корабле была относительно спокойной. Торби разрешалось участвовать в общем разговоре после того, как выскажутся старшие; когда за карточным столом не хватало партнеров, его приглашали участвовать в игре; он пользовался привилегией одалживать старшим носки и свитера, если у них возникла такая нужда. Торби уже умел подчиняться; это оказалось совсем нетрудно.

«Гидра» заступила на боевую вахту; разговоры в столовой крутились вокруг возможной «охоты». Корабль мог развивать ускорение в триста единиц и вступал в бой с пиратами в тех случаях, когда «Сизу» постарался бы избежать встречи с рейдером. Хотя «Гидра» имела многочисленный экипаж и тяжелое вооружение, большую часть корабля занимали энергоустановки и топливные баки.

Стол, за которым сидел Торби, возглавлял младший офицер, артиллерист второго класса Пибби по кличке «Децибел». Как-то раз во время обеда, когда все вокруг обсуждали, пойти ли после еды в библиотеку или в кают-компанию на стереофильм, Торби, погруженный в свои раздумья, услышал свое прозвище:

— Верно, Торговец?

Торби гордился своим прозвищем, но ему не нравилось, когда его произносил Пибби: тот самодовольно считал себя великим остряком и любил заботливо осведомиться: «Как дела?», сопровождая вопрос таким жестом, будто считает деньги. До сих пор Торби старался не обращать на него внимания.

— Что «верно»?

— Слушай, а не прочистить ли тебе уши? Или ты вообще не способен слышать ничего, кроме звона и хруста? Я рассказывал ребятам о нашей беседе с офицером-оружейником: чтобы чаще ловить пиратов, нужно гоняться за ними, а не прикидываться Торговцем, слишком трусливым, чтобы сражаться, и слишком жирным, чтобы убежать.

Торби еле сдерживал гнев.

— Кто сказал, будто Торговцы слишком трусливы, чтобы вступать в бой?

— Брось трепаться! Кто хоть раз слышал, чтобы Торговец уничтожил пирата?

В общем-то Пибби говорил правду: Торговцы предпочитали не распространяться о своих победах. Но Торби еще больше разозлился.

— Я, например.

Он хотел сказать, что слышал о том, как Торговцы взрывали пиратов; Пибби же воспринял его слова как похвалу.

— Ты? Неужели? Послушайте, ребята, да наш корабейник, оказывается, герой! Он поджег пирата своими собственными маленькими ручонками! Ну, так расскажи нам. Ты подпалил его волосы? Или подсыпал известку ему в пиво?

— Я работал, — ответил Торби, — с одноэтапным поисковиком «Марк XIX» производства Бетельхейм-Антареса, вооруженным двадцатимегатонной плутониевой боеголовкой. Я поймал цель по прицельному лучу с упреждением.

Воцарилась тишина. Наконец Пибби холодно осведомился:

— Где ты об этом прочитал?

— На ленте, записанной во время боя. Тогда я был старшим бортовым стрелком. Корабельный компьютер вышел из строя, и я точно знаю, что пирата поразила мой выстрел.

— Так он офицер-артиллерист! Кончай трепаться, Торговец!

Торби пожал плечами.

— Я и был им. Точнее, офицером-стрелком. Собственно ракетами я не занимался.

— Скромничаешь, Торговец! Болтать легко.

— Тебе лучше знать, Децибел.

Услышав свое прозвище, Пибби задохнулся от возмущения: Торби не имел права позволять себе такую фамильярность. Из угла послышался другой голос, весело заявивший:

— Это уж точно, Децибел, болтать легко. А расскажи-ка нам о схватках, в которых участвовал ты сам. Ну, давай!

Говоривший не имел звания; он служил в штабе писарем и не боялся раздражения Пибби.

Пибби сверкнул глазами.

— Хватит болтать! — рявкнул он. — Баслим, я жду тебя в восемь ноль-ноль в боевой рубке. Там мы посмотрим, какой из тебя стрелок.

Торби вовсе не горел желанием испытывать свои силы: он ничего не знал о вооружении «Гидры». Однако приказ есть приказ, и в назначенное время он предстал перед ухмыляющимся Пибби.

Но ухмыляться тому пришлось недолго. Аппаратура «Гидры» не имела ничего общего с компьютерами «Сизу», но принципы стрельбы были теми же самыми, и старший сержант-оружейник (кибернетист) подтвердил, что бывший Торговец знает, как стрелять. Он постоянно искал таланты, а люди, способные рассчитывать траектории ракеты в сумасшедшей обстановке боя на субсветовых скоростях, встречаются среди гвардейцев так же редко, как и среди Торговцев.

Он расспросил Торби о компьютерах, на которых тот работал, и покачал головой.

— Эту систему я видел только на сдвоенных установках производства Дюссельдорфа; используемые там принципы уже давно устарели. Но уж коли ты сумел поразить цель с помощью такого барахла, то мы найдем тебе применение, — сержант обернулся к Пибби. — Спасибо, Децибел. Я сам сообщу офицеру-оружейнику. Баслим, ты остаешься здесь.

— У него есть работа, сержант, — возмутился Пибби. Сержант Лютер лишь пожал плечами.

— Доложи начальству, что Баслим переведен ко мне.

Торби был поражен, услышав, как прекрасное оборудование «Сизу» называют барахлом. Но уже очень скоро он понял, что имел в виду Лютер: чудовищный

боевой мозг «Гидры» был настоящим гением среди компьютеров. В одиночку Торби ни за что не управлялся бы с ним — вскоре его назначили артиллеристом третьего класса (кибернетистом), что в определенной степени избавляло его от придирок Пибби. Только теперь он начал чувствовать себя настоящим гвардейцем, пусть еще и самым молодым, но все же признанным членом команды.

«Гидра» шла на сверхсветовой скорости к планете Ультима Туле системы Кольца, где она должна была заправиться и начать поиск пиратов. Никаких сведений о личности Торби пока не поступало, и он должен был довольствоваться своим статусом в команде, в которой служил и его отец. Торби было лестно думать о том, что Баслим мог бы гордиться им. Юноша скучал по «Сизу», однако в корабле, на котором не было женщин, жить было гораздо проще, и дисциплина на «Гидре» была не столь жесткой, как на Вольном Торговце.

Однако полковник Брисби не давал Торби забывать, с какой целью его зачислили в экипаж. Между командиром и новобранцами огромная дистанция, и те смели поднять на шкипера глаза лишь во время инспекции. Тем не менее Брисби регулярно посылал за Торби.

Брисби получил из корпуса «Икс» полномочия обсудить донесение Баслима с его связником, не забывая, впрочем, о высшей степени секретности. Полковник вновь вызвал Торби к себе.

Юноше впервые довелось выслушать строжайшее предупреждение о необходимости сохранения тайны. Брисби внушал ему, что излишняя разговорчивость может повлечь за собой самое тяжелое наказание, какое только способен наложить трибунал.

— Однако главное не в этом. Мы должны быть уверены, что такой вопрос даже не возникнет. Иначе нам не о чем говорить.

Торби замялся.

— Откуда мне знать, что я должен держать рот на замке, если я даже не понимаю, о чем именно я должен молчать?

— Я могу приказать тебе, — раздраженно произнес Брисби.

— Да, сэр. И я отвечаю: «Есть, сэр!». Но убедит ли это вас в том, что я не рискну предстать перед трибуналом?

— Но... Тьфу, черт! Я собираюсь говорить с тобой о работе полковника Баслима. И нечего тут распускать язык, понял? Иначе я разорву тебя на кусочки вот этими руками! И ни одному сопляку я не позволю валять дурака, если речь идет о работе Старика!

Торби с облегчением перевел дух.

— Почему вы не сказали об этом сразу, шкипер? Я не позволю себе проронить ни слова, если речь идет об отце — ведь это было первое, чему он меня научил.

— Вот как? — Брисби улыбнулся. — Впрочем, я мог догадаться сам. Ладно.

— Ну, а с вами-то, — задумчиво проговорил Торби, — можно об этом говорить?

Брисби растерялся.

— Я не понимал, что эта тема — палка о двух концах. Но это так. Я могу показать депешу из корпуса, предписывающую мне обсудить с тобой донесение Баслима. Это тебя убедит?

Брисби с иронией подумал о том, что сейчас ему придется показывать депешу с грифом «совершенно секретно» самому младшему члену своего экипажа, — депешу, которая убедила бы новобранца в том, что капитан судна имеет право с ним поговорить. Однако сейчас это казалось самым разумным. До сих пор полковник даже представить себе не мог, что попадет в такое положение.

Торби прочел депешу и кивнул.

— Готов ответить на любой ваш вопрос. Я думаю, отец согласился бы.

— Отлично. Ты знал о том, чем он занимался?

— Ну... и да и нет. Кое-что я видел. Я знаю, чем именно он интересовался, потому что он заставлял меня наблюдать и запоминать. Я передавал его послания, и каждый раз они были совершенно секретны. Но я так и не понял почему. — Торби нахмурился. — Мне сказали, что он шпион.

— «Сотрудник разведывательной службы» звучит лучше.

Торби пожал плечами.

— Если бы он шпионил, он так бы и говорил. Отец не обращал внимания на слова.

— Да, он не обращал внимания на слова, — согласился Брисби, вспоминая о тех сокрушительных головойках, которые Баслим некогда задавал ему. — Давай-ка я объясню тебе. Ммм... ты знаешь историю Земли?

— Самую малость.

— История Земли — это история человеческой расы в миниатюре. Задолго до начала космической эры, когда мы еще не заплотнили планету, уже тогда существовали неосвоенные территории. Каждый раз, когда открывали новые земли, действовали три тенденции: впереди шли торговцы, желавшие попытать счастья, за ними бандиты, нападавшие на честных людей, а потом шел поток рабов. То же самое происходит и сегодня, когда мы прорываемся сквозь космос вместо того, чтобы осваивать океаны и прерии. Приграничные Торговцы — это искатели приключений, идущие на большой риск ради больших прибылей. Преступники — будь то грабители с большой дороги, морские пираты или космические рейдеры — появляются всюду, где нет полиции. И те и другие — временное явление. Работоторговля — совсем другое дело. Это самая ужасная из привычек человечества, и с ней труднее всего покончить. На каждой новой территории она воссоздается вновь, и корни ее вырвать очень нелегко. Стоит лишь какой-либо культуре заболеть этим недугом, и работоторговля утверждается в экономической системе, в законах, в повседневных привычках и отношениях людей. Ее запрещают, пытаются подорвать ее устои, но она, словно сорняк, готова вновь прорасти в мышлении людей, считающих рабовладение своим «естественным» правом. Спорить с ними бесполезно: таких людей можно лишь устранить, но изменить их натуру невозможно. Брисби вздохнул.

— Видишь ли, Баслим, Гвардия — это лишь полицейская и почтовая служба; уже два столетия Галактика не знает крупных войн. В наши обязанности входит невыполнимая по своей сути задача поддержания порядка на окраинах цивилизованного мира, на границе сферы диаметром около трех тысяч световых лет —

никто даже представить не может себе, как велико это пространство. Человечество не в силах обеспечить его охрану. Протяженность границ растет с каждым годом. Полиция планет порой добивается успехов, но что касается нас, то чем дальше, тем больше проблем. Для большинства из нас это работа, благородная работа, но конца ей не видно.

Однако для полковника Ричарда Баслима это было страстью. Особенно он ненавидел торговлю людьми, сама мысль о которой приводила его в неопишемую ярость — я сам тому свидетель. Он потерял ногу и глаз — я думаю, ты знаешь об этом, — спасая людей, захваченных кораблем работоторговца. Многие офицеры сочли бы свой долг исполненным и отправились домой на заслуженный отдых. Но только не наш старый служака! Несколько лет он преподавал в Академии, затем попросился в тот единственный корпус, который мог принять его, как бы сильно он ни был изувечен, и предложил свой план.

Девять Миров — это становой хребет работоторговли. Саргон колонизирован достаточно давно и, после того как получил самостоятельность, не признает Гегемонию. В Девяти Мирах не соблюдаются права человека, да они и не собираются их соблюдать. Так что нам путь туда заказан, а они не могут посещать наши миры.

Полковник Баслим решил, что мы сумеем сделать торговлю людьми невыгодной, если узнаем, каков ее механизм на Саргоне. Он понимал, что работоторговцы должны иметь суда, базы, рынки сбыта и что это не подпольная деятельность, а вполне легальный бизнес. И он решил отправиться туда изучать его на месте.

Это была абсурдная затея — один человек против целой империи... однако корпус «Икс» как раз такими задачами и занимается. Но даже и они не могли бы послать туда Баслима, если бы он не предложил способ переправлять с Саргона свои донесения. Агент, находящийся в Девяти Мирах, лишен возможности передвижения, не может он воспользоваться и почтовой связью, поскольку между нами и ими нет почтовых путей, и уж, конечно, абсолютно невозможно связываться через N-космос. Это было бы еще заметнее, чем духовой оркестр.

Но у Баслима была идея. Единственные, кто посещает и нас, и Девять Миров, — это Вольные Торговцы. Однако они бегут от политики как от огня — полагаю, ты знаешь об этом не хуже меня, — и всеми силами стараются не нарушать местных обычаев. Но у Баслима с ними установились особые отношения.

Я думаю, ты знаешь, что те люди, которых он спас, были именно Торговцами. Баслим сообщил в корпус «Икс», что имеет возможность передавать донесения через своих друзей. И ему разрешили попробовать. По-моему, никто даже не догадывался, что он захочет избрать для прикрытия личину нищего; сомневаюсь, чтобы он планировал такое заранее, но Старик был великим импровизатором. Как бы то ни было, он обосновался на Саргоне, годами вел наблюдение и слал свои сообщения.

Это все, что было известно до сих пор, и я хотел бы выжать из тебя все, что знаешь ты. Ты можешь рассказать нам о методах его работы. В первом отправленном мной сообщении нет ни слова о методах. Другие агенты могли бы использовать его опыт.

— Я расскажу вам все, что знаю, — грустно ответил Торби. — Но мне известно немногое.

— Ты знаешь больше, чем думаешь. Попробуем вытащить содержимое твоей памяти под гипнозом.

— Все что угодно, если это поможет делу отца.

— Поможет. И вот еще что... — Брисби пересек кабинет и вернулся, держа в руках лист бумаги, на котором был изображен силуэт звездолета. — Что это за корабль?

Торби вытаращил глаза.

— Саргонезский крейсер.

Брисби показал другой листок.

— А это?

— Хм... похож на работорговца, который садится в Джуббулпоре дважды в год.

— Ничего подобного! — яростно воскликнул Брисби. — Это картинки из наших архивов, тут изображены корабли, построенные нашей крупнейшей верфью! И если ты их видел в Джуббулпоре, то эти корабли — копии, либо куплены у нас!

Торби задумался.

— Они сами строят свои корабли.

— Да, мне так и говорили. Но полковник Баслим передавал нам серийные номера судов — одному богу известно, как он добывал эти сведения; может быть, ты догадаешься. Он утверждает, что работоторговцы получают поддержку из наших миров! — с невыразимым отвращением произнес Брисби.

Торби регулярно посещал рубку — иногда для того, чтобы встретиться с Брисби, порой — чтобы подвергнуться расспросам под гипнозом, проводимым доктором Кришнамурти. Брисби каждый раз напоминал, что идентификационный поиск продолжается, и внушал мальчику, что тот не должен падать духом: установление личности может занять много времени. Постоянные упоминания изменили отношение Торби к поиску. Раньше он считал его чем-то бесполезным, теперь же думал о нем как о вполне реальном деле, могущем уже очень скоро принести ощутимые результаты. Торби даже начал задумываться о своей семье, гадал, кем был он сам, — как было бы здорово узнать это, стать таким же, как все прочие люди.

Брисби был гораздо менее оптимистичен: в день старта с Гекаты он получил инструкцию не допускать Торби к работе на жизненно важных участках. Полковник надеялся, что поиск сразу даст положительный результат, и держал это известие при себе, так как был непоколебимо уверен, что Баслим никогда не ошибается и вскоре все прояснится.

Когда Торби перевели в боевую рубку, Брисби вспомнил о предписании и забеспокоился: то был «секретный» отсек, закрытый для посетителей. Полковник успокоил себя мыслью, что непосвященный не сможет увидеть там ничего, что могло бы повлиять на безопасность судна, и, кроме того, парень имел отношение к куда более щекотливым делам. Брисби понимал, что ему удалось узнать очень важные вещи — например, о том, как Старик использовал в целях конспирации личину одноногого попрошайки, причем и взаправду вел жизнь нищего: он и мальчик жили только на подава-

ния. Брисби восхищался его способностью к перевоплощению: это была прекрасная школа для других агентов.

Однако Старик всегда был неподражаем.

Поэтому Брисби допустил Торби к боевым вахтам. Он не стал официально оформлять перевод, чтобы не пришлось докладывать об этом в Бюро Кадров. И с нетерпением ждал сообщения о личности мальчика.

Когда оно прибыло, Брисби совещался с заместителем. Документ был зашифрован, однако Брисби тут же разглядел номер, присвоенный Торби: он сам много раз писал его, отправляя депеши в корпус «Икс».

— Смотри-ка, Стэнк! Здесь говорится о том, кто такой наш найденш. Подай-ка машинку: сейф открыт.

Через десять минут сообщение было расшифровано. Текст гласил:

ПОЛНЫЙ ИДЕНТПОИСК ТОРБИ БАСЛИМ
GDSMN-3 РЕЗУЛЬТАТ НУЛЕВОЙ ПЕРЕДАТЬ В РАС-
ПОРЯЖЕНИЕ БЮРО РАССЛЕДОВАНИЙ ГЕКАТЫ

— Стэнк, что за ерунда?

Помощник пожал плечами.

— Так уж легли кости, босс.

— У меня такое ощущение, будто я обманул Старика. Он был уверен, что у мальчишки есть гражданство.

— Не сомневаюсь, что многим миллионам граждан приходится тратить массу времени, чтобы подтвердить свою личность. Возможно, полковник Баслим был прав, но сейчас это невозможно доказать.

— У меня и в мыслях нет передавать куда-то парня. Я чувствую себя ответственным за него.

— Вы ни в чем не виноваты.

— Ты никогда не служил с Баслимом. Помогать ему было сущим удовольствием... Единственным его требованием была стопроцентная надежность. И мне кажется, что я не оправдал его надежд.

— Не стоит упрекать себя. Вы должны подчиниться предписанию.

— Ничего, мы еще поборемся! Эдди! Пригласи ко мне стрелка Баслима!

Торби заметил, что шкипер мрачен, — но он нередко бывал не в духе.

— Стрелок третьего класса Баслим по вашему приказанию прибыл!

— Торби...

— Да, сэр?

Торби удивился: до сих пор шкипер называл его по имени только во время сеансов гипноза.

— Пришло сообщение о результатах поиска.

— Как? — от неожиданности Торби забыл о правилах обращения к старшему по званию. Он ощутил прилив радости: наконец-то он узнает, кто он такой!

— Они не смогли идентифицировать тебя, — Брисби помолчал и отрывисто спросил: — Понимаешь?

Торби сглотнул застрявший в горле комок.

— Да, сэр. Они не знают, кто я такой. Я... никто.

— Ничего подобного! Ты остался тем, кем был.

— Да, сэр. Это все? Я могу идти?

— Минутку. Я должен доставить тебя на Гекату, — и, увидев выражение лица юноши, торопливо добавил: — Но ты не беспокойся. Скорее всего, они позволят тебе продолжить службу, если ты изъявишь желание. В конце концов, они ничего не имеют против тебя; ты не сделал ничего плохого.

— Да, сэр, — удрученно проговорил Торби.

Никто и ничто... Торби ослепило внезапное видение старого, старого кошмара: он стоит на платформе, слушая, как аукционист во весь голос расписывает его, и видя устремленные на него холодные глаза. Но он взял себя в руки и до конца дня не произнес ни слова. И лишь в темном кубрике он вцепился зубами в подушку и прошептал, глотая слезы: «Папа... Ох, папа!».

Форменные брюки прикрывали его ноги, но в душевой Торби никак не мог скрыть татуировку на левом бедре. Он, нисколько не смущаясь, объяснял любопытствующим, что она означает. Реакция людей варьировала от любопытства, легкого недоверия до удивления тем, что на корабле имеется человек, прошедший через такие испытания — пленение, торги, рабство — и невероятным, чудесным образом вновь обретший свободу. Большинство гражданских даже не подозревало,

что рабство до сих пор существует; гвардейцы кое-что знали об этом.

Татуировка никого не шокировала.

На следующий день после поступления сообщения о нулевом результате поиска Торби столкнулся в душе с Децибелом. Юноша не проронил ни слова: он сторонился Пибби, хотя они и сидели за одним столом. Но сейчас Пибби сам заговорил с Торби.

— Привет, Торговец!

— Здравствуй, — ответил Торби, откручивая кран.

— Что у тебя на ноге? Грязь?

— Где?

— На бедре. Стой спокойно. Дай я посмотрю.

— Убери свои лапы.

— Не будь таким неженкой. Повернись к свету.

Что это такое?

— Метка раба, — вежливо пояснил Торби.

— Правда? Так ты раб?

— Был им.

— Тебя держали в кандалах? Может быть, ты даже целовал хозяйскую ногу?

— Отстань!

— Вы только послушайте его! Знаешь что, мальчик-Торговец? Я думаю, ты сам нарисовал эту печать, чтобы все об этом говорили. Так же, как о том, что ты спалил пиратский корабль.

Торби прикрыл кран и вышел.

За обедом, черпая из миски картофельное пюре, он слышал голос Пибби, но, как всегда, пропускал мимо ушей его бесконечную болтовню. А Децибел все не унимался:

— Эй, раб! Брось свою картошку! Не делай вид, будто не слышишь! Прочисть уши!

Торби послал миску с картошкой по самой короткой траектории, и ее содержимое вошло в прямой контакт с физиономией Децибела.

Выдвинутое против Торби обвинение гласило: «Оскорбление старшего по званию во время рейса на корабле, находящемся в состоянии боевой готовности». Пибби выступил и свидетелем, и пострадавшим.

Полковник Брисби сидел, вперив взор в крышку стола, и на его скулах ходили желваки. Он выслушал заявление Пибби:

— Я просил его передать пюре... а он залепил мне его прямо в лицо.

— И все?

— Ну, сэр... может быть, я обратился к нему не очень вежливо. Но это же не причина...

— Делать выводы я буду сам. Драка имела продолжение?

— Нет, сэр. Нас разняли.

— Отлично. Баслим, хотите что-нибудь добавить?

— Нет, сэр.

— Все было именно так?

— Да, сэр.

Брисби продолжал играть желваками и молча размышлял. Он был полон гнева, чувства, которого не мог себе позволить, находясь при исполнении служебных обязанностей, поэтому заставил себя успокоиться. Нет, тут что-то не так.

Он решил повременить с принятием решения.

— Отойдите назад, Полковник Стэнк...

— Да, сэр?

— Там были и другие. Я хотел бы выслушать и их тоже.

— Они ждут вызова, сэр.

— Очень хорошо.

Торби был приговорен к трем дням карцера на хлебе и воде с отсрочкой исполнения на тридцать суток и разжалованием.

Против Пибби было выдвинуто обвинение в «подстрекательстве к бунту с использованием оскорбительных выражений, относящихся к расе, месту рождения другого гвардейца и прочим обстоятельствам, предшествовавшим вступлению его в должность на борту корабля, находящегося...» — и так далее. Приговор гласил: «Три дня карцера на хлебе и воде, с отсрочкой на девяносто дней, понижение в звании на одну ступень».

Брисби в сопровождении помощника вернулся в свой кабинет. Лицо полковника было хмуро: разбирательство вывело его из себя. Стэнк сказал:

— Хуже всего, что ты наказал мальчишку Баслима. Мне кажется, он был прав.

— Согласен. Однако «подстрекательство» не оправдывает самого бунта.

— Разумеется. Но характер Пибби не нравится и мне. Я хотел бы присмотреться, соответствует ли он занимаемому посту.

— Ну что ж, займись этим. Но, черт побери, мне кажется, что я и сам замешан в этом деле.

— Каким же образом?

— Два дня назад мне пришлось рассказать Баслиму о том, что его не смогли идентифицировать. Он вышел отсюда в шоке. Надо было послушаться психолога. Парень перенес тяжелые испытания и теперь не способен верно реагировать на правильные — я хотел сказать, неправильные — раздражители. И я рад, что дело ограничилось пюрэ и не дошло до поножовщины.

— Ну, босс! Едва ли можно убить миской картошки!

— Тебя не было здесь в тот момент, когда я сообщил мальчику о неудаче поиска. Торби решил, что теперь он никто. Эта мысль очень больно ранила его.

На пухлое лицо Стэнка легла тень задумчивости.

— Босс, сколько лет было мальчику, когда его захватили в плен?

— Криш считает, около четырех.

— Скажите, шкипер, в каком возрасте у вас взяли отпечатки пальцев, определили группу крови, сфотографировали глазное дно и так далее?

— Как только я пошел в школу.

— И у меня тоже. Но готов спорить, на многих планетах эти данные снимаются еще позже.

Брисби моргнул.

— Так вот почему у них нет ничего о Баслиме!

— Возможно. А вот на Рифе ребенка идентифицируют сразу после рождения.

— И у нас тоже. Но...

— Да, да, это общее правило. Но как?

Брисби побледнел и грохнул кулаком по столу.

— Отпечатки ступней! А мы их не выслали, — и рывкнул в микрофон: — Эдди! Баслима ко мне, немедленно!

Торби с мрачной миной на лице спарывал шевроны, которые с таким удовольствием носил, увы, недолго. Он был потрясен этим безапелляционным решением. Но, услышав приказ, он поспешил исполнить его.

Брисби бросил на него короткий взгляд.

— Баслим, снять обувь!

— Сэр?

— Снять обувь!

Через сорок восемь часов из Бюро Кадров поступил ответ на депешу Брисби, дополненную отпечатками ступней. «Гидра» получила его во время завершающего этапа пути к Ултима Туле. Полковник расшифровал сообщение лишь после того, как корабль благополучно опустился на поверхность планеты.

Он прочел:

**ГВАРДЕЕЦ ТОРБИ БАСЛИМ ИДЕНТИФИЦИРОВАН
КАК ПРОПАВШИЙ ТОР БРЕДЛИ РАДБЕК С ЗЕМЛИ
НА ГЕКАТУ НЕ ПЕРЕСЫЛАТЬ ОТПРАВИТЬ НА ТЕР-
РУ ПОВТОРЯЮ КАК МОЖНО БЫСТРЕЕ ОТОСЛАТЬ
НА ТЕРРУ**

Брисби прищелкнул языком.

— Полковник Баслим никогда не ошибался — мертвый или живой.

— Босс...

— Да?

— Прочитайте еще раз. Обратите внимание на то, кто он.

Брисби перечитал сообщение и сдавленным голосом произнес:

— Ну почему такие истории случаются именно с «Гидрой»? — и крикнул, распахнув дверь: — Эдди!

Торби пробыл на прекрасной Ультима Туле всего лишь два часа двадцать семь минут. Пройдя в космосе триста световых лет, из всех прелестных пейзажей планеты он увидел лишь кусок летного поля между «Гидрой» и почтовым курьером Гвардии «Аризель». Через три недели Торби прибыл на Терру. Он был совершенно ошеломлен и подавлен.

Глава 17

Милая Терра, Мать миров! Какой поэт, посчастливилось или нет ему посетить Землю, не пытался передать тоску человечества по своей колыбели... ее свежие зеленые холмы, гряды облаков, безбрежные океаны, ее чарующее материнское тепло!

Торби впервые увидел легендарную Терру на экране почтового курьера «Ариэль». Капитан Гвардии Н'Ганга прибавил усиления и показал юноше остроконечные вершины египетских пирамид. Торби не знал об их историческом значении и уставился в другое место экрана. Однако ему понравилось смотреть на планету из космоса: он впервые удостоился такой привилегии.

На «Ариэле» было довольно скучно. Почтовый корабль — одни лишь двигатели и топливные баки и очень мало жизненного пространства — управлялся тремя инженерами и тремя астронавигаторами; они либо несли вахту, либо спали. Поначалу к Торби отнеслись прохладно — капитан Н'Ганга был раздосадован указанием «подождать пассажира» с «Гидры». Почтовое судно должно идти без задержек, никого не беря на борт.

Но Торби вел себя прилично, разносил еду с камбуза и проводил все свободное время за чтением (библиотека представляла собой небольшой ящик в столе

шкипера), и к тому времени, когда корабль вошел в Солнечную систему, раздражение капитана улеглось... Но когда он получил приказ садиться на поле Галактических Предприятий вместо того, чтобы идти на Базу Гвардии, Н'Ганга вновь впал в ярость. Вручая Торби свидетельство об отставке и чек от казначея, капитан с видимым облегчением пожал юноше руку.

Выглянув наружу, Торби вместо веревочного трапа (стальных на почтовых кораблях не бывает) увидел поданное к борту подъемное устройство. Его платформа остановилась у комингса, и юноше оставалось лишь ступить на нее. Внизу его ожидал мужчина в форме Галактических Предприятий.

— Мистер Радбек?

— Да, полагаю, это я.

— Прошу сюда, мистер Радбек.

Они спустились на лифте под землю в прекрасно отделанный зал. Торби, все эти недели не имевший возможности толком помыться в тесной стальной коробке, почувствовал себя неудобно. Он робко огляделся.

Его встречали восемь или десять человек, ближе всех стояли седовласый самоуверенный мужчина и молодая женщина. Одежда каждого из них стоила поболее годового жалованья гвардейца. На костюме мужчины Торби не обратил особого внимания, но наметанный глаз Торговца оценил платье женщины, подчеркнутая скромность которого стоила немалых денег.

С точки зрения Торби, впечатление несколько портила ее высокая прическа — величественное сооружение, в котором зелень переплеталась с золотом. Торби только моргнул, рассмотрев покррой ее одежды; ему доводилось видеть богатых дам Джуббулпора, в жарком климате которого одежда служила лишь украшением, но, по-видимому, к проблеме обнаженного тела здесь относились иначе. Торби с тоской подумал о том, что ему вновь придется привыкать к новым обычаям.

При выходе из лифта его встретил импозантный мужчина.

— Тор! Добро пожаловать домой, мой мальчик! — он схватил Торби за руку. — Я Джон Уимсби. Сколько раз, бывало, я качал тебя на коленях! Зови меня дядя Джек. А это твоя кузина Леда.

Девушка с зелеными волосами положила руки на плечи Торби и поцеловала его. Он был слишком ошарашен, чтобы ответить ей тем же.

— Как хорошо, что ты вернулся домой, Тор!

— Э-э... спасибо.

— А теперь поздоровайся с бабушкой и дедом, — воскликнул Уимсби. — Профессор Бредли... и твоя бабушка Бредли.

Бредли был старше Уимсби, сухоощавый и стройный, хотя и с небольшим брюшком; у него была тщательно подстриженная бородка. Как и Уимсби, он был при параде: пиджак, короткая накидка, впрочем, не столь изысканного покроя. У женщины было доброе лицо и живые голубые глаза; ее одежда не имела ничего общего с платьем Леды, но шла ей. Она чмокнула Торби в щеку и тихо произнесла:

— Я так рада, что мой сын вернулся домой.

Ее супруг с жаром встряхнул руку юноши.

— Не правда ли, это чудо, сынок? Ты выглядишь точно так же, как наш мальчик. Верно, дорогая?

— Так и есть!

Завязалась общая беседа, и Торби с трудом заставлял себя держаться непринужденно; он был смущен и сбит с толку. Находиться среди этих людей, его кровных родственников, оказалось труднее, чем быть усыновленным Семейей «Сизу». Неужели эти старики и впрямь его бабушка и дедушка? В глубине души Торби никак не мог поверить в это, хотя умом и понимал, что это действительно так.

К его немалому облегчению мужчина — кажется, Уимсби? — который называл себя его дядей Джеком, вежливо, но твердо произнес:

— Пора отправляться. Готов поспорить, мальчик устал. Я отвезу его домой.

Мистер и миссис Бредли пробормотали, что они согласны, и вся компания двинулась к выходу. Остальные, которых юноше не представили, потянулись следом. В проходе их подхватил эскалатор, который набирал скорость до тех пор, пока не замелькали стены. По мере приближения к выходу скорость уменьшилась — они проехали несколько миль, прикинул Торби, — и наконец эскалатор остановился у выхода.

Здесь было полно людей; потолок виднелся высоко над головой, а стен не было видно за толпой народа. Торби уловил запах, присущий любой транспортной станции. Сопровождавшие их молчаливые мужчины выстроились кольцом, и они двинулись по прямой, не обращая внимания на окружающих. Несколько человек попытались прорваться сквозь оцепление, и одному из них это удалось. Он сунул под нос Торби микрофон и быстро заговорил:

— Мистер Радбек, что вы думаете о...

Охрана быстро оттеснила его от Торби. Мистер Уимсби поспешно произнес:

— Потом, потом. Позвоните мне в контору, и я все вам расскажу.

Со всех сторон (впрочем, издалека) на них были нацелены объективы. Они нырнули в другой проход, и за их спинами тут же сомкнулись створки ворот. Очередной эскалатор доставил их к лифту, на котором они поднялись наверх и вышли к небольшому закрытому аэропорту. Их уже ожидал аппарат, и у его борта еще один, поменьше, — два блестящих, полированных эллипсоида. Уимсби остановился.

— Все хорошо? — спросил он у миссис Бредли.

— О да, разумеется! — ответил профессор Бредли.

— Вам понравился этот аэрокар?

— Конечно. Отличный полет, и обратный, я думаю, будет не хуже.

— Тогда нам пора прощаться. Я позвоню вам, когда он наконец придет в себя и осмотрится. Договорились?

— Да, да, еще бы! Мы будем ждать, — бабушка еще раз чмокнула юношу в щеку, а дедушка хлопнул по плечу. Затем Торби, сопровождаемый Уимсби и Ледой, вошел в большой аэрокар. Шкипер приветствовал Уимсби и отдал честь Торби. Тот лихо отсалютовал в ответ.

Мистер Уимсби остановился в центральном салоне.

— Почему бы вам, дети, не пойти вперед и не насладиться полетом? Мне нужно позвонить в несколько мест по делам.

— Разумеется, папочка.

— Ты извинишь меня, Тор? Дела не ждут, и дяде Джеку пора возвращаться в свои копи.

— Конечно... дядя Джек.

Леда потащила его вперед, и они заняли места в прозрачной сферической кабине. Аэрокар поднимался вертикально вверх, пока не набрал высоту в несколько тысяч футов. Сделав круг над пустынной равниной, он направился на север, к горам.

— Тебе удобно? — спросила Леда.

— Еще бы. Только я потный и грязный...

— В конце салона есть душ, но скоро мы прибудем домой. Давай уж лучше насладимся полетом.

— Хорошо.

Торби не хотелось прерывать знакомство с Террой. Она выглядит совсем как Геката, решил он. Нет, скорее, похожа на Вуламурру — вот только прежде ему не доводилось видеть столько построек. И горы...

— Что это за белая штука? Мел?

Леда выглянула наружу.

— Да это же снег! Горы Сангре де Кристос.

— Снег, — повторил Торби. — Замерзшая вода.

— Ты что, не видал снега?

— Слышал о нем. Но он не такой, каким я его себе представлял.

— Это в самом деле замерзшая вода, но не совсем: снег более мягкий. — Леда вспомнила предупреждение отчима: она не должна удивляться ничему.

— Вот что, — продолжала она, — я научу тебя кататься на лыжах.

Позади осталось много миль и прошло несколько минут, пока Леда объясняла, что такое лыжи и зачем люди пользуются ими. Торби подумал: этой штукой можно заняться позже, если возникнет желание. Леда сказала, что сломанная нога — самое худшее, что ему грозит. И это развлечение? К тому же, она упомянула, что снег холодный. В сознании Торби холод был связан с голодом, боями и страхом.

— Может быть, я научусь, — с сомнением в голосе заявил он. — Но, скорее всего, у меня не получится.

— Конечно, ты научишься! — Леда сменила тему разговора: — Прости мое любопытство, но в твоей речи сквозит легкий акцент.

— Я даже не знал, что говорю с акцентом...

— Я не хотела тебя обидеть.

И не обидела. Полагаю, я подцепил его в Джуббулпоре.

«Джуббулпор»... Дай вспомнить.. это...

— Столица Девяти Миров.

— Ах да! Одна из наших колоний, верно?

Торби представил себе, как такое предположение было бы воспринято в Саргоне.

Не совсем так. Сейчас это суверенная империя, и по традиции они считают, что так было всегда. Они не признают себя выходцами с Терры.

— Какая странная точка зрения!

Стюард принес напитки и легкие закуски. Тор взял запотевший бокал и осторожно отхлебнул. Леда продолжала:

— Чем ты там занимался? Ходил в школу?

Торби припомнил уроки папы, по тут же понял, что Леда имеет в виду нечто другое.

— Я нищенствовал.

Как?

Я был нищим.

Извини?

Попрошайка. Профессиональный нищий. Человек, который просит милостыню.

— Да, я тебя поняла, — ответила она — Я знаю, что такое нищий; я читала книги. Но, Тор, извини меня, я всего лишь домашняя девочка. Я немножко испугалась.

Она была отнюдь не «домашней девочкой», а умной женщиной, прекрасно соответствующей своему окружению. С тех пор как умерла ее мать, Леда вела хозяйство в доме отца, умела беседовать с людьми, прибывавшими из разных миров, поддерживать за обеденным столом светскую болтовню на трех языках. Леда умела ездить верхом, танцевать, петь, плавать, кататься на лыжах, вести дом, немножко разбиралась в математике, читала и писала, если приходилось, и имела о прочитанном свое мнение. Она была интеллигентной, красивой, доброжелательной женщиной, толковой и рассудительной, эдаким цивилизованным, культурным эквивалентом охотницы за черепами.

Однако этот странный пропавший и вновь нашедшийся кузен оказался для нее диковинкой. Она торопливо произнесла:

— Прости мое невежество, но на Земле мы не видели ничего подобного. Меня поразили твои слова. Наверное, это было ужасно?

Торби вспомнил, как он, бывало, сидел в позе лотоса на площади, пристроившись рядом с отцом и ведя с ним беседу.

— Это было счастливейшее время в моей жизни, — просто ответил он.

— О! — это было все, что она могла сказать в ответ.

Однако папочка оставил их наедине для того, чтобы она получила возможность заняться делом. Расспрашивая человека о нем самом, всегда можно рассчитывать на успех.

— Как все это начиналось, Тор? Я даже представления не имею, как такое происходит.

— Видишь ли, меня продали с торгов, и.. Торби подумал, как бы объяснить ей, кем был для него Баслим, и решил повременить с этим. — В общем, меня купил старый нищий. И обучал.

— Купил?

— Я был рабом.

Леда почувствовала себя так, будто ее окатили холодной водой. Скажи Торби, что он был вурдалаком или каннибалом, она была бы потрясена меньше. У нее наступило нечто вроде мысленного удушья.

— Тор, прости меня, если я буду невежлива, но мы все хотим знать, как ты жил все это время. Господи, ведь прошло уже пятнадцать лет с тех пор, как ты пропал! Но если ты не хочешь об этом говорить, так и скажи. Ты был чудесным ребенком, и я так любила тебя — только, пожалуйста, не лупи меня, если я спрошу что-нибудь не то.

— Ты не веришь мне?

— А что мне остается делать? На Земле уже много столетий нет рабства

Торби пожалел о том, что покинул «Гидру», но тут же отбросил эту мысль прочь. Служа в Гвардии, он

понял, что очень многие фраки во Внутренних Мирах не имеют никакого понятия о рабстве.

— Ты знала меня маленьким?

— О да!

— Как же получилось, что я не помню тебя? Впрочем, я не помню ничего из тех времен, когда я еще не был... Я даже Терру не помню.

Леда улыбнулась.

— Я на три года старше тебя. Когда я видела тебя в последний раз, мне было шесть, и я помню тебя. Тебе было три года, поэтому ты забыл.

— Да, — Торби пришло на ум, что у него появилась возможность узнать свой возраст. — А сколько тебе сейчас?

Леда смущенно улыбнулась.

— Сейчас мне столько же лет, сколько и тебе, и так будет до тех пор, пока я не выйду замуж. Так и быть, если ты задашь неправильный вопрос, я не стану обижаться. На Земле не принято расспрашивать женщину о ее возрасте; ты всегда должен делать вид, будто считаешь ее моложе, чем она есть.

— Вот как? — Торби задумался над столь забавным обычаем. Среди Людей женщины старались прибавить себе лет, поскольку это повышало их статус.

— Да, так. Например, твоя мать была чудесной женщиной, и я не знала ее возраста. Когда нас познакомили, ей можно было дать двадцать пять лет, а может быть, и сорок.

— Ты была знакома с моими родителями?

— О да! Дядюшка Крейтон был очарователен, у него был такой бархатный голос. Он постоянно совал в мою маленькую ручку кипу долларов, чтобы я могла купить себе конфет и воздушных шариков. — Леда нахмурилась. — Но я не могу вспомнить его лица. Глупо, правда? Впрочем, не обращай внимания, Тор. Ты можешь рассказывать мне все, что захочешь. Буду рада услышать все, о чем ты не захочешь умолчать.

— Мне нечего скрывать, — ответил Торби. — Но я не помню ничего из происходившего до тех пор, пока меня не захватили работорговцы. Насколько я помню, у меня не было родителей. Я был рабом, сменил несколько планет и многих хозяев, а потом попал в

Джуббулпор. Там меня продали вновь, и это оказалось самым счастливым событием в моей жизни.

Улыбка сползла с лица Леды. Она тихо проговорила:

— Так это правда? Ты не разыгрываешь меня?

Торби охватило чувство, с древности знакомое всем путешественникам, возвращающимся из странствий.

— Если ты думаешь, что с рабством покончено... Видишь ли, Галактика чрезвычайно обширна. Я могу закатать штанину и показать тебе...

— Что показать?

— Татуировку раба. Клеймо, которое ставит работорговец на свою собственность. — Торби обнажил левую ногу. — Видишь? Вот дата моего освобождения — это на саргонезском, что-то вроде санскрита, я не думаю, что ты сможешь прочесть.

Леда смотрела округлившимися глазами.

— Какой кошмар! Настоящий ужас!

Торби опустил штанину.

— Зависит от хозяина. Но, в любом случае, ничего хорошего.

— Но почему никто с этим не борется?

Он пожал плечами.

— Это не так-то просто.

— Но... — Леда умолкла, увидев входящего отчима.

— Привет, дети! Тебе нравится полет, Тор?

— Да, сэр. Пейзажи просто потрясающие.

— По сравнению с Гималаями Скалистые горы — всего лишь жалкое нагромождение камней. Но наши Тетоны действительно великолепны... кстати, вот они показались. Скоро мы прибудем, — он указал вперед. — Видишь? Там находится Радбек.

— Это название города?

— Раньше, когда он был деревней, его именовали Джонсоновой Дырой или как-то в этом роде. Но я говорил не о Радбек-Сити, я имел в виду наш дом... твой дом, Радбек. Над озером виднеется башня, а за ней — Гранд Тетон. Самое потрясающее зрелище в мире. Ты — Радбек из Радбеков с резиденцией в Радбеке... Радбек в кубе, как говорил твой отец... Он вошел в нашу семью после женитьбы и был весьма равнодушен к этому имени. А мне нравится: оно похо-

же на раскат грома, и это прекрасно, что Радбек возвращается в свою обитель.

Торби блаженствовал в ванне под острыми струями душа; стенки ванны массируют его тысячами пальцев; затем он нырнул в теплую воду плавательного бассейна, которая тут же стала прохладной. Здесь Торби держался с опаской, поскольку не умел плавать.

Лакея у него тоже никогда не было. Он заметил, что в доме Радбеков немало людей, вероятно, несколько десятков — не так уж много для такого просторного помещения, но Торби понял, что большинство из них были слугами. Это произвело на него определенное впечатление, впрочем, не очень сильное: он знал, как много рабов держат в богатых домах Джуббула. Торби даже не догадывался о том, что иметь живых слуг на Терре — невероятная роскошь, большая, чем портшез на Джуббуле или хлебосольство Встреч. Торби лишь понял, что в его распоряжении трое слуг, присутствие которых весьма стесняло его. Торби отказался от их помощи во время купания и лишь позволил побрить себя, поскольку здесь пользовались классическими опасными лезвиями, а собственная его электробритва не работала от сети дома Радбеков. Кроме того, он покорно выслушал советы, касающиеся незнакомого одевания.

Одежда, которая ожидала Торби в гардеробе, не вполне подходила ему по размеру; старший камердинер тут же перекроил и вновь склеил ее, бормоча извинения. Он заканчивал прихорашивать Торби и укреплял на его груди жабо, когда появившийся дворецкий объявил:

— Мистер Уимсби приветствует мистера Радбека и приглашает его в большой зал.

Идя туда, Торби запоминал дорогу.

Дядя Джек, одетый в черное с красным, ожидал его вместе с Ледой, на которой было... Торби даже растерялся: цвета ее платья менялись столь причудливым образом, что их едва ли можно было определить. Но выглядела она прекрасно. Теперь ее прическа отливала всеми цветами радуги. Торби высмотрел среди ее укра-

шений камень с Финстера и подумал, не на «Сизу» ли он был привезен — очень забавно, но, вполне возможно, сам Торби укладывал его в контейнер.

— Итак, ты здесь, мой мальчик! — весело заявил дядя Джек. — Освежился? Парадная одежда не обязательна, это будет всего лишь семейный обед.

На обеде присутствовали двенадцать человек. Он начался в Большом зале, где неслышно ступавшие по паркету слуги разносили напитки и закуски. Торби одного за другим представляли прибывших.

— Радбек из Радбеков, леди Уилкс, это твоя тетя Дженнифер, она приехала из Новой Зеландии, чтобы познакомиться с тобой... Радбек из Радбеков, судья Брудер, наш главный советник, — и так далее.

Торби запоминал имена, связывая их с лицами, и думал, что все это очень похоже на Семейю, хотя родственные отношения тут не были столь четкими. Он затруднялся определить место каждого гостя в семейной иерархии. Торби никак не мог понять, какое из восемнадцати известных ему понятий означает слово «кузина», если применить его к Леде; в конце концов он решил, что она — его двоюродная сестра, поскольку дядя Джек носил фамилию Уимсби, а не Радбек. Таким образом, Леда становилась для Торби своего рода табу, что, вполне вероятно, огорчило бы ее.

Торби понял, что является членом весьма преуспевающего клана. Однако ему так и не сказали, каков его собственный статус, да и в статусах гостей он не разобрался. Две юные девушки одна за другой присели перед ним в реверансе. В первый раз он решил, что девушка поскользнулась, и попытался помочь ей; второй он ответил приветствием, сложив вместе ладони.

Старшие женщины, по-видимому, ожидали от него почтительного отношения. Положение судьи Брудера он так и не понял. Тот не был представлен как родственник — лишь как гость на семейном обеде. Он окинул Торби пристальным взглядом и проворчал:

— Рад, что вы вернулись домой, молодой человек. Радбек должен жить в Радбеке. Ваши каникулы доставили нам немало хлопот, не правда ли, Джон?

— Да уж, — согласился дядя Джек. — Но теперь все в порядке. Не будем торопиться. Пусть парень придет в себя.

Конечно, конечно. Не станем сразу распахивать шляузы.

Торби подумал: что бы это могло быть — шляузы, — но Леда тут же подошла к нему, взяла его за локогь и повела в столовую. Остальные двинулись следом. Торби усадили с одного конца стола, а дядя Джек занял место напротив. Справа от Торби расположилась тетя Дженнифер, а слева — Леда. Тетя Дженнифер засыпала юношу вопросами, тут же давая на них собственные ответы. Торби сообщил ей, что он совсем недавно покинул службу в Гвардии, и выслушал ее сетования по поводу того, что он не офицер; Торби лишь пожал плечами. О Джуббулпоре он рассказывать не стал — Леда отбила у него охоту говорить об этом. Впрочем, для беседы нашлась другая тема: Торби спросил о Новой Зеландии, и тетка тут же выдала ему целую груду сведений.

Затем им занялась Леда, закончившая беседу с судьей Брудером; тетка Дженнифер обернулась к мужчине, сидевшему справа от нее.

Некоторые блюда были незнакомы Торби, особенно паштет из языков и мясо на вертелах. Однако ложки были ложками, вилки — вилками; поглядывая на Леду, Торби управлялся с ними вполне сносно. Блюда подавались индивидуально, но это не смущало его: он помнил, как в таких случаях поступала бабушка. Не забыл Торби и полных ехидных колкостей уроков Фрица, так что он чувствовал себя за столом вполне уверенно. И только в самом конце он растерялся. Старший виночерпий поставил перед ним громадный бокал и, плеснув туда жидкости, замер в почтительном ожидании. Леда прошептала:

— Пригуби, кивни и отставь.

Торби подчинился, и слуга исчез.

— Не пей, это очень крепкое, — добавила Леда. — Я же говорила папе: никаких спиртных напитков!

Наконец обед завершился. Леда вновь подсказала:

— Вставай.

Торби поднялся на ноги, остальные последовали его примеру.

Семейный обед оказался лишь началом. Дядя Джек показывался только за столом, да и то не всегда. Он оправдывал свое отсутствие, говоря: «Кто-то должен поддерживать огонь в очаге. Дела не ждут». Как Торговец, Торби прекрасно понимал, что бизнес есть бизнес, но он ждал долгого обстоятельного разговора с дядей Джеком. Вместо этого ему приходилось принимать участие в светских развлечениях.

Леда сочувствовала ему, но помочь ничем не могла, она и сама толком ничего не знала.

— Папочка невероятно загружен делами. Всякие там компании и прочее. Все это слишком сложно для меня. А теперь поторопись: нас ждут

Их всегда кто-нибудь ждал. Танцы, катание на лыжах — Торби нравилось ощущение скорости, но сам способ перемещения казался ему непрактичным, особенно после того, как он влетел в сугроб, едва не врезавшись в дерево, — карточные игры, обеды с молодыми людьми, где Торби занимал один конец стола, а Леда усаживалась на другом, затем опять танцы, полеты в Йеллоустоун, где они кормили медведей, полуночные пирушки, пикники в саду. Хотя поместье Радбек располагалось в Тетонских горах среди снегов, в доме был огромный тропический сад с таким прозрачным куполом, что Торби даже не догадывался о его существовании, пока Леда не заставила его коснуться крыши рукой. У Леды была масса веселых приятелей, и постепенно Торби научился болтать ни о чем. Молодые люди называли его «Тор» вместо «Радбек», а Леду величали Бездельницей. Они обращались к Торби с фамильярным уважением и не скрывали интереса к тому, что он служил в Гвардии и побывал во многих мирах, но чересчур личных вопросов не задавали. Сам же Торби, наученный горьким опытом, предпочитал не откровенничать.

В конце концов непрерывное веселье начало ему надоедать. Побывать на Встрече приятно, но тот, кто привык работать, предпочитает взяться за дело.

Эта мысль окончательно утвердилась в его голове, когда он в компании десятка приятелей отправился

кататься на лыжах. Когда Торби остался в одиночестве на склоне для новичков, с вершины скатился лыжник и затормозил рядом, взметнув снежный вихрь. Каждый день в поместье прилетали новые люди; вновь прибывшего звали Джоэл Делакура.

— Привет, Тор.

— Здравствуй, Джоэл.

— Я хотел бы с тобой поговорить. У меня есть одна идея, и я хочу обсудить ее с тобой, когда ты примешься за дела. Нельзя ли встретиться с тобой так, чтобы вокруг не крутились десяток-другой секретарш?

— Как только я примусь за дела?

— Или позже, когда тебе будет удобно. Мне необходимо поговорить с человеком, который может принимать решения, а ведь ты станешь главой дела. Я не хотел бы встречаться с Уимсби... даже если он и согласится принять меня, — Джоэл беспокойно огляделся вокруг. — Мне нужно всего десять минут. Ну, скажем, пять, если я не сумею заинтересовать тебя сразу. Идет?

Торби попытался вникнуть в смысл сказанного. Взяться за дела? Глава? Он осторожно ответил:

— Я не хотел бы давать никаких обещаний, Джоэл. Делакура пожал плечами.

— Ну что ж... и все-таки подумай над этим. Я могу доказать, что дело прибыльное.

— Подумаю, — согласился Торби и стал оглядываться в поисках Леды. Уединившись с ней, пересказал содержание беседы с Джоэлом.

Она чуть заметно поморщилась.

— Пожалуй, ничего страшного в этом нет, ведь ты ничего не обещал. Я знаю лишь, что Джоэл — прекрасный инженер. Лучше спроси у папочки.

— Я не об этом. Скажи, что он имел в виду, говоря «браться за дело»?

— Ну, постепенно ты возьмешь в свои руки...

— Что возьму?

— Все. Ты же Радбек из Радбеков.

— Что значит «все»?

— Ну, ну... — она обвела рукой горы, озеро и Радбек-Сити, видневшийся вдали. — Все это. Радбек. Целую массу вещей. То, что принадлежит тебе лично,

например, ранчо в Австралии, дом на Майорке. И дела. Компания Радбек включает в себя многое — на Земле и на других планетах. Я даже не знаю, с чего начать. Но все это твое, ну, может быть, наше, ведь здесь участвует вся семья. Но ты — Радбек из Радбеков; как сказал Джозл, глава.

Торби глядел на нее, чувствуя, как пересыхают его губы. Облизнув их, он проговорил:

— Почему мне не сказали?

Леда расстроилась.

— Тор, дорогой, мы собирались дать тебе немножко времени. Папа не хотел беспокоить тебя.

— Да уж, — ответил Торби. — Вот теперь я забеспокоился. Самое время поговорить с дядей Джеком.

Дядя Джек вышел к обеду, но было слишком много гостей. Когда все ушли, Уимсби отвел Торби в сторону.

— Леда сказала мне, будто бы тебя что-то волнует.

— Вовсе нет. Но я хотел бы кое-что прояснить.

— Прекрасно — я так и думал, что тебе скоро надоест праздная жизнь. Что ж, пойдем ко мне в кабинет.

Войдя в кабинет, Уимсби отпустил секретаря и спросил:

— Что тебя интересует?

— Меня интересует, — медленно проговорил Торби, — что означает «быть Радбеком из Радбеков».

Уимсби развел руками.

— Все... и ничего. Ты номинальный глава дела с тех пор, как погиб твой отец... если, конечно, он погиб.

— Есть какие-то сомнения?

— Полагаю, нет. А ты вернулся.

— Если он погиб, то кем стал я? Леда сказала, будто бы я владею всем. Что это значит?

Уимсби усмехнулся.

— Ты же знаешь девочек. Их головы не годятся для бизнеса. Право собственности на наши предприятия распределено среди множества людей, большую часть которых составляют наши служащие. Если твой отец погиб, тыходишь в Совет Ассоциации Радбек, которая, в свою очередь, имеет свои интересы — иногда контрольные — в самых разных областях. Сейчас я не стану их перечислять. Я управляю компанией при

помощи целого штата юристов, так как сам я ведаю практической стороной дела, и у меня нет времени беспокоиться о том, кто какой частью владеет. Кстати, ты мне напомнил... у тебя, вероятно, никогда не было большой суммы денег, но они могут тебе понадобиться. — Уимсби выдвинул ящик и достал сверток. — Вот тебе мегабак. Когда кончится, обращайся ко мне.

Торби помял пачку в пальцах. Земные деньги не смущали его: сотня долларов — кредит, который он представлял себе в виде пяти буханок хлеба (трюк, которому он научился у суперкарго), тысяча кредитов — суперкредит, тысяча суперкредитов — мегабак. Столь простая система, что Люди предпочитали пересчитывать деньги разных планет через земную валюту.

Однако здесь была сотня купюр по десять тысяч кредитов...

— Это и есть мое наследство?

— О нет, это лишь карманные деньги. Точнее, чеки. Ты можешь разменять их в любом магазине или банке. Знаешь, как это делать?

— Нет.

— Перед тем как сунуть в щель автомата, оставь на чувствительной пластинке отпечаток большого пальца — но не раньше. Впрочем, пусть тебя научит Леда. Если бы эта девчонка так же легко зарабатывала деньги, как тратит их, то ни мне, ни тебе не пришлось бы работать вообще. Однако, — добавил Уимсби, — уж коли мы здесь, давай-ка провернем одно маленькое дельце, — он достал папку и вытащил из нее бумаги. — Ничего сложного, тебе нужно лишь подписать каждый документ на последней странице. Давай-ка я придержу их, чтобы листы не скручивались.

Он показал пальцем, где должна стоять подпись. Торби поколебался и, вместо того, чтобы расписываться, потянул листок к себе. Уимсби удивился:

— Что случилось?

— Прежде чем подписывать, я должен прочитать. — Торби вспомнил, как тщательно изучала бабушка всякую бумагу, принесенную ей на подпись.

Уимсби пожал плечами.

— Это обычные документы, которые для тебя приготавливал судья Брудер, — и, положив документ поверх

остальных, собрал их в пачку и сунул обратно в папку. — Эти бумаги содержат распоряжение мне продолжать то, что я и так делаю. Кто-то ведь должен заниматься работой.

— Зачем же моя подпись?

— Мера предосторожности.

— Не понимаю.

Уимсби вздохнул.

— Это уж точно, в бизнесе ты не разбираешься. Впрочем, никто от тебя этого не требует; у тебя не было возможности учиться. Вместо тебя приходится работать мне: дело не ждет, — он помедлил и добавил: — Это самый простой путь. Когда твои отец и мать отправлялись в свое второе свадебное путешествие, они должны были оставить кого-нибудь, кто вел бы дела в их отсутствие. Естественно, они выбрали меня, поскольку я уже тогда вел их дела и дела другого твоего дедушки; он умер до их отлета с Земли. Так что во время их увеселительной прогулки компанией управлял я. Не подумай, что я жалею: от такой чести не отказался бы ни один член семьи. К сожалению, твои родители не вернулись назад, и я продолжал исполнять свои обязанности.

Но теперь ты вернулся, и мы должны убедиться в том, что все в порядке. Во-первых, следует официально установить, мертвы ли твои родители, причем сделать это нужно до тех пор, как ты вступишь в права наследника. Это займет немало времени. Но есть я — управляющий делами твоих родителей, да и всей семьи тоже. И у тебя нет никакой необходимости отдавать мне распоряжения: за тебя это сделают документы.

Торби поскреб подбородок.

— Если я еще не вступил в права наследника, то почему вам что-то нужно от меня?

Уимсби улыбнулся.

— Я сам задаю себе этот вопрос. Однако 'судья Брудер считает необходимым предусмотреть все варианты. С тех пор как ты стал совершеннолетним...

— «Совершеннолетним»? — Для Торби это был новый термин; у Торговцев человек считался взрослым настолько, насколько он мог принимать участие в деле.

Уимсби принялся объяснять.

— Как только тебе исполняется восемнадцать лет, тыходишь в «законный возраст», после чего дела значительно упрощаются. Отныне в суде тебя не должен представлять опекун. У нас имеются полномочия, переданные нам твоими родителями, теперь к ним добавятся твои, и уже неважно, как долго суд будет устанавливать, мертвы твои родители или нет. Я, судья Брудер и остальные, кто занимается делами, смогут продолжать их и дальше. Тем самым мы избегаем потери времени... которая могла бы обойтись компании во много мегабаков. Ну, теперь ты понимаешь?

— Думаю, да.

— Отлично. Давай же покончим с этим, — Уимсби начал открывать папку.

Бабушка говорила, что, прежде чем подписывать, нужно прочесть бумаги и хорошенько все обдумать.

— Дядя Джек, я хотел бы прочесть их.

— Но ты ничего не поймешь!

— Может быть, вы и правы, — Торби взял папку. — Но я должен их изучить.

Уимсби потянул папку к себе.

— В этом нет необходимости.

На Торби накатила волна упрямства.

— Вы же говорили, что судья Брудер подготовил их для меня?

— Да.

— Поэтому я хочу взять их с собой и попытаться разобраться в них. Я — Радбек из Радбеков, и я должен знать, что я делаю.

Уимсби помедлил и пожал плечами.

— Ну что ж, попробуй. Ты сам убедишься в том, что я продолжаю делать для тебя то, что делал и прежде.

— И все же я хотел бы знать, что я делаю.

— Ну что ж! Спокойной ночи.

Торби читал бумаги до тех пор, пока не начали слипаться глаза. Язык документов был малопонятен, но, по-видимому, в них действительно было написано то, о чем говорил дядя Джек, — инструкции Джону Уимсби продолжать обычную работу, состоящую из сложных комбинаций. Торби заснул с головой, полной терминов типа: «все полномочия советника», «все виды деятельности», «получение и выплата доходов», «действитель-

но только при единодушном согласии», «получение доверенности на голосование», «доверенность на голосование на всех совещаниях акционеров, как ежегодных, так и внеочередных», и так далее.

Засыпая, Торби вдруг вспомнил, что так и не спросил, какие распоряжения оставили его родители.

Ночью ему порой грезился голос бабушки: «...и все хорошенько обдумай! Если ты не понимаешь, о чем идет речь, не знаешь законов, по которым дела будут претворяться в жизнь, — не подписывай, вне зависимости от того, какой ты мог бы получить доход. Поспешность может погубить Торговца точно так же, как и лень».

Торби беспокойно ворочался в постели.

Глава 18

В поместье Радбеков почти никто не спускался к завтраку. Но завтракать в постели не входило в привычки Торби; он ел в саду в одиночестве, нежась в лучах горного солнца в окружении тропических цветов, любясь великолепием заснеженных склонов. Снег очаровал его — он даже представить себе не мог, что в мире могут существовать такие восхитительные вещи.

Однако в это утро Уимсби вышел в сад, едва Торби успел усесться за завтрак. Тут же появилось еще одно кресло, и слуга немедленно принялся сервировать стол.

— Только кофе, — сказал Уимсби. — Доброе утро, Тор.

— Доброе утро, дядя Джек.

— Ну как, изучил документы?

— Что, сэр? Ах да. Я заснул, читая их.

Уимсби заулыбался.

— Верно, эти юридические бумаги действуют как снотворное. Так что же, ты убедился в том, что документы содержат именно то, о чем я говорил?

— Полагаю, да.

— Ну вот и хорошо, — Уимсби отставил в сторону чашку с кофе и обратился к слуге: — Принесите мне телефон домашней связи... Тор, вчера вечером ты просто вывел меня из себя.

— Простите, сэр.

— Тем не менее ты прав. Ты должен прочитывать все, что собираешься подписать, — эх, если бы у меня хватало на это времени! Мне приходится верить сотрудникам на слово, иначе у меня не оставалось бы времени на политику... И мне показалось, что ты должен сделать то же самое по отношению ко мне. Однако твоя осторожность весьма похвальна, — он поднял трубку телефона. — Картер, принесите бумаги из комнаты Радбека. В сад.

Торби подумал, что Картер вряд ли отыщет их, — в его покоях был сейф, но он так и не понял, как его открывать, и спрятал бумаги между книгами. Он начал было объяснять, но дядя Джек прервал его.

— Есть еще кое-что, с чем ты, возможно, пожелаешь ознакомиться — кое-что, чем ты владеешь... а также то, что будет принадлежать тебе, когда установят факт смерти твоих родителей. Это имущество не имеет отношения к нашему делу.

Торби просмотрел список в искреннем изумлении. Неужели он владеет островом под названием Питкэрн... в пятнадцать — что это за мера длины такая? — к югу и в тридцати от... а это что за место? Поместье на Марсе... Охотничьи угодья на Юконе — где он, этот «Юкон», и почему там надо охотиться? Пойти на такой риск, как стрельба, можно только в открытом космосе... И что значит все остальное?

Он попытался найти знакомое ему название.

— Дядя Джек... а как же Радбек?

— Э-э... Так ты в нем и находишься.

— Да... но принадлежит ли он мне? Леда что-то такое говорила...

— Ну, в общем, да. Но он не подлежит разделу. Это значит, что твой прапрадедушка решил, что поместье не может быть продано... и что в нем всегда будет жить Радбек из Радбеков.

— Ясно.

— Мне думается, осмотр твоих владений мог бы доставить тебе немало удовольствия. Я уже распорядился подать аэрокар. Тебе понравился тот, на котором мы сюда прилетели?

— Что? О господи, ну конечно же! — Торби заморгал.

— Ну и чудесно. Он принадлежал твоей матери, и я оказался слишком сентиментален, чтобы отправить его на свалку. Однако в его конструкцию внесены всевозможные усовершенствования. Можешь взять с собой Леду; она знакома с большинством объектов, внесенных в этот список. Возьми с собой друзей и развлекайся, сколько тебе заблагорассудится. У нас никогда не бывает недостатка в веселой компании.

Торби отложил список в сторону.

— Может быть, я так и сделаю, дядя Джек... немного погода. Но сейчас я хотел бы взяться за дела.

— Что?

— Сколько времени требуется, чтобы стать юристом на Терре?

Лицо Уимсби прояснилось.

— Я понимаю. Овладение языком юрисдикции дается не так просто. Это займет от четырех до пяти лет.

— В самом деле?

— Тебе придется провести два или три года в Гарварде и еще год-два в какой-нибудь хорошей школе бизнеса.

— Это действительно необходимо?

— Уверяю тебя.

— Что ж... полагаю, вы знаете об этом куда больше меня...

— Так оно и есть! По крайней мере, сейчас

— Но неужели я не могу узнать кое-что о бизнесе до того, как начну учиться? Я же не имею ни малейшего представления о том, что это такое!

— На это уйдет уйма времени.

— И тем не менее я хочу начать учиться уже сейчас.

Уимсби начал было хмуриться, но потом заулыбался и пожал плечами.

— Тор, ты упрям, как твоя мать. Хорошо, я оборудую для тебя кабинет в Радбеке и подберу штат людей, которые помогут тебе. Но, предупреждаю тебя, это не игрушки. Не человек командует делами, а дела командуют им. Ты становишься их рабом.

— Что ж... тем не менее я должен попытаться.

— Рад это слышать.

Зазвонил телефон, лежавший возле чашки Уимсби. Он поднял трубку, послушал, нахмурился и произнес:

— Подождите, — и обернулся к Торби. — Этот болван не может найти бумаги.

— Я собирался вам сказать... Я спрятал их, потому что не хотел оставлять на виду.

— Понятно. И где же они?

— Ох... Полагаю, что найти их сумею только я сам. Уимсби сказал в трубку:

— Ладно, я разберусь, — и, передав телефон слуге, обернулся к Торби: — Так тащи их сюда, если не возражаешь.

У Торби такого желания не возникло. Он положил в рот лишь четыре куска, так что же — бросить завтрак и бежать за документами? Радбек он или не Радбек? Или все еще вестовой у офицера?

— Я займусь этим после завтрака.

Дядя Джек с трудом скрыл раздражение. Он сказал:

— О, прошу прощения. Но если ты так занят, то не будешь ли так любезен сказать мне, где они лежат? У меня впереди тяжелый день, так что я хотел бы покончить с этими мелочами и взяться за работу. Если ты ничего не имеешь против.

Торби вытер губы.

— Я бы не хотел, — медленно произнес он, — подписывать их сейчас.

— Как? Но ведь ты сам сказал, что твое любопытство удовлетворено!

— Нет, сэр. Я сказал лишь, что прочел документы. Но я не понял их. Дядя Джек, где бумаги, подписанные моими родителями?

— Ммм? — Уимсби быстро взглянул на юношу. — Зачем тебе?

— Хочу с ними ознакомиться.

Уимсби задумался.

— Должно быть, лежат в сейфе в Радбек-Сити.

— Отлично. Я еду туда.

Уимсби вскочил на ноги.

— Ты уж извини меня, но мне пора заняться делами. Молодой человек, когда-нибудь вы поймете, что я сделал для вас! Ну, а сейчас, коли вы так несговорчи-

вы, я, пожалуй, приступлю к исполнению своих обязанностей!

Он резко повернулся и ушел. Торби обиделся — он вовсе не собирался отказываться от сотрудничества... но уже если они ждали годы, то почему бы им не подождать еще немного и не дать ему шанс?

Он свернул бумаги и позвонил Леде. Она ответила, не включая экрана:

— Тор, дорогой, чего ради ты вскочил среди ночи?

Торби стал объяснять, что он хочет узнать, где в поместье находится кабинет.

— Я подумал, что ты могла бы мне подсказать.

— Ты уже поговорил с папочкой?

— Он пообещал организовать для меня отдельную контору.

— Подсказать я не смогу. Лучше я провожу тебя. Только позволь мне умыться и выпить стакан апельсинового сока.

Поместье было связано с конторами в Радбек-Сити скоростным подземным туннелем. Они вышли в небольшой изолированный холл, в котором сидела пожилая секретарша. Подняв глаза, она сказала:

— Здравствуйте, мисс Леда! Рада вас видеть!

— И я рада вас видеть, Агги. Пожалуйста, передайте папочке, что мы приехали.

— Да-да, сейчас, — она вопросительно посмотрела на Торби.

— Ох, — сказала Леда. — Я совсем забыла. Это Радбек из Радбеков.

Агги торопливо вскочила на ноги.

— Ой, простите! Я не знала... прошу прощения, сэр!

Дальнейшее происходило с ошеломляющей быстротой. Уже через минуту Торби очутился в кабинете, полном тихого величия, с такой же секретаршей, которая величала юношу его двойным именем и предложила называть себя Долорес. У него сложилось впечатление, будто в стенах скрываются бесчисленные джинны, готовые выскочить по мановению ее пальца.

Леда немного помедлила, а потом спросила:

— Если уж ты намерен превратиться в скучного бизнесмена, то я, пожалуй, пойду, — но, поглядев на Долорес, добавила: — А может быть, ты вовсе и не собираешься скучать? Нет, уж лучше я останусь... — но все же ушла.

Торби был опьянен свалившимся на него ощущением богатства и власти. Старшие служащие называли его «Радбек», младшие — «Радбек из Радбеков», а совсем юные добавляли к имени «сэр», так что он легко различал их статус по тому, как они обращались к нему.

Пока он не включился в дела, видеть Уимсби ему доводилось очень редко, а судья Брудер был и вовсе недоступен, однако все, в чем он нуждался, появлялось мгновенно. Одно слово Долорес — и рядом возникает солидный молодой человек, объясняя непонятную юридическую статью, еще слово — и появляется оператор со стереопроектором и фильмами, разъясняющими суть деятельности предприятия, где бы оно ни находилось — хоть на другой планете. Торби просматривал ленты целыми днями, но им конца не было.

Его офис столь стремительно наполнялся книгами, катушками, картами, брошюрами, слайдами, папками и плакатами, что Долорес пришлось переоборудовать смежную комнату в библиотеку. Цифры на диаграммах описывали в форме налоговых сводок деятельность предприятий столь громадных, что иначе в их делах разобраться было невозможно. Цифр было так много и они были столь сложным образом связаны, что у юноши разламывалась голова. Он начинал понимать, что быть финансовым магнатом весьма нелегко. Оказывается, дело не ограничивалось тем, что тыходишь в кабинет, сопровождаемый почтительными приветствиями, и все твои пожелания выполняются без промедления. Какой смысл в занятии, от которого ты не получаешь удовольствия? Быть гвардейцем гораздо проще.

И все же ощущать свою значимость было приятно. Большую часть жизни Торби был никем, в лучшем случае он был самым младшим.

Если бы отец мог видеть его сейчас! В столь изысканной обстановке, с парикмахером, приводящим его прическу в порядок, пока он работает (сам Баслим предпочитал подстригать волосы под горшок), с секре-

тарем, внимающим его пожеланиям, и десятками людей, сгорающих от желания услужить ему. Но каждый раз, когда отец являлся ему в снах, на лице его бывало укоризненное выражение; Торби никак не мог понять, в чем же он не прав, и вновь окунался с головой в море цифр.

Картина постепенно прояснялась. Главным предприятием было «Радбек и Компания, Лимитед». Насколько мог понять Торби, сама фирма ничего не производила. Она была учреждена в виде частного инвестиционного треста и лишь владела всем остальным. Большая часть имущества, которое перешло бы к Торби после установления факта гибели его родителей, представляла собой лишь некий вклад в эту компанию. Он не владел ею целиком; узнав, что обоим родителям принадлежало лишь восемнадцать процентов из многих тысяч акций, Торби почувствовал себя едва ли не нищим.

Потом он выяснил, что такое «иметь право голоса» и не иметь такового; ему принадлежало восемнадцать сороковых частей всех голосов, остаток распределялся среди родственников и посторонних.

«Радбек и Компания» владела акциями и других компаний, и это значительно усложняло ситуацию. «Галактические Предприятия», «Галактическая Вексельная Корпорация», «Галактический Транспорт», «Межзвездный Металл», «Налоги Трех Планет» (на самом деле, это предприятие орудовало на двадцати семи планетах), «Гавермейерские Лаборатории» — здесь создавалось все, от барж и пекарен до исследовательских станций — список был бесконечным. Казалось, все эти корпорации, тресты, картели и банки переплетаются, словно спагетти. Торби выяснил, что ему принадлежит (через его родителей) пай в компании «Хонас Бразерс», причем владение осуществлялось посредством цепочки из шести предприятий: восемнадцать процентов из тридцати одного от сорока трех из девятнадцати из сорока четырех процентов от двадцати семи — доля столь ничтожная, что цепочку эту было почти невозможно проследить. Однако его родители владели напрямую семью процентами акций тех же «Хонас Бразерс», и в конце концов выходило, что косвенный пай в одну двадцатую процента давал право осуществлять конт-

роль деятельности компании, но приносил незначительный доход, а прямые семь процентов приносили стосорокакратную прибыль, но не давали права контроля.

Для Торби стало откровением то обстоятельство, что управление и владение предприятием связаны между собой очень слабо; до сих пор он считал, что «обладать» и «управлять» — суть одно и то же. Если вы, например, имеете миску для подаваний или костюм, то вы, разумеется, вправе ими распоряжаться!

Слияния, разделы и борьба предприятий и компаний смущали его и вызывали чувство протеста. Все это было так же сложно, как решать боевую задачу, не располагая компьютером с его математической логикой. Торби пытался вычерчивать схемы, но все впустую. Владение каждым объектом порождало хитроумное сплетение общих и привилегированных вкладов, облигаций ранних и поздних выпусков, залогов со странными наименованиями и непонятными функциями; порой одна компания обладала частью другой непосредственно, а другой частью — через третью, две компании могли владеть долей в третьей, либо компания владела частью самой себя, словно змея, вцепившаяся себе в хвост. Во всем этом не прослеживалось смысла.

Это не было делом — в том смысле, как это слово понимали Люди: покупкой, продажей, извлечением доходов. Такой «бизнес» напоминал глупую игру, ведущуюся по диким правилам.

Но Торби беспокоило не только это. До сих пор он не знал, что Радбеки занимаются строительством космических кораблей. «Галактические Предприятия» распоряжались «Галактическим Транспортом», одно из многочисленных подразделений которого выпускало звездолеты. Поначалу Торби ощутил прилив гордости, но потом в его душе поселилась смутная тревога: что-то такое говорил Брисби... и отец вроде бы подтвердил... «крупнейшая» или, может быть, «одна из крупнейших» земных верфей была связана с работоторговлей.

Он пытался уговорить себя, что думать так глупо — этот роскошный офис был настолько далек от грязного бизнеса работоторговли, насколько это было возможно. Но как-то ночью, уже засыпая, он буквально подскочил на кровати от мысли, пронизанной черной иронией:

а вдруг один из невольничьих кораблей, в вонючем трюме которого он валялся, мог быть собственностью паршивого забитого раба?

Это был кошмарный сон, и Торби прогнал прочь страшную мысль, которая тем не менее лишила его всякого удовольствия от работы.

Как-то вечером он изучал длинный меморандум из юридического отдела, так сказать, краткий сводный перечень интересов «Радбека и Компании», и вдруг поймал себя на мысли, что зашел в тупик. Складывалось впечатление, будто писавший намеренно затушевывает смысл. Казалось, что текст написан на древнекитайском языке, да что там — еще хуже! Тот же саргонезский включал в себя немало китайских слов.

Торби отпустил Долорес и сел, уронив голову на руки. Почему, ну почему он не остался в Гвардии? Там он был бы счастлив, в том мире все было ему понятно.

Потом он встал и сделал то, что так долго откладывал: позвонил по видеофону своим бабушке и дедушке. Он уже давно намеревался съездить к ним, но первым делом хотел разобраться со своими обязанностями.

Конечно, они обрадовались его звонку!

— Поторопись, сынок, мы будем ждать!

Затем был чудесный полет над прериями и могучей Миссисипи (которая казалась с высоты тоненьким ручейком), над белесыми пятнышками городов и ферм. Аэрокар приземлился в сонном университетском городке Вэлли-Вью, где тротуары были по-старинному неподвижны и само время, казалось, замедлило свой ход. Дом стариков, заметно выделявшийся в городке, казался таким тихим и уютным по сравнению с пустынными громадными холлами Радбека.

Но отдохнуть во время визита не удалось. На обед были приглашены гости — ректор колледжа и деканы факультетов, а после обеда явились и другие. Некоторые из них называли Торби Радбеком из Радбеков, другие неуверенно обращались к нему «мистер Радбек», третьи, не знавшие, как следует величать naboba, — просто «Радбек». Бабушка суежилась вокруг,

счастливая, насколько только может быть счастлива хозяйка дома, а дедушка был, как всегда, подтянут и во всеуслышанье называл Торби «сынок».

Торби изо всех сил старался произвести хорошее впечатление. Вскоре он понял, что его слова не имеют значения, для людей важен сам факт разговора с Радбеком.

И лишь вечером, когда бабушка с явной неохотой отправила гостей по домам, Торби смог поговорить со стариками. Ему нужен был совет.

Поначалу они принялись расспрашивать друг друга. Торби узнал, что его отец, женившись на единственной дочери дедушки Радбека, предпочел взять ее фамилию.

— Это можно понять, — объяснял Бредли. — Радбеку нужен Радбек. Главной оставалась Марта, но Крейтон должен был председательствовать на собраниях, конференциях и обедах, даваемых по этим случаям. Я надеялся, что мой сын пойдет по моим стопам и вступит на поприще исторических исследований. Но когда он женился, то что мне оставалось, кроме как радоваться за него?

Родители Торби и он сам стали жертвой стремления отца сделаться самым-самым Радбеком из Радбеков: он хотел лично осмотреть как можно больше колоний своей экономической империи.

— Твой отец всегда отличался добросовестностью, и, когда дедушка Радбек скончался до того, как Крейтон закончил свое, так сказать, ученичество, он оставил во главе компании Джона Уимсби. Я полагаю, ты знаешь, что Джон — второй муж младшей сестры твоей другой бабушки, Арии, а Леда, разумеется, ее дочь от первого брака.

— Нет, я не знал об этом, — Торби перевел эти сведения на язык семейных отношений «Сизу»... и с удивлением понял, что Леда принадлежит к другой ветви! — если, конечно, на Земле обращали внимание на такие вещи, что было сомнительно. И дядя Джек вовсе не был «дядей», а — ну как это сказать по-английски?

— Джон был секретарем и доверенным лицом твоего другого дедушки, и он был вполне достоин своего места; он знал дела лучше, чем кто бы то ни было, ис

считая самого дедушки Радбека. Когда мы пришли в себя после потрясения, вызванного вашим трагическим исчезновением, мы поняли, что жизнь должна продолжаться и что Джон способен справляться с делами так успешно, как если бы он сам был Радбеком.

— Он великолепно проявил себя! — прошептала бабушка.

— Да, верно. Я должен сказать тебе, что после женитьбы Крейтона мы с бабушкой стали жить гораздо лучше. На заработную плату в колледже мы не могли бы позволить себе многое из того, чем располагаем теперь. Крейтон и Марта были весьма щедры. После того как наш сын исчез, у нас с бабушкой могли появиться трудности, если бы Джон не сказал, что нам не о чем беспокоиться. Он внимательно следил, чтобы наше благосостояние оставалось на прежнем уровне.

— И даже выросло! — с воодушевлением прибавила бабушка Бредли.

— Да, да. Вся семья — мы считаем себя частью семьи Радбек, хотя продолжаем с гордостью носить нашу собственную фамилию, — так вот, вся семья совершенно удовлетворена тем, как Джон ведет дела.

Однако Торби интересовали вовсе не достоинства дяди Джека.

— Вы упоминали, что мы стартовали с Акки, направляясь к Дальним Звездам, но так и не прибыли туда? Странно, ведь это так далеко от Джуббула.

— Я думаю, ты прав. В колледже есть только малый Галактический атлас, и я должен признать, что очень трудно представить, что дюйм на карте оборачивается многими световыми годами в пространстве.

— В данном случае — ста семьдесятю световыми годами.

— Давай-ка подсчитаем, сколько это в милях?

— Это столь же бессмысленно, как измерять в микронах длину дивана, на котором вы сидите.

— Ну, ну, сынок. Не будь таким педантом.

— Что вы, дедушка! Я лишь размышлял о том, как далеко отстоит место, где нас взяли в плен, от той точки, где меня в последний раз продали.

— Я уже один раз слышал от тебя слово «продали». Ты должен понимать, что этот термин неточен. Крепо-

стное право, практикуемое на Саргоне, не является рабовладением. Оно идет от древнеиндийской системы каст — стабильной социальной упорядоченности сверху донизу, подразумевающей взаимные обязательства. Ты не должен называть эту систему рабством.

— Я не знаю другого слова для перевода саргонезского выражения.

— Я мог бы предложить несколько, хотя и не знаю саргонезского. Видишь ли, этот язык мало где изучают. Но, дорогой Тор, ты ведь не изучал человеческую историю и культуру, так что положиись на мой авторитет в области, в которой я считаю себя специалистом.

— Ну что ж... — Торби ощутил замешательство. — Я не очень хорошо знаю английский Системы, и я не знаком с историей... с очень большим периодом истории.

— Верно. И я первый обратил на это внимание.

— Но я не могу перевести лучше — меня продали, и я был рабом!

— Ну, ну, сынок.

— Не спорь с бабушкой, будь умницей.

Торби умолк. Он уже упоминал о том, что несколько лет был нищим, и бабушка пришла в ужас от такого бесчестия, хотя прямо об этом не говорила. И он уже понял, что, по мере того как он рассказывает о себе все больше и больше, бабушка только укрепляется в своем мнении, в то время как сам Торби смотрит на вещи совершенно иначе. Он с грустью подумал, что это происходит от осознания взрослым своего превосходства над младшим и что с этим ничего не поделаешь. Он слушал рассуждения бабушки об истории Девяти Миров. Бредли категорически не соглашался со взглядами, бытовавшими в Саргоне, но, в общем-то, его точка зрения была близка к тому, чему учил Торби Баслим — во всем, что не касалось рабства. Он обрадовался, когда разговор вновь вернулся к организации дела Радбеков. Торби заговорил о своих затруднениях.

— Рим не в один день строился, Торби.

— Мне кажется, я никогда не смогу научиться! Я уже подумывал о возвращении в Гвардию.

Бабушка нахмурился.

— Это не очень умно.

— Почему, сэр?

— Если ты не чувствуешь призвания к бизнесу, найдутся другие не менее почетные занятия.

— Считаете, что служба в Гвардии к таковым не относится?

— Ммм... я и твоя бабушка — мы относим себя к пацифистам философского толка. Нельзя отрицать, что покушению на человеческую жизнь нет морального оправдания.

— Никогда! — подтвердила бабушка.

Торби подумал, что бы сейчас сказал отец. Черт возьми, он знал, что ради освобождения рабов Баслим готов был крушить все направо и налево!

— А что бы вы сделали, если бы на вас шел пират?

— Кто?

— Пират. Представьте, что у вас на хвосте висит пират и приближается с каждой секундой.

— Думаю, следует убегать. Оставаться и вступать в драку аморально. Видишь ли, Тор, насилием ничего нельзя добиться.

— Но вы не можете бежать: у пирата более мощные двигатели. Выход один: ты или он.

— В таком случае следует сдаться; это лишает смысла его намерения... как проповедовал бессмертный Ганди.

Торби глубоко вздохнул.

— Дедушка, простите меня, но его намерения вовсе не лишаются смысла. Вам приходится драться. Рейдеры захватывают рабов. Больше всего я горжусь тем, что мне удалось сжечь одного из них.

— Сжечь одного из них?

— Я накрыл его самонаводящейся ракетой. Разнес корабль в клочья.

Бабушка вскрикнула. Наконец дедушка сухо сказал:

— Тор, боюсь, ты подвергся дурному влиянию. Вероятно, ты в этом не виноват. Но у тебя масса неверных представлений как о фактах, так и об их оценке. А теперь прислушайся к логике. Если ты «сжег» его, то откуда тебе знать, что он был намерен — как ты это говоришь? — «брать рабов». Что бы он с ними делал? Ничего.

Торби продолжал молчать. Было очень важно, с какого края площади человек смотрел на мир... и, если

ты не имел статуса, тебя не слушали. Это был всеобщий закон.

— Давай-ка не будем больше говорить на эту тему, — продолжал дедушка Бредли. — Что же касается всего остального, то я дам тебе тот совет, который хотел дать твоему отцу: если ты не чувствуешь призвания к торговле, то даже не пытайся заняться ею. Но сбежать в Гвардию, словно мальчишка, начитавшийся романтических книжек... нет, сынок! Однако тебе еще долго не придется ломать голову, ведь Уимсби — очень способный управляющий; тебе не придется принимать решений, которые шли бы вразрез с твоими желаниями, — дедушка поднялся на ноги. — Насколько я мог понять из бесед с Джоном, он не прочь нести свою ношу еще немного... а если это потребуется, то и больше того. А теперь пойдем спать. Скоро рассветет.

Наутро Торби уехал, провожаемый вежливыми заверениями, что их дом — его дом, и в конце концов юноша стал подозревать, что так оно и есть. Проведя ночь без сна, он принял решение и с ним явился в Радбек-Сити. Он хотел жить, видя вокруг себя переборки и палубы корабля. Он хотел вернуться к тому делу, которому служил отец; быть миллиардером — не его удел.

Сначала нужно сделать вот что. Добраться до бумаг, подписанных его родителями, сравнить их с теми, которые были приготовлены для него, — ведь отец, вероятно, хорошо знал, что нужно делать, — затем подписать их, чтобы дядя Джек мог спокойно продолжать работу после того, как Торби покинет планету. Дедушка был прав: Джон Уимсби прекрасно разбирается в делах, которых он, Торби, совершенно не понимает. Он должен быть благодарен дяде Джеку. Перед тем как проститься, надо будет его поблагодарить. А затем — покинуть Терру и вернуться к людям, с которыми он говорит на одном языке.

Войдя в свой офис, он тут же связался с кабинетом дяди Джека, но того не было в городе. Торби решил написать ему записку, выдержанную в самых вежливых выражениях... О да! Надо попрощаться с Ледой.

Он позвонил в юридический отдел и попросил разыскать документы, оставленные его родителями, и прислать их к нему в кабинет.

Вместо документов появился судья Брудер.

— Радбек, зачем вам документы, которые вы затребовали из сейфа?

— Я хотел бы взглянуть на них, — объяснил Торби.

— Брать бумаги из сейфа могут только руководящие работники компании.

— А кто же я?

— Боюсь, что вы — всего лишь мальчишка, который плохо представляет себе, что происходит вокруг. Со временем вы будете допущены к руководству фирмой, но сейчас вы — всего лишь гость, пытающийся разобраться в делах своих родителей.

Торби проглотил эту пилюлю; как бы ни звучали слова судьи, в них была доля истины.

— Я собирался проконсультироваться об этом с вами. А как продвигается дело об установлении факта смерти моих родителей?

— Торопитесь похоронить их?

— Разумеется, нет. Но дядя Джек сказал, что без этого не обойтись. Так как же обстоят дела?

Брудер фыркнул.

— Никак. И все из-за вашего упрямства.

— То есть?

— Молодой человек, неужели вы думаете, что служащие компании начнут процесс, который может принести неисчислимые убытки, и будут надеяться, что вы сумеете предотвратить их? Установление факта смерти может затянуться на годы, в течение которых дела будут стоять на месте... только потому, что вы отказываетесь подписать документы, подготовленные мной несколько недель назад.

— Хотите сказать, что пока я не подпишу их, ничего не сдвинется с места?

— Совершенно верно.

— Не понимаю. Допустим, я умер — или вообще не появился на свет. Неужели дела останавливаются каждый раз, когда умирает Радбек?

— Ммм... В общем, нет. С разрешения суда дела ведутся своим чередом. Но вы-то здесь! И нам прихо-

дится с этим считаться. Так вот: мое терпение иссякает. Похоже, вы думаете, что, прочтя несколько балансовых отчетов, вы начали разбираться в бизнесе. Так вот: ничего подобного! Например, вы убеждены, что имеете право потребовать документы, врученные Джону Уимсби лично, — документы, которые даже не являются собственностью компании. И если вы сейчас попытаетесь лично возглавить фирму — если, конечно, нам удастся установить факт смерти ваших родителей, — то, насколько я могу судить, нас ожидают многочисленные неприятности. Мы не можем себе это позволить. Так что я хотел бы, чтобы бумаги были подписаны сегодня же, и без всяких проволочек! Вам ясно?

Торби набычился.

— Я не стану подписывать.

— Что значит «не стану»?

— Я не подпишу ни единой бумаги до тех пор, пока не буду твердо знать, что она означает. Тем более что я не видел документов, оставленных моими родителями.

— Мы еще посмотрим!

— Я буду стоять на своем до тех пор, пока не разберусь, что здесь происходит!

Глава 19

Торби обнаружил, что выяснить истину непросто. Дела шли как прежде, но что-то изменилось. У него появились смутные подозрения, что та помощь, которой он пользовался, изучая бизнес, подавалась не самым лучшим образом. Он начал тонуть в потоке непонятных цифр, не имевших отношения к делу, в неясных «заключениях» и «анализах», которые ничего не анализировали. Но подозрения возникли далеко не сразу.

Они перешли в уверенность с того дня, когда он бросил вызов судье Брудеру. Долорес трудилась, как всегда, не покладая рук, и все окружающие по-прежнему рьяно бросались ему на помощь, но обильный приток информации стал иссякать, пока наконец не прервался вовсе. Перед Торби извинялись, приводя массу причин, по которым было совершенно невозможно найти то, что он просил. То «обзор еще не готов», то «человек, который за это отвечает, сейчас в отъезде», то «эти данные хранятся в сейфе, но в конторе нет ни одного служащего, имеющего к ним доступ». К дяде Джеку и судье Брудеру пробиться стало невозможно, а их помощники демонстрировали вежливую беспомощность. Дядю Джека нельзя было поймать даже в поместье. Леда каждый раз сообщала юноше, что «папочка отбыл в деловую поездку».

В собственном офисе Торби начали происходить странные вещи. Хотя библиотека была устроена Долорес, она сама не могла ничего найти и даже припомнить, где находятся бумаги, размещенные в библиотеке на хранение. Наконец Торби потерял терпение и накричал на нее.

Она восприняла его упреки с покорностью.

— Прошу прощения, сэр. Я стараюсь изо всех сил.

Торби смятился. Он достаточно насмотрелся на портовых грузчиков и отлично чувствовал, когда люди начинали «тянуть волюнку». Но стоящее перед ним несчастное создание было тут ни при чем; он зря набросился на нее. Торби примирительно сказал:

— Извините меня, Долорес. Возьмите выходной.

— О нет, сэр, я не могу.

— Кто вам это сказал? Отправляйтесь домой.

— Я бы не хотела...

— Что ж, дело ваше. Во всяком случае, прилягте на диванчик в дамской комнате, в общем, отдохните. Это приказ. Увидимся завтра.

Встревоженная, Долорес ушла. Торби уселся за свой девственно чистый стол и задумался.

Ему нужно было побыть в одиночестве, позабыв на время о потоке цифр и прочей информации. Торби стал прикидывать, что же ему удалось раскопать.

Итак: дядя Джек и судья Брудер оказывают на него жесткое давление, чтобы принудить его подписать бумаги.

Далее. Он может быть Радбеком из Радбеков, но до тех пор, пока его родителей не признают погибшими, дела будет вершить дядя Джек.

Далее. Судья Брудер недвусмысленно намекнул ему, что до тех пор, пока Торби не признает свою некомпетентность и не подпишет документы, делу его родителей не будет дан ход.

Далее. Он так и не узнал, какие распоряжения оставили его родители. Он пытался преодолеть сопротивление, оказываемое ему на этом пути, и его постигла неудача.

И последнее. Оказывается, «владеть» и «управлять» — совершенно разные вещи. Дядя Джек управляет всем тем, чем владеет Торби; сам же Уимсби

владеет лишь минимальной долей, размер которой позволяет ему возглавлять совет директоров. Леде принадлежит куда больший кусок, поскольку она — член семьи Радбек, но, вероятно, дядя Джек контролирует и ее долю тоже. Сама Леда в дела не вмешивается.

Вывод...

Какой же отсюда следует вывод? Может быть, дядя Джек занимается какими-то махинациями и боится допустить Торби к своим секретам? Непохоже. Дядя Джек получает столь солидные оклады и премии, что только законченный сквалыга захотел бы иметь еще больше денег — денег как средств к существованию. Счета родителей, похоже, в полном порядке и уже принесли весьма солидный доход. Мегабак, который ему выдал дядя Джек, вряд ли сколько-нибудь подорвал его благосостояние. Еще одна статья расходов содержание бабушки и дедушки плюс незначительные расходы на семью и содержание поместья — ничего серьезного, какие-нибудь пара мегабаков.

Вывод: дяде Джеку нравится быть боссом и он намерен продержаться на этом посту так долго, как это будет возможно.

Статус... Уимсби занимает высокое положение и будет стремиться его сохранить. Торби подумал, что он наконец понял дядю Джека. Уимсби говорил Торби о том, что на его плечи возложена очень тяжелая ноша; он взвалил ее на себя потому, что ему нравилось главенствовать — точно так же капитаны и старшие офицеры Вольных Торговцев трудятся в поте лица, несмотря на то что все остальные члены Семьи получают равную с ними долю. Дядя Джек здесь — «старший офицер», и он не намерен сдавать свои позиции человеку, который вдвое моложе его и (скажем честно) совершенно не разбирается в деле, понимать которое просто обязан, находясь на этом посту.

Осознав это, Торби почувствовал, что лучше всего было бы подписать бумаги и доверить дяде Джеку дело, над которым он столь упорно трудился и которое Торби всего лишь унаследовал. Вероятно, дядя Джек был жестоко разочарован, когда Торби вернулся живым; судьба нанесла ему тяжелый удар.

Так пусть все остается ему! Уладить дела — и прочь отсюда, назад, в Гвардию.

Однако Торби отнюдь не был готов сложить оружие перед судьей Брудером. Его попросту отшвырнули в сторону, и естественной реакцией Торби стало сопротивление любой власти, которую он не признавал; это было вбито в его душу палками. Он сам не отдавал себе в этом отчета и лишь понимал, что надо проявить упорство. Торби чувствовал, что отец дал бы ему именно такой совет.

Подумав о Баслиме, Торби вспомнил кое-что еще. Не замешаны ли Радбеки, хотя бы и косвенно, в работоторговле? Он понял, зачем Баслим с таким упорством заставлял его тренировать память: он не мог уйти, пока не узнает все подробности и не положит конец этим негласным взаимоотношениям, если они существуют. Но как это выяснить? Он Радбек из Радбеков, но его опутали тысячами нитей, как парня из папиной сказки... «Гулливер и его звездолет»... вот как она называлась.

Итак, отец докладывал в корпус «Икс» о том, что крупные кораблестроители каким-то образом связаны с правительством Саргона и рейдерами-работорговцами. Рейдерам крайне необходимы корабли. Корабли... На прошлой неделе Торби читал книгу — в ней рассказывалось о каждом звездолете, выпущенном «Галактическим Транспортом» — от номера 0001 до самых последних. Юноша отправился в библиотеку. Хмм... толстая красная книга, а не магнитная лента.

Она исчезла, как и многие другие вещи. Однако, интересуясь кораблями, Торби успел вызубрить ее наизусть почти целиком. Он принялся набрасывать заметки.

Большинство звездолетов несли службу внутри Гегемонии, некоторые принадлежали Радбекам, некоторые — другим компаниям. Торби с удовольствием подумал о том, что многие из них были приобретены Торговцами. Однако были корабли, зарегистрированные на имя владельцев, которых он не мог определить... хотя Торби казалось, что он узнал бы названия фирм, занятых на законных основаниях межзвездной торговлей, и уж во всяком случае, смог бы припомнить любой клан Вольных Торговцев.

Но, сидя за столом, даже если бы у него была та книга, сделать определенные выводы было невозможно. Может быть, здесь, на Терре, в этом вообще не разобраться. Может быть, дядя Джек и судья Брудер даже не подозревают о том, что за их спинами творятся грязные дела.

Торби включил Галактический атлас, установленный по его настоянию в кабинете. Атлас охватывал только исследованную часть Галактики, но, несмотря на это, масштаб был чрезвычайно мелок.

Торби взялся за ручки управления. Для начала он высветил зеленым Девять Миров. Затем добавил желтого, отметив им опасные места, которых избегали Торговцы. Зажег две планеты, между которыми был захвачен корабль его родителей, и подобным же образом обозначил каждое пропавшее судно Людей, припоминая все, что ему было известно о стартах, после которых никто не вернулся.

Выстроилась цепочка разноцветных огоньков, расположенных весьма близко друг к другу — в масштабе межзвездных расстояний, конечно, — в том же секторе, где находились Девять Миров. Торби взгляделся в эту картину и присвистнул. Отец знал, о чем говорил, но без такого наглядного изображения трудно было представить ситуацию целиком.

Юноша вспомнил о линиях регулярных рейсов и заправочных станциях, установленных в том районе «Галактическим Транспортом»... затем высветил оранжевым цветом банковские учреждения «Галактической Вексельной Корпорации», размещенные по соседству.

И принялся сосредоточенно изучать полученную схему.

Это еще нельзя было считать неопровержимым доказательством, — но почему никакая другая корпорация не развивала такую бурную деятельность в этом секторе?

Торби решил доискаться.

Глава 20

Торби обнаружил, что Леда приказала накрыть стол в саду. Они сидели вдвоем, и снег покрывал искусственный небосвод сверкающим куполом. Свечи, цветы, струнное трио и сама Леда придавали этой картине привлекательность, но она не радовала глаз Торби, хотя девушка ему нравилась, а сад был его любимым уголком Радбека. Они уже почти кончили есть, когда Леда сказала:

— Я бы не пожалела доллара, чтобы узнать, о чем ты думаешь.

Торби виновато потупился.

— Да так... ни о чем.

— Должно быть, это «ничто» очень тебя тревожит.

— Ну... да.

— Ты не хочешь рассказать об этом Леде?

Торби прикрыл глаза. Дочь Уимсби была последним из людей, с кем он захотел бы откровенничать. Его беспокойство было вызвано раздумьями о том, что ему придется делать, если вдруг вскроется, что семья Радбек замешана в делах работаровцев.

— Мне кажется, бизнес — не мое призвание.

— Отчего же? Папочка говорит, что твоя голова потрясаяще воспринимает цифры.

Торби фыркнул.

— Тогда почему он... — и тут же умолк.

— Что «он»?

— Ну... — черт возьми, должен же он поговорить с кем-нибудь, кто ему нравится и кто в случае необходимости может даже прикрикнуть на него. Как папа. Или Фриц. Или полковник Брисби. Вокруг Торби постоянно вертелись люди, но он чувствовал себя совершенно одиноким. Казалось, только Леда старается выказать к нему дружелюбие.

— Леда, какую часть того, что я тебе рассказываю, ты передаешь отцу?

К его удивлению, девушка покраснела.

— Почему ты так говоришь, Тор?

— Ну, у вас с ним такие трогательные отношения... Так как же?

Она вскочила.

— Если ты позавтракал, то давай прогуляемся.

Торби поднялся из-за стола, и они побрели по дорожкам сада, прислушиваясь к завыванию ветра над куполом. Леда привела его в укромный уголок вдали от дома, скрытый кустами, и присела на валун.

— Отличное место для разговора с глазу на глаз.

— Неужели?

— Когда в саду установили подслушивающие устройства, я отыскала местечко, где могла целоваться, не опасаясь папиных соглядатаев.

Торби удивился.

— Ты что, серьезно?

— Разве ты не понимаешь, что тебя везде подслушивают, ну разве что за исключением горнолыжных склонов?

— Я даже не думал... И мне это не нравится.

— А кому это может понравиться? Но это обычная мера предосторожности, ведь речь идет о такой важной персоне, как Радбек. И ты не должен ругать за это папочку. Мне пришлось потратить несколько кредитов, чтобы узнать, что сад прослушивается далеко не так тщательно, как ему кажется. И если ты собираешься сказать что-нибудь и не хочешь, чтобы тебя услышал папочка, то говори сейчас. Он об этом никогда не узнает. Обещаю тебе.

Торби помедлил, внимательно осматриваясь вокруг. Он решил, что если где-нибудь поблизости установлен микрофон, то он должен быть замаскирован под цветок... что было вполне возможно.

— Пожалуй, стоит подождать до лыжной прогулки.

— Успокойся, милый. Если ты мне доверяешь, то уж поверь, что это место вполне безопасно.

— Ну, ладно, — Торби заговорил, выплескивая накопившееся в его душе раздражение... Он поделился подозрениями в том, что дядя Джек ставит ему палки в колеса, чтобы не отдавать власть. Леда слушала его с серьезным видом. — Ну вот. Скажешь, что я сумасшедший?

— Тор, — произнесла она. — Ты не догадываешься, что папочка подсовывал меня тебе?

— Что?

— Не понимаю, как ты этого до сих пор не заметил. Только если ты совершенно... Наверное, так оно и есть. Но это чистая правда. Это должен был быть один из тех браков по расчету, который все окружающие восприняли бы «на ура», — все, кроме тех двоих, кто имеет к нему самое прямое отношение.

Услышав столь удивительное утверждение, Торби разом забыл о своих тревогах.

— Ты хочешь сказать, что... ну, что ты... — он окончательно смутился и замолчал.

— О господи, дорогой ты мой! Если бы я собиралась так поступить, разве стала бы я говорить об этом с тобой? Признаюсь: перед тем как ты появился здесь, я обещала папочке обдумать такую возможность. Однако ты не обращал на меня внимания, а я слишком горда, чтобы проявлять в таких условиях настойчивость, даже если от этого зависело бы процветание Радбеков. Давай лучше поговорим о бумагах, которые оставили Марта и Крейтон и которые папочка не желает тебе показывать.

— Да, мне их не показывают; и я не собираюсь подписывать документы, пока не ознакомлюсь с доверенностями родителей.

— А если покажут, ты подпишешь?

— Ну... может быть, и подпишу. Но я хотел бы знать, какие распоряжения оставили мои родители.

— Не понимаю, почему папочка отказывается выполнить столь естественное пожелание. Разве что... — Леда нахмурилась.

— Разве «что»?

— Как насчет твоих акций? Они тебе уже переданы? Каких акций?

— Тех, которые принадлежат тебе. Ты знаешь, какой долей акций владею я. Когда я родилась, Радбеки передали их мне — я имею в виду твоего дедушку, моего дядю. Вероятно, тебе предназначалось примерно вдвое больше, поскольку ты должен был стать настоящим Радбеком.

— У меня ничего нет.

Леда мрачно кивнула.

— Вот одна из причин, почему папочка и судья не желают показывать тебе документы. Наши личные вклады ни от кого не зависят, и по достижении совершеннолетия мы можем делать с ними все, что нам заблагорассудится. Твои родители распоряжались твоими акциями, а папочка до сих пор распоряжается моими. Однако сейчас никакие доверенности, которые были подписаны в прошлом, не имеют законной силы. Ты можешь потребовать свою долю, и им придется либо выполнить твое пожелание, либо пристрелить тебя. — Леда покачала головой. — Нет, конечно, убивать тебя они не станут. В общем-то папочка во многих отношениях совсем не плохой человек.

— Я и не считал его плохим.

— Я не люблю его, но восхищаюсь им. Однако как только доходит до серьезных вещей, сразу выясняется, что я — Радбек, а он — нет. Глупо, не правда ли? В сущности, в нас, Радбеках, ничего особенного нет; мы лишь скуповатые прижимистые крестьяне. Но и меня кое-что беспокоит. Помнишь Джозла Делакруа?

— Тот самый парень, который хотел поговорить со мной наедине?

— Верно. Так вот, он больше здесь не работает.

И что же?

— Разве ты не знал, что Джозл был восходящей звездой в инженерном отделе «Галактических»? Официально объявлено, что Джозл нашел себе другое место. Сам он говорит, что его уволили за попытку перегово-

ритель с тобой за их спиной. — Леда нахмурилась. — II я не знала, чему верить. Теперь я верю Джоэлу. Так что же ты собираешься делать, Тор, — поднять лапки кверху или доказать, что ты в самом деле Радбек из Радбеков?

Торби закусил губу.

— Я бы хотел вернуться в Гвардию и выкинуть из головы всю эту грязь. Мне всегда хотелось узнать, что это такое — быть богатым. И вот я стал им и понял, что это — сплошная головная боль.

— Так ты все бросаешь? — в ее голосе промелькнула нотка печали.

— Я этого не сказал. Я намерен остаться и выяснить, что же тут происходит. Не знаю только, с чего начать. Ты считаешь, что я должен грохнуть кулаком по столу дяди Джека и потребовать свою долю?

— Ммм... только если рядом будет стоять адвокат.

— Тут и так полно юристов!

Именно поэтому тебе не обойтись без адвоката. Чтобы снять с судьи Брудера скальп, ты должен найти классного специалиста.

— Где же его искать?

— Черт побери, я ни разу не обращалась к адвокатам. Но поискать можно. А теперь давай-ка побродим и поболтаем, чтобы не вызывать подозрений.

Торби провел утомительное утро, изучая статьи законов, касающихся деятельности корпораций. Сразу после ленча ему позвонила Леда.

— Тор, ты не хочешь прокатиться со мной на лыжах? Ветер стих, и снег — то, что надо, — она многозначительно посмотрела ему в глаза.

— Ну...

— Да собирайся же!

Они молчали до тех пор, пока не отошли достаточно далеко от дома. Наконец Леда заговорила:

— Человек, который тебе нужен, — это Джеймс Гарш из Нью-Вашингтона.

— Я так и думал, что ты позвонила мне только из-за этого. Ты действительно собираешься кататься? Я бы хотел сию минуту вернуться в кабинет и связаться с ним.

— О боже! — Леда печально покачала головой. — Тор, мне придется выйти за тебя замуж только для

того, чтобы за тобой присматривать. Итак: ты возвращаешься домой и звонишь адвокату, который не состоит на службе у Радбеков, адвокату с высочайшей репутацией. Как ты думаешь, что произойдет потом?

— Что же?

— Скорее всего, ты проснешься в тихом местечке в окружении мускулистых санитаров. Я провела бессонную ночь и приняла решение. Мне хотелось бы, чтобы папочка продолжал вести дела, но если он затеял грязную игру, то я на твоей стороне.

— Спасибо, Леда.

— Он говорит «спасибо»! Тор, я сделаю это ради Радбеков. Но давай не будем отвлекаться. Ты не можешь просто так полететь в Нью-Вашингтон, чтобы встретиться с адвокатом. Насколько я знаю судью Брудера, он уже принял всевозможные меры на такой случай. Однако ты мог бы отправиться осматривать свои владения... и начать со своего дома в Нью-Вашингтоне.

— Хитро придумано.

— Я сама поражаюсь своей хитрости. Если хочешь, чтобы все прошло гладко, ты пригласишь с собой меня — папочка велел помочь тебе осмотреться.

— Ну конечно, Леда. Если тебя не затруднит.

— Пусть это тебя не беспокоит. Мы и в самом деле осмотрим некоторые достопримечательности, в Департаменте Северной Америки, например. Меня беспокоит одно: как нам ускользнуть от охраны?

— Охраны?

— Без охраны не путешествует ни один человек, занимающий такое высокое положение, как Радбек. Иначе тебя замучают репортеры и сумасшедшие.

— Мне кажется, — медленно произнес Торби, — что тут ты не права. Я ездил к бабушке и дедушке, и со мной не было никаких охранников.

— Они умеют не мозолить глаза. Готова спорить, что во время твоего визита к старикам в доме находилось не меньше двух телохранителей. Видишь того одинокого лыжника? Готова поклясться, что он катается вовсе не ради удовольствия. Так что нам нужно придумать способ оторваться от них на то время, пока

ты беседуешь с Гаршем. Но не беспокойся; у меня уже есть одна идея.

Торби с интересом осматривал великую столицу, но ему не терпелось приступить к делу, ради которого они сюда приехали. Леда с трудом сдерживала его прыть.

— Первым делом — достопримечательности. Мы должны вести себя естественно.

Дом по сравнению с поместьем казался более чем скромным — двенадцать комнат, и только две из них большие. Он содержался в таком виде, будто хозяева покинули его лишь накануне. К их услугам был автомобиль с шофером и лакеем в ливрее Радбеков. Казалось, шофер заранее знает, куда их нужно везти. Они ехали под зимним субтропическим солнцем, и Леда показывала посольства и консульства различных планет. Когда они проезжали мимо величественного здания штаб-квартиры Гвардии Гегемонии, Торби велел притормозить и едва не свернул себе шею, разглядывая его.

Леда спросила:

— Твоя альма-матер, верно? — и прошептала: — Смотри внимательно. Здание напротив главного входа — именно то место, куда тебе нужно попасть.

Около Мемориала Линкольна они вышли из машины, поднялись по ступеням, и их охватило чувство, знакомое миллионам людей, когда-либо смотревшим на гигантский монумент. Торби внезапно подумал, что статуя очень похожа на отца — не буквально, но что-то такое в ней было. Его глаза затуманили слезы.

Леда прошептала:

— Здесь я всегда чувствую волнение, словно в церкви. Ты знаешь, кем он был? Линкольн — основатель Америки.

— Он сделал кое-что еще.

— Что же?

— Освободил рабов.

— Да-да, — Леда спокойно осматривалась вокруг. — Это так много значит для тебя, верно?

— Очень много, — Торби хотел было рассказать Леде о главной причине, побудившей его броситься в

драку: ведь они были одни и это место наверняка не прослушивалось. Но не смог. Юноша знал, что Баслим не возражал бы, но он обещал полковнику Брисби.

Торби с трудом разбирал надписи на стенах; эти буквы и грамматика были в ходу еще до того, как английский стал английским Системы. Леда потянула его за рукав и прошептала:

— Пойдем. Я не могу долго оставаться здесь... Иначе я начну плакать.

Они вышли на цыпочках.

Леда объявила, что ей хочется посмотреть шоу в «Млечном Пути». Они вышли из машины, велел шоферу вернуться за ними через три часа десять минут. За билет в двойную ложу Торби пришлось заплатить спекулянту бешеные деньги.

— Ну вот! — воскликнула девушка, как только они заняли свои места. — Поддела сделано. Лакей, конечно, выпрыгнет из машины, как только она завернет за угол, но от шофера мы на некоторое время освободились: поблизости нет ни единой стоянки. И все же лакей будет торчать рядом, если он дорожит своим местом. Полагаю, в эту самую минуту он как раз покупает билет. А может быть, он уже здесь. Не оглядывайся.

Они поднялись по эскалатору.

— Это даст нам выигрыш в несколько секунд. Он не сможет последовать за нами, пока мы не скроемся из виду. А теперь слушай. Люди, сидящие на наших местах, уйдут, когда мы покажем билеты. Как только я усядусь, заплати одному из них, чтобы он оставался на месте. Надеюсь, это будет мужчина, потому что нашему опекуну потребуется лишь несколько минут, чтобы определить, где мы находимся... несколько секунд, если он уже успел узнать номер нашей ложи. Когда он найдет нашу ложу, то увидит, что я сижу там с женщиной. В темноте он не разглядит его лица, но меня узнает, так как я специально надела платье, которое светится в темноте. Этим он удовлетворится. Ты покинешь здание через любой выход, кроме главного; возможно, там будет дежурить шофер. Постарайся вернуться к выходу за несколько минут до того, как подадут машину. Если не успеваешь, бери такси и

езжай домой. А я стану громко жаловаться, что тебе не понравилось шоу и что ты ушел.

Торби решил, что корпус «Икс» много потерял, не завербовав Леду в свои ряды.

— А разве они не сообщат, что теряли мой след?

— Найдя нас, они будут так счастливы, что даже пикнуть не посмеют. Вот мы и пришли — давай действующий. Встретимся позже.

Торби покинул помещение через боковой выход и, немножко поплутав и наведя справки у полисмена, наконец отыскал здание, стоявшее напротив штаб-квартиры Гвардии. Просмотрев список, он выяснил, что кабинет Гарша находится на 34-м этаже, и уже через пару минут стоял перед секретаршей, губы которой, казалось, были способны произносить только одно слово: «нет».

Она холодно сообщила юноше, что советник принимает только тех, кому назначена встреча. Не желает ли он изложить свое дело кому-нибудь из помощников советника?

— Имя, будьте любезны!

Торби огляделся. Приемная была переполнена людьми. Секретарша нажала рычажок.

— Говорите! — потребовала она. — Я включила систему против подслушивания.

— Пожалуйста, передайте мистеру Гаршу, что с ним хотел бы встретиться Радбек из Радбеков.

Торби показалось, что она собирается приказать ему не нести чепухи. Но она торопливо встала и куда-то ушла.

Скоро она вернулась и тихо произнесла:

— Советник может выделить вам пять минут. Пройдите сюда, сэр.

Кабинет Джеймса Гарша являл собой разительный контраст всему зданию и приемной, да и сам его владелец был похож на неприбранную постель. Он носил брюки без подтяжек, и над ремнем нависал солидный животик. Сегодня адвокат явно не брился, и его всклокоченная борода была под стать лохматым остаткам волос, окружавшим плешь. Он даже не приподнялся с кресла.

— Радбек?

— Да, сэр. Вы — Джеймс Гарш?

— Да. Покажите документы. Кажется, я видел вас в выпуске новостей, но не могу припомнить когда.

Торби протянул ему бумажник, набитый идентификационными карточками. Гарш изучил общегражданский документ, а затем и более редкое и трудно-подделываемое удостоверение «Радбек и Компания» и протянул их обратно.

— Садитесь. Чем могу быть полезен?

— Мне нужен совет... и помощь.

— Именно этим товаром я и торгую. Но у вас есть Брудер и целая толпа юристов. Чем я, именно я, могу быть полезен?

— Мы можем говорить доверительно?

— Как клиент с адвокатом, сынок. Нужно говорить: «как клиент с адвокатом». Юриста не спрашивают о таких вещах: он либо честен, либо нет. Я честен наполовину. Тебе придется рискнуть.

— Ну... в общем, это длинная история.

— Так изложи ее покороче. Говори. Я слушаю.

— Вы согласны взяться за мое дело?

— Говори. Я слушаю, — повторил Гарш. — Может быть, я отправлюсь спать. Сегодня я чувствую себя не лучшим образом. Впрочем, со мной всегда так.

— Ну ладно, — Торби приступил к рассказу. Гарш слушал, прикрыв глаза, сцепив пальцы на животе.

— Вот и все, — заключил наконец Торби, — за исключением того, что я намерен навести порядок и вернуться в Гвардию.

Гарш впервые проявил интерес к его словам.

— Радбек из Радбеков? В Гвардию? Не говори глупостей, сынок.

— На самом деле я не «Радбек из Радбеков». Я кадровый гвардеец, ставший им в силу не зависящих от меня обстоятельств.

— Я знаю эту часть твоей истории; авторы слезливых статей проглотят ее, не разжевывая. У каждого из нас возникают обстоятельства, над которыми мы не властны. Дело в том, что человек не может покинуть свой пост, особенно если это — его любимое дело.

— Но это не мое любимое дело, — упрямо заявил Торби.

— Хватит пустых слов. Для начала мы добьемся признания твоих родителей умершими. Затем потребуем представить их завещания и доверенности. Если противник начнет тянуть волюнку, мы получим ордер. И даже могущественный Радбек не устоит перед простой бумажкой «явитесь в суд, или будете доставлены силой». — Гарш покусал ноготь. — Может пройти некоторое время, прежде чем будут установлены имущественные права и определено твое положение. Суд может дать полномочия тебе, либо тому, кто упомянут в завещании, либо вообще кому-нибудь третьему, но только не Уимсби и не Брудеру, если все, что ты рассказал — правда. На такое не решились бы даже судьи, которых Брудер держит в кармане; это было бы уже слишком, и всякий судья знает, что такое решение будет опротестовано.

— Но что я могу сделать, если они даже не начнут процесса по установлению факта смерти моих родителей?

— Кто сказал, что ты должен их ждать? Ты — заинтересованная сторона, а Уимсби и Брудер, если мне не изменяет память, всего лишь наемные служащие, располагающие лишь одной символической акцией. Ты — номер первый, самое что ни на есть заинтересованное лицо. Так действуй же! А как насчет других родственников? Двоюродные братья? Сестры?

— Двоюродных нет. А о других ближайших родственниках я ничего не знаю. Впрочем, у меня есть дедушка и бабушка Бредли.

— Я и не думал, что они еще живы. Они не станут совать тебе палки в колеса?

Торби хотел было сказать «нет», но передумал.

— Не знаю.

— Ближе к делу станет ясно. Другие родственники... впрочем, о них мы сможем узнать только после оглашения завещаний, на что, вероятно, потребуется решение суда. Кстати, есть ли у тебя возражения против дачи показаний под гипнозом? Под воздействием химических препаратов? Против детектора лжи?

— Нет. А что?

— Ты — самый важный свидетель смерти родителей, их длительное отсутствие не является решающим доказательством.

— Даже если их нет очень долго?

— Смотря по тому, как долго. Временной промежуток — лишь одно из обстоятельств, которые рассматривает суд, в законах об этом ничего не сказано. Когда-то считалось, что достаточно семи лет, но теперь эта статья отменена. Нынче на вещи смотрят шире.

— С чего начнем?

— У тебя есть деньги? Или их от тебя прячут? Я дорого стою. Обычно я требую оплаты каждого своего вдоха и выдоха.

— Ну... у меня есть мегабак... и еще несколько тысяч. Около восьми.

— Хм... разве я еще не сказал, что берусь за твое дело? А ты не задумывался над тем, что твоей жизни может угрожать опасность?

— Нет, никогда.

— Сынок, ради денег люди способны на все. Но ради власти над деньгами они творят еще более ужасные вещи. Всякий, кто живет рядом с миллиардом кредитов, подвергается опасности. Это ничуть не лучше, чем держать дома кобру. На твоём месте, почувствовав недомогание, я завел бы себе личного врача. Я с опаской входил бы в двери и сторонился открытых окон, — он задумался. — Поместье Радбек сейчас не самое лучшее место для тебя; не искушай их. Кстати, здесь тебе бывать не следует. Ты уже вступил в Дипломатический клуб?

— Нет, сэр.

— Вступи немедленно. Все будут удивлены, если ты этого не сделаешь. Я туда частенько заглядываю. В районе шести часов. У меня там нечто вроде отдельного кабинета. Номер двадцать-одиннадцать.

— Двадцать-одиннадцать?

— Я все еще не сказал, что берусь за дело. Ты не думал над тем, что мне делать, если я его проиграю?

— Что? Нет, сэр.

— Что за город ты упоминал? Джуббулпор? Вот туда-то мне тогда и придется переехать. — Гарш внешне улыбнулся. — Но у меня что-то боевое настроение, Радбек, а? Брудер. Что ты говорил про мегабак?

Торби вытащил чековую книжку и выписал чек. Изучив его, Гарш спрятал чек в ящик стола.

— Пока не станем получать по нему деньги: они наверняка следят за твоими тратами. Имей в виду: дело обойдется гораздо дороже. До свидания. Увидимся через пару дней.

Торби ушел в прекрасном настроении. До сих пор ему ни разу не доводилось видеть такого меркантильного, хищного и корыстного старика — он напомнил Торби покрытых шрамами профессиональных грабителей, шнырявших вокруг нового амфитеатра.

Выйдя на улицу, Торби увидел штаб-квартиру Гвардии. Еще раз окинув здание взглядом, он нырнул в плотный поток автомобилей и, перебежав улицу, поднялся по ступенькам.

Глава 21

В огромном холле Торби увидел ряды расположенных по его периметру кабинок. Протолкавшись сквозь толпу, он вошел в одну из них. Приятный женский голос сказал:

— Назовите в микрофон ваше имя, отдел и номер кабинета. Дождитесь, пока не загорится свет, и изложите свое дело. Напоминаем вам, что рабочий день окончен и вас примут, только если у вас дело особой важности.

— Торби Баслим, — произнес юноша и добавил: — Корпус «Икс».

Он ждал. Записанный на пленку голос повторил:

— Назовите в микрофон ваше имя, отдел и номер...

Внезапно динамик умолк. Мужской голос сказал:

— Повторите еще раз.

— Корпус «Икс».

— По какому делу?

— Лучше посмотрите в своих досье, кто я такой.

Наконец послышался другой женский голос:

— Следуйте за световым указателем. Не теряйте его из виду.

Торби поднимался по эскалаторам, спускался в туннели и наконец вошел в дверь без таблички, где его встретил мужчина в гражданском. Он провел Торби

еще через две двери. Наконец он оказался лицом к лицу с еще одним мужчиной в штатском. Он поднялся и сказал:

— Радбек из Радбеков? Я — маршал авиации Смит.

— Торби Баслим, а не Радбек.

— Важно не имя, а личность. Я тоже не Смит, но сойдет и так. Полагаю, у тебя есть документы?

Торби вновь полез за карточкой.

— У вас, наверное, есть мои отпечатки пальцев.

— Сейчас их принесут. Ты не против оставить их еще раз?

Пока Торби отпечатывал «пальчики», на столе маршала появилась дактилоскопическая карточка. Сунув изображения в компаратор, Смит, казалось, забыл о юноше, и, лишь когда вспыхнула зеленая лампочка, его голос зазвучал чуть теплее.

Ну ладно, Торби Баслим... Радбек. Чем могу быть тебе полезен?

— Скорее — чем я могу быть полезен вам?

— Вот как?

— Я пришел сюда по двум причинам, — заявил Торби. — Во-первых, мне есть что добавить к последнему донесению полковника Баслима. Вы знаете, о ком я говорю?

— Я был с ним знаком и очень его уважал. Продолжай.

— Во-вторых, я хочу вернуться в Гвардию и поступить в корпус «Икс» — Торби не мог припомнить, когда он принял это решение, но оно было твердо, — не только носить форму отца, но продолжать его дело. Его работу.

Смит приподнял брови.

— Неужели? Радбек из Радбеков?

— Мое решение окончательно, — Торби в двух словах объяснил, что сейчас он должен вступить во владение имуществом своих родителей, чтобы разобраться в делах. — А потом я свободен. Я понимаю, что говорить о корпусе «Икс» слишком дерзко с моей стороны, ведь я всего лишь стрелок третьего класса... к тому же, разжалованный... но я смог бы быть полезен. У меня есть друзья среди Людей... среди Вольных Торговцев. Я знаю несколько языков. Знаком с условиями жизни

в Девяти Мирах. Я побывал во многих местах... Конечно, я не астронавигатор, но путешествовал немало. К тому же, я видел, как работал полковник Баслим, и думаю, что смог бы делать нечто подобное.

— Чтобы работать успешно, ты должен быть влюблен в это дело. Зачастую нам приходится делать неприятные вещи... какие уважающий себя человек делать не станет, если только не считает их абсолютно необходимыми.

— Но я считаю! Я был рабом. Вы знали об этом? Может быть, мне поможет то, что я знаю, как чувствует себя раб.

— Возможно. Хотя из-за этого ты можешь поддаться эмоциям. К тому же, мы занимаемся не только маршрутами работорговли. Мы не можем обещать новичку, что дадим ему какую-то конкретную работу. Ему приходится делать то, что прикажут. Мы выжимаем из людей все до последней капли. В нашем корпусе очень высокая смертность.

— Я буду делать все, что мне велят. Так получилось, что больше всего меня интересует работорговля. Большинство людей на Земле, похоже, даже не знает о том, что она существует.

— Большая часть того, чем мы занимаемся, для общества вовсе не существует. Можно ли ожидать от людей, которые окружают тебя на улицах, что они воспримут всерьез рассказы о далеких мирах? Не забывай: лишь менее одного процента населения хотя бы раз в жизни покидает свои родные планеты.

— Думаю, вы правы. Во всяком случае, убедить их трудно.

— Но это отнюдь не самое сложное в нашей работе. Земная Гегемония — не империя, ей лишь принадлежит ведущая роль в обширной конфедерации планет. И между тем, что могла бы сделать Гвардия, и тем, что ей позволено, лежит глубокая пропасть. Если ты пришел к нам, надеясь, что уже в течение твоей жизни увидишь конец рабства, то я должен тебя разочаровать. По самым оптимистичным оценкам, на это уйдет не менее двух столетий. И за это время рабство возродится на планетах, которые сейчас еще не открыты. Такую

проблему раз и навсегда не решишь. Это очень долгий процесс.

— Я лишь хочу узнать: могу ли я принести пользу?

— Не знаю. И дело вовсе не в том, что, по твоим словам, ты носил невысокое звание. У нас в корпусе очень много людей такого ранга. Корпус «Икс» — это идея, а не организация. Меня не беспокоит проблема поиска работы для Торби Баслима; для него всегда нашлось бы дело, он может хотя бы переводить... Но Радбек из Радбеков... М-да, это уже сложнее.

— Я же сказал, что собираюсь покончить с этим!

— Ну что ж, подождем, пока это свершится. Ты сам сказал, что не готов вступить в корпус прямо сегодня. А что ты еще говорил? Ты хотел дополнить донесение полковника Баслима?

Торби замаялся.

— Сэр, полковник Брисби, мой командир, сказал, будто па... полковник Баслим выявил связи между работоторговцами и нашими крупными судоверфями.

— Он так и сказал?

— Да, сэр. Загляните в донесение Баслима.

— В этом нет нужды. Продолжай.

— Ведь он говорил о Радбеках? О «Галактическом Транспорте», не так ли?

Смит задумался.

— Почему ты спрашиваешь у меня, не замешана ли ваша компания в работоторговле? Это ты должен нам рассказать.

Торби нахмурился.

— У вас найдется Галактический атлас?

— Да, в холле.

— Можно им воспользоваться?

— Почему бы и нет?

Маршал провел его через отдельный коридор в конференц-зал, в котором был установлен стереозэкран, поблескивающий созвездиями. Такого большого атласа Торби еще не видел.

Управление было достаточно сложным, и Торби долго выяснял назначение рычагов пульта. Затем он принялся за работу. Его лицо исказилось от напряжения. Он высвечивал разноцветными огнями звезды, воссоздавая ту картинку, которую прежде построил на атласе

в своем кабинете. Он ничего не объяснял, и маршал молча следил за его работой. Наконец Торби сделал шаг назад.

— Это все, что я знаю.

— Ты кое-что упустил, — маршал добавил несколько желтых и несколько красных огоньков, затем неторопливо обозначил еще дюжину пропавших кораблей. — Но воспроизвести все это по памяти — настоящий подвиг, целый поток идей. Я вижу, ты не забыл про корабль своих родителей. Наверное, этим и объясняется твой личный интерес. — Маршал отошел назад. — Итак, Баслим, ты задал вопрос. Готов ли ты на него ответить?

— Полагаю, «Галактический Транспорт» увяз в этом по уши! Не все, конечно, но руководители в этом замешаны. Те, кто ведает поставкой кораблей, ремонтом и топливом. Может быть, специалисты по финансам.

— Ммм...

— А как иначе все это объяснить?

— А ты понимаешь, что они скажут, если ты обвинишь их в торговле невольниками?

— Не в самой торговле. Думаю, напрямую они не участвуют.

— Но связаны с ней. Во-первых, они заявят, что и слыхом не слыхали о какой-то там работорговле и что все это — бред сумасшедшего. Во-вторых, они уж во всяком случае скажут, что они лишь торгуют кораблями, а разве хозяин скобяной лавки отвечает за то, что купленным у него ножом муж убивает жену?

— Здесь нет ничего общего.

— Они не согласятся с тобой. Они заявят, что не нарушали никаких законов, и, даже если допустить, что где-то существует работорговля, как они могут нести ответственность за действия людей, которые творят зло за много световых лет отсюда? Тут они, кстати, правы: нельзя винить людей в том, чего они сами не делают. Потом найдется какой-нибудь лощеный тип, который отважится заявить, что-де работорговля, когда она еще существовала, не была таким уж злом, так как большинство населения было бы счастливо избавиться от ответственности, возлагаемой на свободного челове-

ка. И добавит, что, мол, если они прекратят продавать корабли, этим займутся другие — таковы уж законы бизнеса.

Торби подумал о сотнях безымянных маленьких Торби, скорчившихся в темноте и плачущих от страха, боли и одиночества в невольничьих бараках. А ведь тот корабль мог быть его собственным!

— Один удар хлыста выбил бы дурь из его башки!

— Это уж точно. Но на Земле отменены телесные наказания. Иногда я думаю — не рановато ли? — Маршал взглянул на экран. — Я запишу эту схему. На ней есть точки, о которых стоит поразмыслить. Спасибо, что пришел к нам. Если появятся еще идеи, добро пожаловать.

Торби понял, что его просьба о зачислении в корпус не воспринята серьезно.

— Маршал Смит... я мог бы сделать кое-что еще.

— А именно?

— До того, как вступить в корпус... если вы меня возьмете, конечно... или после — я не знаю, как у вас это делается... я, Радбек из Радбеков, мог бы посетить на своем собственном корабле те самые места, которые мы отметили красным. Может быть, босс сумел бы докопаться до таких вещей, которые недоступны секретному агенту.

— Возможно. Но ты, вероятно, знаешь, что твой отец уже пытался однажды совершить инспекционный полет. И знаешь, чем это кончилось. — Смит поскреб подбородок. — Кстати, мы так и не смогли разобраться с этим. Пока ты не вернулся, мы считали исчезновение обычным несчастным случаем. Яхта с тремя пассажирами, экипажем из восьми человек, без груза на борту — не очень-то заманчивая добыча для пиратов, которые чаще всего прекрасно знают, что они делают.

Торби был поражен.

— Так вы думаете, что...

— Я ничего не думаю. Но хозяева, желающие разузнать о делишках своих служащих, которыми те занимаются в нерабочее время и в отдаленных местах, частенько обжигают пальчики. А твой отец явно что-то подозревал.

— Насчет работорговли?

— Не стану гадать. Он стал проверять лично. Тот самый район. А теперь мне нужно идти. Приходи ко мне еще... или позвони, и к тебе придет кто-нибудь из наших.

— Маршал Смит... Скажите, могу ли я обсуждать наш разговор с другими людьми? И что именно я могу обсуждать?

— Да все что угодно. Пока ты не вступил в корпус или в Гвардию. Но известные тебе факты... — Смит пожал плечами. — Кто тебе поверит? Однако имей в виду: обсуждая свои подозрения с деловыми партнерами, ты рискуешь вызвать у людей неприязнь к себе... и это чувство в ряде случаев будет искренним. Что же касается остальных... Кабы я знал!

Торби вернулся так поздно, что Леда уже начала терять самообладание, сгорая от любопытства. Однако ей пришлось скрывать свое нетерпение — не только из боязни быть подслушанной, но также из-за пожилой тетки, которая завернула к ним засвидетельствовать свое почтение Радбеку из Радбеков, да так и осталась на ночь. И только на следующий день, осматривая в музее реликвии ацтеков, они смогли поговорить.

Торби поведал ей о своем разговоре с Гаршем, а потом решил пойти еще дальше.

— Вчера я сделал попытку вернуться в Гвардию.

— Тор!

— Не беспокойся, я не покидаю тебя. Но у меня есть важная причина. Гвардия — единственная организация, пытающаяся положить конец рабству. Сейчас я не могу вступить в нее по еще более веской причине, он рассказал о своих подозрениях относительно связи Радбеков с работоторговлей.

Леда побледнела.

— Это самые страшные слова, какие я когда-либо слышала. И я не могу в это поверить.

— Я был бы рад узнать, что это неправда. Но, как бы то ни было, кто-то ведь строит им корабли и ремонт-

тирует их! Работоторговцы — не инженеры, они — паразиты.

— И все же я с трудом верю в то, что работоторговля вообще существует.

Торби пожал плечами.

Десять плетей убедили бы любого.

— Тор! Ты хочешь сказать, что тебя секли плетьюми?

Точно не помню. Но у меня вся спина в шрамах.

По пути домой Леда не проронила ни слова.

Торби еще раз встретился с Гаршем, потом они с Ледой отправились на Юкон в обществе старой тетки, которая не желала оставить их в покое. Гарш принес на подпись Торби два документа и сказал:

— Для начала разберемся с Радбек-Сити, ведь там была официальная резиденция твоих родителей. И второе: я покопался в старых газетных подшивках...

И что же?

— Твой дедушка действительно отписал тебе солидную долю. Эта история наделала много шума, когда ты родился. В биржевых бюллетенях перечислены номера всех акций до единой. Так что в один прекрасный день мы крепко их огорошим. Лишь бы только они ничего не пронюхали заранее!

— Надеюсь, вы об этом позаботитесь.

— Но я не советую тебе возвращаться в Радбек до тех пор, пока все не будет улажено. Вот мои координаты. Если придется, ты сможешь даже позвонить мне по телефону. Но было бы гораздо лучше, если бы ты предоставил мне возможность связаться с тобой.

Торби обдумал несколько вариантов, не забывая о том, что он постоянно находится в окружении телохранителей.

— Может быть, вы... или какой-нибудь молодой человек, сможете позвонить моей кузине и передать кодированное сообщение? Ей постоянно звонят разные люди, чаще всего — молодые. Она тут же сообщит

мне, и я отыщу безопасное место, откуда смогу позвонить вам.

— Неплохая мысль. Он спросит, знает ли она, сколько дней осталось на рождественские покупки. Ну все, увидимся в суде. — Гарш улыбнулся. — Ну и потеха же будет! И обойдется тебе очень, очень дорого. До свиданья.

Глава 22

— Хорошо отдохнул? — Дядя Джек ухмылялся ему в лицо. — Ну и погонялись же мы за тобой. Не стоило этого делать, мой мальчик!

Торби хотелось ударить его. Телохранители, впихнув юношу в комнату, отпустили его руки, но стянули ему запястья веревкой.

Дядя Джек перестал улыбаться и взглянул на судью Брудера.

— Тор, ты так и не смог понять, как много мы с судьей сделали для твоих отца и бабушки. Естественно, мы знали, как следует поступать. Но ты доставил нам немало неприятностей, и сейчас мы покажем тебе, как следует обращаться с маленькими детьми, которые не ценят добра. Мы хорошенько проучим тебя. Готовы, судья?

Брудер кровожадно оскалился и вытащил из-за спины хлыст.

— Привяжите-ка его к лавке!

Торби проснулся в холодном поту. Боже, ну и кошмар! Он оглядел тесный гостиничный номер и попытался вспомнить, где теперь находится. Уже несколько

дней Торби непрерывно переезжал с места на место, объехав едва ли не полпланеты. Он уже достаточно освоился с нравами и обычаями Земли, чтобы не привлекать к себе внимания, и даже купил себе поддельные документы, не уступавшие по качеству настоящим. Это оказалось не так уж трудно: Торби быстро выяснил, что подпольный бизнес везде живет по одним и тем же законам.

Наконец он вспомнил: он находится в Южной Америке.

Прозвенел будильник. Полночь — пора уматывать отсюда. Юноша оделся и, осмотрев свой багаж, решил бросить его. Спустившись по черной лестнице, он вышел из отеля через заднюю дверь.

Тетке Лиззи не нравился холодный климат Юкона, но она терпела. Вскоре Леде сообщили по телефону, что на рождественские покупки осталось лишь несколько дней, и им пришлось уехать. Торби ухитрился позвонить своему адвокату лишь из Ураниум-Сити. С экрана улыбался Гарш.

— Увидимся в окружном суде графства Радбек, четвертое отделение, в девять пятьдесят девять утра четвертого января. А теперь исчезни и замети следы.

В Сан-Франциско Леда в присутствии тетки Лиззи закатали Торби скандал. Она хотела ехать в Ниццу, Торби настаивал на Австралии. Наконец он гневно заявил:

— Забирай свой аэрокар, я поеду один!

Он выбежал вон и купил себе билет до Большого Сиднея.

Он проделал старый как мир трюк с туалетной комнатой и, убедившись в том, что избавился от своего телохранителя, пересчитал деньги, которые Леда сунула ему тайком, так как ссорились они прилюдно. Оказалось немного меньше двухсот тысяч кредитов. Там была еще записка с извинениями; Леда не смогла собрать больше, поскольку терпеть не могла носить при себе наличные.

Сидя в южноамериканском порту, Торби подсчитал, сколько у него осталось денег, и решил, что должен вести себя очень рачительно как по отношению к средствам, так и ко времени. Куда только девалось и то и другое!

В Радбек-Сити его чуть не растерзали репортеры; все вокруг буквально кишело ими. Протолкавшись сквозь толпу, он оказался рядом с Гаршем в девять сорок восемь. Старик кивнул.

— Сиди здесь. Сейчас выйдет Хиззонер.

Появился судья, и секретарь провозгласил древнюю формулу:

— ...пусть будут выслушаны обе стороны!

Гарш проворчал:

— Этот судья на поводке у Брудера.

— Тогда что мы здесь делаем?

— Ты платишь мне, чтобы я заботился о решении этих проблем. Любой судья становится хорошим, когда знает, что за ним внимательно наблюдают. Оглянись.

Торби осмотрелся. Помещение было забито представителями прессы, так что простым гражданам даже стоять было негде.

— Я неплохо потрудился, поверь мне. — Гарш ткнул пальцем в первые ряды. — Вон тот носатый толстяк — посланник Проксимы. А старый мошенник рядом с ним — председатель комитета по законности. А вон тот ... — Гарш умолк.

Дядю Джека Торби не видел, но судья Брудер восседал за другим столом, не глядя на юношу. Леда тоже не появлялась, и Торби остро почувствовал одиночество. Покончив с формальностями, Гарш уселся и прошептал:

— Молодая леди велела передать, что она желает тебе удачи.

Торби смог огласить свои свидетельские показания только после многочисленных протестов, контрпротестов и предупреждений судьи. Произнося формулу присяги, он заметил в первом ряду отставного председателя Верховного Суда Гегемонии, который как-то раз обедал в Радбеке. Что происходило потом, Торби не помнил, так как свидетельские показания давал под гипнозом, в который его погрузил психотерапевт.

Несмотря на то что каждый пункт обсасывался до бесконечности, лишь однажды слушания едва не приобрели драматический характер. Суд принял возражение Брудера, выдержанное в таком тоне, что по рядам прокатился возмущенный ропот, а некоторые из присутствующих повскакали с мест. Судья побагровел.

— К порядку! Пусть бейлиф очистит зал!

Попытка выполнить приказ судьи успеха не имела: передние ряды сидели неподвижно, не сводя глаз с судьи. Высокий посланник Веганской Лиги наклонился к своему секретарю и что-то ему прошептал; тот зашелестел клавишами стенографической машинки.

Судья прочистил горло.

— ...если не прекратится беспорядок... суд не потерпит неуважительного отношения...

Торби даже удивился, когда все кончилось:

— ...из чего следует заключить, что Крейтон Бредли Радбек и Марта Бредли Радбек погибли в результате аварии и отныне считаются умершими. Да упокоятся их души в мире. И пусть будет сделана соответствующая запись. — Судья ударил по столу своим молотком. — Если имеются завещания и если здесь присутствуют душеприказчики, то пусть они подойдут ко мне!

О наследстве Торби даже не упоминалось. Он расписался в получении сертификатов в комнате судьи. Ни Уимсби, ни Брудер при этом не присутствовали.

Когда они с Гаршем выходили из зала, юноша глубоко вздохнул.

— Мне даже не верится, что мы наконец победили.

Гарш усмехнулся.

— Не обманывай себя. Мы лишь выиграли по очкам первый раунд. Отныне расходы только увеличиваются.

Торби поджал губы. Их окружили охранники и принялись расталкивать толпу.

Гарш оказался прав. Брудер и Уимсби продолжали управлять компанией и сдаваться не собирались. Торби так и не увидел доверенностей, выданных его родителями. В сущности, он лишь хотел убедиться в том, что, как он подозревал, единственное различие между теми

бумагами и документами, подготовленными судьей Брудером, состояло в словах «подлежит отмене» и «подлежит отмене только по обоюдной договоренности».

Однако, как только суд потребовал представить доверенности, Брудер заявил, что они были уничтожены при очистке архивов от ненужных бумаг. За оскорбление суда его приговорили к десяти дням заключения, но исполнение приговора было отсрочено, и на этом все кончилось.

Но, хотя Уимсби и лишился контроля над акциями Крейтона и Марты Радбек, не получил их и Торби; счета были заморожены вплоть до утверждения завещаний. А тем временем Уимсби и Брудер продолжали распоряжаться фирмой, пользуясь поддержкой большинства директоров. Торби не имел права даже появляться в конторе, не говоря уж о его бывшем кабинете.

Уимсби покинул поместье Радбек, и ему выслали его личные вещи. В апартаменты дяди Джека Торби вселил Гарша, и старик частенько оставался там ночевать: у них была масса работы.

Как-то Гарш сказал Торби, что уже возбуждено девяносто семь дел, касающихся его имущества; некоторые — против Торби, некоторые — в его пользу. Часть дел отложена, но многим уже дан ход. Завещания были по сути своей просты: Торби — основной наследник. Однако обнаружилось немало затруднений: появились многочисленные родственники, желавшие поживиться чем-нибудь, если завещания не будут утверждены. Вновь был поднят вопрос о законности признания умершими родителей Торби, подвергалась сомнению формулировка «в результате аварии», встал даже вопрос о подлинности личности юноши. Во всех этих делах не было даже и следа присутствия Уимсби и Брудера; заявления подавались родственниками и держателями акций, и Торби был вынужден заключить, что кандидатура дяди Джека устраивает очень многих людей.

Однако по-настоящему юношу огорчил только иск, поданный его бабушкой и дедушкой: они предлагали установить над ним опеку ввиду его некомпетентности. В качестве доказательства, помимо того неоспоримого факта, что сложная жизнь Терры ему в новинку, при-

водилась выдержка из медицинского заключения, сделанного врачом Гвардии. Доктор Кришнамурти утверждал, что Торби «в потенции эмоционально неустойчив и в состоянии стресса не может нести полной ответственности за свои действия».

Гаршу пришлось устроить Торби скандальный публичный осмотр у психолога Секретариата Ассамблеи Гегемонии. Торби был официально признан вменяемым. И тут же последовал шквал требований акционеров признать юношу профессионально непригодным для ведения дел компании «Радбек», как того требовали частные и общественные интересы.

Торби был измучен этими нападками; он начинал понимать, что быть богатым слишком разорительно. Ведение дел в суде и содержание поместья требовали денег, а Торби был по уши в долгах. Он не мог воспользоваться своими же богатствами, так как Уимсби и Брудер продолжали утверждать, будто бы его личность сомнительна, хотя этот вопрос был уже неоднократно решен в пользу Торби.

Прошло немало времени, прежде чем суд, на три ступени выше, чем окружной, предоставил наконец ему право распоряжаться деньгами родителей (под надзором суда, который вправе был аннулировать свое решение) до тех пор, пока не будет окончательно улажен вопрос об их имуществе.

В соответствии с уставом, Торби созвал общее собрание акционеров, которое должно было избрать основных должностных лиц компании.

Собрание было устроено в конференц-зале Радбек-билдинг. Присутствовало большинство акционеров, живших на Терре, даже те, кто обычно отделялся выдачей доверенностей руководству фирмы. В последнюю минуту в зал впорхнула Леда, весело крикнув:

— Привет всем!

Потом она обернулась к своему отчиму.

— Папочка, я получила извещение и решила поселиться, так что вскочила в машину и примчалась сюда. Надеюсь, я ничего не пропустила?

Она лишь мельком глянула на Торби, хотя он сидел на возвышении вместе с директорами. Юноша почувствовал облегчение и обиду одновременно; он не виделся с Ледой с тех пор, как они расстались в Сан-Франциско. Он знал, что девушка живет в отеле «Радбек-Армс» и нередко появляется в городе, но Гарш сказал, чтобы он даже не пытался встречаться с ней.

— Только крутой дурак может волочиться за женщиной после того, как она ясно дала понять, что не желает его видеть.

Так что Торби просто напомнил себе, что он должен вернуть Леде некую сумму, и чем быстрее, тем лучше.

Уимсби попросил тишины и объявил, что в соответствии с повесткой дня собранию предстоит выдвинуть кандидатов и провести выборы.

Молоток с грохотом опустился на крышку стола.

— Сейчас секретарь огласит список кандидатов на пост председателя Совета, — лицо Уимсби озарилось торжествующей улыбкой.

Эта улыбка встревожила Торби. С учетом его собственной доли и доли родителей, он располагал примерно сорока пятью процентами акций. Зная имена акционеров, возбудивших против него дела, а также пользуясь другими источниками информации, он мог заключить, что Уимсби контролирует около тридцати одного процента; Торби нужно было набрать еще шесть. Он рассчитывал, что ему поможет громкое имя «Радбек из Радбеков», но надежда была весьма слабая, хотя Уимсби было необходимо набрать из оставшихся голосов втрое больше. Торби не был уверен в том, что дядя Джек еще не положил их в карман.

Он встал и предложил свою кандидатуру как владельца акций:

— Радбек из Радбеков.

Затем большинство акционеров отказалось от поста председателя, и наконец прозвучала фамилия Уимсби. Других кандидатур не оказалось.

— Секретарь огласит список акционеров! — объявил Уимсби.

— Прошу зарегистрироваться голосующих — сначала владельцев акций, а затем голосующих по дове-

ренности. Клерк сверит номера акций с записями в Главной Книге. Тор Радбек... из Радбеков!

Торби назвал свои сорок пять процентов и уселся на место, ощущая все возрастающее беспокойство. Он достал карманный калькулятор. Всего было девяносто четыре тысячи голосов, и Торби не мог позволить себе считать в уме. Секретарь зачитал номера, и клерк уткнулся в свои записи. Для того, чтобы победить с преимуществом в один голос, Торби нужно было набрать пять тысяч шестьсот пятьдесят семь голосов.

Голоса в его пользу прибавлялись медленно: двести тридцать два, девятьсот шесть, тысяча девятьсот семнадцать — некоторые напрямую, другие — по доверенностям. Однако на счету Уимсби тоже прибывало. Некоторые акционеры объявляли, что не отдают своих голосов никому, иные вовсе не отзывались. По мере того как зачитывались все новые и новые имена, обладатели которых никак не реагировали, Торби начинал подозревать, что все их доверенности находятся в руках Уимсби. Однако счет Радбека из Радбеков рос — две тысячи двести пять, три тысячи тридцать шесть, четыре тысячи триста девять... и вдруг все кончилось. На оставшиеся имена никто не откликнулся.

Гарш склонился к уху Торби.

— Остались только наши приятели.

— Я знаю, — Торби убрал калькулятор. Что ж, в конце концов Уимсби победил.

Было ясно, что секретаря заранее проинструктировали, чьи имена назвать под занавес.

— Его честь Курт Брудер!

Брудер отдал свой единственный голос Уимсби.

— Наш председатель, мистер Джон Уимсби!

Уимсби встал, радостно улыбаясь.

— Лично мне принадлежит только одна акция. Но в силу доверенностей, которые я получил и которые находятся у секретаря, я...

Торби не стал слушать и потянулся за своей шляпой.

— Подсчет голосов завершен, и я хотел бы... — начал секретарь.

— Нет!

Леда вскочила на ноги.

— Я присутствую здесь лично! Это мое первое собрание, и я собираюсь участвовать в голосовании!

Уимсби поспешно забормотал:

— Все в порядке, Леда, ты не должна вмешиваться. — Он обернулся к секретарю. — Это не повлияет на результат.

— Еще как повлияет! Я отдаю свои тысяча восемьсот восемьдесят голосов Тору, Радбеку из Радбеков!

Уимсби вытарашил глаза.

— Леда Уимсби!

— Мое имя — Леда Радбек! — звонким голосом объявила девушка.

— Незаконно! — вскричал Брудер. — Голоса подсчитаны! Это уж слишком...

— Ничего подобного! — ответила Леда. — Я здесь, и я голосую. Я отозвала свою доверенность. Это зарегистрировано в почтовом отделении на первом этаже, и я предъявила оформленный и подписанный документ официальным лицам корпорации — я правильно выражаюсь, судья? — за десять минут до начала собрания. Если не верите — убедитесь сами. Впрочем, какая разница? Я сама здесь. Можете меня потрогать. — Она обернулась к Торби и улыбнулась ему.

Торби попытался выдавить ответную улыбку и гневно прошептал Гаршу:

— Почему вы держали это в секрете?

— Чтобы наш честнейший дядюшка не сообразил, что ему следует выпросить, занять или купить недостающие голоса. Тогда он вполне мог выиграть. Леда по моему совету держала его в счастливом неведении. Вот это девушка! Смотри не упусти ее.

Пятью минутами позже Торби, бледный и потрясенный, поднял молоток, брошенный Уимсби, и посмотрел в зал.

— Приступаем к выборам членов правления, — объявил он нетвердым голосом. Список, составленный им и Гаршем, не вызвал возражений. В него было внесено лишь еще одно имя: Леда Радбек.

Она вновь вскочила на ноги.

— Что вы? Как можно!

— Возражение отклоняется. Вы взяли на себя ответственность, так несите ее.

Девушка умолкла и села на место.

Как только секретарь объявил результаты, Торби обратился к Уимсби:

— Вы еще и генеральный управляющий, не так ли?

— Да.

— Вы уволены. Ваша акция аннулирована. Не пытайтесь вернуться в свой бывший офис. Забирайте свою шляпу и уходите.

Брудер вскочил с места. Торби обернулся к нему.

— И вы тоже. Сержант, проводите их к выходу.

Глава 23

Торби мрачно глядел на стопку бумаг, каждая из которых была помечена грифом «срочно». Он взял один документ, начал его читать... и отложил в сторону.

— Долорес, переключите все вызовы на меня и можете идти домой.

— Сэр, я могу задержаться.

— Я же сказал: отправляйтесь домой. Неужели вы надеетесь найти себе мужа, имея такие синяки под глазами?

— Спокойной ночи.

«Хорошая девушка, — подумал он. — По крайней мере, надежная». Во всяком случае, он мог на нее положиться. Торби вовсе не хотел оказаться «метлой, которая чисто метет». Администрация должна продолжать работу. Он набрал номер.

Безликий голос произнес:

— Защита семь.

— «Подвиг Прометея», — ответил Торби. — Из девяти шестнадцать.

— Защита включена.

— Давайте, — согласился Торби.

На экране появилось лицо маршала Смита.

— Здравствуй, Тор.

— Мне очень жаль, но нашу ежемесячную встречу опять придется отложить. Мне бы не хотелось этого делать, но посмотрите на мой стол.

— Никто и не думал, что ты станешь отдавать делам корпуса все свое время.

— Черт побери! Именно это я и собирался сделать: разгрести дерьмо, приставить к делу подходящих людей и уйти в Гвардию! Но это не так-то просто.

— Тор, ни один нормальный офицер не позволит себе расслабиться до тех пор, пока в его подразделении не будет наведен порядок! И мы оба знаем, что у тебя на многих участках неладно.

— Так... В общем, я пока не могу с вами встретиться. У вас есть пара минут?

— Ну, бог с тобой, — смилостивился Смит.

— Мне кажется, я нашел одного парня, который мог бы охотиться на дикобразов. Вы не забыли?

— Еще бы. «Никто не осмелится напасть на дикобраза из-за его игл».

— Точно! Но, чтобы понять ваши слова, мне пришлось отыскать изображение этого животного. Пользуясь лексиконом Торговцев, можно сказать так: чтобы придушить какое-либо дело, надо сделать его неприбыльным. Работоторговля по сути своей — обычный бизнес, так что покончить с ней можно, лишь сделав ее чересчур дорогим удовольствием. И если потенциальные жертвы пиратов утыканы иглами, как дикобраз, к ним никто не подступится.

— Если бы мы имели иглы... — сухо ответил шеф корпуса. — А что, у тебя есть какие-то идеи насчет оружия?

— За кого вы меня принимаете? За гения? Ну ладно, скажу: кажется, мне удалось найти одного парня. Его зовут Джозел Делакура. По-видимому, этот парень — ярчайшая звезда Массачусетского Технологического института. Как-то раз я говорил с ним о задачах, которые мне приходилось решать на посту корабельного стрелка «Сизу». И он тут же предложил одну великолепную идею... Он сказал: «Тор, это же просто смешно: парализующий луч выводит из строя корабль, вооружения которого хватило бы, чтобы зажечь маленькую звезду».

— Очень маленькую. Но я с ним согласен.

— Отлично. Так вот, я отправил Джоэла в наши Хавермейерские лаборатории в Торонто. Как только ваши ребята одобряют его планы, я дам ему грузовик денег и полную свободу действий. Я расскажу ему все, что знаю сам о тактике рейдеров и прочих вещах, — у меня не будет времени работать с ним лично, но уж записи сражений я ему отошлю. Меня последнее время буквально разрывают на части.

— Но ему потребуются хорошие помощники. В домашней мастерской такие исследования провести невозможно.

— Знаю. Я представляю вам имена, как только у меня будет время этим заняться. Для проекта «Дикобраз» Делакура получит столько средств и людей, сколько будет нужно. Скажите лишь, сколько таких установок я смогу продать Гвардии?

— Что?

— Мне нужно делать дело. Если проект провалится, меня попросту уволят. Я мог бы осыпать проект «Дикобраз» дождем мегабаков, но я отчитываюсь перед директорами и акционерами. Если выйдет что-то путное, я мог бы продать несколько сотен установок Вольным Торговцам и какое-то количество передать своим собственным предприятиям. Но для того чтобы оправдать расходы, мне нужна уверенность, что у меня будет большой потенциальный рынок. Сколько может взять Гвардия?

— Тор, ты напрасно беспокоишься. Даже если ты не изобретешь сверхоружия — кстати, тут твои шансы невелики, — то все равно исследования, производимые твоими лабораториями, окупятся. Акционеры ничего не потеряют.

— Я не зря беспокоюсь. Я добился своего поста лишь незначительным большинством голосов; собрание акционеров может вышвырнуть меня на улицу хоть завтра. Я уверен: исследования окупятся. Быстро ли? Не знаю. Можете быть уверены: люди, желающие избавиться от меня, знают о каждом моем шаге. И мне приходится отчитываться за каждый доллар.

— Может быть, заключим контракт на исследовательские работы?

— И чтобы ваш подполковник дышал в затылок моим ребятам и говорил, что они должны делать? Я же сказал: мы намерены предоставить им полную свободу действий.

— М-да... Может быть, дать тебе заказ на эти исследования? Мы заплатим по максимуму. Придется просить аудиенции у командующего. Он сейчас находится на Луне, а я не смогу выкроить время, чтобы отправиться туда лично. Так что придется подождать несколько дней.

— Я ждать не стану; мне достаточно вашего слова. Расправлюсь со своими делами и завяжу с этой сумасшедшей работой; если даже вы не возьмете меня в корпус, я уж во всяком случае смогу стать простым артиллеристом.

— Зайди ко мне вечером. Я зачислю тебя и тут же прикажу исполнять свои обязанности на том месте, которое ты сейчас занимаешь.

У Торби отвисла челюсть.

— Вы не можете так поступить со мной!

— Если ты будешь таким идиотом и не станешь слушать моих приказов, я так и сделаю, Радбек!

— Но... — Торби умолк. Спорить не имело смысла: впереди еще была уйма работы.

— Хочешь сказать что-нибудь еще? — добавил Смит.

— Э-э... нет.

— Я займусь Делакруа завтра же. Увидимся позже.

Торби дал отбой, и на душе стало еще муторнее. Дело было не в полушутливой угрозе маршала; необходимость потратить большие средства, принадлежавшие другим людям, на проект, который мог провалиться, тоже не беспокоила его. Просто он взялся за работу, которая оказалась гораздо труднее, чем можно было ожидать.

Он взял из стопки верхний лист и вновь положил его обратно. Нажав клавишу, соединился с помещьем. На экране появилось лицо Леды.

— Я сегодня опять задержусь. Ты уж извини меня.

— Ну что ж, придется перенести начало обеда на более поздний час. Пускай гости развлекаются, а я присмотрю на кухне за канапе.

Торби покачал головой.

— Не надо, садитесь за стол. В крайнем случае, поужинаю прямо здесь. Может быть, даже заночую.

Леда вздохнула.

— Если, конечно, ты вообще ляжешь спать. Давай договоримся, мой милый глупыш: ты отправишься в постель не позже полуночи и встанешь не раньше шести. Обещаешь?

— Хорошо. Постараюсь.

— Уж постарайся, или будешь иметь дело со мной. Пока!

На сей раз Торби даже не прикоснулся к верхнему листу. Он просто сидел и размышлял. Хорошая девушка Леда, она даже пыталась помочь ему в делах, пока не стало ясно, что бизнес — не самая сильная ее сторона. Но Леда оказалась единственным огоньком во тьме, единственной, кто неизменно оказывал Торби поддержку. И не будь женитьба нечестным поступком со стороны гвардейца... нет, он не мог так поступить с Ледой; к тому же, она не давала ему повода думать, что она вообще хочет выйти за него. Кстати, он поступил очень некрасиво, отказавшись в последнюю минуту явиться на званный обед. И вообще в последнее время он вел себя не лучшим образом. Надо постараться быть более внимательным к девушке.

На первый взгляд все казалось таким простым: взять управление в свои руки и устроить чистку в секторе, ведущем дела с Саргоном. Но чем глубже он вникал в ситуацию, тем больше видел сложностей. Налоги... дела с налогами всегда были чертовски запутаны. Или, скажем, программа колонизации новых планет, предложенная Веганской Лигой, — откуда ему знать, стоящее ли это дело, ведь он там не бывал и ничего не видел! А если бы и побывал и посмотрел — разве это помогло бы ему? И как найти время?

Это смешно, но владелец сотен звездолетов лишен возможности взойти на борт и отправиться в космос. Может быть, через год-два...

Черт побери, но эти проклятые завещания даже и тогда не будут еще утверждены окончательно! Уже прошло два года, а суды все еще жуют эту жвачку.

Неужели вопрос о смерти родителей нельзя решить так, как это делают Торговцы?

И пока тянется это дело, он не может взяться за работу отца.

Конечно, кое-что сделать удалось. Он предоставил корпусу архивы Радбеков, тем самым прояснив некоторые детали; маршал рассказал ему о рейде, вычистившем одно из прибежищ работорговли. Успех налета обеспечили сведения, полученные от служащих компании, которые даже не догадывались о значении этих сведений.

А может быть, все-таки кто-то догадывался? Порой ему казалось, что Уимсби и Брудер все знали, иногда он думал, что нет, ведь документы свидетельствовали о полной законности их деятельности... Правда, иногда их партнерами оказывались сомнительные личности. Но кто знал, что это за люди?

Торби открыл ящик стола и извлек папку, на которой не было надписи «срочно» только потому, что он вообще никогда не выпускал ее из рук. По его мнению, папка содержала самые неотложные дела компании, а может быть, и всей Галактики — даже более срочные, чем проект «Дикобраз», который представлялся делом отдаленного будущего. То, что было в этой папке, могло нанести тяжелый удар по работорговле или как минимум серьезно подорвать ее. Однако дело шло медленно, и впереди был непочатый край работы.

Слишком много дел. Бабушка любила повторять, что никогда не следует покупать больше яиц, чем влезает в корзинку. Интересно, где она выискала такое сравнение? Вольные Торговцы не покупали яиц. А у Торби скопилось множество корзин, в каждой из которых явный излишек яиц. И каждый день приносит новую корзинку.

Разумеется, в трудную минуту он мог спросить себя: «А что бы сделал на моем месте отец?». Брисби говорил так: «Я просто задаю себе вопрос: как бы поступил полковник Баслим?». Это помогало, особенно когда он вспоминал о словах судьи, который призвал его проявить осторожность в тот день, когда акции его родителей окончательно перейдут к нему:

— Никто не может обладать чем-либо единолично, и чем больше богатство человека, тем в меньшей степени оно принадлежит ему. Ты не в силах распоряжаться собственностью по своему усмотрению и не имеешь права делать глупости. Твои интересы перекрываются интересами акционеров, служащих и всего общества в целом.

Прежде чем приступить к проекту «Дикобраз», Торби мысленно обсудил это предостережение с Баслимом.

Судья был прав. Как только Торби возглавил компанию, его первым желанием было сразу же прекратить всякую деятельность Радбеков в зараженном работоторговлей секторе и тем самым нанести ей сокрушительный удар. Но это было невозможно. Борясь с преступниками, нельзя наносить ущерб тысячам и миллионам честных тружеников. Здесь требовалось тонкое хирургическое вмешательство.

Именно этим Торби и пытался заниматься сейчас. Он принялся изучать содержимое безымянной папки.

В дверь просунулась голова Гарша.

— Все корпишь? Что за спешка, парень?

— Джим, где найти десяток честных людей?

— Хм... Диоген был бы счастлив найти хотя бы одного. Дай человеку больше, чем он сможет проглотить.

— Вы знаете, о чем я толкую. Мне нужны десять честных грамотных специалистов, которые могли бы возглавить представительства Радбеков на различных планетах. («И таких, против которых не возражал бы корпус», — добавил про себя юноша.)

— Сейчас у меня есть один такой на примете.

— А что еще можно сделать? Я бы заменил ими управляющих, работающих в зловонном секторе. Просто уволить управляющих нельзя; нам придется принять их здесь. Ведь нам ничего наверняка не известно. А новым людям мы сможем доверять, они разберутся в принципах работоторговли и поймут, что именно нужно искать.

Гарш пожал плечами.

— Да, это лучшее, что только можно придумать. Но не думай, что нам удастся решить задачу одним лихим наскоком; столько честных и квалифицированных спе-

циалистов зараз не найти. И уж конечно, парень, вряд ли ты сумеешь отыскать решение прямо сейчас, даже если будешь паяться в эти списки всю ночь напролет. Когда ты станешь стариком вроде меня, то поймешь, что нельзя заниматься всем сразу, если не хочешь загнать себя в гроб. Все равно, когда-нибудь ты умрешь, и работу продолжит кто-то другой. Ты мне напоминаешь человека, который вознамерился сосчитать все звезды на небе. Чем быстрее он считал, тем больше вспыхивало звезд. И тогда он отправился на рыбалку. И ты должен так поступать, чем раньше и чаще, тем лучше.

— Джим, чего ради вы связались со мной? Все уже давно ушли, а вы все здесь.

— Потому, что я старый идиот. Кто-то ведь должен тебе помочь. К тому же, я радуюсь возможности хорошенько врезать по такому грязному делу, как работорговля. И это — единственный способ. Я уже слишком стар и толст, чтобы действовать по-другому.

Торби кивнул.

— Я так и думал. Вот я мог бы бороться по-своему, но, черт побери, у меня так много обязанностей, что я не в силах выкроить ни секунды на все то, что мне следовало бы делать, и уж конечно, у меня никогда не будет ни малейшей возможности делать то, что я хочу!

— Это всеобщий закон. Чтобы выстоять в этой жизни, ты должен время от времени позволять себе делать то, чего тебе больше всего хочется. Давай начнем прямо сейчас. Не станем ничего планировать на завтра, а просто прихватим пакет с бутербродами и отправимся глазеть на красивых девушек.

— У меня на завтра назначен званный обед.

— Ничего подобного. Даже стальной корабль порой нуждается в ремонте. Так что забудь о делах.

Торби глянул на стопку бумаг.

— Ну ладно.

Старик жевал бутерброд, прихлебывал пиво и смотрел на красивых девушек. На его лице играла улыбка

невинного удовольствия. Вокруг было полно красоток: в Радбеке всегда хватало шоу-звезд.

Торби не обращал на них внимания. Он размышлял.

Человек не должен забывать о возложенной на него ответственности. Не должен капитан, не должен и старший офицер. Но Торби не видел никакой возможности вступить в корпус Баслима, не нарушая этого принципа. И все же Джим прав: здесь также было поле битвы с грязным бизнесом — торговлей невольниками.

Даже если ему не нравится такой способ борьбы? Да. Полковник Брисби, вспоминая о Баслиме, как-то раз сказал: «...если ты предан делу свободы, то ради нее отказываешься от своей собственной свободы... живешь как нищий, как раб... или даже гибнешь ради того, чтобы жила свобода».

«Да, папа... но я не знаю, как взяться за это дело. Я лишь пытаюсь, иду ощупью, ведь у меня нет никаких способностей к этой работе».

— Чепуха! — отвечал Баслим. — Ты можешь учиться всему, если сумеешь заставить себя. Ты научишься, даже если мне придется оторвать твою глупую башку!

Из-за плеча отца выглядывала бабушка, кивая в знак одобрения и серьезно глядя на юношу. Торби кивнул ей в ответ.

— Да, бабушка! Хорошо, папа! Я постараюсь.

— Надо не просто постараться. Этого мало.

— Да, папа.

— А теперь ступай обедать.

Торби послушно потянулся за ложкой, но увидел, что перед ним вместо миски с похлебкой лежит сэндвич.

— Что ты бормочешь? — спросил Гарш.

— Ничего. Просто кое-что вспомнил.

— Дай своим мозгам отдохнуть и раскрой пошире глаза. Для всего есть свое время и свое место.

— Вы правы, Джим.

— Доброй ночи, сынок, — шепнул старик нищий. — Добрых снов... и удачи тебе!

МЕЖДУ ПЛАНЕТАМИ

Глава 1

НЬЮ-МЕКСИКО

— Полегче, малыш, полегче!

Дон Харви придержал своего маленького верхового пони. Обычно Лэйзи * соответствовал своему имени, но сегодня он, похоже, решил получить приз. Дон не обвинял его. День был такой, какие бывают только в Нью-Мексико: небо начисто вымыто прошедшим дождем, земля уже сухая, но вдалеке еще висит кусочек радути. Небо было слишком синее, кусты слишком розовые, а горизонт — слишком четкий, чтобы выглядеть убедительно. Невероятный покой царил над Землей, и вместе с ним — затаенное предчувствие чего-то чудесного.

— У нас весь день впереди, — предупредил он Лэйзи, — так что смотри не взмывься. Вон там, впереди, крутой подъем.

Дон восседал в великолепном мексиканском седле, которое родители прислали ему на день рождения. Это была изумительная вещь, расшитая по-индейски серебром, но она была так же неуместна в простой сельской

* Л э й з и — от «Lazy» (англ.) — ленивый. (Здесь и далее примеч. пер.)

школе, как парадная одежда на клеймении скота. Этого его родители не учили. Дон гордился им, потому что другие ребята ездили в простых седлах. Они немилосердно подшучивали над ним и, впервые увидев подарок, сразу же окрестили Дональда Джеймса Харви Доном Хайме.

Вдруг Лэйзи шарахнулся в сторону. Дон огляделся, что-то заметил, выхватил оружие и выстрелил. Потом он слез с пони, перебросив поводья вперед, и осмотрел дело своих рук. В тени скалы все еще корчилась порядочная, с семью погремушками на конце хвоста, змея. Голова ее, отсеченная лучом, лежала рядом. Дон решил не брать погремушки: если бы он попал точно в голову, он бы их взял, тогда было бы чем хвастаться. А он был вынужден повести лучом, чтобы добить ее. Если бы он принес так неуклюже убитую змею, кто-нибудь наверняка спросил бы, зачем ему этот садовый шланг.

Он оставил змею на земле и вскочил в седло.

— Всего лишь нестоящая старая ползучка, — пробормотал он, успокаивая Лэйзи. — Она больше испугалась тебя, чем ты ее.

Он щелкнул языком, и они тронулись. Через несколько сот ярдов Лэйзи опять прянул — на этот раз не от змеи, а от неожиданного звука. Дон придержал его и свирепо выговорил:

— Ты, кусок сала с птичьими мозгами! Привыкнешь ты не дергаться, когда звонит фон?

Лэйзи переступил копытами и всхрапнул. Дон дотянулся до передней луки седла, взял фон и ответил:

— Мобиль 6-Джей-233309, говорит Дон Харви.

— Это мистер Ривз, Дон, — раздался голос директора школы Ранчито Алегре. — Где ты сейчас?

— На верхушке Педлерз Грейз Меса, сэр.

— Возвращайся как можно быстрее.

— А в чем дело, сэр?

— Радиogramма от твоих родителей. Я вышлю за тобой коптер, если повар вернулся, и кого-нибудь, чтобы привести твою лошадь.

Дон поколебался. Он не хотел, чтобы кто-то чужой ехал на Лэйзи, но и загонять его не хотел. С другой стороны, радио от предков не могло быть не важным. Родители его были на Марсе, и мать присылала письма

регулярно, с каждым кораблем, — но радиogramмы, не считая рождественских и по случаю дня рождения, были почти неслыханным событием.

— Я поспешу, сэр.

— Хорошо! — мистер Ривз отключился.

Дон повернул Лэйзи. Тот казался разочарованным и смотрел на хозяина с укором.

Они были уже в полумиле от школы, когда вертолет с ранчо засек их. Дон помахал рукой, отсылая его, и сам довел Лэйзи. Любопытство так и подгоняло его, но он все же вымыл и обтер пони. Мистер Ривз ждал в конторе. Он вручил Дону радиogramму.

Она гласила:

ДОРОГОЙ СЫН, ТЕБЕ ЗАКАЗАНО МЕСТО «ВАЛЬКИРИИ» ЗЕМЛЯ-БЛИЖНЯЯ ДВЕНАДЦАТОЕ АПРЕЛЯ. ЛЮБОВЬЮ — МАМА И ПАПА.

Дон хлопал глазами, глядя на радиogramму, с трудом припоминая, какое нынче число.

— Но ведь это прямо сейчас! — воскликнул он наконец.

— Да. Ты не ждал этого?

Дон задумался. Конечно, он ждал поездки домой, если ее можно так назвать, — ведь он никогда еще не был на Марсе, — но полагал, что поедет в конце учебного года. Если бы они организовали его поездку на «Ван дер Декене» не теперь, а месяца через три...

— Нет, пожалуй, нет. Я не могу понять, почему они посылают за мной до окончания семестра.

Мистер Ривз поглядел на свои тщательно подстриженные ногти.

— Я думаю, причина очевидна.

Дон удивился.

— Вы имеете в виду?.. Мистер Ривз, вы думаете, что произошли какие-то неприятности?

— Дон, я не предсказатель, — мрачно ответил директор. — Но я думаю, что твои родители очень беспокоятся о тебе и стараются, чтобы ты оказался вне зоны потенциальной войны, причем как можно скорее.

Дон все еще не мог понять. Войны были для него лишь понятием из курса истории. Конечно, изучая политологию, он следил за современным колониальным кризисом. Но все же эти события казались очень дале-

кими и нереальными даже для него, хотя он достаточно много путешествовал. Это было дело дипломатов, политиков, оно не касалось простых людей.

— Послушайте, мистер Ривз! Возможно, они приняли слишком поспешное решение. Я думаю иначе. Мне хотелось бы послать им радиogramму и сообщить, что я прибуду со следующим кораблем, когда закончится учебный год.

Мистер Ривз покачал головой.

— Нет, я не могу разрешить тебе поступать против воли твоих родителей, а во-вторых... — Директор школы, казалось, с трудом подбирал нужные слова. — Я хочу сказать тебе, Дональд, что в случае войны ты можешь оказаться... как бы это лучше сказать... в двусмысленном положении.

Казалось, слабый ветерок пробежал по кабинету. Дон почувствовал себя одиноким и повзрослевшим.

— Ну почему все так получается? — недовольно спросил он.

Мистер Ривз внимательно рассматривал ногти.

— Ты представляешь себе, в чем заключаются твои патриотические обязанности? — медленно спросил он.

Дон заставил себя подумать об этом. Его отец был рожден на Земле; мать была из колонистов Венеры второго поколения. Но ни одна из этих планет не была их настоящей родиной. Они встретились и поженились на Луне, затем вместе занимались планетологическими исследованиями в различных местах Солнечной системы. Сам Дон родился в космосе, и в его свидетельстве о рождении, выданном Федерацией, графа «национальность» осталась незаполненной. Таким образом, он имел право на двойное гражданство. Он не ощущал себя колонистом Венеры: прошло так много времени с тех пор, как его семья в последний раз была там, что Венера представлялась ему чем-то нереальным. С другой стороны, ему было уже одиннадцать лет, когда он впервые увидел чудесные зеленые холмы Земли.

— Я — гражданин Солнечной системы, — решительно сказал он.

— М-да, — ответил директор школы. — Это хорошо звучит и, возможно, когда-нибудь и будет что-то реально означать, но сейчас я не могу не согласиться с

твоими родителями. Скорее всего, Марс будет нейтральной территорией. Там ты будешь в безопасности. И скажу тебе откровенно, здесь будет довольно-таки тяжело и неуютно человеку, чья национальная принадлежность не совсем ясна.

— Никому нет дела до моей национальной принадлежности! По рождению я считаюсь гражданином Земли! Закон на моей стороне.

Его собеседник ничего не ответил.

Дон выпалил:

— Все это глупости. Если бы Федерация не старалась обескровить Венеру, не было бы и речи ни о какой войне.

Ривз поднялся.

— Разговор окончен, Дон. Я не собираюсь спорить с тобой о политике.

— Но это правда! Прочтите книгу Чемберлена «Теория колониальных кризисов».

Ривз искренне удивился.

— Где ты достал эту книгу? Уж конечно, не в школьной библиотеке?

Дон не ответил. Эту книгу прислал ему отец, но предупредил, чтобы Дон никому ее не показывал: эта книга была запрещена, по крайней мере — на Земле.

— Дон, ты достал ее у какого-то подпольного книго-торговца?

Дон продолжал молчать.

— Изволь отвечать!

Наконец Ривз вздохнул и сказал:

— Ну ладно, забудем это. Иди в свою комнату и собери вещи. Вертолет захватит тебя в Альбукерке. Тебе нужно успеть к часу дня.

— Да, сэр.

Он уже повернулся, чтобы уйти, но мистер Ривз остановил его.

— Минуточку. Мы погорячились, и я совсем забыл, что для тебя тут есть еще и второе послание.

— Да?

Дон взял лист бумаги. На нем было написано:

«Дорогой сын! Обязательно зайди попрощаться к дядюшке Дадли перед отъездом.

Мама».

Это письмо удивило его еще больше, чем первое; он с трудом догадался, что мама имеет в виду доктора Дадли Джефферсона — друга его родителей, но вовсе не родственника; и вообще человек этот не играл никакой роли в его жизни. Мистер Ривз, казалось, не видел в этом послании ничего странного, поэтому Дон сунул его в карман джинсов и вышел из комнаты.

Дон долго жил на Земле, но к проблеме упаковки багажа подошел как истинный межпланетник. Он знал, что на корабле разрешается бесплатно провозить всего пятьдесят фунтов багажа, поэтому он отбросил все вещи, без которых мог обойтись. Вскоре у него получилось две кучки: очень маленькая на кровати — самая необходимая одежда, несколько капсул с микрофильмами, счетная линейка, авторучка и рийта — марсианский музыкальный инструмент, напоминающий флейту, — на которой он изредка играл: его товарищи были против его музыкальных упражнений. На кровати соседа высилась большая куча отвергнутых вещей.

Он взял рийту, попробовал наиграть несколько мелодий... и отложил ее в большую кучу. Брать на Марс то, что сделано на Марсе, все равно что везти уголь в Ньюкасл.

В то время как он занимался всем этим, вошел Джек Мерроу, с которым он делил комнату.

— Что здесь происходит? Уборка?

— Я уезжаю.

Джек потер ухо.

— Я, кажется, оглох. Мне послышалось, что ты сказал, будто уезжаешь.

— Да. — Дон показал Джеку радиogramму от родителей.

Джек помрачнел.

— Скверно. Конечно, я знал, что мы последний год вместе, но не ожидал, что это будет так скоро. Я, наверное, буду плохо спать. Твой храп меня всегда убаюкивал. А к чему такая спешка?

— Не знаю. Честно, не знаю. Директор говорит, будто мои родители боятся, что начнется война, и по-

этому хотят, чтобы их драгоценное дитя было в безопасности. Но ведь это же глупо, правда? Я хочу сказать, что люди сейчас достаточно цивилизованны и не допустят новой войны.

Джек не ответил. Дон помолчал, затем резко сказал:

— Ты согласен? Ведь не будет никакой войны.

— Может быть, да, а может быть, и нет, — медленно ответил Джек.

— Ой, да брось ты...

Джек сменил тему:

— Хочешь, я помогу тебе собрать вещи?

— Тут и собирать нечего.

— А зачем эта большая куча?

— А это все твоё, если, конечно, ты захочешь. Выбери, что здесь тебе нравится, а затем можешь позвать других и отдать им все, что они захотят.

— Да? Послушай, Дон, я не хочу брать твои вещи. Я все это упакую и отошлю тебе.

— Не стоит. Ты никогда не посылал посылки на другие планеты? Это слишком дорого.

— Тогда продадим их! Вот что я тебе скажу: давай устроим аукцион сразу после ужина.

Дон покачал головой.

— Времени нет. Я отбываю в час дня.

— Что? Ну ты даешь, парень. Не нравится мне все это.

— Ничего не поделаешь.

Дон снова принялся сортировать вещи.

Несколько его друзей зашли попрощаться. Дон не афишировал свой отъезд и полагал, что директор тоже никому не сообщал. Но каким-то образом все об этом узнали. Он предложил им выбрать из вещей то, что им понравится. Конечно, после Джека.

Очень скоро Дон заметил, что никто из ребят не спрашивает, почему он уезжает, и это его обеспокоило. Он хотел сказать хоть кому-нибудь, что смешно ставить под сомнение его лояльность. Ведь не будет же войны!

Руб Солтер, живший в другом конце здания, просунул голову в дверь и оглядел собравшихся.

— Убегаешь, да? Я слышал об этом, но решил проверить.

— Я уезжаю, если ты это имеешь в виду.

— Да, я как раз это и имел в виду. Послушай, Дон Джеймс, как насчет твоего замечательного седла? Я куплю его, если сойдемся в цене.

— Оно не продается.

— Да? Но ведь там, куда ты едешь, лошадей нет. Назначь цену.

— Седло принадлежит Джеку.

— И оно не продается, — тут же подхватил Джек Мерроу. — Что, съел?

Солтер не унимался.

— И еще один вопрос: ты уже завещал кому-нибудь свою лошадку?

Лошади мальчиков, как правило, принадлежали школе, но ученику, покидавшему школу, разрешалось передать свою лошадь другому мальчику. Дон быстро поднял глаза: он не подумал о Лэйзи. Внезапно он с грустью осознал, что не сможет взять маленькую смешную толстую лошадку с собой — и не сможет даже проследить за тем, как о ней будут заботиться.

— Этот вопрос тоже решен, — ответил он и негромко добавил: — И здесь мы обойдемся без тебя.

— Кто получит лошадь? Я могу предложить хорошие деньги. Она не так уж хороша, но я хочу отделаться от своей козы.

— Вопрос уже решен.

— Будь разумнее. Ты слишком обидчив, как и все лягушатники, и не понимаешь своей выгоды. Ну ничего, скоро вас проучат.

Дон был вне себя. Гнев душил его. Кличка «лягушатники» относилась к людям, которые жили на Венере. В общем-то она не была слишком обидной, не более, чем «томми» для англичан или «янки» для американцев, — однако тон и обстоятельства, при которых это было сказано, были оскорбительны. Все смотрели на него и ждали.

Джек быстро встал с кровати и подошел к Солтеру.

— Проваливай, Солти. Я слишком занят, чтобы слушать твою болтовню.

Солтер посмотрел на Дона, на Джека, пожал плечами и сказал:

— Это я слишком занят, чтобы торчать здесь... но я найду время, если ты передумаешь.

Из столовой послышался гонг. Это разрядило обстановку. Несколько мальчиков направились к двери, и Солтер ушел вместе с ними. Дон задержался.

— Пошли? — сказал Джек.

— Джек...

— Да?

— Ты не мог бы взять Лэйзи?

— Слушай, Дон, я и рад бы тебе помочь, но что мне делать с Леди Мауди?

— Да, пожалуй, ты прав. Но что же мне делать?

— Постой. — Лицо Джека прояснилось. — Ты ведь знаешь новенького, Скуинти Морриса. Он из Манитобы. У него еще нет своей лошади. Он ездит на разных, на тех, которых мы называем «козы». Он будет хорошо обращаться с Лэйзи, я знаю. Я однажды давал ему Мауди. У него добрые руки.

Дон облегченно вздохнул.

— Ты устроишь это для меня и поговоришь с мистером Ривзом?

— Ты можешь поговорить с ним сам во время обеда. Пойдем.

— Я не хочу есть. И не хочу говорить об этом с директором.

— Почему?

— Не знаю. Когда он вызвал меня утром, он мне показался, как бы это сказать... не особенно дружелюбным.

— Что он сказал?

— Дело не в его словах, а в той манере, с которой он держался. Может быть, я и вправду слишком обидчив, но мне показалось, что он рад от меня избавиться.

Дон ожидал, что Джек будет возражать, но тот чуть помолчал, а затем сказал:

— Дон, не принимай это слишком близко к сердцу. Наверное, у директора нервы тоже на пределе. Ты знаешь, что он получил приказ?

— Какой приказ?

— Разве ты не знал, что он офицер запаса? Он получил приказ, который вступает в действие в конце

семестра. Без него школой будет руководить миссис Ривз.

Дон и так был взволнован, а теперь у него и вовсе голова пошла крутом. Без него... Как можно так говорить, ведь ничего еще не случилось.

— Это точно, — продолжал Джек. — Я узнал об этом от повара. — Он помолчал. — Послушай, мы с тобой друзья, верно?

— Да, конечно.

— Тогда скажи мне правду. Ты действительно летишь на Марс... или на Венеру, чтобы вступить в армию?

— С чего ты взял?

— Тогда забудем об этом. Поверь, это не повлияло бы на наши отношения. Мой отец говорил, что, когда наступает такой момент, когда нужно идти и сражаться, настоящий мужчина должен сделать шаг вперед. — Он посмотрел Дону прямо в глаза и добавил: — Если ты что-либо делаешь в этом отношении, это касается только тебя. Ты знаешь, что у меня скоро день рождения?

— Да. И что же?

— Я собираюсь поступить в школу пилотов. Вот почему я спрашивал тебя о твоих планах.

— А-а.

— Но в наших отношениях это ничего не меняет. К тому же... ты летишь на Марс.

— Да, на Марс.

— Вот и хорошо. — Джек посмотрел на часы. — Я должен бежать, а то останусь без обеда. Ты не идешь?

— Нет.

— Пока.

Он убежал. Дон постоял в раздумье. Старина Джек, похоже, слишком серьезно относится ко всему этому, если бросает учебу ради того, чтобы поступить в школу пилотов. Но он не прав. Он не может быть прав.

Дон пошел к стойлам. Лэйзи узнал его и принялся тыкаться мордой в карманы в ожидании кусочка сахара.

— Извини, старина, — печально сказал Дон. — У меня нет ничего, даже морковки. Я забыл.

Он прижался щекой к лошадиной морде, почесал пони за ухом. Он тихо разговаривал с лошадьё, все ей объясняя, словно Лэйзи мог понять его.

— Вот такие дела, — сказал он в заключение. — Мне нужно уезжать, и взять тебя с собой я не могу.

Он вспомнил день, когда встретился с ним. Лэйзи был тогда почти жеребенком, но Дон очень боялся его. Он казался огромным, опасным, даже хищным. До приезда на Землю Дон ни разу не видел лошадей. Лэйзи был первым.

Внезапно у Дона перехватило горло, он больше не мог говорить. Он обхватил пони за шею и заплакал.

Лэйзи тихо заржал, ласкаясь к мальчику. Дон поднял голову.

— До свидания, лошадка, береги себя.

Он резко повернулся и побежал к общежитию.

Глава 2

«МЕНЕ, МЕНЕ, ТЕКЕЛ, ФАРЕС»

Даниил, гл. 5, стих 25

Школьный вертолет высадил Дона на летном поле Альбукерка. Надо было поспешить, чтобы успеть на ракету, поскольку служба контроля полетов требовала, чтобы ракеты совершали большой крюк, облетая военный центр в Сенде. Когда он поставил багаж на весы, ему еще раз пришлось столкнуться с предписаниями службы безопасности.

— У тебя есть фотоаппарат, паренек? — спросил чиновник у весов.

— Нет, а что?

— Лучи, которыми мы проверяем багаж, засвечивают пленку.

Осмотр закончился — рентгеновские лучи не обнаружили ни одной бомбы в его нижнем белье. Дону вернули багаж, и он ступил на борт ракетоплана «Дорога в Санта-Фе», который курсировал между Юго-Западом и Новым Чикаго. Очутившись внутри, он пристегнул ремни и стал ждать, удобно устроившись на подушке кресла.

Грохот двигателей на старте беспокоил его больше, чем перегрузки. Но когда ракета превысила скорость

звука, шум прекратился, остался позади, ускорение нарастало, и он потерял сознание.

Он пришел в себя, когда ракета начала свободный полет по гигантской гиперболе. Он почувствовал огромное облегчение, освободившись от тяжести, которая разрывала его грудную клетку, заставляла бешено работать сердце и превращала мышцы в желе. Но прежде чем он успел насладиться чудесным ощущением свободы, он почувствовал нечто новое: желудок стремился выбросить наружу свое содержимое. Сначала Дон даже испугался: такого с ним никогда не бывало. Затем у него появилось внезапное подозрение. Может ли такое быть? Ну нет, только не с ним... ведь он родился в космосе. Космическая дурнота — удел жителей Земли, которые всю жизнь ползают по поверхности планеты!

Но вскоре подозрение перешло в уверенность: за годы легкой жизни на Земле он потерял свой иммунитет. С скрытым смущением он признал, что с ним случилось то же, что может случиться с любым землянином. При посадке ему даже не пришлось в голову попросить сделать укол против дурноты, хотя он и проходил мимо двери, на которой был нарисован красный крест.

И вскоре его тайна вышла наружу. Он едва успел схватить гигиенический пакет. После этого он почувствовал себя лучше, хотя и ощущал слабость. Он внимательно прослушал по радиосети рассказ о местности, над которой они пролетали. В районе Канзас-Сити небо изменило цвет с черного на пурпурный и крылья снова оперлись о воздух. Снова навалилась перегрузка: ракета тормозила, продолжая планирующий полет по длинной траектории и приближаясь к Новому Чикаго. Дон поднял свое кресло и сел.

Двадцать минут спустя ракета подлетела к посадочной полосе. Двигатели включились по команде с Земли, и «Дорога в Санта-Фе», погасив скорость, опустилась на посадочную полосу. Весь путь занял меньше времени, чем полет на вертолете от школы до Альбукерка, — немногим менее часа. Когда-то фургоны поселенцев проходили его за восемьдесят суток, если повезет. Ракета местного сообщения приземлилась на широком

поле; поблизости раскинулось совсем уж огромное поле — космический порт планеты. Когда-то на этом месте стоял Старый Чикаго.

Выходя из ракеты, Дон задержался, пропуская вперед семью индейцев навахо, и вышел следом за ними. Дон ступил на трап, и тот доставил его в здание космопорта. Его поразили огромные размеры здания, которое возвышалось на много этажей вверх и уходило вниз, под землю. Станция «Терра» обслуживала не только трассу из Санта-Фе, но и трассу 66 и еще целую дюжину местных и межконтинентальных линий. Здесь же взлетали ракеты к станции «Терра-Орбитальная», где уже было сообщение с Луной, Венерой, Марсом и с лунами Юпитера. Это был становой хребет империи, простиравшейся далеко за пределами Земли.

Привыкнув к обширным безлюдным пространствам пустыни Нью-Мексико, а перед этим — к пустоте космоса, Дон чувствовал себя неуютно в шумной толпе: в этом муравейнике трудно было сохранить невозмутимость и достоинство. Конечно, к этому можно было привыкнуть. Он нашел светящееся объемное изображение глобуса, служащее указателем, и направился к окошку регистрации. Чиновник с равнодушной физиономией сказал, что места на «Валькирии» для него нет. Дон терпеливо объяснил, что билет бронировался с Марса, и показал радиограмму. Явно недовольный тем, что ему приходится что-то делать, чиновник неохотно согласился запросить «Терру-Орбитальную», и оттуда подтвердили, что билет для Дона есть. Чиновник дал отбой и снова обратился к Дону:

— Платить будете наличными или чеком?

У Дона было такое ощущение, словно пол под ним провалился.

— Я полагал, что билет уже оплачен.

У Дона был аккредитив, но его не хватило бы, чтобы оплатить перелет на Марс.

— Да? Мне об этом ничего не сказали.

По настоянию Дона чиновник снова связался с орбитальной станцией. Билет действительно оказался оплаченным. Неужели этот клерк не мог разобраться в своих собственных документах? С недовольным видом чиновник выдал Дону билет в каюту N 64 ракетного

корабля «Дорога славы», который должен был стартовать с Земли на орбитальную станцию «Терра» следующим утром в 9 часов 3 минуты 57 секунд.

— Вы прошли проверку службы безопасности?

— Что это такое?

Лицо чиновника выразило откровенную радость; теперь он с полным основанием мог отказать в выдаче билета. Он потянул билет к себе.

— Вы не даете себе труда следить за новостями. Покажите-ка мне ваше удостоверение личности.

Дон неохотно протянул документ, чиновник сунул его в отверстие машины и вернул.

— Теперь отпечатки ваших пальцев.

Дон оттиснул пальцы и спросил:

— Теперь все? Могу я получить свой билет?

— Он еще спрашивает, все ли это! Вы должны явиться сюда завтра, за час до отлета корабля. Тогда получите свой билет — в том случае, если ИБР даст разрешение.

Чиновник отвернулся. Дон понял, что разговор окончен, и отошел в сторону. Он не представлял себе, что будет делать дальше. Директору школы он сказал, что остановится на ночь в отеле «Караван-сарай». Несколько лет назад его семья останавливалась в этом отеле, а других он не знал. С другой стороны, следовало бы сделать попытку разыскать доктора Джефферсона — дядюшку Дадли, — поскольку так велела мать. Было едва за полдень, он решил сдать вещи в камеру хранения и начать розыски.

Освободившись от вещей, он зашел в пустую телефонную кабину и нашел в книге номер доктора. Автоответчик вежливо сообщил, что доктора Джефферсона нет дома, и предложил оставить для него сообщение. Дон как раз обдумывал, что продиктовать, когда голос с дружескими интонациями нарушил молчание:

— Для тебя я дома, Дональд. Где ты сейчас, малыш?

Зажегся экран, и Дон увидел полузабытые, но все же знакомые черты доктора Дадли Джефферсона.

— На станции «Терра». Я только что прилетел.

— Тогда хватай такси и немедленно приезжай ко мне.

— Я не хотел вас беспокоить, доктор, но мама настаивала, чтобы я попрощался с вами.

В душе он надеялся, что доктор Джефферсон будет слишком занят. Он не часто бывал в больших городах и не собирался тратить свой последний вечер на Земле, обмениваясь любезностями с другом своей семьи. Он хотел погулять и посмотреть, что современный Вавилон может предложить для развлечений. Его аккредитив просто жег ему карман, хотелось потратить хотя бы часть денег.

— Не беспокойся об этом. Надеюсь увидеть тебя через несколько минут. За это время я приготовлю что-нибудь поесть. Например, выберу и заколю для тебя тельца упитанного. Кстати, ты получил от меня посылку? — Лицо доктора внезапно стало внимательным.

— Нет.

Доктор Джефферсон что-то пробормотал в адрес почтовой службы.

— Может быть, она догоняет меня? Там что-то важное?

— Ничего особенного, поговорим об этом позже. Ты где остановился?

— В «Караван-сараях», сэр.

— Ну тогда подстегни своих верблюдов, и посмотрим, как быстро ты сюда доберешься. Желаю чистого неба и благополучного приземления, сэр!

И они оба отключили аппараты. Дон вышел из кабинки и принялся разыскивать стоянку такси. Здание космопорта казалось более чем всегда заполненным людьми в форме, причем не только пилотами и обслуживающим персоналом, но и военными различных родов войск и, конечно, вездесущими полицейскими сил безопасности. Дон пробился через толпу к спуску на площадку, затем по туннелю спустился вниз. Наконец он нашел стоянку такси и встал в очередь.

Рядом растянулся большой, неприятно похожий на ящерицу дракон с Венеры. Продвинувшись вместе с очередью и оказавшись рядом с драконом, Дон просветил ему вежливое приветствие.

Дракон посмотрел на мальчика одним глазом. На «груди» его, между передними ногами, на таком расстоянии, чтобы легко можно было дотянуться щупальцами, был укреплен небольшой металлический ящик — во-

дэр. Щупальца нажали на клавиши, и существо с Венеры ответило ему — с помощью металлической речи водэра, а не свистом своего родного языка:

— Я вас также приветствую, молодой джентльмен. Приятно среди иностранцев услышать звуки родного языка, к которым привык еще в яйце.

Дон с удовольствием заметил, что пришелец с другой планеты выражался с явным акцентом кокни, хоть и пользовался металлическим переводчиком.

Дон просвистел в ответ стандартную вежливую формулу, основной смысл которой сводился к пожеланию собеседнику легкой и приятной смерти.

Существо с Венеры поблагодарило его с помощью водэра и добавило:

— Мне не совсем понятно ваше произношение. Доставьте мне удовольствие и говорите со мной на вашем языке, чтобы я мог попрактиковаться в нем.

Дон понял, что его свист был настолько несовершенным, что существо с Венеры с трудом его понимало, и сейчас же перешел на человеческий язык.

— Меня зовут Дон Харви, — сказал он и еще раз просвистел эту фразу, чтобы передать смысл своего имени на языке венериан — «Туман Над Водами».

Это имя выбрала ему мать, и он не видел в нем ничего смешного. Дракон тоже не нашел в нем ничего смешного. Он просвистел свое имя и проговорил через водэр:

— Меня зовут Сэр Исаак Ньютон.

Дон понимал, что существо с Венеры, называя себя таким именем, следовало общей традиции драконов: брать удобства ради имени выдающихся людей Земли, которые вызывали у них уважение.

Дон хотел спросить Сэра Исаака Ньютона, не знает ли он семью его матери, но очередь продвигалась вперед, а дракон оставался на месте. Дону пришлось двигаться вместе с очередью, чтобы не потерять свое место. Существо с Венеры проводило его взглядом одного глаза и выразило на прощание надежду, что смерть Дона будет приятной.

Непрерывный поток такси прервался; подошел большой тягач с платформой, с нее спустили трап. Дракон встал на шесть могучих лап и поднялся по трапу. Дон

просвистел ему вслед слова прощания и с неприятным ощущением заметил, что за ним внимательно наблюдает полицейский службы безопасности. К счастью, тут подошла его очередь, он сел в такси и захлопнул колпак.

Дон набрал адрес и откинулся на сиденье. Маленький автомобильчик рванулся вперед, преодолел небольшой подъем, промчался через туннель и въехал в подъемник. Дон попытался запомнить дорогу, но Новый Чикаго напоминал муравейник, и даже для специалиста-топографа это было бы тяжелой задачей.

Казалось, что кибер-водитель уверенно выбирает дорогу; во всяком случае компьютер, управляющий всеми такси, знал, куда его направить. Остальную часть пути Дон провел в размышлениях о неприветливом чиновнике, о подозрении, которое он вызвал у полицейского, и о посылке доктора Джефферсона. Последнее мало его беспокоило. Он думал о том, что почта работает плохо и посылка просто затерялась. Он надеялся, что мистер Ривз догадается переслать его корреспонденцию на Марс.

Затем он вспомнил Сэра Исаака. Как приятно встретить земляка!

Квартира доктора Джефферсона располагалась в фешенебельной части города, на одном из подземных этажей. Получилось так, что Дон все-таки не сумел самостоятельно прибыть к месту назначения; когда такси остановилось у входа, он попытался выйти, но дверца не открывалась. Он вспомнил, что прежде должен заплатить за проезд, и тут обнаружилось, что, прежде чем садиться в такси-автомат, следовало позаботиться о монетах. Автомобиль-робот был умной машиной, но аккредитивы разменивать не умел.

Дон в полном отчаянии ожидал, что сейчас автомобильчик отвезет его в ближайший полицейский участок, но в это время явился спаситель — доктор Джефферсон.

Доктор дал ему монеты, чтобы Дон опустил их в счетчик, и провел его в свою квартиру.

— Забудь об этом, мой мальчик. Такое бывает и со мной примерно раз в неделю. Сержант в местном полицейском участке держит в своем ящике кучу монет, чтобы выручать меня из лап этих наших механических узурпаторов. Я оплачиваю ему эту услугу раз в квартал и добавляю на чай. Садись. Хочешь шерри?

— Нет, благодарю вас, сэр.

— Тогда кофе. Сливки и сахар перед тобой. Что пишут родители?

— Как обычно. Оба чувствуют себя хорошо, много работают, и всякое такое.

Он незаметно осмотрелся по сторонам. Комната была большой, удобной, даже роскошной, хотя книги, разбросанные повсюду — на полках, на столе и даже на стульях, — несколько портили это впечатление. В углу пылал камин; конечно, это была имитация, но совершенная: огонь был неотличим от настоящего. Через приоткрытую дверь он мог видеть и другие комнаты. Он прикинул в уме приблизительную стоимость такой квартиры в Новом Чикаго, и у него захватило дух. Прямо перед ним было большое панорамное окно, из которого, в общем-то, должен был открываться вид на подземную часть города. Но вместо этого в нем был живой горный пейзаж: ручей и хвойные деревья. Пока он разглядывал все это, из воды выпрыгнула форель.

— Я знаю, что они много работают, — сказал хозяин квартиры. — Они всегда много работали. Твой отец всегда стремился постичь все тайны, которые накопились за миллионы лет. Это невозможно, но он все же пытается, и у него кое-что выходит. Представь себе, малыш, когда твой отец начинал свою карьеру, мы даже не подозревали, что некогда существовала Первая Империя системы... Если, конечно, она была первой, — добавил он задумчиво. — К настоящему времени мы обследовали руины на дне двух океанов Земли и сопоставили полученную информацию с раритетами других планет. Конечно, не один твой отец проделал всю эту работу, но его вклад трудно переоценить. Твой отец — великий человек, Дональд, и твоя мать — тоже; они действуют как одна команда. Угощайся сэндвичами.

— Спасибо,— ответил Дон и занялся едой, избегая отвечать на слова доктора.

Ему было приятно слышать похвалы в адрес своих родителей. Но ему казалось нескромным проявлять свое удовольствие и соглашаться с этими словами. Однако доктор был способен говорить и в одиночестве.

— Конечно, возможно, мы так и не найдем ответа на все вопросы. Например, как самая великая из планет системы, которая была родиной Империи, была разрушена и превращена в космические обломки. Твой отец провел четыре года в поясе астероидов — и ты был с ним, не так ли? — и не нашел ответа на этот вопрос. Была ли это двойная система, такая же, как Земля и Луна, разрушилась ли она в результате воздействия приливных сил или была взорвана?

— Взорвана? — переспросил Дон. — Но ведь это теоретически невозможно...

Джефферсон покачал головой.

— Многие считаются невозможным до тех пор, пока не происходит в действительности. Можно написать целую историю «науки наоборот», собрав утверждения самых высоких авторитетов о том, чего никогда не может быть. Ты изучал математическую философию, Дон? Ты знаком с бесконечными слоями Вселенной и системой неоткрытых постулатов?

— Боюсь, что нет, сэр.

— Это простая и очень увлекательная идея. Она утверждает, что все возможно, — я хочу сказать: *абсолютно все или случится когда-нибудь, или уже случилось*. Все. Одна Вселенная, в которой вы в настоящее время пьете вино, другая — в которой пятая планета Солнечной системы никогда не была разрушена, еще одна — где атомная энергия и ядерное оружие является невозможным, как, кстати, утверждали наши предки. Вот это последнее имеет большой смысл; во всяком случае, для таких невоинственных людей, как я. — Он встал. — Не слишком увлекайся сэндвичами. Я собираюсь повести тебя в ресторан, где кроме всего прочего будет и еда... такая, какую Зевс обещал своим богам, но так и не смог ее достать.

— Мне не хотелось бы отнимать у вас слишком много времени, сэр.

Дон все еще надеялся, что ему удастся поразвлечься в городе самостоятельно. Он с удовольствием представлял себе ужин в каком-нибудь дорогом мужском клубе, а вместо этого вечер будет убит на натянутую и банальную беседу с доктором. А ведь это был его последний вечер на Земле.

— Дон, что такое время? Каждый час, который нам предстоит, обещает столько же нового, как и только что прошедший. Ты уже снял номер в «Караван-сарая»?

— Нет, сэр. Я оставил свои вещи в багажном отделении порта.

— Хорошо, ты останешься на ночь у меня; мы пошлем за твоими вещами позднее. — Тон доктора Джефферсона несколько изменился. — А вся твоя корреспонденция придет к тебе в гостиницу?

— Да.

Дон был удивлен, увидев на лице доктора озабоченность.

— Ну ладно. Мы проверим это позднее. Речь идет о пакете, который я тебе отправил. Его перешлют по твоему новому адресу?

— Не знаю, сэр. Обычно почта приходила к нам два раза в день. Если почта пришла после того, как я уехал, то, естественно, она останется там до утра. Но если об этом позаботится директор школы, он может отправить корреспонденцию срочной почтой, чтобы я смог получить ее до завтрашнего утра, до отлета корабля.

— Ты хочешь сказать, что ваша школа не обслуживается пневмолинией?

— Нет, сэр. Обычно утреннюю почту привозит повар: он делает покупки в городе — а вечернюю почту доставляет вертолет.

— У вас прямо-таки необитаемый остров. Ну хорошо. Мы узнаем об этом после полуночи. Даже если почта не прибудет в срок, не беспокойся.

Тем не менее он казался озабоченным и почти не разговаривал с Доном, когда они ехали в ресторан...

Ресторан носил не очень удачное название «Задняя комната» и не имел никакой вывески. Это была просто

одна из многочисленных дверей в стене здания. Но, очевидно, многие знали о нем и очень хотели попасть в него, хотя величавый швейцар пускал за бархатный шнур далеко не всех. Однако он узнал доктора Джефферсона и вызвал метрдотеля. Доктор сделал жест, понятный официантам всех времен и народов, бархатная веревка была опущена, и их торжественно, словно королей, провели к столику у края танцевальной площадки. У Дона глаза полезли на лоб, когда он узнал о размере чаевых, поэтому выражение его лица в момент, когда он увидел официантку, было вполне подходящим.

Его реакция была самой тривиальной: он никогда не видел женщины красивее. Доктор Джефферсон взглянул на него и рассмеялся.

— Не трать напрасно свой энтузиазм, сынок. Девушки, за право посмотреть на которых мы заплатили, будут вон там. — Он показал на танцевальную площадку. — Начнем с коктейля?

Дон отказался и поблагодарил.

— Как тебе будет уютно. У тебя уже приподнятое настроение, и, думаю, зрелище не причинит тебе вреда. Но может, ты позволишь заказать ужин?

Дон согласился. Пока доктор Джефферсон консультировался с «принцессой-рабыней» насчет меню, Дон огляделся. Зал изображал веранду на открытом воздухе поздним вечером. Над головой сияли звезды. Высокая кирпичная стена шла вокруг зала, закрывая несуществующее пространство вдаль. Ветки яблонь свешивались через стену и шевелились от легкого ветерка. Старинный колодец с журавлем стоял в глубине зала. Дон увидел, как другая «принцесса-рабыня» подошла к нему, подняла журавль и вытащила серебряное ведро с бутылкой.

Там же, у края танцевальной площадки, на месте столика стояла прозрачная пластиковая капсула на колесах. Дон никогда не видел ничего подобного, но сразу же догадался, что это. Это была марсианская «коляска», передвижной модуль с кондиционированием, чтобы создавать внутри холодную разреженную атмосферу, привычную для жителя Марса. Существо, сидевшее внутри, можно было разглядеть: его хилое

тело поддерживалось металлическими сервоконструкциями, которые компенсировали высокую гравитацию третьей планеты, рудиментарные крылья были печально опущены. Он не шевелился. Дон пожалел его.

Еще ребенком он встречался на Луне с марсианами, но тяготение на Луне было еще слабее, чем на Марсе, и не превращало этих существ в паралитиков, что было для них очень болезненно. Посещая Землю, марсиане сильно рисковали. Интересно, что привело на Землю это существо? Может быть, он прибыл с дипломатической миссией?

Доктор Джефферсон отпустил официантку, поднял глаза от меню и заметил, что Дон уставился на марсианина.

— Меня просто заинтересовало, что он здесь делает, — сказал Дон. — Конечно, он пришел сюда не есть.

— Возможно, он хочет посмотреть, как кормятся животные. Я считаю, что это правильное объяснение, хотя бы отчасти. Посмотри хорошенько вокруг себя. Ты нигде не увидишь ничего подобного.

— Да уж. Во всяком случае, не на Марсе.

— Это не то, что я имею в виду. Это Содом и Гоморра, парень. Мы прогнали до самой сердцевины и катимся по наклонной плоскости в пропасть. Возможно, и весь земной шар. Не думай об этом. Старайся получше провести время.

Дон с удивлением посмотрел на него.

— Доктор Джефферсон, вам нравится здесь жить?

— Мне? Я так же разлагаюсь, как и город, в котором живу. Это мое естественное окружение. Но это не мешает мне отличать ястреба от ручной пилы.

Оркестр, игравший мягкую музыку, внезапно замолк. Включился экран оповещения:

«Бермуды. Официальное сообщение.

Департамент по делам колоний только что сообщил, что временный комитет Венеры отверг нашу ноту. Из кругов, близких к председателю Федерации, сообщают, что такое развитие событий ожидалось и поэтому причин для беспокойства нет».

Вновь загорелись светильники и зазвучала музыка. Губы доктора Джефферсона растянулись в саркастической улыбке.

— Как кстати, — прокомментировал он, — как похоже. Знаки судьбы начертаны на стене.

Он стал было говорить что-то по этому поводу, но был отвлечен началом представления. К этому времени сцена незаметно куда-то исчезла. Сейчас на ее месте была яма, из нее поднималось облако, мерцающее пурпурными огнями. Облако рассеялось, и Дон снова увидел сцену, но теперь на ней были танцовщицы.

Доктор Джефферсон был прав: смотреть стоило на них, а не на официанток. Внимание Дона было так занято зрелищем, что он даже не заметил, как подали еду.

Доктор тронул его за локоть.

— Съешь что-нибудь, прежде чем упадешь в обморок.

— Что? О да, сэр.

Он ел с аппетитом, но не отрывал глаз от танцовщиц. Среди них появился мужчина, он исполнял партию Тангейзера, но Дон не знал этого, и его это не интересовало. Дон замечал мужчину только тогда, когда тот заслонял танцовщиц. Он быстро покончил с содержимым тарелки, не замечая, что, собственно, ест.

— Тебе понравилось? — спросил доктор Джефферсон.

Дон проглотил два куска, прежде чем догадался, что доктор спрашивает о еде, а не о танцовщицах.

— О да, это очень вкусно. — Он посмотрел в тарелку. — Но что это было?

— Разве ты не узнаешь? Маленький жареный грегорианец.

Потребовалось несколько секунд, прежде чем Дон сообразил, что он съел. Еще ребенком он видел сотни этих маленьких, похожих на сатиров двуногих — *faunus gregarius Veneris Smythii*. Но он так и не мог совместить это понятие с обычным коммерческим названием, данным этому дружелюбному существу. И он, и его друзья по детским играм в колониях Венеры всегда называли их «неуклюжиками» из-за привычки сталкиваться друг с другом. Они всегда терлись о пле-

чи, садились на колени и всякими другими способами старались приласкаться.

Съесть маленького неуклюжика?! Он почувствовал себя людоедом, и во второй раз в этот день его затошнило. Он слотнул и приложил все усилия, чтобы подавить свои эмоции, но, конечно, не мог больше даже смотреть на еду.

Он снова взглянул на сцену. Там человек с усталыми глазами в быстром темпе выстреливал шутки, одновременно жонглируя горящими факелами. Дона это не интересовало. Он стал разглядывать зал. Вдруг он встретился глазами с человеком, что сидел столика через три от них, и тот отвел взгляд с деланным безразличием. Дон задумался, потом еще раз внимательно посмотрел на этого человека и решил, что видел его раньше.

— Доктор Джефферсон!

— Да, Дон?

— Вам никогда не приходилось встречаться с венерианским драконом, который называет себя Сэр Исаак Ньютон? — Дон просвистел на венерианском языке настоящее имя этого существа.

— Замолчи! — прошипел доктор.

— Почему?

— Не афишируй без нужды свое происхождение, по крайней мере сейчас. Почему ты спрашиваешь об этом Сэре Исааке Ньютоне? — он говорил тихо, едва заметно шевеля губами.

Дон рассказал ему о случайной встрече на станции «Терра».

— Когда подходила моя очередь, я был совершенно уверен, что полицейский следит за мной. А сейчас он сидит вон там, только теперь в штатском.

— Ты уверен?

— Да, пожалуй, уверен.

— М-да. Может быть... Может быть... Ты не ошибаешься? Может, он здесь во внеслужебное время. Хотя полицейские службы безопасности не могут посещать этот ресторан, во всяком случае на свое жалованье. Послушай... не обращай на него внимания и не говори больше ни об этом драконе, ни о Венере. Просто делай вид, что ты весело проводишь время. Но внимательно слушай, что я тебе буду говорить.

Дон попытался выполнить эти указания, но ему было трудно «весело проводить время». Даже когда вновь появились танцовщицы, его так и тянуло отвернуться и взглянуть на человека, который испортил ему вечер. Тарелку из-под жареного грегорианца унесли, и доктор Джефферсон заказал для него другое блюдо, которое называлось «Этна». Оно действительно походило на вулкан: из его верхушки подымалась струя пара. Дон погрузил в него ложку и обнаружил, что блюдо сделано из чего-то, одновременно напоминающего огонь и лед, поражая вкусовые ощущения немыслимым сочетанием противоположных стихий. Сначала он удивился, как это вообще можно есть. Исключительно из вежливости он попробовал еще раз, но вскоре с сожалением обнаружил, что съел все.

Во время антракта Дон попытался узнать у доктора, что он думает об угрозе войны, но тот перевел разговор на его родителей и их работу, а затем на проблемы прошлого и будущего системы.

— Не беспокойся об этом, парень. Это всего лишь неизбежная прелюдия к консолидации системы. Через пять сотен лет историки вряд ли даже обратят внимание на то, что сейчас происходит. Тогда появится Вторая Империя из шести планет.

— Из шести? Вы думаете, что мы сможем что-нибудь сделать с Юпитером и Сатурном? Или вы имеете в виду луны Юпитера?

— Нет, я имею в виду шесть планет средней величины. Мы передвинем Нептун и Плутон поближе к Солнцу и отведем Меркурий подальше.

Идея перемещения планет поразила Дона. Это казалось совершенно невозможным, но он воспринял это как реальность, поскольку человек, с которым он сейчас разговаривал, утверждал, что возможно абсолютно все.

— Человеческой расе нужно очень много места, — продолжал доктор Джефферсон. — В конце концов, Марс и Венера тоже имеют свое разумное население. Мы не можем вытеснять их, применяя политику геноцида, — еще неизвестно, против кого это обернется. Но перестройка системы — всего лишь инженерная работа, не более того. Через пять веков больше землян

будет жить вне системы, чем внутри нее. Мы заселим системы желтых карликов в окрестностях Солнца. Ты знаешь, Дон, что бы я сделал на твоём месте? Я бы постарался обеспечить себе место на «Первопроходце».

— Мне бы это подошло, — согласился Дон.

«Первопроходцем» назывался межзвездный корабль, рассчитанный на полет только в одну сторону, без возвращения. Его начали строить на лунных верфях еще до рождения Дона. Скоро он должен был стартовать. Все или почти все сверстники Дона мечтали полететь на этом корабле.

— Конечно, — добавил доктор, — тогда тебе придется выбрать невесту.

Он показал на сцену, которая вновь заполнилась танцовщицами.

— Взгляни, к примеру, на эту блондинку. Очень милая девочка. Во всяком случае, она выглядит здоровой.

Дон улыбнулся и почувствовал себя опытным мужчиной.

— Возможно, ее вовсе не привлекает мысль открывать новые горизонты. Она выглядит вполне довольной тем, что имеет.

— Этого нельзя утверждать заранее. Подойдите сюда, — доктор Джефферсон подозвал метрдотеля.

Деньги перешли из рук в руки. Очень скоро блондинка подошла к их столу, но садиться не стала. Она была певицей, исполнительницей песен в ритме «там-там», и продолжала петь прямо в ухо Дону. Причем слова были такие, что смутили бы Дона, даже если бы она говорила с ним наедине. Он даже покраснел, перестав чувствовать себя опытным мужчиной, и вновь в душе подтвердил свое решение не брать эту девицу к звездам. И все же ему нравилось то, что происходило вокруг.

Сцена опустела, зажегся яркий свет и вдруг снова погас, а от экрана оповещения донеслось: *«Налет из космоса. Тревога. Налет из космоса. Тревога...»*

Все огни погасли.

Глава 3

БЕГЛЕЦЫ

Одно бесконечно долгое мгновение сохранялись полная темнота и тишина, не нарушаемые даже шелестом вентиляторов. Затем узкий луч высветил в центре сцены лицо комика-конферансье. Он произнес нарочито низким голосом, несколько в нос:

— Следующим номером будет... «Танец обреченных». — Он засмеялся, затем бодрым голосом добавил: — Сидите спокойно и держитесь за свои деньги, поскольку некоторые из тех, кто вас обслуживает, — родственники администрации. Это всего лишь учебная тревога. Во всяком случае над вашими головами сто футов железобетона — и, главное, толстые чековые книжки. А теперь, чтобы создать должное настроение для следующего номера нашей программы — а это будет мой номер, — вам предстоит выпивка за счет заведения. — Тут он наклонился вперед и крикнул: — Эй, Гerti, принеси-ка сюда то, что мы только что разгрузили. Будем считать, что сейчас — канун Нового года.

Дон почувствовал, что напряжение в зале начало спадать, он и сам испытал облегчение. Он очень удивился, ощутив чью-то руку на своем запястье.

— Спокойно, — шепнул ему в ухо доктор Джефферсон.

Дон позволил вывести себя куда-то в темноту. Доктор, очевидно, знал или помнил расположение столиков в зале; они вышли, ни на что не наткнувшись, и только однажды прикоснулись к кому-то в темноте, впрочем, без последствий. Казалось, они идут по какому-то длинному коридору, наполненному угольной чернотой. Затем они свернули за угол и остановились.

— Но вам не следует выходить наружу, сэр, — услышал Дон чей-то голос.

Ответ доктора Джефферсона прозвучал спокойно и так тихо, что Дону не удалось его расслышать. Что-то прошелестело; они снова двинулись вперед, прошли через дверь и свернули налево.

Они продолжали идти через туннель — Дон был уверен, что это туннель перед входом в ресторан, хотя теперь он казался повернутым на девяносто градусов. Все происходило в темноте. Доктор Джефферсон молча тянул его за собой, держа за запястье. Они снова повернули и спустились по лестнице.

Вокруг них были еще какие-то люди, но немного. Один раз кто-то схватил Дона, тот яростно ударил в темноту кулаком и ощутил что-то мягкое. Послышался тихий стон. После этого доктор Джефферсон потащил его еще быстрее.

Наконец он остановился и начал что-то нащупывать в темноте. Послышался женский вопль. Доктор быстро отпрянул, прошел еще несколько шагов назад и снова остановился.

— Здесь, — сказал он наконец. — Влезай.

Он толкнул Дона вперед и положил на что-то руку. Дон понял, что это запаркованное такси с откинутым колпаком. Он забрался внутрь, доктор последовал за ним, захлопнул колпак.

— А сейчас, — сказал он спокойно, — мы можем поговорить. Мы нашли такси, но не можем никуда поехать, пока не возобновится подача энергии.

Дона трясло от возбуждения. Он заставил себя успокоиться и спросил:

— Доктор, это в самом деле нападение?

— Сильно сомневаюсь, — ответил доктор. — Могу почти с уверенностью сказать, что это ложная тревога. Точнее, надеюсь... Но она дала нам возможность уйти оттуда незамеченными.

Дон задумался. Доктор сказал:

— Что тебя беспокоит? То, что мы не заплатили по счету? У меня в этом заведении кредит.

Дону эта мысль даже не пришла в голову. Он так и сказал, добавив:

— Наверное, все из-за этого полицейского?

— Да, к сожалению.

— Ну... я мог и ошибиться. Он очень похож на того человека. Но я не представляю, как он мог следить за мной, даже если бы он сразу же сел в следующее такси. Я отчетливо помню, что мое такси было единственным на подъезднике. Это исключает возможность слежки. Даже если это тот самый полицейский, это, скорее всего, случайность. А может, он разыскивал меня?

— Забудь об этом. А что касается слежки... ты знаешь, как работают автоматические такси?

— Ну, в общих чертах...

— Если полицейский службы безопасности решил проследить за тобой, ему вовсе не обязательно ехать за твоим такси. Достаточно позвонить и сообщить номер. За этим номером проследят на центральном мониторе в диспетчерской. Если ты не успел добраться до места назначения прежде, чем сработал монитор, они по коду узнают, куда ты направился, и сразу сообщают полиции. Это означает, что другой офицер службы безопасности будет поджидать тебя. Тогда и начинается слежка. Когда я позвонил, чтобы вызвать такси, мой заказ попал в монитор. И номер такси тоже. В результате у нас появилась возможность увидеть твоего знакомого в «Задней комнате». Он сидел там еще до того, как мы приехали. Правда, они использовали того же самого человека. Но мы должны простить их: ведь сейчас они здорово загружены работой.

— Но зачем я им нужен? Даже если они считают меня полезным, я ведь не какая-нибудь важная персона?

Доктор Джефферсон помешкал, затем сказал:

— Дон, я не знаю, сколько у нас времени для разговора. Пока нет энергии, мы можем беседовать свободно. Но как только включат ток, они нас услышат. А мне нужно сказать тебе многое. Мы не сможем говорить.

— Почему?

— Все автоматические такси снабжены специальными микрофонами. Гнусно все это... Кстати, он мог слушать тебя даже в ресторане, несмотря на шум оркестра. Для этого они используют направленные микрофоны. А теперь слушай внимательно. Мы должны найти посылку, которую я отправил тебе. Мы обязаны это сделать. Я хочу, чтобы ты доставил ее своему отцу... Следующий пункт: ты обязательно должен попасть на ракету, стартующую завтра утром. Третий пункт: тебе не следует оставаться со мной сегодня вечером. Мне очень жаль, но так будет лучше. Четвертый пункт: когда включат электричество, мы не будем говорить ни о чем конкретном, не будем называть никаких имен. Затем я останавливаю такси около телефонной будки, и ты позвонишь в «Караван-сарай». Если посылка пришла, ты сразу же покинешь меня, вернешься на станцию, возьмешь свои вещи, поедешь в отель, зарегистрируешься там и получишь свою почту. Завтра утром ты сядешь на корабль и улетишь. Не звони мне. Ты все понял?

— Да, сэр. — Дон помедлил минуту, затем выпалил: — Но почему? Я ничего не понимаю, но мне кажется, я должен знать, зачем все это.

— Что тебе хочется узнать?

— Ну-у... что в этой посылке?

— Сам увидишь. Ты можешь открыть ее, посмотреть и затем принять решение. Если ты решишь не брать ее, это твое дело. Но что касается остального... Какие у тебя политические убеждения?

— Ну... на этот вопрос довольно трудно ответить, сэр.

— Мои политические убеждения в твоем возрасте были тоже не очень-то ясными. Сформулируем иначе. Хотел бы ты быть вместе со своими родителями, пока не сформируются твои собственные политические убеждения?

— Конечно.

— Тебе не показалось немного странным, что твоя мать настаивала, чтобы ты встретился со мной? Можешь говорить откровенно — я знаю, что молодому человеку, прибывшему в большой город, вовсе не интересно разыскивать каких-то полужнакомых людей. Не кажется ли тебе, что она считала это очень важным... чтобы ты разыскал меня?

— Да, похоже, это было очень важно для нее.

— Тогда давай остановимся на этом. Если ты чего-нибудь не знаешь, то не сможешь никому рассказать, и это не может причинить тебе вред.

Дон задумался. Слова доктора звучали разумно. И все-таки было в этом что-то неприятное... не любил он играть вслепую. С другой стороны, если бы он просто получил пакет, то, конечно, доставил бы его отцу, даже не задумываясь над этим.

Он хотел задать еще какой-то вопрос, но в это время зажглись огни, и маленький автомобильчик зажужжал. Доктор Джефферсон сказал:

— Ну вот, поехали.

Он наклонился над панелью и набрал код. Такси двинулось. Дон открыл рот, но доктор покачал головой.

Автомобиль проехал несколько туннелей, выехал на площадку и остановился на большой подземной площади. Заплатив за такси, доктор повел Дона к пассажирскому лифту. Площадь была полна народу, и можно было почувствовать возбуждение, охватившее людей из-за учебной тревоги. Им пришлось проталкиваться через плотную толпу у общественного телеэкрана. Дон облегченно вздохнул, когда они добрались до лифта, но тот был переполнен. Доктор Джефферсон направился к другой стоянке такси, расположенной тоже на площади, но на несколько уровней выше. Они сели в такси и проехали всего несколько минут, затем пересели в другое. Дон совершенно потерял ориентацию и не мог уже сказать, едут они на север или на юг, высоко или низко. Доктор посмотрел на часы и сказал:

— Мы убили достаточно времени. Здесь. — Он показал на телефонную будку неподалеку.

Дон позвонил в «Караван-сарай».

— Была для меня какая-нибудь почта?

— Нет, почты не было.

Дон сказал, что еще не зарегистрировался в отеле. Клерк проверил снова.

— Нет. Мне очень жаль, сэр, но почты для вас нет.

Дон вышел и передал разговор доктору Джефферсону. Доктор пожевал губами.

— Парень, мы с тобой неверно оценили ситуацию. — Он огляделся. Вокруг никого не было. — И я напрасно потратил драгоценное время.

— Могу я чем-нибудь помочь, сэр?

— Да, можешь. — Он помедлил. — Сейчас мы вернемся в мою квартиру, ненадолго. Потом найдем другую гостиницу. Похоже, нам придется работать всю ночь. Ты сможешь?

— Да, конечно.

— У меня есть возбуждающие пилюли. Послушай, Дон, что бы ни случилось, ты обязательно должен завтра сесть на корабль. Понимаешь?

Дон кивнул. Он и сам собирался сесть на этот корабль и не видел никакой причины, которая могла бы ему помешать. Он уже начал подумывать, что доктор Джефферсон, может быть, не совсем з своим уме.

— Хорошо. Дальше пойдем пешком. Это недалеко.

Они прошли с полмили по туннелям, спустились в лифте и наконец оказались на месте. Когда они свернули в туннель, в котором находилась квартира доктора, тот внимательно огляделся по сторонам. Туннель был пуст. Они быстро прошли его, доктор открыл дверь. В комнате сидели два незнакомца.

— Добрый день, джентльмены, — сказал доктор Джефферсон. — Затем повернулся к своему гостю. — Доброй ночи, Дон. Было очень приятно повидаться с тобой. Обязательно передай привет своим родителям.

Он схватил Дона за руку и выпроводил за дверь.

Незнакомцы встали. Один из них сказал:

— Долго же вы добирались домой, доктор.

— О, я и забыл, что у меня свидание, джентльмены. Ну, будь здоров, Дон. Я не хочу, чтобы ты опоздал.

Последние слова сопровождались еще более крепким пожатием.

— Доброй ночи, доктор, — ответил Дон. — И — спасибо.

Он повернулся, но один из незнакомцев загородил дверь.

— Одну минуточку...

— Джентльмены, — сказал доктор, — нет никакой нужды задерживать мальчика. Пусть он идет, а мы примемся за наши дела.

Человек не ответил.

— Уилкинс! Кинг! — крикнул он.

Еще два человека появились из задней комнаты. Человек, который, казалось, руководил ими, сказал:

— Проводите этого молодого человека в спальню и закройте дверь.

— Пошли со мной, парень.

Дон разозлился. Он уже был уверен, что эти люди — из полиции, хотя они и были в штатском. Но он был воспитан в убеждении, что честным гражданам нечего бояться полиции.

— Минуточку, — сказал он, негодуя. — Я никуда не собираюсь идти. В чем дело?

Незнакомец, которому поручили Дона, подошел к нему и положил руку на плечо. Дон оттолкнул руку.

Начальник прервал дальнейшие действия своих людей едва заметным знаком.

— Дон Харви!

— Да?

— Я могу тебе дать сколько угодно ответов на твой вопрос. Вот один из них. — Он показал ему значок.

— Но это может быть и подделкой.

— Если я захочу потратить на это время, я могу удовлетворить вас любым количеством бумаг с гербами и печатями, и все они будут подписаны важными лицами. — Дон отметил, что голос его был мягким, а манера говорить — интеллигентной. — Но я устал и спешу. И я не намерен играть в словесные игры с разными молокососами. Поэтому давай сразу договоримся. Нас четверо, мы вооружены. Поэтому спокойно иди туда, куда велют. Или ты хочешь, чтобы тебя сначала избили?

Дон уже был готов ответить что-то мужественное, но вмешался доктор Джефферсон.

— Делай, что тебе говорят, Дональд.

Дон закрыл рот и последовал за полицейским. Тот отвел его в спальню и закрыл дверь.

— Садись, — вежливо сказал он.

Дон не двинулся с места. Охранник подошел к нему и толкнул ладонью в грудь. Дон поневоле сел.

Человек нажал кнопку в изголовье кровати, которая сложилась в положение для чтения лежа, и улегся. Казалось, что он спит, но каждый раз, когда Дон смотрел на него, он встречал его взгляд. Дон напрягал слух, пытаясь услышать, что происходит в соседней комнате, но напрасно. Спальня была полностью звукоизолирована.

Так он сидел в бездействии, стараясь понять, что за нелепые вещи происходят с ним. Он припомнил уже почти как сон, что еще только сегодняшним утром они с Лэйзи вместе взбирались по склону горы. Он думал о том, что сейчас делает Лэйзи, и о том, получил ли тот маленький жадный негодяй его лошадку. Скорее всего, нет, решил он.

Он бросил взгляд на охранника, прикидывая, что если подтянуть под себя ноги и собраться, то...

— Не надо, — покачал головой охранник.

— Что не надо?

— Не надо бросаться на меня. Мне тогда придется действовать решительно, а это может тебе повредить. Здорово повредить.

Казалось, он снова задремал. Дона охватила апатия. Даже если бы ему удалось прыгнуть на этого человека и, может быть, ударить его, все равно оставались еще трое в другой комнате. А если бы ему даже удалось убежать от них? Куда бежать в незнакомом городе, где они все контролируют?

Однажды ему случалось видеть, как кот, который жил на конюшне, играл с мышью. Это произвело на него сильное впечатление. Хотя симпатии его были на стороне мыши, он не сразу вмешался и спас бедную зверюшку. Кот ни разу не отпустил мышь на расстояние больше длины его вытянутой лапы. Теперь Дон сам был мышью.

— Вставай.

Дон от неожиданности вскочил, с трудом соображая, где находится.

— Если бы у меня была такая же чистая совесть, как у тебя, — сказал охранник с восхищением. — Это просто талант — уметь засыпать в любых обстоятельствах. Пошли. Босс требует тебя.

Дон последовал за охранником в гостиную. Там не было никого, кроме второго охранника. Дон осмотрелся и спросил:

— А где доктор Джефферсон?

— Не беспокойся о нем, — сказал охранник. — Лейтенант не любит, когда его заставляют ждать.

Он направился к двери.

Дон не проявил желания следовать за ним, тогда охранник тронул его за локоть. Руку пронзило болью до самого плеча, и Дон пошел за ним.

Снаружи стоял автомобиль с ручным управлением, размерами больше автоматического такси. Один полицейский сел на место водителя, другой велел Дону сесть на заднее сиденье. Дон забрался туда, попытался повернуться и обнаружил, что не может. Он не мог даже поднять руки. Любое движение требовало заметного усилия, словно на Дона навалили целую кучу одеял.

— Спокойнее, — посоветовал охранник. — Ты можешь растянуть связки, борясь с этим полем, а толку не добьешься.

Дон вынужден был согласиться. Что бы ни представляли собой эти невидимые обручи, чем сильнее старался он высвободиться из них, тем крепче они его сжимали. Но если он сидел неподвижно, то даже не чувствовал их.

— Куда вы меня везете? — спросил он.

— Разве ты не знаешь? Конечно, в городское управление ИБР.

— Для чего? Я ничего плохого не сделал.

— В таком случае ты там не задержишься.

Автомобиль остановился в большом зале-гараже, все вышли и встали перед дверью. У Дона было чувство, будто их кто-то рассматривает. Вскоре дверь открылась, и они вошли внутрь.

В этом месте даже воздух вонял бюрократией. Они прошли по длинному коридору, минуя бесчисленные канцелярии, заполненные служащими, письменными столами, операторами телетайпов, аппаратами для сорти-

ровки досье. Лифт поднял их на другой уровень. Они прошли еще несколько коридоров и остановились у нужной двери.

— Входи, — сказал охранник.

Дон вошел. Дверь за ним захлопнулась, оставив охранников снаружи.

— Садись, Дон.

Это был старший из той четверки. Сейчас он был в форме офицера службы безопасности и сидел за письменным столом в форме подковы.

— Где доктор Джефферсон? Что вы с ним сделали?

— Я сказал «садись».

Дон не двинулся с места. Лейтенант продолжал:

— Зачем ты усугубляешь свое положение? Ты же знаешь, где находишься, знаешь, что я могу принудить тебя любым способом, каким мне заблагорассудится. А некоторые из них очень неприятны. Садись, пожалуйста, избавь от хлопот и себя, и меня.

Дон сел и сразу же сказал:

— Я хочу увидеться с адвокатом.

Лейтенант покачал головой. Он походил на усталого и доброго школьного учителя.

— Мальчик, ты начитался детективных романов. Если бы ты вместо этого изучал диалектику истории, то понял бы, что ложка правопорядка всегда чередовалась с ложкой силы, в зависимости от характера культуры. Каждая культура следует собственной логике. Понимаешь мою мысль?

Дон не решился ответить. Офицер продолжал:

— Ну, неважно. Дело в том, что твое требование насчет адвоката устарело по крайней мере на два столетия. Слова отстают от действительности. Будет тебе адвокат — или леденец, в зависимости от того, что ты предпочитаешь, — но после допроса. На твоём месте я взял бы леденец. От него больше удовольствия.

— Я не буду разговаривать без адвоката, — твердо ответил Дон.

— Вот как? Жаль. Планируя наш разговор, я отвел двадцать минут на всякую ерунду. Ты истратил из них уже четыре... нет, пять. Когда истекнут одиннадцать минут и ты обнаружишь, что выплевываешь свои зубы, вспомни, что я не желал тебе ничего плохого. Что

касается того, как можно заставить человека заговорить, то существует много способов. И каждый имеет своих твердых приверженцев. Есть, например, химические средства: скополамин, пентонал натрия и еще дюжина новых и сравнительно безвредных веществ. Даже алкоголь применялся иногда, и с большим успехом. Мне не нравятся химические средства, потому что они оказывают воздействие на интеллект и засоряют разговор фактами, которыми я не интересуюсь. Ты был бы очень удивлен, если бы узнал, сколько всякой чепухи скапливается в человеческом мозгу. Существует еще гипноз и его разновидности. Есть еще искусственное стимулирование непереносимой потребности, например, под воздействием морфия. Кроме того, существует еще и старомодное воздействие — боль. Я знаю одного художника — полагаю, что он сейчас находится в этом здании, — который очень успешно умеет допрашивать даже в том случае, когда человек совершенно не желает говорить. Причем это занимает у него минимальное время, и пользуется он только своими руками. Кроме того, примерно в этой же категории существует еще одна старинная разновидность, когда применяется сила или боль, но не к допрашиваемому, а к другому лицу, когда первое лицо не может допустить, чтобы второму причинили боль. Обычно это его жена, сын или дочь. Между прочим, этот метод трудно применить к тебе, поскольку твои близкие родственники находятся на другой планете. — Офицер взглянул на часы и добавил: — Остается тридцать секунд, Дон. Может, начнем?

— Да?.. Но это вы использовали все время. Я не произнес ни слова.

— У меня нет времени быть справедливым. Сожалею. Однако, — продолжал он, — мои возражения относительно последнего метода не подходят для твоего случая. В тот короткий промежуток времени, пока ты пребывал в прострации в квартире доктора Джефферсона, мы сумели установить, что есть-таки существо, отвечающее необходимым требованиям. Ты будешь отвечать на наши вопросы и не позволишь, чтобы этому существу причинили боль.

— Да ну?

— Это пони по кличке Лэйзи.

Дон был потрясен.

— Если ты упорствуешь, — продолжал лейтенант, — мы можем сделать трехчасовой перерыв и доставить лошадь сюда. Это может быть интересным, поскольку, я думаю, этот метод никогда не применялся при посредстве лошади. Насколько я помню, у них очень чувствительные уши. С другой стороны, я должен сказать тебе, что если нам придется пойти на эти хлопоты, то, конечно, мы не будем отсылать лошадь обратно, а просто пошлем ее на бойню. Лошадь в Нью-Чикаго — сущий анахронизм. Как ты полагаешь?

Мысли Дона кружились, он никак не мог найти нужный ответ, не мог даже до конца понять, что ему сказали. Наконец он выпалил:

— Вы не посмеете!!

— Время истекло, Дон.

Дон глубоко вздохнул и рухнул на стул.

— Давайте, — тупо произнес он. — Задавайте ваши вопросы.

Лейтенант достал из стола катушку и зарядил магнитофон.

— Твое имя, пожалуйста.

— Дональд Джеймс Харви.

— Твое имя на Венере?

— «Туман Над Водами», — просвистел Дон.

— Где ты родился?

— На корабле под названием «Устремленный», на трассе Луна — Ганимед.

Вопросы сыпались один за другим.

Казалось, лейтенант заранее знал ответы. Раз или два он попросил Дона ответить более подробно, иногда поправляя его в некоторых незначительных мелочах. После того как он разобрал всю его биографию, он потребовал детального отчета обо всем, что произошло с тех пор, как Дон получил радиограмму от родителей.

Единственное, о чем не рассказал Дон, — это о пакете доктора Джефферсона. Он с тревогой ожидал, что его сейчас спросят об этом. Но если офицер и знал что-либо о пакете, он не показывал виду.

— Доктор Джефферсон, кажется, считает, что оперативный работник службы безопасности следил за тобой... и за ним?

— Я не знаю. Не думаю, что он знал об этом.

— «Зловредная блоха, разве она когда-либо не преследует человека...» — процитировал лейтенант. — Расскажи мне подробно и точно обо всем, что вы делали, выйдя из ресторана «Задняя комната».

— Этот человек следил за мной? — спросил Дон. — Поверьте, я никогда раньше не видел этого дракона. Я просто убивал время и старался быть вежливым.

— Я уверен, что так оно и было, но вопросы задаю я. Отвечай.

— Ну, мы дважды меняли такси, а может, и трижды. Я не знаю, куда мы ехали, я не ориентируюсь в городе и совершенно запутался. Но в конце концов мы подъехали к квартире доктора Джефферсона.

Он не упомянул о том, что звонил в «Караван-сарай», и снова допрашивающий никак не дал ему понять, знает ли он об этом.

— Ну, кажется, этим события и заканчиваются, — подытожил лейтенант.

Он выключил аппарат и несколько минут сидел, напряженно глядя перед собой невидящим взором.

— Парень, я уверен, что ты потенциально нелоялен.

— Почему?

— В твоём прошлом нет ничего, что делало бы тебя лояльным. Но это еще не причина для волнений. Человек в моем положении должен быть практичным. Ты собираешься отправиться на Марс завтра утром?

— Конечно, собираюсь.

— Хорошо. Я не представляю, как бы ты смог надевать много вреда. В твоём возрасте, да еще будучи изолированным в захолустной школе. Но ты попал в плохую компанию. Не опоздай на свой корабль. Если завтра в это время ты еще будешь здесь, я могу изменить решение.

Лейтенант поднялся, Дон тоже встал.

— Я, конечно, успею на корабль, — согласился Дон, — но...

— Что? — резко спросил лейтенант.

— Там задерживают мой билет до проверки на лояльность, — объяснил Дон.

— А-а, чепуха, обычная процедура. Я позабочусь об этом. Можешь идти. Желаю тебе чистого неба.

Дон не ответил, и офицер сказал:

— Не сердись. Было бы проще выбить из тебя всю дурь сначала, а потом уж допрашивать, но я не сделал этого. У меня у самого сын примерно твоих лет. И я бы никогда не причинил зла твоей лошади. Так уж вышло, что я люблю лошадей: я родом из деревни. Ты не обижаешься?

— Пожалуй, нет.

Лейтенант протянул руку, Дон пожал ее, и ему показалось, что этот человек ему даже нравится. Он рискнул задать ему еще один вопрос:

— Могу я попрощаться с доктором Джефферсоном? Выражение лица лейтенанта изменилось.

— Боюсь, что нет.

— Почему? Ведь вы сможете наблюдать за нами.

Офицер помешкал.

— Нет причин скрывать от тебя правду. У доктора Джефферсона было очень плохое здоровье. Он очень разнервничался, у него случился приступ, и он умер от сердечной недостаточности.

Дон широко раскрыл глаза.

— Крепись, — резко сказал офицер. — Такое может случиться с каждым.

Он нажал кнопку на столе. Вошел охранник, и ему было приказано проводить Дона. Его вывели другим путем, но он был слишком взволнован, чтобы заметить это. Доктор Джефферсон умер... Это казалось невыносимым. Человек, который был полон жизни, который так любил жизнь...

Дона вывели в один из основных общественных туннелей.

Внезапно он вспомнил фразу, которую слышал от своего учителя биологии: «В конце концов, все формы смерти могут быть классифицированы как сердечная недостаточность». Дон посмотрел на свою правую руку и решил как можно скорее вымыть ее.

Глава 4

«ДОРОГА СЛАВЫ»

Ему нужно было еще кое-что сделать. Сначала, решил он, нужно пойти на станцию и забрать багаж. Он покопался в бумажнике, пытаясь найти багажную квитанцию. В то же время он обдумывал, как добраться до станции. У него не было наличных для такси.

Он так и не нашел квитанцию на багаж. Все остальное было на месте: аккредитив, удостоверение личности, послание от родителей, фотографии Лэйзи, свидетельство о рождении и всякие прочие мелочи. Но квитанции не было, хотя он точно помнил, что положил ее в бумажник.

Ему пришла мысль вернуться в управление ИБР. Он был уверен, что квитанцию взяли у него из бумажника, когда он задремал. Довольно глупо, что он заснул в такой ситуации. Может быть, его усыпили? В конце концов он решил, что лучше не возвращаться.

Он не знал ни имени, ни фамилии офицера, который его допрашивал, ни какого-нибудь способа разыскать его. Честно говоря, ему не захотелось бы возвращаться туда даже ради всего багажа, иже еси на станции «Терра». Пусть он пропадает. Утром можно будет купить и носки, и нижнее белье.

Вместо этого он решил направиться в «Караван-сарай». Для начала ему нужно было узнать, где он сейчас. Он медленно пошел вперед, ища кого-нибудь, кто казался бы не слишком занятым и не слишком важным. Наконец такой человек нашелся. Это был продавец лотерейных билетов на перекрестке.

— Может быть, тебе не обязательно туда, парень? Я могу посоветовать кое-что получше.

Он подмигнул.

Дон повторил свой вопрос. Лотерейщик пожал плечами.

— Хорошо, парень. Иди прямо, пока не придешь на площадь со световым фонтаном. Затем тебе нужно направиться на север по самодвижущейся дорожке. Спроси кого-нибудь, где тебе сойти. В каком месяце ты родился?

— В июле.

— В июле? Парень, да ты счастливчик. У меня остался только один билет с гороскопом для рожденных в июле. Вот он.

У Дона не было никакого намерения покупать его, и он хотел было сказать этому нахальному типу, что гороскопы — это такая же глупость, как очки для коровы. Но он все-таки почему-то купил его на последнюю монету. Он положил билет в карман, чувствуя себя при этом крутым дураком.

— Это примерно с полмили по самодвижущейся дорожке. Страхни с себя сено, прежде чем будешь входить внутрь, — добавил продавец.

Дон без труда нашел дорожку, но обнаружил, что за нее нужно платить. Автомат не интересовали лотерейные билеты, и пришлось плестись пешком. Вскоре он нашел гостиницу. Ее ярко освещенный вход растянулся на целую сотню ярдов вдоль туннеля.

Никто не поспешил ему навстречу, когда он вошел. Он подошел к столику портье и спросил, нет ли свободного номера. Портье осмотрел его с сомнением.

— О вашем багаже уже позаботились, сэр?

Дон объяснил, что у него нет с собой багажа.

— В этом случае... с вас двадцать два пятьдесят. Платить вперед. Поставьте подпись вот здесь, пожалуйста.

Дон подписался и поставил отпечаток пальца. Затем он вытащил аккредитив.

— Могу я получить по этому аккредитиву наличные?

— А сколько? — Клерк взял аккредитив, потом сказал: — Конечно, сэр. Покажите, пожалуйста, свое удостоверение личности.

Дон передал ему документ. Клерк взял удостоверение личности и свежий отпечаток пальца Дона, вставил их в контрольное устройство. Машина промигала, что все, мол, в порядке, и клерк вернул удостоверение.

— Вы — это действительно вы.

Он отсчитал деньги, вычтя при этом стоимость ночлега.

— Ваш багаж прибудет позже, сэр?

Видно было, что в его глазах социальная значимость Дона сильно повысилась.

— Нет, пожалуй, нет. Но, возможно, для меня будет почта.

Дон объяснил, что он отправляется на корабле «Дорога славы» завтра утром.

— Сейчас я узнаю в нашем почтовом отделении. — Ответ был отрицательным. Увидев досаду на лице Дона, клерк сказал: — Я зарегистрирую вас в нашем почтовом отделении. Если для вас пришлют что-нибудь до отправления корабля, вы обязательно это получите, даже если нам придется посылать кого-то на космодром.

— Большое спасибо.

— Не за что.

Идя за коридорным в свою комнату, Дон почувствовал, что ему ужасно хочется спать. Большие часы в холле показывали, что несколько часов назад наступил следующий день. Значит, ему пришлось заплатить семь долларов пятьдесят центов в час только за право лечь в постель. Но он был готов заплатить и больше, лишь бы приткнуться где-нибудь и уснуть.

Но лег он не сразу. «Караван-сарай» был отелем-люкс. Даже так называемые дешевые комнаты в нем имели минимум, необходимый для недурной жизни. Он настроил управление ванной на циклическую подачу горячей воды, снял одежду и некоторое время блаженствовал. Потом изменил режим и полежал в теплой неподвижной воде.

Он выбрался из воды. Десять минут спустя он был уже вытерт, посыпан тальком и ощущал приятное жжение от массажа. После этого он вышел в спальню, чувствуя, что силы его почти полностью восстановились. Школа на ранчо была нарочито суровой. Там были простые кровати и обыкновенный душ. Эта ванна стоила денег, уплаченных за номер.

Сигнал доставки почты загорелся зеленым светом. Дон открыл дверцу люка и обнаружил там сразу три предмета. Первый представлял собой довольно большой пакет, завернутый в пластик с надписью: «Подарок "Караван-сарая"». В нем были расческа, зубная паста, снотворные пилюли и кассета с фильмом, которую можно было вставить в проектор и смотреть на потолке перед сном. Там же была газета «Нью-Чикаго ньюс» и меню завтрака. Второй предмет был почтовой карточкой от Джека. Третий предмет был небольшой бандеролью. В почтовой карточке Джек писал:

«Дорогой Дон! Вечером для тебя прибыл пакет. Мистер Ривз разрешил мне съездить в Альбукерк. Скуинти берет Лэйзи. Больше писать некогда. Я должен еще успеть отправить все это. Желаю тебе всего наилучшего.
Джек».

«Хороший парень Джек», — сказал про себя Дон и взял посылку. Он взглянул на обратный адрес и обнаружил, что это именно тот пакет, о котором так беспокоился доктор Джефферсон. Этот пакет, очевидно, и послужил причиной его смерти. Дон напряженно смотрел на пакет и думал: неужели это возможно — вытащить гражданина из его собственного дома и уходить до смерти?

Был доктор на самом деле мертв или офицер солгал ему по какой-то причине?

Отчасти это было похоже на правду. Он сам видел засаду на доктора, сам был арестован, ему угрожали, его допрашивали. Ко всему прочему, его багаж был, если называть вещи своими именами, просто-напросто украден. И все это без явной причины. Он ничего не сделал, не нарушил никаких законов.

Вдруг его затрясло от гнева. С ним обошлись недостойно, и он дал себе торжественную клятву никогда не позволять этого впредь. Сейчас он понял, что, когда все это происходило, была целая дюжина поводов проявить упорство и твердость. Если бы он боролся с самого начала, то, может быть, доктор Джефферсон был бы сейчас жив... если, конечно, он действительно мертв.

Кое-как успокоившись, он открыл пакет и оцепенел: в посылке не было ничего, кроме мужского кольца. Дешевое кольцо из пластика, какое можно купить в любом сувенирном киоске. Старинная латинская буква «аш», заключенная в круг, была впрессована в перстень, еще на нем были белые эмалевые узоры. Вещица была броская, но представляла интерес лишь для людей, имеющих детский или вульгарный вкус.

Дон покрутил кольцо в руках и стал осматривать бумагу, в которую оно было завернуто. Там тоже ничего не было. Никакой записки. Обычная белая упаковочная бумага.

Он задумался. Очевидно, этот перстень не мог быть причиной волнений доктора. Ему казалось, что существовали только две возможности: первая — что служба безопасности подменила посылку, и если это так, то уже ничего не поделаешь; и вторая — то, что кольцо само по себе не имело значения, а его упаковка как раз и является самым важным в посылке, хотя и выглядит как обычная оберточная бумага.

Мысль о том, что он, возможно, будет везти послание, написанное невидимыми чернилами, взволновала его, и он начал думать о различных способах проявить написанное. С помощью нагрева, химической обработки или облучения радиоактивными лучами... Не успев перебрать все способы, он уже понял, что даже если здесь и есть какое-то послание, то не его дело проявлять его. Он должен просто доставить его своему отцу.

Скорее всего, это был подложный пакет, посланный полицией. Он не имел никакого представления о том, что знала полиция о докторе Джефферсоне. Он вспомнил, что у него есть одна, хотя и слабая возможность проверить это. Он подошел к телефону и набрал номер

квартиры доктора Джефферсона. Правда, доктор просил его не звонить, но обстоятельства изменились.

Он подождал немного, затем экран засветился и он увидел лицо лейтенанта.

— Боже мой, — произнес тот усталым голосом. — Ты, значит, не поверил мне? Ступай в постель. Тебе вставать через час.

Дон молча выключил аппарат. Итак, доктор Джефферсон либо мертв, либо в руках полиции. Ладно. Нужно исходить из того, что посылка прибыла от доктора, и он должен доставить ее. Прием, примененный доктором Джефферсоном, — использовать обычную оберточную бумагу для послания, — заставил его задуматься над тем, как ему, в свою очередь, скрыть важность этой бумаги. Он вытащил из бумажника авто ручку, разгладил бумагу и начал писать на ней письмо. Бумага была похожа и на писчую. Письмо, написанное на ней, будет выглядеть вполне естественно. Он начал письмо так: «Дорогие папа и мама! Утром я получил от вас радиogramму и был очень взволнован». Он продолжал писать размашистым почерком, покрывая всю бумагу, и закончил письмо упоминанием о том, что он что-нибудь добавит к письму и передаст его по радио, как только корабль войдет в зону прямой связи с Марсом. Затем он сложил письмо, засунул его в бумажник и положил в сумку. Он взглянул на часы. Боже мой! Через час ему нужно вставать. Не стоит уже и ложиться. Но глаза закрывались сами. Дон увидел, что на будильнике, вмонтированном в изголовье кровати, имелось устройство, позволяющее настроить его на различные способы пробуждения — от нежного напоминания до землетрясения. Он выбрал самое сильное и забрался в кровать.

Его начало подбрасывать. Волны яркого света слепили глаза. Выла сирена. Дон пришел в себя и выполз из постели. Она тут же успокоилась.

Дон решил не завтракать в комнате: он боялся вновь свалиться в кровать и уснуть. Вместо этого он решил одеться и поискать ресторан или кафе. Выпив четыре

чашки кофе и плотно поев, он покинул гостиницу и направился на станцию «Терра». Теперь у него были деньги на такси. У окошка регистрации он спросил о своем билете. Незнакомый клерк поискал по списку и ответил:

— Я его не нахожу. Похоже, вы не прошли проверку службы безопасности.

«Это последняя капля», — подумал Дон.

— Поищите, пожалуйста, — сказал он. — Билет должен быть.

— Но его... постойте-ка. — Клерк взял со стола записку. — Дональд Джеймс Харви? Вам нужно получить ваш билет в комнате четыре тысячи двенадцать, на верхнем этаже.

— Но почему там?

— Не знаю. Так сказано в записке.

Раздраженный и недоумевающий, Дон направился в указанную комнату. На двери было написано только одно слово: «Входите». Дон вошел... и опять оказался лицом к лицу с тем же лейтенантом из службы безопасности.

Офицер поднял глаза.

— Брось дуться, Дон, — сказал он. — Мне тоже не удалось поспать.

— Что вам от меня нужно?

— Разденься.

— Зачем?

— Затем, что мы собираемся обыскать тебя. Или ты думал, что я отпущу тебя просто так?

Дон потверже расставил ноги.

— Меня достаточно унижали, — сказал он с вызовом. — Если вы хотите снять с меня одежду, что ж, валяйте.

Полицейский усмехнулся.

— По этому вопросу я тоже мог бы дать тебе несколько ценных советов, но у меня уже не хватает терпения. Келли! Артин! Разденьте его.

Три минуты спустя у Дона уже был ощутимый синяк под глазом и он баюкал зашибленную правую руку. Он решил, что она все же не сломана. Лейтенант и его подручные исчезли в соседней комнате с его одеждой и дорожной сумкой. Ему пришлось в голову, что дверь за

ним, кажется, не заперта, но он оставил эту мысль: бежать через станцию «Терра» в чем мать родила не имело смысла.

Несмотря на поражение, впрочем неизбежное, его моральное состояние было значительно лучше, нежели прошлым вечером.

Вскоре лейтенант вернулся и бросил ему одежду.

— Возьми. И вот твой билет. Может быть, ты хочешь переодеться? Твои вещи здесь.

Дон молча взял свой багаж, игнорируя предложение сменить одежду, чтобы быстрее покончить с этим. Пока он одевался, лейтенант спросил его:

— Когда ты успел купить это кольцо?

— Мне прислали его из школы.

— Дай мне его.

Дон стащил кольцо с пальца и швырнул офицеру.

— Можешь взять его себе, ворюга.

Лейтенант поймал кольцо и мягко произнес:

— Ну, Дон, я же не имею ничего против тебя лично. — Он тщательно осмотрел перстень. — Лови.

Дон поймал кольцо, надел на палец, взял багаж и направился к выходу.

— Чистого неба, — сказал лейтенант.

Дон промолчал.

— Я сказал «чистого неба».

Дон повернулся, посмотрел ему прямо в глаза и сказал:

— Я надеюсь, когда-нибудь мы встретимся с вами в иной обстановке.

Он вышел. Они забрали бумагу! Он заметил, что бумага исчезла, когда получал обратно одежду и дорожную сумку.

На этот раз он позаботился о том, чтобы сделать укол, предохраняющий от дурноты. Когда он выбрался из этой очереди, у него едва хватило времени, чтобы взвеситься. Он уже был готов войти в лифт, но тут краем глаза заметил что-то знакомое. Ну да, возле грузового лифта возвышалась фигура Сэра Исаака Ньютона. Во всяком случае, очень похожая на него, хотя он знал,

что внешние различия у драконов были слишком тонки для человеческого глаза.

Он удержался от того, чтобы просвистеть приветствие. События последних часов сделали его менее наивным и более осторожным. Он думал о них в лифте, поднимаясь на борт корабля. Было трудно поверить, что прошло всего двадцать четыре часа, а то и меньше, с того времени, как он получил радиограмму. Казалось, прошел целый месяц, а сам он повзрослел лет на десять.

Он с горечью думал о том, что его все-таки перехитрили. Сообщение на оберточной бумаге исчезло навсегда. Скверно...

На третьей палубе «Дороги славы» было всего полдюжины кресел, остальные были сняты. Дон нашел свое место и привязал багаж к сетке на полу. Пока он занимался этим, за спиной кто-то произнес несколько фраз на живописном жаргоне кокни. Он обернулся и просвистел приветствие.

Из грузового люка показался Сэр Исаак Ньютон, ему помогали шесть служащих космопорта. Он вежливо просвистел ответное приветствие, одновременно руководя действиями рабочих, по виду которых можно было сказать, что они совершают инженерный подвиг. Делал он это с помощью водэра.

— Легче, друзья, легче. Все надо делать осторожно. А теперь пусть двое из вас будут любезны поместить мою левую среднюю ногу на ступеньку. Имейте в виду, что я ее не вижу. О! Осторожнее, не прищемите свои пальцы. Сейчас я, кажется, могу войти. Есть около моего хвоста что-нибудь, что может разбиться?

Бригадир ответил:

— Нет, здесь все пусто, шеф. Вира?

— Если я вас правильно понимаю, — ответил венецианин, — вы имеете в виду подъем? Ну что ж, вперед. Поехали!

Послышался удар, звон разбитого стекла, и огромное пресмыкающееся выбралось из люка. Оказавшись внутри, оно осторожно повернулось и устроилось поудобнее в отведенной для него части отсека. Служащие космопорта последовали за ним и закрепили его на

палубе металлическими захватами. Дракон взглянул на бригадира.

— Я полагаю, вы здесь главный?

— Да.

Щупальца венерианина оставили клавиши водэра, нашарили кошелек и достали оттуда пачку банкнот. Он положил их на палубу и снова взял водэр.

— В таком случае, сэр, не окажете ли вы мне любезность принять это свидетельство моей благодарности за ту трудную работу, которую вы так отлично выполнили, и распределить это между своими помощниками в соответствии с вашими традициями, каковы бы они ни были.

Бригадир одним движением собрал деньги и спрятал их.

— Конечно, шеф. Спасибо.

— Это я вам благодарен.

Рабочие вышли, и дракон перенес свое внимание на Дона. Но прежде чем они успели обменяться первыми словами, еще одна группа пассажиров прибыла с верхней палубы. Это оказалась какая-то семья, причем женщина, заглянув в отсек, с криком отпрянула назад.

Она бросилась обратно к лестнице, вызвав среди прочих сумятицу. Дракон направил взгляд двух своих глаз в ее сторону, в то время как остальные глаза продолжали смотреть на Дона.

— Боже мой, — произнес он. — Как вы полагаете, мне следовало убедить эту леди в том, что у меня нет людоедских привычек?

Дон чувствовал себя смущенным. Ему было стыдно за эту женщину, ведь она принадлежала к его расе.

— Она просто дура, — ответил он. — Не обращайтесь на нее внимания.

— Мне кажется, столь негативное определение не может быть верным.

Дон просвистел на языке дракона непере译имое пренебрежительное замечание в ее адрес и продолжил словами:

— Пусть ее жизнь будет долгой... и нудной.

— Ну-ну-ну, — ответил дракон. — Ты сердишься, значит, ты не прав. Понять — значит простить, как сказал один из ваших философов.

Дон не помнил, чье это изречение. Во всяком случае оно казалось ему несколько односторонним. Он был уверен, что некоторые вещи нельзя простить, несмотря на то что хорошо их понимаешь; во всяком случае то, что произошло с ним не так давно. Он уже был готов сказать об этом, когда их внимание было привлечено звуками, доносившимися из открытого люка. Два, а то и больше, мужских голоса спорили с высоким и резким женским, причем женский часто перекрывал их. Из того, что женщина говорила, можно было понять следующее: первое — она желает видеть капитана; второе — ее воспитание никогда не позволит ей примириться с подобными вещами; третье — эти ужасные монстры не должны допускаться на Землю и вообще должны быть уничтожены; четвертое — если бы Адольф был хоть наполовину мужчиной, он не стоял бы как столб и не позволял бы так обращаться со своей женой; пятое — она намерена подать жалобу, а ее семья достаточно влиятельна; и последнее — она опять-таки желает немедленно видеть капитана.

Дон хотел что-нибудь сказать, чтобы смягчить впечатление: его покорило от этой тирады. Вскоре голоса удалились. Затем в люк вошел офицер из команды корабля и огляделся.

— Вам удобно? — спросил он Сэра Исаака Ньютона.

— Да, вполне, благодарю вас.

Офицер повернулся к Дону.

— А ты, паренек, собирай свои вещи и иди за мной. Капитан решил предоставить кое-кому отдельное помещение.

— Но почему? — спросил Дон. — В моем билете указано: кресло шестьдесят четыре, и мне здесь нравится.

Офицер почесал подбородок, поглядел на Дона и повернулся к венерианину.

— А вы не возражаете?

— Нет, ни в малейшей степени. Я очень рад, что этот молодой джентльмен составит мне компанию.

Офицер снова повернулся к Дону.

— Ну, тогда все в порядке. А все-таки я помечу насчет вас в своем блокноте на случай, если вас все-таки придется переместить.

Он взглянул на часы и выругался.

— Если мы сейчас же не взлетим, придется отложить старт на завтра.

Он козырнул и покинул отсек.

Последний предупредительный сигнал был передан по системе оповещения, потом хриплый голос произнес:

«Обращение ко всей команде: позаботьтесь о том, чтобы все были пристегнуты! Приготовьтесь к старту!»

Потом послышалась мелодия гимна Леконта «Поднимается корабль». Пульс Дона участился. Его состояние граничило с экстазом. Ему очень хотелось снова очутиться в космосе, ведь он считал его своей родиной. Все плохое, что произошло с ним, ушло в его сознании на задний план, исчезло, и даже воспоминания о школе и о Лэйзи стушевались.

Гимн закончился аккордом, имитирующим рев ракетных сопел, и в этот момент он слился с настоящим ревом. «Дорога славы» оторвалась от земли... и понеслась вверх, в чистое небо.

Глава 5

«ТЕРРА-ОРБИТАЛЬНАЯ»

Ускорение было не приятнее, чем на «Дороге в Санта-Фе», но продолжалось значительно дольше, почти пять минут, растянувшихся в часы. После перехода звукового барьера внутри корабля стало тихо. Дон с усилием повернул голову. Гигантское тело Сэра Исаака Ньютона, прижатое ускорением к палубе, напоминало раздавленную на дороге ящерицу. Щупальца вокруг глаз безжизненно опали и походили на увядшую спаржу. Неясно было, жив ли он.

Дон с усилием набрал воздуха в легкие и крикнул:
— У вас все в порядке?

Венерианин не двигался. Его водэр был скрыт в складках длинной шеи, да и не похоже было, что его щупальца сейчас смогут справиться с ним. Не ответил он и на своем языке.

Дон хотел подойти к нему, но не смог даже пошевелинуться. Он был придавлен к креслу и ощущал себя футболистом, на которого навалилась куча игроков. Он расслабился, откинув голову на спинку кресла, и с усилием вздохнул.

Когда двигатели затихли совсем, его желудок было запротестовал, голова закружилась и подступила тош-

нота. Но вскоре все пришло в норму. Либо подействовал укол, либо он снова вошел в форму человека, привыкшего к космосу. А может, и то и другое вместе.

Не ожидая разрешения из рубки, он быстро отстегнулся и поспешил к венерианину, придерживаясь одной рукой за стальные скобы, которыми дракон был закреплен на палубе.

Дракон уже не был приплюснут к палубе собственным весом. Единственное, что его удерживало, — это скобы, без них он всплыл бы в воздух. Сейчас же плавал лишь гигантский хвост, касаясь обшивки отсека и сдирая с нее кусочки краски.

Его веки были все еще полуопущены, а глаза казались затянутыми пленкой. Дракон шевелился, но не осмысленно: его движения напоминали изгибы тонущего в воде лоскута. Дон сжал кулак и ударил по плоской голове Сэра Исаака Ньютона.

— Вы меня слышите?! С вами все в порядке?!

Единственным результатом была боль в ушибленной руке. Сэр Исаак не отвечал. Дон некоторое время мешкал, не зная, что предпринять. То, что его знакомый чувствовал себя плохо, было очевидно, но его знания по оказанию первой помощи оставляли желать лучшего и, конечно, не простирались до того, что следует делать в подобных случаях с венерианскими псевдопресмыкающимися. Он постарался припомнить что-нибудь из своего далекого детства, но безуспешно.

Офицер, который занимался перемещением пассажиров, просунул голову в верхний люк, хотя его теперь трудно было назвать верхним.

— Все ли у вас в порядке? — спросил он вежливо и уже собирался исчезнуть.

— Нет! — воскликнул Дон. — Пассажир потерял сознание.

— Вот как? — Офицер проплыл в отсек, осмотрел дракона, невнятно выругался и насупился. — Тут я ничего не смогу сделать. Раньше я никогда не встречался с такими пассажирами. Интересно, как можно сделать искусственное дыхание такой громадине?

— Это невозможно, — сказал Дон, — его легкие заключены в костяную броню.

— Похоже, он умер. Мне кажется, он перестал дышать.

Что-то всплыло в памяти Дона, и он ухватился за эту мысль.

— У вас найдется сигарета?

— Да, а в чем дело? Сейчас не до курева. Тут такое творится...

— Вы не поняли, — настаивал Дон. — Если у вас есть сигарета, то, пожалуйста, прикурите ее. Вы можете выдохнуть дым в его ноздри, и тогда мы увидим, дышит он или нет.

— Да? Неплохая мысль.

Офицер вытащил сигарету и раскурил ее.

— Но будьте осторожны, — предупредил Дон. — Они не переносят никотина. Сделайте одну глубокую затяжку, выдохните и сразу же потушите сигарету.

— Вы говорите так, будто сами с Венеры, — сказал офицер.

Дон после секундного колебания ответил:

— Я — гражданин Федерации.

Время для дискуссии о политике было неподходящим. Он подошел к морде дракона, взял его передние ноги, поставил их на палубу и подвинул так, чтобы освободить ноздри венерианина, расположенные у того на горле в складках кожи. Конечно, если бы не невесомость, Дон не смог бы сделать ничего такого.

Офицер выдохнул клуб дыма в открытые ноздри. Дым потянуло туда — значит, дракон дышал.

Он был жив. Веки всех его глаз напряглись. Подбородок начал задираться вверх, и Дон, все еще державшийся за него, оторвался от пола. Затем дракон чихнул, Дона отбросило далеко в сторону, и он долго барахтался в воздухе, прежде чем сумел ухватиться за какой-то поручень.

Пилот потирал запястье.

— Это чудище царапается, — пожаловался он. — Больше никаких экспериментов с ним я делать не намерен. Думаю, у него и так все в порядке.

Сэр Исаак что-то печально просвистел, и Дон ответил ему свистом. Офицер взглянул на него.

— Вы умеете говорить на этом странном языке?

— Да, немного.

— В таком случае скажите ему, пожалуйста, чтобы он включил свое переговорное устройство.

Дон сказал:

— Сэр Исаак, воспользуйтесь, пожалуйста, вашим водэром.

Венерианин попытался сделать это. Его щупальца зашевелились в поисках клавиш прибора и наконец нашли их. Но водэр не издал ни единого звука. Дракон направил на Дона один глаз и что-то просвистел.

— Он с сожалением сообщает нам, что аппарат неисправен, — перевел Дон.

Офицер вздохнул.

— Боже мой, зачем я только бросил свой бизнес, свой бакалейный магазин! Но если удастся снять с него эту штуку, ее можно будет починить?

— Попробуем, — сказал Дон и протиснулся в пространство между головой дракона и палубой. Он увидел, что водэр четырьмя кольцами прикреплен к чешуйкам, покрывающим тело дракона.

Дон попробовал отстегнуть устройство, но у него ничего не получалось. Щупальца дракона коснулись его рук, мягко отвели их в сторону и сами отстегнули прибор и передали Дону. Тот вылез из-под дракона и отдал офицеру.

— Похоже, он так и лежал на нем, — заметил Дон.

— Вдребезги, — согласился офицер. — Передайте ему, что мы попытаемся отремонтировать прибор. А сам он ничего себе не повредил во время взлета?

— Спросите сами, он понимает по-английски.

Он посмотрел на венерианина, который тут же что-то пронзительно просвистел.

— Что он говорит?

Дон прислушался.

— Он говорит, что очень ценит ваше участие, но, к сожалению, не может согласиться с тем, что чувствует себя хорошо. Он говорит, что ему совершенно срочно необходимо... — Дон умолк, с недоумением посмотрев на дракона, затем просвистел просьбу повторить еще раз.

Сэр Исаак ответил ему. Дон продолжил:

— Он говорит, что ему совершенно необходим сахарный сироп.

— Да?

— Так он говорит.

— Хорошо. Но сколько?

Дон пересвистнулся с драконом и ответил:

— Он говорит, что ему нужно четверть... м-м-м... не подберу слова... в общем, поменьше половины барреля.

— Вы хотите сказать, что ему нужно полбарреля сахарного сиропа?

— Нет-нет, только четверть или, скорее, восьмую часть барреля. Сколько это примерно будет в галлонах?

— Я не могу сосчитать без карандаша, боюсь запутаться. И я не уверен, есть ли у нас на борту сахарный сироп.

Сэр Исаак издал свист, в котором ясно слышалось отчаяние.

— Но если у нас нет сиропа, я попрошу повара, чтобы он сделал его. Скажите ему, чтобы не волновался и немножко потерпел.

Он улыбнулся дракону и быстро вышел. Дон зацепился за один из стенных зажимов и спросил:

— Как вы себя сейчас чувствуете?

Дракон ответил, что ощущает потребность временно вернуться в яйцо.

Дон замолчал и стал ждать. Появился сам капитан корабля, чтобы оказать внимание больному пассажиру. Корабль двигался по свободной траектории, направляясь к орбитальной станции, поэтому присутствие капитана в рубке управления не было необходимым до двенадцати часов по нью-чикагскому времени. Он прибыл в сопровождении корабельного доктора и человека, тащившего большой металлический бак.

Оба сразу заговорили с драконом, не обращая внимания на Дона. Однако никто из них не понимал свистящих ответов дракона, и Дону пришлось выступить в качестве переводчика. Сэр Исаак еще раз попросил сахарный сироп. Капитан замешкался.

— Я где-то читал, что от сахара они пьянеют, он действует на них так же, как на нас алкоголь.

Дон перевел это венерианину и выяснил, что требуемая доза принимается в медицинских целях.

Капитан повернулся к доктору.

— А вы что думаете, док?

Доктор уставился на дракона.

— Капитан, это настолько далеко от моих обязанностей, что может быть сравнимо, скажем, с отбиванием чечетки.

— Понятно, черт побери! Но я спрашиваю ваше официальное мнение по этому вопросу.

Доктор посмотрел на него.

— Ну, сэр, если этот пассажир умрет только из-за того, что вы отказали ему в сахаре, это будет выглядеть очень и очень непривлекательно.

Капитан закусил губу.

— Вы правы, но я не хочу, черт возьми, иметь на борту многотонного пьяного дракона. Выдайте ему необходимую дозу.

— Я, сэр?

— Да, вы, сэр.

Поскольку корабль находился в свободном полете, было невозможно вылить сироп в какую-нибудь посуду, из которой венерианин смог бы лакать его. Невозможно было использовать и пластиковую упругую бутылку, которой люди обычно пользуются для питья в невесомости. Но об этом уже позаботились. Бак, в котором принесли сироп, был из тех, какими пользуются на корабельной кухне для приготовления супа или кофе в невесомости. У него был ручной насос и длинный шланг. Было решено, с согласия Сэра Исаака, засунуть конец шланга как можно глубже в его горло. Но оказалось, что желающих выполнить это не находится. Хотя было известно, что *Draco Veneris Dilsonii* — цивилизованная раса, но всовывать голову по плечи между рядами этих зубов... Эту работу вызвался выполнить Дон, но тут же пожалел об этом, когда все с готовностью согласилось. Он доверял Сэру Исааку, но помнил случаи, когда Лэйзи нечаянно наступал ему на ноги. Он надеялся, что дракон лучше контролирует свои двигательные функции, в противном случае извинения будут бесполезны, поскольку труп у них ни к чему.

Крепко держа в руке конец шланга, он задержал дыхание и порадовался, что перед полетом сделал укол против дурноты. Сэр Исаак не имел огненного языка, которые обычно бывают у сказочных драконов, но

ощущение при прогулке в его пасть все равно было малоприятным. Дон с облегчением вздохнул, когда вышел обратно.

Сэр Исаак через Дона поблагодарил всех и выразил уверенность, что скоро поправится. Казалось, он заснул прямо посреди одной из своих свистящих фраз. Доктор приподнял ему веко и посветил в глаз карманным фонариком.

— Полагаю, зелье подействовало. Сейчас надо оставить его в покое и надеяться на лучшее.

Они вышли. Дон оглядел своего друга, решил, что нет никакой необходимости дежурить около него, и вышел вслед за остальными. В этом отсеке не было иллюминатора, а ему хотелось в последний раз взглянуть на Землю, пока это было еще возможно. Он нашел то, что искал, пройдя через три палубы. Земля была на расстоянии пятнадцати тысяч миль, и Дону пришлось проталкиваться через толпу, чтобы взглянуть в иллюминатор. Зрелище было очень красивым и грустным: повисшая в бархатной черноте, окруженная яркими точками звезд, с пронизанной солнечными лучами атмосферой, планета сверкала так, что больно было смотреть и захватывало дыхание.

Тайфун закрывал северо-запад Тихого океана, но остальная часть была совершенно ясной. Он мог различить Нью-Чикаго, мог видеть Большой Каньон и, ориентируясь по нему, примерно указать место, где стояла школа. С помощью небольшого телескопа можно было увидеть и ее. Наконец Дон покинул свой наблюдательный пост. Его охватило чувство тихой приятной меланхолии, светлой тоски по покинутому дому. Его начали раздражать комментарии, которыми обменивались пассажиры; это было не радостное удивление туристов, а замечания якобы всезнающих, бывалых космических путешественников — хотя, в общем-то, все они покидали Землю, самое большее, во второй раз. Дон направился в свой отсек. Вдруг он с удивлением услышал, как кто-то окликнул его по имени. Он обернулся и увидел знакомого офицера. В руках у него был водэр Сэра Исаака.

— Ведь вы расположились рядом с этим ненормальным крокодилом, верно? Не могли бы вы захватить это с собой и передать ему?

— Да, конечно.

— Наш радиотехник говорит, что тут нужно менять половину деталей. Но сейчас эта штука работает.

Дон взял водэр и направился на третью палубу. Казалось, дракон спит, но вдруг один его глаз открылся и уставился на Дона. Сэр Исаак просвистел приветствие.

— Я принес ваш водэр, — сказал Дон. — Подвесить его на место?

Сэр Исаак вежливо отказался от помощи. Дон передал прибор в его все еще немного трясущиеся щупальца, и дракон сам присоединил его. Он прошелся щупальцами по клавишам, извлекая из водэра звуки, напоминающие крики испуганных уток. Удовлетворенный проверкой, он заговорил по-английски:

— Я вам очень благодарен за все, что вы для меня сделали.

— Пустяки, — ответил Дон. — Я случайно встретил офицера корабля на смотровой палубе, и он попросил меня отнести вам аппарат.

— Я имею в виду не это, а вашу помощь, когда я был болен и находился в опасности. Если бы вы не были так сообразительны и доброжелательны, если бы вы не знали *настоящий* язык, я мог бы потерять возможность когда-либо встретить свою счастливую смерть.

— Ерунда, — повторил Дон, чувствуя, что краснеет. — Я был рад помочь вам.

Он заметил, что речь дракона была прерывистой и не совсем отчетливой; создавалось впечатление, что его щупальцам недостает обычной подвижности. Кроме того, речь Сэра Исаака была менее правильной, чем обычно, и сильнее чувствовался акцент кокни — его водэр путал ударения и часто вместо «х» произносил «ф». Дон подумал, что землянин, который обучал Сэра Исаака английскому языку, вероятно, родился недалеко от церкви Боу Беллз.

Он также заметил, что его друг путается в своих глазах. Он все время направлял на Дона то один, то другой глаз, как будто плохо различал его. Дон подумал, что Сэр Исаак, должно быть, несколько превысил лечебную дозу.

— Нет уж, позвольте мне, — продолжал венерианин с достоинством, — оценить величину той услуги,

которую вы мне оказали. — Он сменил тему: — Я хотел бы спросить насчет слова «ерунда». Я не совсем точно понимаю его значение. Это имеет какое-то отношение к растениям?

Дон попытался объяснить ему значение слова. Дракон обдумал услышанное, затем ответил:

— Я полагаю, что частично понял ваши объяснения. Семантическое значение этого слова довольно многозначно и эмоционально. Оно, скорее, передает эмоциональное состояние человека, произносящего его.

— Именно так, — сказал Дон с облегчением. — Оно приобретает тот смысл, который вы хотите в него вложить. Все зависит от того, как вы его произносите.

— Ерунда, — произнес дракон, как бы пробуя слово на вкус. — Ерунда. Мне кажется, я начинаю чувствовать его. Отличное слово. Ерунда! Очень тонкие оттенки языка, конечно, нужно изучать, разговаривая с людьми, для которых этот язык родной. Может быть, я смогу отплатить вам тем, что научу вас оттенкам нашего языка, которым вы и без того пользуетесь с большим мастерством. Ерунда!

Так подтвердились подозрения Дона, что его умение изъясняться по-венериански пригодно лишь для того, чтобы торговать в уличном киоске, но не для того, чтобы беседовать с кем-то.

— Я, конечно, был бы благодарен за такую возможность, — ответил он. — Я не пользовался языком, который вы называете настоящим, долгие годы, с раннего детства. Я изучал ваш язык, беседуя с историком, который работал с моим отцом, изучая... — он просвистел слово «развалины». — Может быть, вы знаете его? Его звали Профессор Чарльз Дарвин.

Дон просвистел имя профессора и по-венериански.

— Вы спрашиваете меня, знаю ли я его?! — последовал свист. — Это же мой брат! Его бабушка в девятом колене и мой дедушка в седьмом колене, можно сказать, произошли из одного яйца. Ерунда! Весьма и весьма ученая персона, хоть и очень молод.

Дон удивился, услышав, что Профессор Дарвин «молод». Будучи еще ребенком, он считал его почти таким

же старым, как руины, которые тот изучал. Но, должно быть, Сэр Исаак смотрел на это по-иному.

— Вот здорово, — сказал Дон. — Может быть, вы знаете и моих родителей? Доктора Джеймса Харви и доктора Цинтию Харви?

Дракон устремил на него все свои глаза.

— Вы — их яйцо? Я не имел чести встречаться с ними, но все цивилизованные существа знают и о них, и об их работе. Теперь я уже не удивляюсь тому, что вы сами являетесь столь блестящей личностью. Ерунда!

Дон ощутил смущение, смешанное с удовольствием. Не зная, что сказать, он попросил Сэра Исаака потренировать его в языке, который тот называл настоящим. Это предложение было принято драконом с удовольствием. Они были так увлечены своим занятием, что едва не пропустили сообщение: *«Всем пристегнуться! Сейчас будут включены двигатели! Приготовиться к изменению траектории!»*

Дон взялся за бронированные бока своего друга и подтолкнул его к месту. Потом спросил:

— Вы уверены, что все будет в порядке?

Дракон издал звук, похожий на икоту, и с помощью водэра ответил:

— Я уверен, что все будет в порядке. На этот раз я хорошо подготовился.

— Надеюсь. А не хотите ли вы снять свой водэр? Я помогу вам.

— Да, пожалуйста.

Дон подошел к дракону, взял у него водэр и закрепил его вместе со своим багажом. Он едва успел пристегнуться ремнями к креслу, как ощутил нарастающее ускорение. На этот раз оно было не столь сильным и продолжительным, как при старте. Происходила корректировка траектории «Дороги славы» для сближения с «Террой-Орбитальной».

Командир корабля искусно манипулировал двигателями и обошелся без сложных маневров. Дон подумал, что капитан — хороший навигатор и отлично знает свое дело. По системе оповещения передали: *«Можете отстегнуть ремни. Приготовьтесь к выходу!»*

Дон вернул водэр Сэру Исааку и расстался с ним, так как дракону предстояло покинуть корабль через

грузовой шлюз. Дон просвистел слова прощания и с багажом в руках направился к выходу.

«Терра-Орбитальная» представляла собой огромную бесформенную массу, висящую в космическом пространстве. Ее строили, потом перестраивали, добавляли к ней новые конструкции, приспособляли в течение многих лет для разнообразных целей. Она была и станцией для наблюдения за погодой, и астрономической обсерваторией, и станцией слежения за метеоритами, и телетрансляционной станцией, и пунктом наведения военных ракет, и вакуумной лабораторией, и биологической лабораторией для работ в условиях полной стерильности, и многим другим.

Но главное — она служила посадочной станцией для грузовых и пассажирских перевозок, куда крылатые ракеты малого радиуса доставляли груз со всей Земли и где встречались с космическими лайнерами, летающими между планетами. Для них здесь имелись заправочные танки, ремонтные доки, которые могли принимать любые корабли, от самых огромных лайнеров до маленьких крылатых ракет, мастерские, а еще — гигантский вращающийся барабан под названием «Годдард-отель», в котором были искусственное притяжение и земная атмосфера. Он служил жильем для транзитных пассажиров и для персонала станции.

«Годдард-отель» выдавался из корпуса станции, как старая двухколесная тележка из кучи металлолома. Ось, на которой вращался его цилиндр, проходила через его центр и выступала далеко в космос. Именно к этой оси корабль присоединял свой шлюз-туннель. Пассажиры высаживались, а корабль направлялся в грузовой порт, расположенный в основной, невращающейся, части станции. Когда «Дорога славы» прибыла на станцию, там уже были три корабля: «Валькирия», на которой Дон должен был отправиться на Марс, «Наутилус» с Венеры, на котором Сэр Исаак должен был вернуться домой, и «Весна», курсирующая между Луной и «Террой-Орбитальной».

Два лайнера и лунный корабль были уже пришвартованы к корпусу станции. «Дорога славы» прикрепила переходник к оси отеля и сразу же начала высадку пассажиров. Дон подождал своей очереди, затем, подтягиваясь руками за скобы, проследовал через туннель и оказался в отеле, все еще находясь в состоянии невесомости.

Человек в комбинезоне указал дорогу Дону и еще десятку пассажиров к месту в середине туннеля, где располагалась кабина большого лифта. Крутая дверь ее была открыта, кабина медленно вращалась — она была частью самого отеля.

— Входите, — распорядился человек, — и следите, чтобы ваши ноги были направлены к полу.

Дон вошел и обнаружил, что одна из стен помечена крупными буквами: «ПОЛ». Дон взялся за скобу и устроился так, чтобы его ноги были направлены к «полу». Человек в комбинезоне вошел за ним и включил лифт.

Сначала притяжения не чувствовалось. Дон ощутил слабое головокружение от вращения. Он знал, что и раньше ездил на этом лифте, когда был помоложе, но уже не помнил, какие ощущения были при этом.

Вскоре лифт остановился. «Пол» сделался настоящим полом, хотя притяжение было значительно меньше земного, неприятное головокружение прекратилось. Лифтер открыл дверь и крикнул:

— Все выходят!

Дон вышел в большое внутреннее помещение. В нем собрались уже почти все пассажиры корабля. Дон огляделся в поисках своего друга дракона, но вспомнил, что венерианин высаживается в грузовом порту. Он поставил вещи на пол и уселся на них.

Люди, казалось, были чем-то обеспокоены. Одна женщина сказала:

— Это возмутительно. Мы торчим здесь уже полчаса. Похоже, о нас забыли.

— Потерпи, Марта, — ответил мужской голос.

— Он говорит «потерпи»! Отсюда только один выход, и он закрыт. А если случится пожар?

— Ну и куда же ты тогда побежишь, моя дорогая? Снаружи ведь нет ничего, кроме вакуума.

Женщина повысила голос:

— Я же говорила, что нам лучше поехать на Бермудские острова.

— Разве?

— Перестань цепляться!

Лифт еще раз высадил пассажиров, затем доставил последнюю партию. Корабль был пуст. Через довольно продолжительное время, в течение которого отовсюду раздавались возмущенные голоса и даже Дон начал поругивать в душе обслуживание, единственная дверь наконец открылась. Но вместо предупредительного служащего отеля в нее вошли три человека в военной форме. Двое были с лучевыми ружьями. Третий, с пистолетом на боку, шагнул вперед, твердо расставив ноги, упер кулаки в бока и сказал:

— Внимание! Сохраняйте спокойствие.

Наступила тишина. В этом голосе было нечто, что заставляло подчиняться не раздумывая. Он продолжал:

— Я — Мак-Мастерс, сержант сил обороны Республики Венера. Мой командир приказал объяснить вам ситуацию.

Толпа помолчала некоторое время, затем раздалась возгласы удивления, беспокойства, недоверия и возмущения.

— Все заткнитесь! — крикнул сержант. — Успокойтесь. Никто не пострадает, если вы будете вести себя соответствующим образом. Республика захватила эту станцию, поэтому все подлежат проверке. Все земные барсуки будут немедленно возвращены на Землю. Те, кто направляется домой, на Венеру, полетят, если пройдут проверку на лояльность. А теперь мы рассортируем вас.

Взволнованный полный мужчина протолкался вперед.

— Вы понимаете, сэр, что вы говорите? «Республика Венера», подумать только! То, что вы делаете, — это пиратство!

— Ступай на место, толстяк.

— Вы не имеете права! Я хочу говорить с вашим командиром.

— Ступай на место, — медленно сказал сержант, — или мне придется пнуть тебя в живот.

Человек, казалось, возмутился еще больше, но быстро смешался с толпой.

Сержант продолжал:

— Те, кто направляется на Венеру, постройтесь в очередь у двери. Приготовьте удостоверения личности и свидетельства о рождении.

Пассажиры, еще недавно представлявшие собой дружную компанию путешественников, разделились на два враждебных лагеря. Кто-то воскликнул: «Да здравствует Республика!», после чего последовал звук пощечины. Один из военных протолкнулся в толпу и остановил стычку, грозившую перейти во всеобщую драку. Сержант положил руку на кобуру и сказал усталым голосом:

— Никакой политики, пожалуйста. Давайте приступим к делу.

Каким-то образом очередь установилась. Вторым в ней стоял человек, с радостью провозгласивший образование нового государства. Из носа у него сочилась кровь, но глаза сияли.

— Это великий день! Я ждал его всю свою жизнь, — сказал он, подавая документы сержанту.

— Все ждали, — ответил сержант. — Порядок. Проходите дальше для дальнейшей проверки. Следующий!

Дон старался успокоиться и привести мысли в порядок. Он был вынужден признать, что это все-таки случилось. Началась война. Война, которую он считал невозможной. Еще не бомбили города, но то, что происходило, вполне можно было назвать «Форт Самтер»* новой войны; Дон был достаточно умен, чтобы понимать это. Ему не нужно было угрожать пинком в живот, чтобы он осознал происходящее.

Потрясенный, он понял, что сбежал вовремя. «Валькирия», очевидно, была последним кораблем, отправлявшимся на Марс. Поскольку пересадочная станция находилась в руках восставших, новых кораблей теперь не будет много-много лет.

* Обстрелом форта Самтер 12 апреля 1861 года началась Гражданская война в США.

Сержант еще ничего не сказал о пассажирах, направлявшихся на Марс; Дон подумал, что первым делом для сержанта было разделить граждан двух враждующих планет. Он решил, что пока следует держать рот закрытым и ждать. В очереди произошла заминка. Дон услышал, как сержант сказал:

— Вы стойте не в той очереди, приятель. Вам нужно вернуться на Землю.

Человек, к которому он обращался, ответил:

— Нет, нет. Посмотрите внимательнее на документы. Я эмигрирую на Венеру.

— Вы чуть опоздали эмигрировать. Ситуация изменилась.

— Ну конечно. Я знаю, что она изменилась, и присоединяюсь к Венере.

Сержант почесал голову.

— Этого нет в инструкциях. Аткинсон! Пропустите этого человека, пусть с ним решит лейтенант.

Закончив с теми, кто отправляется на Венеру, сержант подошел к телефону на стене.

— Джон? Это говорит Марк. Я говорю из ясель. Удалось вытащить дракона? Нет? Дайте мне знать, когда «Дорога славы» снова будет в шахте приемника; я буду грузиться. — Он повернулся к толпе. — Ну ладно, вы, земляне. Будет небольшая задержка, и я должен перевести вас в другое помещение до тех пор, пока мы не будем готовы послать вас обратно на Землю.

— Минуточку, сержант! — воскликнул какой-то мужчина.

— В чем дело?

— Где ожидать пассажиров, направляющимся на Луну?

— На Луну? Обслуживание на этой линии прекращено. Вы отправляетесь на Землю.

— Послушайте, сержант! Будьте благоразумны. Я не занимаюсь политикой; мне безразлично, в чьих руках эта станция, но у меня на Луне дело, действительно требующее моего присутствия. Задержка может стоить миллионы.

Сержант уставился на него.

— Да, неудачно получилось. Вы знаете, братец, у меня за всю жизнь не было больше тысячи в кармане. Сама мысль о том, что можно потерять миллионы, ужасает меня. — Его тон резко изменился. — Вы болван. Вы когда-нибудь думали о том, что будет, если бомба упадет на крышу Тихо-Сити? Никакой купол не поможет.

Дон с беспокойством слушал. До сих пор сержант ничего не сказал о направлявшихся на Марс. Он встал в очередь в самом конце. У самой двери он замешкался.

— Пошевеливайся, парень, — сказал сержант.

— Я не собираюсь возвращаться на Землю, — ответил Дон.

— Вот как?

— Я лечу на Марс на корабле «Валькирия».

— Ты собирался туда, а теперь вернешься на Землю на «Дороге славы».

— Послушайте, мистер, — упрямо сказал Дон. — Я должен попасть на Марс. Там мои родители, и они меня ждут.

Сержант покачал головой.

— Паренек, мне очень жаль тебя. Честное слово. «Валькирия» не полетит на Марс.

— Как так?

— Она передается верховному командованию в качестве крейсера и направляется на Венеру. Думаю, тебе лучше вернуться на Землю. Мне очень жаль, что тебе не удастся встретиться с родителями, но война есть война.

Дон заставил себя сосчитать до десяти.

— Я не собираюсь возвращаться на Землю. Я буду ждать здесь, пока какой-нибудь корабль не полетит на Марс.

— В таком случае тебе придется держаться за какую-нибудь звезду.

— Почему?

— Потому, — медленно сказал сержант, — что сразу же после того, как мы отсюда улетим, здесь не останется ничего, кроме радиоактивного облака. Хочешь поработать эталоном для счетчика Гейгера?

Глава 6

ЗНАК В НЕБЕ

Дон ничего не смог ответить. Его далекие предки, постоянно жившие в опасности, возможно, и восприняли бы все это спокойно; но спокойная жизнь не подготовила его к многократным ударам судьбы.

— Итак, парень, я считаю, что тебе лучше улететь на «Дороге славы». Это как раз то, что понравилось бы твоим родителям. Возвращайся назад и найди какое-нибудь хорошее местечко в деревне, поскольку города, скорее всего, будут некоторое время непригодны для нормальной жизни.

— Я не собираюсь на Землю, — заявил Дон. — Мне нечего там делать; я не являюсь гражданином Земли.

— Вот как? Кто же ты? Хотя это, конечно, не столь уж важно; все, не являющиеся гражданами Венеры, отправляются на Землю на «Дороге славы».

— Я — гражданин Федерации, — ответил Дон, — но я имею право на гражданство Венеры.

— Федерация, — ответил сержант, — в последнее время претерпела некоторые изменения. Но что это ты сказал насчет венерианского гражданства? Не будем путаться в словах, дай-ка мне взглянуть на твои бумаги.

Дон передал ему документы. Сержант Мак-Мастерс бегло глянул на свидетельство о рождении и тут же поглядел на него с интересом.

— Рожденный в невесомости. Черт меня побери! А ведь таких, как ты, наверное, не так уж много.

— Да уж.

— Но что это означает в смысле гражданства?

— Читайте дальше. Моя мать родилась на Венере, поэтому я имею право на венерианское гражданство по происхождению.

— Да, но твой папаша родился на Земле.

— Я также имею право на гражданство Земли по происхождению.

— Да? Но ведь это уже нелепость.

— Так говорит закон.

— Некоторые законы теперь изменятся. Я не знаю, кем тебя считать. Послушай, а сам ты куда хочешь, на Венеру или на Землю?

— Я лечу на Марс, — ответил Дон.

Сержант посмотрел на него и вернул документы.

— Это выше моего разума. Я никак не могу получить от тебя толкового ответа. Придется передать тебя. Проходи.

Он провел Дона в маленькую комнатку. Там были два солдата. Один из них возился с пишущей машинкой, другой сидел просто так. Сержант просунул голову в комнату и сказал бездельничавшему:

— Эй, Майк, проследи-ка за этим пареньком, чтобы он не украл станцию. — Он повернулся к Дону. — Дай-ка мне еще раз твои документы, парень.

Он взял бумаги и вышел.

Солдат, которого звали Майком, внимательно посмотрел на Дона и больше уже не обращал на него никакого внимания. Дон положил свои вещи на пол и сел на них.

Несколько минут спустя сержант Мак-Мастерс вернулся, но даже не взглянул на Дона.

— У кого карты? — спросил он.

— У меня.

— Только не твои крапленые, Майк. У кого есть чистые карты?

Другой солдат закрыл пишущую машинку, открыл ящик стола и вытащил колоду карт. Все трое сели к столу, Мак-Мастерс начал тасовать карты.

— Не хочешь ли сыграть по-приятельски, паренек? — спросил он Дона.

— Нет, не очень.

— Смотри, больше нигде задаром не научишься такой хорошей игре.

Солдаты играли в карты примерно полчаса. Все это время Дон молча размышлял. Он заставил себя поверить сержанту. Он просто не мог полететь на Марс на «Валькирии», потому что «Валькирия» направлялась на Венеру. Он не мог ожидать следующего корабля, потому что станция и комната, где он сейчас находился, в ближайшее время будут взорваны. Какие же возможности остаются у него? Земля? Нет. У него не осталось на Земле никаких родственников. А теперь, когда доктор Джефферсон не то умер, не то исчез, у него нет там и друзей. Вернуться в школу? Как побитая собака? Ни в коем случае! Он уже отрешился от полудетского состояния. Школа не для него.

Была и более важная причина: полиция Нью-Чикаго считала его нежелательным иностранцем. Он не полетит на Землю, он там чужой.

Выбора нет, сказал он себе, остается Венера. Он сможет найти там людей, которых знал когда-то сам, или знакомых папы и мамы. Он постарается любым способом выбраться на Марс; это будет самое лучшее. Теперь, приняв решение, он был почти рад случившемуся.

По служебному телефону вызвали сержанта. Он бросил карты на стол и подошел к телефону, опустив заградительный экран. Положив трубку, он обратился к Дону:

— Итак, парень, наш старик определил твой статус; ты являешься перемещенным лицом.

— Что?

— То, что Венера стала независимой, выбило у тебя из-под ног почву. Теперь у тебя нет прав ни на какое гражданство. Поэтому старик приказал отправить тебя туда, откуда ты прибыл... на Землю.

Дон встал и расправил плечи.

— Я не полечу.

— Ах вот как? — мягко сказал Мак-Мастерс. — Ну ладно, садись, где сидел, и устраивайся поудобнее. Когда придет время, мы вытащим тебя отсюда.

Они снова сдали карты. Дон все стоял.

— Послушайте, я изменил свое решение. Если я не могу лететь на Марс, я полечу на Венеру.

Мак-Мастерс прервал игру и повернулся к нему.

— Когда командор Хиггинс что-нибудь решает, то это раз и навсегда. Майкл, возьми-ка эту примадонну и выбрось туда, к остальным земным свиньям.

— Но...

Майкл встал.

— А ну, пойдём-ка!

Дона толкнули в комнату. Землян никто не охранял, и они громко обсуждали случившееся:

— Возмутительно! Мы должны сравнять с землей все их укрепления...

— Я полагаю, мы должны послать комиссию к их верховному командованию и твердо им высказать...

— Я же говорил, что мы придем к этому...

— Переговоры — признак слабости...

— Разве вы не видите, что война уже кончилась? Господа, это не просто пересадочная станция; это пункт наведения ракет. Отсюда они могут разрушить любой город на Земле так же легко, как перестрелять уток на воде.

Дон прислушался к последнему замечанию. Он не привык размышлять о военной политике и тактике; до этого момента значение захвата «Терры-Орбитальной» ускользало от его внимания. Раньше он думал об этом только потому, что сам оказался здесь.

Неужели они зайдут так далеко? Разбомбят города Федерации, сотрут их с лица Вселенной? Конечно, у колоний много причин для недовольства, но... Конечно, так уже бывало в прошлом, но ведь это все уже история; теперь люди более цивилизованны.

— Харви! Дональд Харви!

Все обернулись. В дверях стоял венерианский гвардеец.

— Я здесь! — ответил Дон.

— Идем со мной.

Дон собрал вещи и пошел за ним.

— Куда вы меня ведете?

— С тобой будет говорить командор. — Он взглянул на багаж Дона. — Нет нужды тащить это туда.

— Лучше я возьму все с собой.

— Как тебе угодно. Но не тащи это в кабинет командора.

Они спустились двумя этажами ниже, где притяжение было значительно сильнее, и остановились перед дверью с часовым.

— Вот этот парень, за которым послал старик.

— Проходите.

Дон вошел. Комната была большой и красивой; это был кабинет управляющего отелем. Сейчас ее занимал человек в военной форме, еще молодой, но уже с сединой в волосах. Он поднял взгляд на Дона, и тот подумал, что человек этот здорово устал.

— Дональд Харви?

— Да, сэр.

Дон подал свои документы. Командор отложил их в сторону.

— Я видел их, Харви, а ты уже надоел мне. Один раз я уже решил твое дело. — Дон промолчал, и командор продолжил: — Теперь я вынужден вернуться к нему. Знаешь ли ты венерианина по имени... — и он свистнул.

— Немного знаю, — ответил Дон. — Мы летели в одном отсеке на «Дороге славы».

— Интересно... Может, это так и было задумано?

— Что? Как же я мог...

— Это могло быть подстроено... в истории бывали шпионы и помоложе тебя.

Дон покраснел.

— Вы думаете, что я шпион, сэр?

— Нет. Но это одна из возможностей, которые я должен иметь в виду. Ни один военный не любит, когда на него оказывают политическое давление, Харви, но всегда приходится уступать этому давлению. Я уступил. Тебе не придется возвращаться на Землю; ты полетишь на Венеру. — Он поднялся. — Но я хочу предупредить тебя. Если ты шпион, никакие драконы на Венере не спасут твою шкуру. — Он повернулся к телефону,

набрал номер и сказал: — Передайте ему, что его друг у меня и я занимаюсь его делом. Возьми трубку, — сказал он Дону.

Дон услышал ласковый голос с акцентом кокни:

— Дон, мой дорогой мальчик, ты там?

— Да, Сэр Исаак.

В голосе дракона послышалось облегчение.

— Когда я начал наводить справки относительно тебя, то обнаружил, что имеет место какое-то странное намерение отправить тебя обратно, на эту ужасную планету, с которой мы только что улетели. Я сказал им, что они делают серьезную ошибку. Боюсь, что мне пришлось проявить большую твердость, настаивая на этом. Ерунда!

— Сейчас все в порядке, Сэр Исаак. Спасибо.

— Не стоит благодарности, я все еще твой должник. Навести меня, когда сможешь. Ты ведь сделаешь это, не правда ли?

— Конечно!

— Благодарю тебя и приветствую. Ерунда!

Дон положил трубку и обнаружил, что командор пристально смотрит на него.

— Знаешь ли ты, кто твой друг?

— Знаю. — Дон просвистел его венерианское имя и добавил: — Он называет себя Сэр Исаак Ньютон.

— Это все, что ты знаешь?

— Пожалуй, да.

— Ну... — командор сделал паузу, потом продолжал: — Думаю, что тебе полезно знать, что же оказало на меня такое влияние. Сэр Исаак, как ты его называешь, ведет свою родословную прямо от Священного Яйца, которое было отложено в глине Венеры в День Создания. Вот почему я пересмотрел твое дело. Часовой!

Дон позволил увести себя, не сказав ни слова. Очень, очень немногие земляне были удостоены чести исповедовать основную религию Венеры; это была не та религия, которую распространяют. И никто не смеялся над ней, все воспринимали ее очень серьезно. Жители Венеры не обязательно должны были верить в Священное Яйцо и все с ним связанное; однако любой человек,

живущий на Венере, считал для себя выгодным и наиболее надежным говорить об этом с почтением.

Так вот оно что! Сэр Исаак — потомок знаменитого Яйца! Дон почувствовал благоговение, которое находит на самых убежденных демократов, когда те впервые встречают коронованную особу. А он разговаривал с ним, как с обычным драконом, какие торгуют овощами на базарах.

Вскоре он начал думать об этом в более практичном плане. Если кто-то и мог помочь ему с отправкой на Марс, то именно Сэр Исаак. Он еще и еще раз обдумал это и решил, что ему, наверное, все же удастся попасть домой.

Но Дону не пришлось увидеться со своим венерианским другом. Его направили на лайнер «Наутилус» вместе с другими пассажирами, летевшими на Венеру. С ними также была небольшая группа техников из обслуживающего персонала станции, которые считали, что их гражданская принадлежность ближе к Венере, чем к Земле. К тому времени, когда он узнал, что Сэр Исаак направлен на «Валькирию», было уже поздно что-либо делать.

Флаг, означающий присутствие командующего, командора Хиггинса, был перенесен с «Терры-Орбитальной» на «Наутилус», и Хиггинс сразу приступил к дальнейшим действиям. Захват станции обошелся почти без кровопролития: сыграли свою роль внезапность и тщательно выбранное время нападения. Основная часть операции завершилась прежде, чем изменения в графиках и траекториях полета кораблей были бы замечены с Земли.

«Наутилус» и «Валькирия» были уже готовы стартовать. Команда «Весны» была переведена на «Дорогу славы», а лунный корабль заняла команда военных. Этот корабль был снабжен горючим и всем необходимым для длительного путешествия в космосе. Хотя он предназначался для ближних рейсов к Луне, но был достаточно совершенен и для полета на Венеру. Путешествия в космосе — вопрос не расстояний, а преодо-

ления гравитации. Полет от «Терры-Орбитальной» до Венеры требует меньше горючего, чем полет с Земли на станцию.

«Весна» стартовала по широкой параболе, самой экономичной траектории для полета к Венере. «Валькирия» направилась по скоростной параболической траектории. Она прибудет на Венеру вместе с «Наутилуcom», а может быть, и раньше его. «Наутилус» последним покидал станцию, поскольку до взрыва «Терры-Орбитальной» командор Хиггинс должен был выступить по всеобщей телевизионной сети.

Обычно всеобщие передачи велись через телецентр «Терры-Орбитальной». Когда «Наутилус» пришвартовался к станции, этому космическому троянскому коню, телепередачи, идущие через станцию, не прекратились. Офицер штаба командора из подразделения «Джи-6» (отдел пропаганды и психологической обработки) выбрал для объявления о событиях на станции время, отведенное для передачи «Стив Броуди рассказывает». Это была самая популярная передача, а комментатор был любимцем зрителей. Мистер Броуди начинал свою передачу после очередной серии фильма «Семья Киллиак», который тоже собирал огромную аудиторию.

«Дорога славы» получила разрешение отправиться со своими пассажирами на Землю, причем все передатчики на ней были выведены из строя. «Наутилус» завис в свободном дрейфе в нескольких сотнях миль от станции. Телецентр на станции продолжал работать автоматически. Речь командора была записана на видеопленку, и автоматическое устройство должно было пустить ее, как только закончится фильм.

Дон смотрел эту передачу в салоне лайнера вместе с сотней других пассажиров. Все глаза были устремлены на гигантский телеэкран, расположенный в конце салона. Специальный монитор передавал на «Наутилус» все, что происходило на «Терре-Орбитальной».

Между тем фильм о семье Киллиак подходил к концу. Селеста Киллиак была арестована по подозрению в убийстве своего мужа, Бадди Киллиак все еще был в больнице, и предполагалось, что он не выживет. Папаша Киллиак пропал где-то без вести. Моув Киллиак подозревалась в спекуляциях продовольственными

карточками, но смело смотрела в лицо будущему, считая, что только хорошие люди умирают молодыми. После того как прошла обычная коммерческая вставка с рекламой «единственного мыла с витаминами, необходимыми для вашей кожи», экран погас на мгновение и появилась заставка передачи Стива Броуди: через весь экран пролетела ракета, появилось лицо ведущего и раздался голос: *«Стив Броуди сегодня сообщает вам новости завтрашнего дня!»*

Внезапно передача прекратилась. Экран опустел и послышался голос: *«Мы прерываем передачу для сообщения особой важности»*. На экране снова появилось изображение — лицо командора Хиггинса.

Чего-то не хватало в этом изображении, а именно — неестественно радостной улыбки всех дикторов. Его лицо было утрюмо.

«Перед вами командор Хиггинс, руководитель рейдовой группы верховного командования Республики Венера. Гвардейцы Венеры захватили станцию «Терра-Орбитальная». В наших руках судьбы всех городов Земли».

Он сделал паузу, чтобы значение его слов дошло до слушателей. Дон тоже обдумал эту идею, и она ему совсем не понравилась. Все знали, что на «Терре-Орбитальной» хватит ракет и ядерных боеголовок, чтобы уничтожить любую силу, осмелившуюся выступить против Федерации. Точное количество ракет, базирующихся там, являлось военной тайной, но обычно оно оценивалось от двух сотен до тысячи. Среди гражданских лиц, находящихся на «Наутилусе», прошел слух, что гвардейцы Венеры обнаружили на станции семьсот тридцать две ракеты в боевой готовности. Кроме того, были найдены части для сборки некоторого количества ракет, а еще — изрядное количество дейтерия и трития для снаряжения так называемых адских бомб.

Насколько эти слухи соответствовали действительности, было неизвестно. Ясно было одно: на станции достаточно ядерного оружия, чтобы превратить метрополию Федерации в радиоактивный ад. Конечно, что-то уцелеет, спасутся те, кто спрячется под землей, но после бомбардировки они не будут представлять никакой серьезной опасности; военный результат будет до-

стигнут. А погибнут очень многие. Сколько? Сорок миллионов? Пятьдесят миллионов? Дон не знал.

Командор продолжал:

«Но, к счастью, мы знаем, что делаем. Города Земли не будут разрушены. Свободные граждане Республики Венера не хотят уничтожать своих братьев на Земле. Наша цель в том, чтобы утвердить свою независимость, чтобы самим управлять своими делами, чтобы освободиться от налогов, разоряющих нас и идущих неизвестно на что.»

Этими действиями мы, свободные люди, призываем всех угнетенных и все бедные нации во всей Вселенной последовать за нами и принять нашу помощь. Взгляните на небо. Где-то в космосе над вами летит станция, с которой я обращаюсь к вам. Зажиревшие и тупые правители Федерации превратили ее в дамоклов меч, который висит над всеми нами. Угроза этой военной базы сохраняла их империю от праведного гнева угнетенных в течение более чем пятидесяти лет.

Сейчас мы уничтожим ее.

Через несколько минут эта отвратительная клякса в чистых небесах, этот пистолет, приставленный к виску всех планет, перестанет существовать. Выйдите из своих жилищ и взгляните на небо. Посмотрите на новое солнце, которое вспыхнет на короткое время, и знайте, что этот свет — свет свободы. Идите за нами!

Граждане Земли! Мы, свободные люди свободной Венеры, приветствуем вас этим салютом!»

Командор глядел в глаза каждого, кто смотрел передачу, и в это время зазвучал гимн «Утренняя звезда надежды». Дон не знал нового гимна новой нации, но и его охватило волнение.

Внезапно экран опустел, и в то же мгновение вспыхнул свет, настолько яркий, что проник даже сквозь закрытые иллюминаторы. Дон все еще жмурился, когда по системе оповещения раздались слова: «Можно снять жалюзи с иллюминаторов». Младший офицер свернул металлические жалюзи центрального иллюминатора. Дон подошел к нему и глянул в космос. Новое солнце увеличивалось на глазах. То, что на Земле приняло бы форму гигантского гриба, как это и бывало много раз,

здесь предстало идеальной сферой. Она расширялась все больше и больше, поначалу сверкая ярким белым светом, затем серебристо-фиолетовым, слегка пурпурным, красным, похожим на обычное пламя. Она все росла и наконец закрыла собой Землю.

«Терра-Орбитальная» превратилась в раскаленное облако над Северной Атлантикой. Почти все земляне увидели пламенный знак в небе.

Глава 7

ОТКЛОНЕНИЕ

Сразу же после взрыва «Терры-Орбитальной» на корабле прозвучали сигналы оповещения, призывающие всех занять свои места. «Наутилус» рванулся вперед, устремляясь по своей многодневной орбите к Венере. Когда была набрана достаточная скорость, кораблю придали вращение, чтобы создать искусственную гравитацию. Дон отстегнул ремни и поспешил в радиорубку. Дважды его останавливали часовые и приходилось доказывать, что ему позарез нужно туда.

Дверь в рубку была открыта; все, казалось, были очень заняты и не обратили на него никакого внимания. Он потоптался на пороге, затем вошел.

Кто-то схватил его за воротник.

— Эй! Какого черта ты здесь делаешь?

— Я хочу послать сообщение, — миролюбиво ответил Дон.

— Только и всего? Эй, Чарли, что ты думаешь об этом?

Человек, который схватил его, обращался к военному, склонившемуся над каким-то прибором. Чарли сдвинул наушник с одного уха.

— Он здорово похож на диверсанта. Может, у него в каждом кармане по атомной бомбе?

Из соседней каюты вышел офицер.

— Что здесь происходит?

— Он проник сюда, сэр. Говорит, что ему нужно послать сообщение.

Офицер оглядел Дона с головы до ног.

— Мне очень жаль, но из этого ничего не выйдет. Приказано соблюдать радиомолчание. Никаких сообщений.

— Но мне просто необходимо связаться с Марсом! — В нескольких словах он объяснил причину. — Я должен сообщить им, где нахожусь, сэр.

Офицер покачал головой.

— Мы не сможем связаться с Марсом, даже если бы нарушили приказ.

— Можно передать сообщение на Луну, а оттуда его перешлют на Марс.

— Да, в принципе это возможно, но только в принципе. Послушайте, молодой человек, я очень сочувствую вам, но ничем не могу помочь, совершенно ничем. Командующий не позволит нарушить радиомолчание и по более важной причине, чем ваша. Интересы безопасности корабля превыше всего.

Дон на миг задумался.

— Конечно, это верно, — покорно согласился он.

— Я бы на твоём месте не беспокоился; родители разыщут тебя.

— Да? Не понимаю, как это у них получится. Они думают, что я лечу на Марс.

— Нет, не думают. Во всяком случае скоро перестанут так думать. Наша акция не останется в тайне, и скоро вся система узнает об этом. Они могут узнать о том, что ты добрался до «Терры-Орбитальной» и не вернулся на «Дороге славы». Методом исключения можно установить, что ты направляешься на Венеру. Думаю, что они запрашивают межпланетное справочное бюро уже сейчас. Уилкинс, напишите табличку: «Радиомолчание — никакие сообщения не отправляются». Нам ни к чему, чтобы разные гражданские врывались сюда, чтобы послать поздравление тете Хетти.

Дон делил каюту третьего класса с тремя дюжинами мужчин и несколькими мальчиками. Некоторые из пас-

сажиров, оплативших проезд лучшим классом, высказывали негодование по поводу условий, в которых оказались. Дон и сам имел билет первого класса до Марса на «Валькирии». Но он помалкивал и с удовлетворением отметил правильность выбранной им линии поведения, увидев лица пассажиров, которые ходили к командору жаловаться на плохие условия. Тот умел ставить людей на место. Каюты первого класса, расположенные на верхних палубах в носовой части ракеты, были заняты военными.

Его койка была достаточно удобной, а путешествие в космосе, обычно довольно скучное, казалось в этом шуме и разговорах не столь тоскливым. Уже на первой неделе путешествия главный врач объявил, что те, кто желает быть усыпленным или замороженным, могут это сделать. Через пару дней каюта наполовину опустела. Многие пассажиры легли в анабиозные ванны. Они будут смотреть цветные сны и проснутся только на Венере.

Дону не хотелось ложиться в анабиоз. Он слышал разговоры своих соседей по каюте, обсуждавших вопрос, влияет ли пребывание в анабиозе на продолжительность жизни.

— Это выглядит так, — изрек один из пассажиров с видом знатока. — Вам предстоит прожить определенное количество лет. Это заложено в ваших генах. И, если не случится ничего непредвиденного, именно столько вы и проживете. Когда вы ложитесь в анабиоз, все процессы в вашем теле замедляются. Если можно так сказать, ваши часы жизни останавливаются. Это время не идет в счет. Например, если вам предстоит прожить восемьдесят лет, то вы проживете восемьдесят лет и, допустим, три месяца или сколько вы там будете лежать в анабиозе. Так я понимаю.

— Вы совершенно не правы, — ответил ему другой человек. — Вы сильно ошибаетесь. В данном случае вы делаете вашу жизнь на три месяца короче. Это не для меня.

— Вы как-то странно рассуждаете. Лично я хочу, чтобы меня усыпили.

— Как вам угодно. Кроме того, есть еще одно обстоятельство... — Пассажир, который возражал, подался вперед и заговорил громче, чтобы слышали все: —

Говорят, что военные, которые летят в первом классе, подвергают вас допросу, пока вы спите. И вы знаете почему? Потому что командор считает, будто на «Терре-Орбитальной» на корабль посадили шпионов.

Для Дона было не так уж и важно, кто из них прав. Он чувствовал себя слишком полным жизни и энергии и не видел смысла во временном уходе из жизни только для того, чтобы не было скучно во время полета. Но последнее замечание удивило его. Шпионы? Возможно ли, чтобы ИБР имело своих агентов прямо в штабе венерианской гвардии? Но ведь именно в этом и была функция ИБР — агентура его должна быть вездесущей. Он оглядел своих соседей по каюте, прикидывая, кто из них мог бы выдавать себя не за того, кем он был на самом деле.

Однако эта мысль не долго его занимала. Во всяком случае, им ИБР больше не интересовалось. Если бы Дон сейчас не летел на «Наутилусе» к Венере, можно было бы подумать, что он направляется на «Валькирии» на Марс. Корабли были одного класса, а космос везде выглядит одинаково. Солнце с каждым днем становилось все крупнее, в отличие от полета на Марс, когда оно уменьшалось бы. Но кто может смотреть на солнце прямо даже с Марса? Распорядок жизни на корабле был таким же, как и на всяком другом лайнере. Время отсчитывалось по Гринвичу, завтрак начинался по звонку, о положении корабля сообщалось ровно в полдень, «ночью» включалось освещение.

Присутствие военных на корабле не бросалось в глаза. Они располагались в передней части корабля, а гражданские лица допускались туда только по делу. Прошло уже сорок два дня космического полета, прежде чем у Дона нашлась причина снова попасть в носовую часть лайнера. Он порезал палец и был направлен на перевязку в корабельный госпиталь. Когда он возвращался оттуда, кто-то положил ему руку на плечо. Он обернулся. Это был сержант Мак-Мастерс. На груди у него была звезда — знак корабельного полицейского.

— Что ты здесь делаешь? — требовательно спросил он. — Почему ты разгуливаешь в этой части корабля?

Дон показал перевязанный палец.

— Я не прогуливаюсь. Мне нужно было перевязать палец.

Мак-Мастерс посмотрел на палец.

— Повредил палец? А теперь ты куда идешь? Этот коридор ведет к бомбовому отсеку, а не к кормовым каютам. Послушай, я тебя где-то видел, верно?

— Конечно.

— А, вспомнил! Ты тот самый паренек, который хотел лететь на Марс.

— Я и полечу на Марс.

— Неужели? Выходит, тебе нравятся кружные пути, примерно на сотню миллионов миль в объезд. Но мы с тобой отвлеклись от нашего разговора. Почему ты оказался в коридоре, который ведет к бомбовому отсеку?

Дон почувствовал, что краснеет.

— Я не знал, где на корабле бомбовый отсек. Но если я иду не туда, укажите мне, пожалуйста, правильный путь.

— Пошли со мной.

Сержант спустился вместе с ним на две палубы ниже — искусственная тяжесть здесь была сильнее — и завел Дона в какую-то каюту.

— Посиди здесь. Скоро подойдет дежурный офицер. Дон не двинулся.

— Мне не нужен дежурный офицер. Я хочу вернуться в свою каюту.

— Я сказал «садись». Я помню твой случай. Может быть, ты случайно заблудился, а может, оказался там намеренно.

Дон сдержал раздражение и сел.

— Я не имею ничего против тебя лично, — сказал Мак-Мастерс. — Не хочешь ли выпить чашечку кофе?

Он подошел к кофеварке и налил две чашки.

Дон помедлил, но взял чашку. Это был кофе с Венеры, черный, душистый и очень крепкий. Дон почувствовал, что Мак-Мастерс начинает ему нравиться. Сержант не спеша выпил свой кофе, затем состроил гримасу и сказал:

— Ты, наверное, родился в рубашке. Другой на твоём месте сейчас был бы уже мертвецом.

— Почему?

— Ты должен был лететь на «Дороге славы», верно?
— Да, но я не понимаю...
— Разве эти новости еще не добрались до кормы? «Дорога славы» так и не приземлилась.

— Что же произошло? Столкновение?

— Какое там столкновение! Эти земные свиньи, сторонники Федерации — они ведь все очень нервные, — расстреляли ее в небе. Они не могли установить с нею радиосвязь и, видимо, решили, что она начинена взрывчаткой. Я так думаю. Во всяком случае они ее взорвали.

— Да-а...

— Вот я и говорю, что ты родился в рубашке. Ведь ты должен был лететь на ней.

— Но я не должен был лететь на ней, ведь я направлялся на Марс.

Мак-Мастерс уставился на него, затем рассмеялся.

— Ну, парень, ты мыслишь своеобразно. Ничуть не лучше, чем неуклюжик.

— Пусть так, но я все же направляюсь на Марс.

Сержант отставил чашку.

— Ты не желаешь уметь. Война продлится десять или двадцать лет, и очень мало шансов, что в это время будет какой-нибудь корабль на Марс.

— Ну... доберусь как-нибудь. Но почему вы думаете, что война продлится так долго?

Мак-Мастерс помолчал, закуривая.

— Ты когда-нибудь изучал историю?

— Вообще-то, да...

— Помнишь, как американские колонии боролись за освобождение от британского господства? Эта война тянулась восемь лет, войска колонистов действовали там, то сям, и все это время Англия была достаточно сильной, чтобы разбить их за неделю. Почему же она этого не сделала?

Дон не знал.

— Да, — продолжал Мак-Мастерс, — ты, как видно, неважно учил историю, а вот наш командор Хиггинс хорошо ее знает. Именно он спланировал этот рейд. Задай ему вопрос о любом восстании, и он ответит, почему оно провалилось. Англия не могла подавить восстание потому, что она в то время по уши завязла в

более крупных войнах. Подавление американского восстания рассматривалось как простая полицейская акция, причем не особенно серьезная. Англия не могла уделить этой акции должного внимания, а потом это мероприятие стало слишком дорогостоящим и приносило одни неприятности. Поэтому Англия просто-напросто плюнула на это и признала независимость колоний.

— Вы тоже так думаете?

— Да, я считаю, что командор Хиггинс нанес удар в нужном месте и в нужное время. Если опираться на статистические данные, Республика Венера не может победить в войне против Федерации. Хочу тебе сказать, что я такой же патриот Венеры, как и остальные, но я смотрю в лицо фактам. Население Венеры составляет лишь незначительную часть населения Федерации, и еще меньшую часть составляют материальные ресурсы Венеры. Мы просто не можем победить в этой войне, за исключением того случая, когда Федерация будет слишком занята своими делами. И именно сейчас ситуация такова или скоро станет такой.

Дон задумался.

— Я, наверное, слишком глуп, чтобы понять это.

— Разве ты не понял, зачем мы уничтожили «Терру-Орбитальную»? Всего одной военной акцией командор поставил Землю в беззащитное положение. Он мог подвергнуть бомбардировке все города Земли или любой из них. Но какую бы это принесло пользу? Это только вызвало бы возмущение всех землян. А теперь две трети населения Земли приветствуют нас. И не только приветствуют, но и сами получили наглядный пример и возможность действовать: ведь над ними уже не висит «Терра-Орбитальная» со своими ракетами. Пройдут годы, прежде чем Федерации удастся умиротворить все нации, если ей это вообще удастся. Наш командор — большой хитрец. — Мак-Мастерс поднял голову. — Смирно! — крикнул он и вскочил с места. В дверях стоял лейтенант.

— Лекция была очень интересной, профессор, она вполне подошла бы для академической аудитории, — сказал вошедший.

— Я не профессор, лейтенант, — сказал Мак-Мастерс, — а всего лишь сержант, с вашего позволения.

— Ну хорошо, сержант, не будем больше к этому возвращаться.

Он повернулся к Дону.

— Кто это и почему он здесь?

— Он ждет вас, сэр.

— Понятно, — деловито ответил офицер. — Желаешь ли ты воспользоваться правом не отвечать на вопросы, чтобы нечаянно не оговорить себя?

Дон был озадачен.

— Имеется в виду, — объяснил Мак-Мастерс, — согласен ли ты, чтобы мы опробовали на тебе некое приспособление, или ты хочешь закончить свое путешествие в тюремной каюте?

— Какое приспособление?

— Детектор лжи.

— Ах, это. Пожалуйста. Мне нечего скрывать.

— Хотелось бы мне иметь такую же чистую совесть. Садись вон туда.

Мак-Мастерс открыл шкаф, присоединил электроды к голове Дона и наложил ему на руку мягкую повязку, в которой тоже были электроды.

— А теперь, — сказал он, — назови мне действительную причину того, что ты оказался в коридоре, ведущем к бомбовому отсеку.

Дон повторил свою прежнюю версию. Мак-Мастерс задал ему еще несколько вопросов, в то время как лейтенант наблюдал за показаниями на экране, расположенном сбоку от головы Дона. Наконец он сказал:

— Хватит, сержант. Проводите его туда, где ему следует находиться.

— Есть, сэр. Пошли.

Они вместе вышли из каюты. Когда они отошли на достаточное расстояние, Мак-Мастерс сказал:

— Как я и говорил, когда нас так грубо прервали, именно эти причины и служат доказательством того, что война будет длительной. Можно ожидать, что сохранится статус-кво, пока Федерация будет занята гражданскими беспорядками. Время от времени они будут присылать нам какого-нибудь сосунка, чтобы выполнить серьезную работу, достойную настоящего мужчины; мы наставим шишек этому сосунку, и он вернется домой. Когда-нибудь — может быть, на это уйдут го-

ды — Федерация придет к решению, что эти акции слишком дорого ей обходятся, и признает нас в качестве свободной нации. И все это время кораблей на Марс не будет. Так-то вот.

— И все же я туда попаду, — настаивал Дон.

— Значит, тебе придется идти пешком.

Они дошли до палубы под литерой «Джи». Дон огляделся вокруг и сказал:

— Здесь я уже найду дорогу. Мне нужно подняться на одну палубу.

— На две, — поправил его Мак-Мастерс. — Я провожу тебя до места. Существует лишь один способ попасть на Марс.

— Какой?

— Не догадываешься? Пассажирских рейсов, очевидно, не будет до конца войны. Но есть большая вероятность, что и силы Федерации, и силы Республики в конце концов пошлют свои войска на Марс. Каждая из сторон будет пытаться использовать Марс в своих целях. На твоем месте я поступил бы в армию, в Космическую гвардию. Не в сухопутные войска, а именно в Космическую гвардию.

Дон задумался.

— Не так уж много шансов, что меня примут. Как вы думаете?

— Ты хоть немного разбираешься в бумажной работе? Постарайся получить должность клерка. Если у тебя есть умение подлизаться к нужному человеку, то эта должность даст тебе шанс остаться на главной базе. Там ты будешь в курсе всех слухов и в конце концов узнаешь, когда они соберутся послать корабль на Марс. Останется только снова подлизаться к нужному человеку, чтобы оказаться на этом корабле. Это единственная возможность для тебя попасть на Марс. А вот и твоя каюта. И постарайся больше не блуждать в носовой части корабля.

Дон всерьез обдумал слова Мак-Мастерса. Он упорно держался за мысль, что, когда он окажется на Венере, ему придется искать способ попасть на Марс.

Слова Мак-Мастерса заставили его подумать и о другой стороне дела. Конечно, хорошо было говорить о том, чтобы каким-то образом попасть на корабль, отправляющийся к Марсу, — легально или нелегально, в качестве пассажира, оплатившего проезд, в качестве члена команды или просто «зайцем». Но, допустим, не будет вообще никаких кораблей на Марс. Потерявшаяся собака может найти дорогу домой, но человек не в состоянии преодолеть и мили в космосе без корабля.

Теперь насчет совета вступить в Космическую гвардию. Казалось, что это крайнее средство, даже если оно и сработает. Хотя Дон знал об армейских порядках немного, ему все же думалось, что сержант несколько упростил положение вещей. Попытка отправиться в рядах космических гвардейцев на Марс может оказаться похожей на поездку на дикой необъезженной лошади.

С другой стороны, он был в таком возрасте, когда военная карьера кажется блестящим вариантом. Если бы его чувства в отношении Венеры были более сильными, он без труда убедил бы себя в том, что его долг сражаться на стороне колонистов, независимо от того, попадет он на Марс или нет.

Военная служба имела еще одну положительную сторону; она сразу определила бы его положение. Он уже начал ощущать, в чем главная трагедия перемещенного лица во время войны: почва уходит из-под ног. Человеку необходима свобода, но очень немногие чувствуют себя достаточно сильными, чтобы не быть частью группы и не подчиняться принятым в ней формам взаимоотношений. Некоторые вступают в ряды иностранных легионов просто из любви к приключениям; многие заключают контракт для того, чтобы получить определенный круг обязанностей и вместе с этим — какие-то привычки, какие-то запреты, определенное время для работы, определенное время для отдыха, для того, чтобы подружиться с кем-то и беседовать с ним в свободное время. А заодно получить сержанта себе на шею, которого можно ненавидеть. Короче говоря, все это делается для того, чтобы стать частью какого-то образа жизни.

Дон был перемещенным лицом и чувствовал себя как бродяга, как любой из бродяг на протяжении всей истории; у него не было даже родной планеты. Он не испытывал потребности немедленно действовать, но замечал, что при виде солдат Космической гвардии уже прикидывает, как сам будет выглядеть в такой форме.

«Наутилус» не стал садиться на планету или стыковаться с какой-либо космической станцией. Когда он приблизился к Венере, скорость его была уменьшена, и он перешел на двухчасовую орбиту, проходящую через полюса планеты на высоте всего несколько сотен миль от серебристого покрывала облаков. Колонии Венеры были еще слишком молоды и слишком бедны, чтобы позволить себе роскошь завести пересадочную станцию в космосе. Поэтому космический лайнер выходил на орбиту, при которой он каждый раз проходил над новым меридианом планеты, как бы деля ее на дольки.

Корабль-челнок мог стартовать с любого места на Венере, соединиться с лайнером на орбите, а затем снова опуститься там, откуда взлетел, или в любом другом месте, расходуя минимум горючего. Как только «Наутилус» вышел на эту орбиту, челноки направились к нему. Они были больше похожи на самолеты, чем на космические корабли. Каждый из них имел герметическую кабину, крылья и двигатели для космоса и двигатели для атмосферы. Такой корабль взлетал с помощью катапульты, затем включал воздушно-реактивные двигатели, поднимающие его в стратосферу, причем скорость его в этот момент превышала три тысячи миль в час. Здесь эти двигатели выключались и вступали в работу ракетные двигатели, которые поднимали его еще выше, придавали орбитальную скорость — около двенадцати миль в час — и помогали сблизиться с космическим лайнером.

Чтобы провести эту операцию, от пилота требовалось высокое искусство маневрирования, точный математический расчет орбиты, скорости, состояния верхних слоев атмосферы — то есть всех мелочей. Как только орбитальный корабль загружался, достаточно было не-

большого импульса, чтобы он сошел с орбиты и, планируя в плотных слоях атмосферы, снизил скорость и направился на посадку. Тогда от пилота требовалось умение снизить скорость до необходимой величины, но сохранить ее для полета к месту приземления. Если корабль не долетит до порта и опустится не на взлетную полосу, а в соседние кусты, то он никогда больше не взлетит, даже если пилот и пассажиры уцелеют после такой посадки.

Дон отправился вниз на орбитальном корабле под названием «Сайрус Боконон», небольшом и аккуратном на вид, с размахом крыльев футов в триста. Через иллюминатор Дон наблюдал, как кораблик входил в шлюз лайнера, и заметил, что всем известный знак планетных линий в виде трех глобусов на его носу был покрашен, причем неаккуратно, видимо, в спешке. На этом месте было написано: «Орбитальная гвардия. Республика Венера». Закрашенная эмблема, свидетельство восстания, подействовала на него сильнее, чем взрыв «Терры-Орбитальной». Компания межпланетных сообщений обладала не меньшим могуществом и влиянием, чем любое правительство. Но повстанцы осмелились захватить корабли, принадлежащие величайшему транспортному концерну, и закрасить его эмблему на бортах.

Дон чувствовал, как ветер истории шевелит его волосы. Мак-Мастерс был прав. Теперь Дон поверил, что ни один корабль не полетит отсюда на Марс.

Когда подошла его очередь, он прошел через шлюз на «Сайрус Боконон». Бортпроводник, встретивший их, был все еще одет в форму Компании, но ее эмблема на рукаве уже была заменена каким-то другим значком. Изменился и стиль обслуживания. Он обращался с пассажирами деловито и распорядительно, но уже без прежней рабской услужливости, за которую ему платила Компания.

Спуск вниз оказался долгим и утомительным. В салоне было жарко, так как корабль сильно разогрелся, тормозя в атмосфере. Прошло более часа с момента вылета, когда крылья корабля ощутили опору плотных слоев атмосферы; вскоре Дон и остальные пассажиры почувствовали нарастание силы тяжести. Это пилот, чтобы избежать слишком сильного разогрева корабля,

снова направил его в разреженные слои атмосферы. Такая процедура повторялась несколько раз, корабль двигался наподобие плоского камушка, скачущего по воде. Пассажиры чувствовали себя словно на «американских горках». Это было не очень приятно, но Дон не имел ничего против. Он снова стал опытным космическим путешественником: его желудок уже не реагировал на ускорение и невесомость. Когда корабль вошел в облака Венеры, Дон ощутил сильное волнение, но в конце концов вся эта процедура стала ему надоедать. Наконец Дон почувствовал изменение в движении корабля; тот стремительно опускался, выходя на завершающий участок полета. Пилот наводил корабль на точку посадки с помощью радиолуча. И вот «Сайрус Боко-нон» коснулся поверхности и остановился. Бортпроводник провозгласил:

— Нью-Лондон! Республика Венера! Приготовьте документы для проверки.

Глава 8

«У ЛИС ЕСТЬ СВОИ НОРЫ, И У ПТИЦ ЕСТЬ СВОИ ГНЕЗДА...»*

Евангелие от Матфея, гл. 8, стих 20

Первой заботой Дона было найти отделение МГТК — Межпланетной телевизионной и телеграфной компании — и отправить радиограмму родителям. Но он не смог сразу покинуть корабль: пассажиры должны были, во-первых, сдать документы для проверки, а затем подвергнуться обыску и допросу. Прошло несколько часов, а Дон все сидел перед дверью в кабинет службы безопасности, ожидая своей очереди на допрос. Из-за своего необычного статуса он оказался самым последним.

Он был голоден и утомлен ожиданием, руки его от плеч до кистей болели от укусов, посредством которых проверялся иммунитет к различным местным заболеваниям, особенно грибковым инфекциям. Поскольку он жил здесь раньше, иммунитет у него сохранился. Ему очень повезло, так как иначе пришлось бы провести на карантине несколько недель и сделать еще кучу приви-

* Стих кончается так: «...и только Сын Человеческий не имеет, где приклонить голову».

вок. Он массирует руки и уже подумывал, не пора ли устроить скандал, когда дверь открылась и его позвали.

Дон вошел внутрь. Офицер Орбитальной гвардии сидел за столом и просматривал его документы.

— Дональд Харви?

— Да, сэр.

— По правде говоря, ваше дело ставит меня в тупик. Мы без труда установили вашу личность — отпечатки ваших пальцев совпадают с зарегистрированными на Венере в прошлом. Но вы не являетесь гражданином Венеры.

— Являюсь! Моя мать родилась здесь.

— М-да... — офицер забарабанил пальцами по столу. — Я не юрист. Я понимаю, что в чем-то вы правы, но ведь, когда родилась ваша мать, не было даже такого понятия, как Республика Венера. Получается, что ваш случай спорный и не имеет прецедентов.

— И каков же мой статус? — медленно спросил Дон.

— Я не знаю. Я не уверен, есть ли у вас законное право оставаться здесь.

— Но я и не собираюсь оставаться! Я здесь всего лишь проездом.

— Вот как?

— Я направляюсь на Марс.

— Ах, вы опять об этом! Я ознакомился с вашими документами и могу вам только посочувствовать. Постарайтесь быть благоразумнее.

— Я направляюсь на Марс! — настойчиво повторил Дон.

— Конечно, конечно! А я собираюсь в рай после смерти. Но пока вы находитесь на Венере, нравится вам это или нет. Мистер Харви, я решил отпустить вас.

— Да? — удивился Дон. Ему и в голову не приходило, что его могли лишить свободы.

— Да. Не думаю, что вы представляете угрозу для Республики Венера, и мне не хочется отправлять вас в карантин на неограниченный срок. Постарайтесь вести себя тихо и обязательно сообщите по телефону свой адрес, когда найдете, где остановиться. Вот ваши документы.

Дон поблагодарил его, взял свои вещи и быстро вышел. За дверью он остановился и некоторое время растирал зудящие от укулов руки.

У причала, прямо напротив здания, была пришвартована амфибия; ее водитель скучал у штурвала. Дон сказал:

— Извините, я хотел бы послать радиogramму. Вы не подскажете, где я могу это сделать?

— Конечно, подскажу. Контора МТТК, улица Боконона на Главном острове. Вы прилетели на «Наутилусе»?

— Да. А как туда добраться?

— Садитесь. Минут через пять я отправляюсь. Там есть еще пассажиры?

— По-моему, нет.

— Ваша речь не похожа на местный диалект. — Водитель окинул его взглядом.

— Я воспитывался здесь, — ответил Дон, — но мне пришлось на несколько лет уехать, чтобы продолжить обучение.

— Только что прошел проверку?

— Да, только что.

— Поздравляю с возвращением. Нигде не бывает так хорошо, как дома.

Водитель с любовью окинул взглядом начинающее темнеть небо и темную воду.

Вскоре он включил двигатель и отвязал швартовы. Маленькое судно медленно поплыло по узким каналам, огибая острова и построенные прямо в воде дома. Через несколько минут Дон высадился в начале Боконон-стрит, главной улицы Нью-Лондона — столицы планеты.

Улица, переполненная людьми, была узкой, извилистой и довольно грязной. По обеим сторонам сквозь густой туман сияли огни реклам. Одна из них гласила: «Вступайте в армию!!! Родина нуждается в вас». Другая, еще большими буквами, призывала: «Пейте кока-колу производства нью-лондонского филиала заводов кока-колы».

Оказалось, что здание МТТК находилось в нескольких сотнях ярдов от пристани, почти на противоположном конце Главного острова. Его легко было найти: оно было самым высоким на острове. Дон перебрался через

заграждение, окружавшее здание, чтобы вода не заливала дверь, и вошел внутрь. Он оказался в местном отделении Межпланетной телевизионной и телеграфной компании. За конторкой сидела молодая девушка.

— Я хотел бы послать радиограмму, — сказал он.

— Пожалуйста, мы к вашим услугам. — Она передала ему бланк и ручку.

— Спасибо.

Дон составлял сообщение, морща лоб от напряжения. Он старался, чтобы его послание не вызвало у родителей особого волнения и в то же время дало им как можно больше информации о сложившемся положении. И все это нужно было выразить минимумом слов.

Наконец он вернул бланк в окошко.

Увидев адрес, девушка подняла брови, но ничего не сказала. Она сосчитала количество слов, заглянула в справочник и сказала:

— Это будет стоить сто восемьдесят семь кредитов и пятьдесят центов.

Дон отсчитал деньги, с тоской отметив, что это проделало большую брешь в его бюджете.

Она взглянула на банкноты и вернула их.

— Вы что, смеетесь надо мной?

— В чем дело?

— Вы суете деньги Федерации. Вы хотите, чтобы у меня были неприятности?

— О! — Дон снова почувствовал что-то вроде тошноты. В последнее время это ощущение стало почти привычным для него. — Послушайте, но я только что прибыл на «Наутилусе». У меня просто не было времени обменять деньги. Можно мне послать это сообщение наложенным платежом?

— На Марс?

— Что же мне делать?

— Знаете, тут есть банк, вниз по улице, на противоположной стороне. На вашем месте я бы обратилась туда.

— Так я и сделаю. Спасибо.

Дон уже взял свой бланк, когда девушка остановила его.

— Я могу принять вашу радиogramму, если хотите. А вы можете заплатить в течение двух недель.

— Вот как? Большое спасибо!

— Не благодарите. Все равно радиogramма будет отослана только через две недели, а к тому времени вы заплатите.

— Через две недели? Но почему так долго?

— Потому что Марс сейчас находится по ту сторону Солнца и радиосигналы туда не проходят. Вам придется подождать.

— А почему нельзя воспользоваться ретрансляционными станциями?

— Сейчас идет война. Разве вы об этом не знаете?

— О! — Дон почувствовал себя дураком.

— Мы все еще принимаем частные сообщения по каналу Земля—Венера в оба конца, хотя они и могут быть искажены цензурой. Но мы не можем гарантировать, что ваша радиogramма будет передана через Землю на Марс. Если бы у вас был кто-нибудь на Земле, чтобы принять радиogramму...

— Боюсь, у меня там никого нет.

— Может быть, это и к лучшему, потому что они все равно не передали бы сообщение, даже если бы у вас и нашелся знакомый, согласившийся заплатить за него. Цензоры Федерации не пропустят. Поэтому давайте мне ваше сообщение, я зарегистрирую его. Заплатите позднее. — Она взглянула на текст радиogramмы. — Похоже, вы попали в неприятное положение. Сколько вам лет... — она взглянула на подпись, — ...Дон Харви?

Дон ответил.

— Да-а... вы выглядите старше. Я старше вас; могу взять на себя роль вашей бабушки. Если вам потребуется какая-нибудь помощь, заходите сюда и спросите бабушку Изабель — Изабель Костелло.

— Спасибо, Изабель!

— Не стоит благодарности. Это стиль обслуживания МТТК.

Она дружески улыбнулась ему. Дон вышел, чувствуя себя сконфуженным.

Банк стоял в самом центре острова; Дон помнил, что проходил мимо него. Надпись на стекле витрины гласи-

ла: «Американо-Гонконгский банк». Она была крест-накрест заклеена, а под ней было выведено от руки белой краской: «Нью-лондонский трест и Компания по инвестированию». Дон вошел и встал в самую короткую очередь.

Вскоре он рассказывал о своем деле. Служащий за конторкой указал пальцем на другой письменный стол: «Обратитесь туда». За этим столом сидел пожилой китаец, одетый в длинную черную мантию. Когда Дон подошел к нему, он встал, поклонился и спросил:

— Чем могу быть полезен вам, сэр?

Дон снова объяснил, чего он хочет, и положил пачку банкнот на стол. Человек посмотрел на деньги, но не притронулся к ним.

— Мне очень жаль...

— Но в чем дело?

— Уже истек срок, когда можно было законно обменивать деньги Федерации на деньги Республики.

— Но я не мог это сделать. Я только что прибыл.

— Я очень и очень сожалею. Но ведь не я установил это правило.

— Что же мне теперь делать?

Служащий закрыл глаза, затем открыл их.

— В этом несовершенном мире деньги необходимы. Есть ли у вас что-либо, что вы могли бы предложить в качестве залога?

— По-моему, нет. У меня есть только одежда и багаж.

— И никаких драгоценностей?

— Ах да, у меня есть кольцо, но я думаю, что оно ничего не стоит.

— Дайте мне взглянуть на него.

Дон достал кольцо, присланное доктором Джефферсоном, и передал служащему. Тот вставил в глаз увеличительное стекло и осмотрел кольцо.

— Боюсь, что вы правы. Это даже не янтарь — всего лишь пластмасса. Тем не менее — пусть оно будет символическим залогом, для честного человека этого достаточно. Я могу предложить вам пятьдесят кредитов.

Дон взял кольцо и повертел его в руках. Кольцо не могло стоить даже десятой части этой суммы... к тому

же его желудок напоминал о том, что пора бы и подкрепиться. И все же мама потратила вдвое больше денег, чтобы это кольцо попало к ней (или бумага, в которую оно было завернуто, поправил он себя). Смерть доктора Джефферсона тоже была каким-то образом связана с этим дешевым кольцом. Он вновь надел его на палец.

— Это было бы нечестно. Пожалуй, я лучше попробую найти работу.

— У вас есть гордость. Всегда можно найти работу в новом растущем городе. Желаю удачи. Когда устроитесь на работу, приходите к нам, и мы дадим вам аванс под будущий заработок.

Служащий засунул руку куда-то в складки своей мантии и вытащил банкнот в один кредит.

— Но прежде всего — вам нужно поесть: решения лучше принимать на сытый желудок. Окажите мне честь, примите это, как подарок человеку, впервые прибывшему на нашу планету.

Гордость Дона говорила ему «нет», но желудок крикнул «да!». Дон взял банкнот и сказал:

— Благодарю вас! Это очень благородно с вашей стороны. Я верну долг при первой же возможности.

— Лучше отдайте его брату по духу, который будет нуждаться.

Служащий нажал кнопку на своем столе и встал. Дон попрощался и вышел.

У дверей банка он заметил какого-то человека, который, казалось, стоял здесь без определенной цели. Он пропустил Дона, затем последовал за ним, но Дон не обратил на это никакого внимания, занятый своими мыслями. Постепенно он начал понимать, что с ним произошла катастрофа. Он потерял опору и не видел способа исправить положение. Вся жизнь он прожил обеспеченным человеком; он ни разу не ощутил на себе основной принцип человеческого существования — необходимость постоянных усилий, чтобы обеспечить себя необходимым. Иногда это возвышает человека, но чаще он проигрывает в этой игре, а иногда и погибает.

Но Дон не собирался сдаваться. Пройдя полсотни ярдов по грязной улице, он несколько воспрянул духом и попытался спокойно оценить ситуацию. Он был в ста

миллионах миль от Марса, и не было никакой возможности послать сообщение родителям. Не так уж легко будет прожить здесь две недели, поскольку он остался совершенно без денег, да и еще при здешней дороговизне.

Нищий, голодный, без крыши над головой... без друзей, даже без знакомых, если, конечно, не считать Сэра Исаака. Но дракон был далеко, на другой стороне планеты, и не стоило рассчитывать на него.

Дон намеревался решить проблему питания немедленно, используя банкнот, полученный от банковского служащего. Он вспомнил, что неподалеку был ресторан, но в противоположном направлении, и резко остановился. Сзади на него налетел какой-то человек.

Дон извинился и заметил, что это тоже китаец. Он принял этот факт без какого-либо удивления, поскольку почти половина наемных рабочих, попавших сюда по контракту в первые годы существования колонии на Венере, были жителями Востока. Однако лицо этого человека показалось ему знакомым. Кто бы это мог быть? Может быть, один из пассажиров «Наутилуса»? И вдруг он вспомнил, что видел этого человека в порту, там, где начиналась главная улица.

— Это я виноват, — сказал человек. — Нужно было смотреть, куда иду. Извините, что я налетел на вас.

Он улыбнулся Дону.

— Нет, — сказал Дон, — это я виноват. Я вдруг решил повернуть обратно.

— В банк?

— Что вы хотите сказать?

— Это, конечно, не мое дело, но я видел, как вы выходили из банка.

— Я, собственно говоря, возвращался не в банк, — ответил Дон. — Я вспомнил, что где-то в той стороне видел ресторан.

Человек взглянул на вещи в руках у Дона.

— Только что прибыли?

— Да, на «Наутилусе».

— Думаю, что вам не следует идти в тот ресторан, если не хотите выбросить деньги на ветер. Этот ресторан — для богатых туристов.

Дон вспомнил, что в его кармане лежит один-единственный кредит, и с беспокойством спросил:

— Где же здесь можно перекусить? Где я могу найти хороший, но дешевый ресторан?

Человек взял его за руку.

— Я вам покажу. Тут есть одно место на берегу. Хозяин — мой кузен.

— Вы знаете, мне не хотелось бы утруждать вас.

— Мне это ничего не стоит. Я и сам как раз собирался перекусить. Между прочим, меня зовут Джонни Линг.

— Рад познакомиться, мистер Линг. Меня зовут Дон Харви.

Ресторан стоял в одном из узких переулков в начале Боконон-стрит. Вывеска гласила: «Ресторан "Двух миров". Имеются столики и для леди. Приглашаются космические путешественники». Три неуклюжика стояли у входа, вдыхая аппетитные запахи и прижимая носы к стеклянной двери. Джонни Линг отстранил их и пригласил Дона войти.

За стойкой стоял толстый кантонезец.

— Привет, Чарли! — воскликнул Линг.

— Здравствуй, Джонни, — ответил толстяк и начал быстро говорить, мешая всевозможные слова, в том числе и неприличные, на китайском, английском, португальском и на языке свиста.

Одному из неуклюжиков удалось протиснуться в дверь, и он устремился к закускам, его копытца отчетливо застучали по полу. Удивительно быстро, несмотря на полноту, Чарли ринулся наперерез, схватил неуклюжика за ухо и вывел за дверь. Чертыхаясь, он подошел к витрине, взял не самый свежий кусок пирога и вернулся к двери. Он бросил пирог маленьким фавнам, и те дружно набросились на него.

— Если ты не перестанешь кормить их, Чарли, — сказал Линг, — то они так и будут тереться около твоего заведения.

— Занимайся лучше своими делами.

Несколько клиентов ели за стойкой. Они не обратили никакого внимания на инцидент. Линг нагнулся к хозяину и спросил:

— А задняя комната у тебя свободна?

Чарли кивнул и повернулся к ним спиной. Линг провел Дона через дверь-вертушку, и они оказались в небольшом узеньком кабинете. Дон сел и взял меню, прикидывая, что подешевле. Линг забрал у него меню.

— Позвольте мне угостить вас. Чарли — исключительно хороший повар.

— Но...

— Считайте себя моим гостем. Не спорьте. Я настаиваю.

В этот момент появился Чарли, причем вошел он совершенно бесшумно, приоткрыв полог занавески. Он обменялся с Лингом замечаниями на каком-то непонятном наречии, вышел и очень быстро вернулся с горячими хрустящими яичными трубочками. Аромат их был превосходен, и желудок Дона сам сделал выбор.

Яичные трубочки были великолепны, а за ними последовало блюдо, которое Дон не смог даже определить. Это, конечно, была китайская кухня, но не совсем традиционная. Дону показалось, что он чувствует в этом блюде вкус тех овощей, которые он ел на Венере еще ребенком, но он не был уверен. Словом, это было как раз то, что нужно: он ощутил приятную сытость и перестал о чем-либо беспокоиться.

За едой он незаметно начал рассказывать Лингу о себе, причем наиболее подробно остановился на событиях последнего времени, в результате которых он очутился на Венере. С этим человеком было легко разговаривать. К тому же сидеть в качестве гостя и молчать казалось Дону неприличным, поэтому он и разговорился. Наконец Линг откинулся на спинку стула и вытер рот.

— Да, вам крепко досталось, Дон. А что вы теперь намерены делать?

Дон невесело усмехнулся.

— Хотел бы я знать. Хорошо бы найти какую-нибудь работу и жилье. Мне нужно будет сэкономить достаточную сумму или занять ее, чтобы оплатить радиogramму своим родителям. Они, должно быть, очень беспокоятся обо мне.

— Разве у вас не было с собой денег?

— Конечно, были. Но это деньги Федерации. Здесь их не берут.

— А дядюшка Том не захотел обменять их? Он довольно жестокосердный человек, несмотря на все свои очаровательные улыбки. В глубине души он остался ростовщиком.

— Дядюшка Том? Так этот банкир — ваш дядя?

— Нет, я бы не сказал. Просто все его так называют. Когда-то он основал здесь нечто вроде ломбарда. Первые изыскатели приходили к нему и закладывали свои счетчики Гейгера. Он буквально грабил их. Очень скоро он завладел половиной приисков и заделался банкиром. Но мы по старой памяти все еще называем его дядюшкой Томом.

Дону показалось странным, что Линг слишком настойчиво отрицал какое-либо свое отношение к банкиру, но он не обратил на это особого внимания. А Линг продолжал:

— Вы знаете, Дон, ведь банк — не единственное место, где вы могли бы обменять свои деньги.

— Что вы имеете в виду?

Линг водил пальцем по столу, рисуя универсальный денежный знак.

— Конечно, в банке это можно сделать законно, но разве вас беспокоит это обстоятельство?

— Ну как сказать...

— Я не хочу утверждать, что место, которое я имею в виду, такое уж подозрительное. И вообще, на закон можно смотреть по-разному. Они ведь не спрашивали вас, когда утверждали этот закон? В конце концов, это ведь ваши деньги? Не так ли?

— Полагаю, что так.

— Это ваши деньги, и вы можете делать с ними все, что захотите. Но это — строго между нами. Надеюсь, вы понимаете?

Дон ничего не ответил, и Линг продолжал:

— Сейчас, рассуждая чисто теоретически, какая при вас сумма?

— Около пяти сотен кредитов.

— Покажите.

Дон замешкался. Тогда Линг резко сказал:

— Давайте, давайте. Неужели вы не доверяете мне? В конце концов, это ведь просто бумага.

Дон достал деньги. Линг взглянул на них, затем достал свой бумажник и начал отсчитывать банкноты.

— Некоторые из ваших крупных банкнот будет трудно реализовать, — сказал он. — Если я дам вам, скажем, пятнадцать процентов?

Деньги, которые он вынул, выглядели так же, как деньги Дона, с одной лишь разницей: на них была надпечатка «Республика Венера».

Дон быстро сосчитал в уме. Пятнадцать процентов от того, что у него было, составят семьдесят пять кредитов. Это не даст ему и половины нужной суммы. Он забрал свои деньги и стал засовывать их в бумажник.

— В чем дело?

— Меня это не устраивает. Я сказал вам, что мне нужно сто восемьдесят семь кредитов и пятьдесят центов, чтобы заплатить за радиogramму.

— Тогда я дам вам двадцать процентов. Я иду вам навстречу, потому что вижу перед собой молодого человека, попавшего в затруднительное положение.

— Двадцать процентов... Около ста кредитов? Нет.

— Будьте же разумны. Я не смогу реализовать их с выгодой; я даже могу потерпеть убыток. Деньги, вложенные в дело, приносят сейчас примерно восемь процентов, в зависимости от того, как пойдут дела. А ваши деньги придется пока припрятать; значит, я буду терять на них восемь процентов ежегодно. Если война продлится долго, получится чистый убыток. Чего же вы хотите?

Эта финансовая теория была выше понимания Дона; он просто знал, что любая сумма, которая будет ниже стоимости радиogramмы на Марс, ему не нужна. Он помотал головой. Линг пожал плечами и собрал деньги.

— Как угодно. Послушайте, а у вас довольно красивое кольцо.

— Рад, что оно вам понравилось.

— Так сколько, вы сказали, вам нужно?

Дон снова назвал сумму.

— Вы понимаете, я просто обязан сообщить родителям, где я. Самому мне вообще не нужны деньги. Я могу работать.

— Вы не возражаете, если я взгляну на кольцо поближе?

Дону не очень хотелось давать кольцо ему в руки, но при данных обстоятельствах отказ был бы неприличен. Линг надел кольцо себе на палец, но оно было великовато для него.

— О, как раз мой размер! И на нем выгравирована буква «аш», а это как раз один из моих инициалов.

— Да?

— Мое второе имя — Генри. Честное слово, Дон, я просто хочу помочь вам. Итак, я даю двадцать процентов и добавляю до нужной суммы за это кольцо. Идет?

Дону трудно было объяснить даже себе, почему он отказался. Линг перестал ему нравиться. Он уже жалел, что согласился пойти с ним обедать.

— Это семейная реликвия, — сказал он. — Оно не продается.

— Вот как? В вашем положении нельзя быть сентиментальным. Это кольцо стоит здесь дороже, чем на Земле, но я предлагаю за него еще больше. Не глупите.

— Я знаю, что вы предлагаете мне больше, — ответил Дон. — Но не понимаю почему. В любом случае это кольцо не продается. Верните мне его.

— Ну, а если не отдам?

Дон глубоко вздохнул.

— В таком случае, — медленно сказал он, — мне придется драться с вами, чтобы вернуть его.

Линг с минуту разглядывал его, потом снял кольцо, бросил на стол и молча вышел из кабинета. Дон смотрел ему вслед, пытаясь понять, что все это значит. Он все еще недоумевал, когда занавески раздвинулись, вошел хозяин ресторана и бросил на стол счет.

— Один кредит и шесть центов, — сказал он.

— А разве мистер Линг не заплатил? Это он пригласил меня обедать.

— Один кредит и шесть центов, — повторил хозяин. — Вы ели, вы и платите.

Дон поднялся.

— Где здесь моют посуду? Я могу начать прямо сейчас.

Глава 9

«ТРУДОВЫЕ» ДЕНЬГИ

Прежде чем настала поздняя ночь, работа, которой Дон занимался весь вечер, чтобы оплатить обед, стала, по договоренности с хозяином, его постоянной работой. Жалованье было невелико: Дон подсчитал, что сэкономить из него на радиogramму он может целую вечность. Но договор включал в себя трехразовое питание, а еда у Чарли была превосходной. Казалось, и сам Чарли был довольно приличным человеком, несмотря на внешнюю грубость. Он пространно высказал свое отрицательное мнение о Джонни Линге, причем пользовался при этом тем же языком, которым выражался, когда прогонял неуклюжих. Он отрицал какие-либо родственные связи с Лингом и одновременно сообщал о родственниках Линга такое, во что трудно было поверить. После того как последний посетитель ресторана ушел и вся посуда была вымыта и вытерта, Чарли постелил Дону на полу все той же задней комнаты. Когда Дон уже разделся и залез под одеяло, он вспомнил, что ему велели позвонить в службу безопасности космопорта и сообщить свой адрес. «Отложим это до завтра», — подумал он, засыпая. К тому же в ресторане не было телефона.

Он проснулся в темноте с тяжелым гнетущим чувством. В течение одного страшного мгновения ему казалось, что кто-то навалился на него и пытается обыскать. Окончательно проснувшись и приобретя способность воспринимать окружающее, он понял причину этого ощущения. Неуклюжики. В постели их было двое. Один расположился на его спине, ухватившись за плечи; другой свернулся калачиком на ногах. Оба мягко дышали во сне. Наверное, кто-то случайно приоткрыл дверь, и они забрались внутрь.

Дон засмеялся. Было просто невозможно сердиться на эти создания, которые таким образом выражали свою любовь. Он почесал того, что был ближе, между рожками и сказал:

— Послушайте, ребятишки, ведь это моя постель. Ну-ка убирайтесь отсюда, пока я не рассердился.

Оба они издали какие-то блеющие звуки и еще ближе приткнулись к нему. Дон встал, взял обоих за уши и выбросил за занавеску.

— Не вздумайте возвращаться.

Но они очутились в его постели скорее, чем он сам.

Дон подумал и решил больше не выгонять их. В комнате не было двери, чтобы закрыться от них, а выгнать их из дома для него было затруднительно: было темно, дом незнакомый, он не знал, где включается свет, а будить Чарли не хотелось. В конце концов, спать в одной постели с неуклюжиками было не так уж плохо. Они были очень чистоплотными существами, во всяком случае не менее чистоплотными, чем собаки, даже более — ведь у собак бывают блохи.

— Подвиньтесь, вы, неуклюжие, — сказал он. — Дайте и мне место.

Он заснул не сразу; кошмар, от которого он проснулся, все еще беспокоил его. Он встал и нащупал деньги, которые положил перед сном под подушку. Затем он вспомнил о кольце. Чувствуя себя дураком, он взял носок и засунул в него кольцо как можно глубже.

Вскоре все трое уже спали.

Его разбудило испуганное блеяние над ухом. В следующее мгновение все перепуталось. Он приподнялся и прошептал:

— Заткнись, ты, — и хотел шлепнуть неуклюжика, но тут кто-то схватил его за запястье.

Это была не мягкая лапка неуклюжика, а человеческая рука. Дон наугад ударил кулаком и угодил во что-то мягкое. Послышался стон, снова испуганное блеяние, потом стук маленьких копыт по полу. Дон нанес удар ногой с такой силой, что ушиб большой палец. Только после этого рука, схватившая его, разжалась. Он откатился в сторону и вскочил на ноги. Рядом с ним слышались звуки борьбы и громкое блеяние, но вскоре наступила тишина. Дон вглядывался в темноту, пытаясь понять, что это было. Тут вспыхнул ослепительный свет, и он увидел в дверях Чарли с мясницким топором в руках.

— Что за шум? — требовательно спросил он.

Дон попытался объяснить. Его ночной кошмар, рука, схватившая его в темноте, неуклюжики в постели — это плохо увязывалось.

— Слишком много ешь на ночь, — решил Чарли.

Тем не менее он обследовал все помещение. Дон ходил за ним по пятам.

Подойдя к окну, они увидели, что задвижка сломана. Чарли, не говоря ни слова, направился к кассе. Но деньги были на месте. Чарли прибил оторванную задвижку, выгнал неуклюжиков на улицу, сказал: «Спи, Дональд» и вернулся в свою комнату.

Дон попытался заснуть, но прошло довольно много времени, прежде чем он успокоился. Деньги и кольцо были на месте. Он снова надел кольцо на палец и заснул, сжав руку в кулак...

На следующее утро у Дона было достаточно времени обдумать случившееся, пока он мыл нескончаемые тарелки и миски. Он все время думал о кольце. Сегодня он не надел его, и не потому, что не хотел его пачкать. Скорее, он не хотел никому его показывать.

Может, вору нужны были не столько деньги, сколько кольцо? Это казалось непонятным, ведь безделушка стоила полкредита, не больше. Или, может быть, пять кредитов: ведь здесь, на Венере, все дороже. Ну, десять кредитов от силы.

Есть над чем задуматься. Слишком многие проявили явный интерес к кольцу. Он вспомнил все события,

связанные с кольцом. Доктор Джефферсон рисковал жизнью и, вероятно, погиб ради того, чтобы это кольцо попало на Марс. Это казалось нелепым, нелогичным. Тогда Дону представлялось, что все дело в бумаге, в которую было завернуто кольцо, и именно она должна быть доставлена его родителям на Марс. Это предположение подтверждалось и тем, что ИБР во время обыска конфисковало именно эту бумагу.

Ну, а если предположить, хоть это и кажется невероятным, что дело в самом кольце? Но как могло случиться, что именно здесь, на Венере, оно кому-то понадобилось? Ведь он только что прибыл на Венеру, даже не предполагая, что окажется здесь.

Он прикинул возможность, что сведения о нем попали на Венеру до его прибытия. Но как это могло произойти и какой в этом смысл, ему было непонятно. Более того, трудно было поверить, чтобы к нему проявляли особый интерес.

Но он был упрям, причем очень. Обращаясь к умывальнику, он дал страшную клятву, что кольцо во что бы то ни стало попадет на Марс и там он обязательно вручит его своему отцу, как и просил доктор Джефферсон.

Наплыв клиентов уменьшился где-то после полудня, и Дон наконец закончил работу. Он вытер руки и сказал Чарли:

— Я хотел бы ненадолго прогуляться в город.

— В чем дело? Ты уже начал лениться?

— У нас будет работа вечером?

— Конечно. А ты думал, что у нас какая-нибудь забегаловка?

— О'кэй. Значит, я работаю и утром, и по вечерам. Значит, в середине дня у меня должно быть свободное время. Я здесь намыл много посуды, хватит на несколько часов.

Чарли пожал плечами и отвернулся. Дон вышел.

Его путь лежал по грязным переулкам, через толпы людей, на ту улицу, где стояло здание МТТК. В вестибюле было несколько посетителей. Они разговаривали по телефонам-автоматам или ожидали своей очереди у кабинок. Изабель Костелло была на своем месте и

беседовала с каким-то военным. Дон отошел к дальнему концу стойки и стал ждать, когда она освободится.

Наконец она отделалась от солдата и подошла к Дону.

— Кажется, пришел мой внучек со своими затруднениями. Как дела, паренек? Обменял свои деньги?

— Нет. Банк не принимает. Думаю, придется забрать мой заказ.

— В этом нет никакой необходимости. Марс все еще вне пределов связи. Может быть, к тому времени ты разбогатеешь.

Дон расхохотался.

— Маловероятно!

Он рассказал ей, где работает и чем занимается. Она кивнула.

— Ничего, могло быть и хуже. Старый Чарли — хороший человек, но та часть города не очень-то спокойна. Будь осторожен, особенно вечером.

— Постараюсь. Изабель, вы не сделаете мне одолжение?

— Конечно, если это возможно и законно.

Дон достал из кармана кольцо.

— Не сохраните ли вы это у себя? Пусть оно будет у вас, пока не понадобится мне.

Она взяла кольцо и поднесла к глазам, чтобы лучше рассмотреть.

— Будьте осторожны, — напомнил Дон. — Не нужно его никому показывать.

— Да?

— Я не хочу, чтобы кто-то знал, что оно у вас. Спрячьте его.

— Ну, если ты так хочешь...

Она быстро вышла. Когда она вернулась, кольца у нее уже не было.

— К чему такая таинственность, Дон?

— Я бы сам хотел понять это.

— Вот как?

— Больше я ничего не могу сказать. Я просто должен сохранить кольцо. Кто-то хочет отобрать его у меня.

— Но послушай, это твоя вещь?

— Да. И это все, что я могу сказать.

Она внимательно посмотрела ему в глаза.

— Хорошо, Дон. Я сберегу его.

— Спасибо.

— Я думаю, это будет нетрудно. Послушай, не исчезай надолго. Я хочу представить тебя управляющему.

— О'кэй. Зайду.

Она повернулась к новому клиенту. Дон подождал, пока освободится телефонная будка, затем позвонил в службу безопасности космопорта и сообщил свой адрес. Сделав все это, он вернулся к своей немой посуде.

После полуночи, когда были перемыты сотни тарелок, Чарли выставил последнего посетителя и запер дверь. Они вместе съели свой запоздалый ужин. Один ел китайскими палочками, а другой — вилок. Дон слишком устал, чтобы есть с аппетитом.

— Чарли, — спросил он, — как вам удастся управляться с рестораном одному?

— У меня было два помощника, но оба вступили в армию. В наши дни молодые люди не хотят работать, они увлечены игрой в солдатики.

— Значит, я работаю за двоих? Вам бы нанять еще одного парня. Ведь может случиться, что и я вступлю в армию.

— Работать лучше.

— Может быть. Вы во всяком случае следуете этому правилу; я никогда еще не видел человека, работающего больше.

Чарли откинулся на спинку стула, вертя в пальцах сигарету из местного дешевого крепкого табака.

— Когда я работаю, я думаю о том, что когда-нибудь отправлюсь домой. У меня будет маленький садик, окруженный узорной оградой, будет маленькая птичка, которая будет петь только мне.

Он махнул рукой, указывая сквозь едкий табачный дым на стены ресторана.

— Когда я готовлю еду, я не вижу этих стен. Я вижу мой маленький сад.

— Понимаю.

— Я коплю деньги, чтобы поехать домой. — Он глубоко затянулся. — И я поеду домой, или же туда отвезут мои кости.

Дон понял его. Он часто слышал о так называемых деньгах для костей еще в детстве. Все китайские эмигранты стремились домой, но гораздо чаще туда отправляли урну с прахом. Молодым китайцам, которые родились на Венере, это казалось смешным. Венера была их домом, а Китай — всего лишь сказкой.

Дон решил поделиться с Чарли своими заботами, не упоминая, однако, о кольце и обо всем, что было с ним связано.

— Как видите, — закончил он, — я так же сильно хочу попасть на Марс, как и вы на родину, в Китай.

— Марс очень далеко.

— Да. Но мне обязательно нужно туда.

Чарли докурил сигарету и встал.

— Держись поближе к Чарли. Работай как следует, и я смогу поделиться с тобой прибылью. Когда-нибудь эта нелепая война закончится, и мы оба сможем уехать. Спокойной ночи.

— Спокойной ночи.

На этот раз Дон проверил двери, чтобы никакие неуклюжие не проникли в ресторан, и только потом направился в свою маленькую комнату. Он почти сразу заснул, и ему снились горы немытой посуды, и он лез по ним, а где-то над ним сиял Марс...

Дону повезло, что он нашел эту работу. У него была комната, где он мог спать, а ведь город был переполнен людьми. Даже до кризиса, который превратил город в столицу новой нации, Нью-Лондон был довольно оживленным местом. Это был торговый центр всей планеты. Кроме того, он был основным космическим портом Венеры. С началом войны фактически установилось эмбарго на межпланетную торговлю, и можно было ожидать, что деловая жизнь в Нью-Лондоне пойдет на спад. Но пока это коснулось только космонавтов. Они оказались без дела и бродили по городу в поисках развлечений.

Но их было относительно немного; гораздо больше было политиков. На Губернаторском острове, отделенном от Главного острова стоячим заливом, заседала Генеральная Ассамблея Республики; рядом, в бывшем губернаторском доме, расположился президент, и все ведомства склочничали между собой из-за помещений

и клерков. Волна бюрократии захлестнула и Главный, и Южный, и Восточный острова, и острова Могильного Камня. Началась грызня за дома и участки. Вслед за руководством ринулись их прихлебатели и прочая мелкая рыбешка — клерки, которые трудились, и специальные помощники, которые не имели такой привычки, спасители мира, апостолы, лобби разных партий, люди, которые хвастались, что могут разговаривать на языке драконов, а сами даже свистеть не умели, и драконы, которые могли разговаривать и охотно разговаривали.

Несмотря на это, Губернаторский остров не утонул.

На севере острова Боконона появился новый город — лагерь Орбитальной гвардии и наземных сил. Военные кричали, что плавучие острова вблизи столицы — начало национального самоубийства: одна атомная бомба может стереть с лица планеты и правительство, и все вооруженные силы Венеры. Они не задумывались, что эту бомбу некому бросать.

Многие дезертировали, но Нью-Лондон все равно был переполнен военными. Ресторан «Двух миров» был забит с утра до ночи. Старый Чарли метался от плиты к кассе, а руки Дона распухли от горячей воды и моющих средств. Как только у него выдавалось свободное время, он шел к котлу с кипящей водой и набивал топку дровами «чика», которые приносил дракон по имени Дэзи, то есть «Ромашка» (это была мужская особь, несмотря на то что он выбрал себе такое имя). Разогреть воду с помощью электронагревателя было бы гораздо дешевле, поскольку электроэнергия была побочным продуктом атомного завода и практически ничего не стоила. Но электрооборудование было очень дорого, и его практически невозможно было достать.

Нью-Лондон был полон контрастов, характерных для пограничного города. Его неасфальтированные улицы, покрытые грязными лужами, освещались с помощью атомной энергии. Регулярное ракетное сообщение связывало этот город с поселениями людей на других планетах, но городской транспорт был крайне примитивен и ограничивался упряжками пони и гондолами. Ни такси, ни метро не было. Редкие гондолы имели мото-

ры, остальные передвигались с помощью человеческих мускулов.

Нью-Лондон был безобразным городом, неудобным, каким-то незаконченным, но было в нем и нечто привлекательное. Грубоватая и яростная жизнь Нью-Лондона нравилась Дону гораздо больше оранжерейной роскоши Нью-Чикаго. Жизнь здесь была шумной, как в корзинке со щенками, и энергичной, как удар в челюсть. В городе чувствовалась атмосфера новых надежд и новых проблем.

Минула неделя работы в ресторане, но Дон чувствовал себя так, словно проработал здесь всю жизнь. Он вовсе не ощущал себя несчастным. Конечно, работа была очень тяжелой, и до Марса было далеко. Но он крепко спал, сытно ел и был все время занят... Здесь всегда были посетители, с которыми можно было поговорить или поругаться. Это были космонавты, гвардейцы, мелкие политические деятели, которые не могли позволить себе лучший ресторан. Здесь спорили, обменивались новостями и невероятными слухами. Эти слухи часто становились на первую полосу «Нью-Лондон таймс».

Дон выпросил себе свободное время в середине дня и выходил в город, даже если у него не было там никаких дел.

Если Изабель была не слишком занята, он приглашал ее на кока-колу в кафе напротив. Пока что она была его единственным другом вне ресторана. Однажды она сказала ему:

— Зайди сюда, за конторку. Я хочу познакомить тебя с нашим управляющим.

— Да?

— Это насчет твоей радиограммы.

— Ах да, я и сам хотел поговорить об этом. Но сейчас, по-моему, это не имеет смысла. У меня все еще нет денег. Я поработаю еще неделю, а потом попробую попросить у Чарли займы. Ему не так-то легко будет найти мне замену; думаю, он согласится помочь мне, чтобы удержать.

— Из этого не выйдет ничего хорошего. Тебе нужно найти работу получше. Пойдем.

Она открыла дверцу в барьере и провела его во внутренние помещения. Там она представила его пожилому человеку с озабоченным выражением лица.

— Это Дон Харви, тот самый, о котором я говорила тебе.

Мужчина пожал Дону руку.

— Вспоминаю, это что-то насчет радиограммы на Марс. Кажется, дочь что-то говорила об этом.

Дон повернулся к Изабель.

— Дочь? Ты не говорила, что управляющий — твой отец.

— А ты меня и не спрашивал.

— Но... ладно, оставим это. Я очень рад познакомиться с вами, сэр.

— Я тоже. А теперь насчет этой радиограммы...

— Я даже не знаю, зачем Изабель привела меня сюда. Ведь я не могу заплатить за нее. У меня только деньги Федерации.

Мистер Костелло озабоченно рассматривал свои ногти.

— Мистер Харви, я вынужден требовать, чтобы за межпланетные радиограммы платили наличными. Таковы правила. Мне хотелось бы принять ваши деньги, но я не могу. — Он посмотрел в потолок. — Конечно, существует черный рынок, где можно реализовать эти деньги.

Дон недобро усмехнулся.

— Знаю. Но пятнадцать или двадцать процентов — это слишком мало. Я все равно не смогу заплатить за радиограмму.

— Двадцать процентов? Существующий курс — шестьдесят процентов.

— Разве? Да, я, наверное, выглядел сосунком.

— Не стоит об этом думать. Я ведь не предлагаю вам идти на черный рынок. Во-первых, мистер Харви, я нахожусь в довольно сложном положении, представляя федеральную корпорацию, которая пока еще не экспроприирована, и в то же время сохраняя лояльность к Республике. Если бы вы сейчас вышли отсюда и вскоре вернулись уже с деньгами Республики, я должен был бы вызвать полицию.

— Папа!

— Успокойся, Изабель. Во-вторых, молодому человеку не годится заниматься подобными вещами. — Он сделал паузу. — Но, возможно, мы сможем что-нибудь придумать. Ваш отец оплатит радиogramму, не так ли?

— Да, конечно.

— Но я не могу послать ваше сообщение наложенным платежом. Остается одно: вы можете составить вексель на имя вашего отца, а я приму его в качестве оплаты.

Вместо того чтобы сразу же согласиться, Дон некоторое время обдумывал предложение. Казалось, это было то же самое, что послать сообщение наложенным платежом, и он охотно сделал бы так, но влезать в долги, да еще вмешивать своего отца без его согласия — это было против его совести.

— Послушайте, мистер Костелло, вы ведь не сможете получить деньги по векселю, по крайней мере, в ближайшее время. Почему бы вам просто не взять у меня расписку, а я расплачусь, как только смогу?

— С одной стороны — да, а с другой — нет. Ваша расписка будет означать, что вы берете у нас кредит, а это запрещается правилами. С другой стороны, вексель на имя вашего отца является коммерческим документом, эквивалентом денежной суммы даже в том случае, если я не сразу смогу получить по нему деньги. Может быть, это и небольшая разница для адвоката по космическому праву, но это разница между тем, что я могу, и тем, чего не могу сделать, действуя в рамках правил корпорации.

— Спасибо, — медленно сказал Дон, — но я, пожалуй, подожду еще. Может быть, я смогу занять деньги где-нибудь в другом месте.

Мистер Костелло перевел взгляд с Дона на Изабель и пожал плечами.

— Что ж, давайте вашу расписку, — довольно резко сказал он. — Но пусть она будет адресована лично мне, а не компании. Расплатитесь, когда сможете.

Он снова посмотрел на свою дочь, та одобрительно улыбалась. Дон составил расписку.

Когда они вышли из кабинета, Дон сказал:

— Это было очень благородно с его стороны.

— Чепуха, — ответила она. — Это только доказывает, как много может сделать любящий отец для своей дочери, чтобы не испортить ее отношения с молодым человеком.

— Вот как? Что ты имеешь в виду?

Она улыбнулась.

— Ничего. Абсолютно ничего. Бабушка Изабель просто разыгрывает тебя. Не принимай всерьез.

Он улыбнулся в ответ.

— Куда бы мне тебя пригласить? Через улицу, в заведение «У Голландца», на кока-колу?

— Уговорил.

Когда Дон вернулся в ресторан, он увидел большую груду немытой посуды. Краем уха он услышал оживленную дискуссию посетителей относительно какого-то нового закона, который должна была принять Генеральная Ассамблея. Он напряг слух и разобрал, что суть закона в том, что будет объявлена всеобщая мобилизация и он, судя по всему, угодит под нее. Однако он собирался поступить иначе: он сам намеревался вступить в Космическую гвардию. Совет Мак-Мастерса, говорившего, что это единственный способ попасть на Марс, крепко засел у него в голове.

Большая часть посетителей поддерживала законопроект. Дон тоже не возражал против него, хотя и сам попадал под его действие. Невысокий человек выслушал всех, затем откашлялся.

— Закон не примут, — сказал он.

Один из говоривших, пилот корабля, все еще носивший на лацкане изображение трех глобусов, ответил:

— Вот как? Что ты вообще знаешь об этом, коротышка?

— Я знаю довольно много. Позвольте представиться: я сенатор Оллендорф от провинции Куи-Куи. Во-первых, нам не нужен такой закон. Мы не нуждаемся в большой армии. Во-вторых, характер нашего народа не позволит ему смириться с таким законом. В результате выборочной иммиграции у нас на Венере сложилась нация, состоящая из твердолобых индивидуалистов, можно сказать, анархистов. Им очень не понравится мобилизация. В-третьих, налогоплательщики не поддерживают идею большой армии. У нас уже сейчас доста-

точно добровольцев, их так много, что мы с трудом содержим их. И последнее: мы с коллегами собираемся зарезать этот законопроект.

— Послушай, человеке, — сказал пилот жалобно, — зачем вообще было называть первые три причины?

— Я просто репетировал завтрашнюю речь, — сказал сенатор извиняющимся тоном. — А теперь, сэр, раз вы так явно поддерживаете этот законопроект, скажите, пожалуйста, почему же вы не вступаете добровольцем в Космическую гвардию? Совершенно очевидно, что с вашей квалификацией вас приняли бы без разговоров.

— Ну что ж, ответу. Во-первых, я не являюсь колонистом, и это не моя война. Во-вторых, я впервые в отпуске с тех пор, как на межпланетные трассы вышли корабли класса «Комета». А в-третьих — как раз вчера я вступил добровольцем в армию и сейчас пропиваю свой аванс. Довольно с вас?

— Вполне, сэр. Вы позволите мне угостить вас?

— Старый Чарли не подает ничего, кроме кофе, вам пора уже знать это. Возьмите чашку и расскажите нам, что творится на Губернаторском острове. Дайте нам информацию из первых рук.

Дон держал уши открытыми, а рот, как всегда, закрытым. Кроме всего прочего, он узнал, почему в этой войне не было никаких военных действий, за исключением разрушения «Терры-Орбитальной». Дело было не только в огромном расстоянии, периодически меняющемся от тридцати миллионов до ста пятидесяти миллионов миль, что изрядно растягивало военные коммуникации. Основным фактором был страх перед ответным ударом. Все это поддерживало статус-кво.

Сержант технической службы Орбитальной гвардии объяснял каждому, кто желал его слушать:

— Сейчас начальство держит нас наготове, особенно по ночам, в ожидании налетов. Но это все чепуха. Земля не нанесет нам удар, и военные руководители Республики знают об этом. Можно считать, что война уже окончена.

— Почему вы думаете, что они не нападут? — спросил Дон. — Мне кажется, мы здесь представляем со-

бой такую же хорошую мишень, как сидящие на воде утки.

— Так оно и есть. Достаточно одной бомбы, чтобы уничтожить этот город, точнее, грязную дыру. То же самое относится и к Боконону, и к Куи-Куи. Но какой с этого толк?

— Не знаю, но мне не нравится перспектива попасть под атомный удар.

— А ты и не попадешь. Подумай хорошенько. Что они разрушат? Только магазины... да еще погибнет целая куча политиков, а вся остальная Венера останется невредимой. Она сильна именно тем, что существуют только три цели, которые можно бомбить. Вся остальная часть просто не стоит этого. Что же из этого следует?

— Вы рассказываете, вы и объясняйте.

— Они получают мощный ответный удар. Вспомните-ка, ядерные заряды, которые командор Хиггинс захватил на «Терре-Орбитальной». Мы захватили самые быстроходные корабли, и перед нами самые крупные цели, какие только знала история. Все, от Детройта до Боливара, — сплошные электростанции и заводы. Они не рискнут щелкать нас по носу, зная, что в ответ получают ногой в живот. Надо мыслить логично.

Сержант поставил свою чашку и торжествующе огляделся вокруг.

Человек, спокойно сидевший в конце стойки, выслушал все это и мягко сказал:

— Все так, но откуда вы знаете, что правительство Федерации будет мыслить логично?

Сержант удивился.

— Как? Бросьте вы. Война окончена, точно говорю. Нам всем пора вернуться к прежним делам, к своим домам. У меня сорок акров самой лучшей земли для риса на этой планете. Кто-то должен собирать урожай? А я вместо этого сижу здесь и играю в солдатики. Правительству пора одуматься.

Глава 10

«...КОГДА Я СМОТРЕЛ НА УГЛИ ПОТУХШЕГО ОЧАГА»

Псалом 39, стих 3

А правительство действовало. Закон о всеобщей воинской мобилизации был принят на следующий день. Дон услышал об этом в полдень. Как только закончилось самое напряженное обеденное время, он вытер руки и отправился в город, на призывной пункт. Там стояла очередь. Он встал в конец и начал ждать.

Спустя час он оказался перед задержанным унтер-офицером. Тот дал Дону бланк.

— Напишите свое имя и фамилию печатными буквами. Подпишитесь внизу и поставьте отпечаток пальца. Затем поднимите вашу правую руку.

— Минуточку, — ответил Дон. — Я хочу вступить в Космическую гвардию, а здесь написано «наземные силы».

Офицер беззлобно ругнулся.

— Послушай, сынок, все хотят в Космическую гвардию. Контингент гвардии укомплектовали утром, в девять часов. Сейчас даже не записывают кандидатами на возможные вакансии.

— Но я не хочу поступать в наземные войска. Я космонавт.

Офицер выругался уже не так беззлобно.

— Ты не похож на космонавта. Меня уже тошнит от самозванных космонавтов. Все хотят попасть в летный состав, и никто не желает служить здесь, на планете, в грязи. Возвращайся домой, и, когда понадобится, мы пришлем повестку. Но на Космическую гвардию не надейся. Будешь пехотинцем, так что привыкай к этой мысли.

— Но...

— Убирайся, я сказал!

Дон вышел.

Когда он вернулся в ресторан, Чарли посмотрел на часы, потом на него.

— Что, ты уже солдат?

— Нет, они не хотят брать меня.

— Это хорошо. Достань-ка чашки.

У Дона было время обдумать все это, пока он горбился над посудной мойкой. Хотя у него и не было привычки горевать по поводу упущенных шансов, Дон все же не мог не вспомнить еще раз о том, что совет сержанта Мак-Мастерса был неглупым и что он теперь потерял то, что было, пожалуй, его единственным шансом (хоть и не очень надежным) попасть на Марс. Казалось, теперь можно сказать с полной уверенностью, что он проведет всю войну — месяцы... годы! — в наземных войсках, нисколько не приблизившись к Марсу. А на таком расстоянии трудно до кого-то докричаться.

Он подумал, не стоит ли отказаться от военной службы на том основании, что у него земное гражданство, но сразу же оставил эту мысль. Он уже выбрал гражданство Венеры — потому он и попал сюда. Метаться было не в его правилах. Во всяком случае его симпатии были на стороне Венеры, независимо от того, как адвокаты впоследствии решат вопрос о его национальной принадлежности.

Даже если у него хватит решимости отказаться от службы, он не мог представить себя за колючей проволокой в лагере для иностранцев. Он знал, что такой лагерь существовал где-то в районе Ист-Сити. Проси-

дет там всю войну... и чтобы Изабель носила ему передачи по воскресеньям...

Не строй из себя ребенка, Дон. Изабель была настроена очень патриотично, она просто-напросто расстанется с тобой, сбросит, как грязное насекомое. «Если нельзя излечить болезнь, надо ее терпеть», — сказал Конфуций или кто-то другой. Дон просто оказался в такой ситуации, вот и все. Кроме того, он был не так уж и расстроен. Федерация не имела права давить на Венеру. Ведь эта планета принадлежала только ее жителям.

Ему очень хотелось связаться с родителями, дать им знать о том, что доктор Джефферсон просил передать им кольцо. Ему нужно было бы сходить в контору МТТК, проверить, нет ли вестей от родителей. Жаль, что у Чарли в этой дыре нет телефона.

Он вспомнил, что не использовал еще одну возможность — Сэра Исаака. Он искренне хотел встретиться со своим другом драконом, как только окажется на Венере, но это оказалось не так просто.

Сэр Исаак не высадился в Нью-Лондоне, и Дон не смог выяснить в местной конторе, где он. Возможно, он оказался в городе Куи-Куи или в Бокононе... Он мог быть в любой точке Венеры, а ее поверхность по площади была больше земной.

Конечно, такое важное лицо можно было найти, но для этого следовало проконсультироваться в Комиссии по делам местного населения, расположенной на Губернаторском острове, а это означало двухчасовую поездку на гондоле. Кроме того, он наверняка столкнулся бы с различными бюрократическими проволочками. Он решил, что пока у него нет на это времени.

Но сейчас придется найти время. Возможно, Сэр Исаак сумеет помочь ему попасть в Космическую гвардию, несмотря на отсутствие вакансий. Правительство было чрезвычайно заинтересовано в положительном отношении драконов к своему режиму. Люди жили на Венере постольку, поскольку их терпели драконы, и политики это знали.

Дон ощущал некоторую робость, собираясь обратиться за протекцией. Но бывают же такие обстоятельства, когда это — единственный путь.

— Чарли!

— Да?

— Не расходуйте так быстро запас чистых ложек. Мне опять нужно выйти в город.

Чарли что-то недовольно буркнул. Дон повесил передник и вышел. Изабель не было за стойкой в приемной МТТК. Дон попросил клерка доложить о нем управляющему. Мистер Костелло взглянул на него и сказал:

— Очень рад, что вы пришли, мистер Харви. Я хотел повидаться с вами.

— Моя радиограмма дошла?

— Нет, я хотел вернуть вам расписку.

— А в чем дело?

— Я так и не смог послать вашу радиограмму и даже не знаю, когда это можно будет сделать. Если удастся отправить ее позднее, я приму вашу расписку или наличные.

— Минуточку, сэр. Как я понимаю, сегодня — первый день, когда возможна радиосвязь с Марсом. Разве условия улучшатся завтра или, скажем, в последующие дни?

— Да, теоретически это так. Но условия связи были удовлетворительными и сегодня. С Марсом просто нет связи.

— А завтра?

— Я, наверное, не совсем ясно выразился. Мы пытались связаться с Марсом, но не получили никакого ответа. Для проверки мы использовали радиолокацию Марса. Эхо-сигнал вернулся нормально, через две тысячи двести тридцать восемь секунд. Это доказывает, что канал связи работает удовлетворительно и наш сигнал дошел до места назначения. Но станция Скиапарелли не отвечает.

— Может быть, у них что-нибудь сломалось?

— Крайне маловероятно. Эта станция оборудована аппаратурой с двойным дублированием. Она очень важна для космической навигации. Я полагаю, причины очевидны.

— В чем же дело?

— Вооруженные силы Федерации захватили станцию и используют ее в своих целях. Мы не сможем

установить связь с Марсом, пока они сами не захотят этого.

Дон вышел из кабинета управляющего в очень плохом настроении. В дверях он столкнулся с Изабель.

— Дон!

— О, привет, бабушка.

Девушка была в очень возбужденном состоянии и не заметила, что Дон мрачен.

— Дон, я только что с Губернаторского острова. Знаешь новость? Формируется женское соединение.

— Неужели?

— Законопроект об этом сейчас обсуждается в комитете. Я сгораю от нетерпения. Конечно, я вступлю в него. Я уже записалась.

— Я тоже был на призывном пункте.

Она обвила руками его шею, что, естественно, вызвало интерес всех посетителей.

— Дон! — Она освободила покрасневшего Дона из своих объятий к его величайшему облегчению и добавила: — Собственно, никто от тебя этого не требовал. Ведь это не твоя война. Твой дом на Марсе.

— Ну... не знаю. Марс тоже нельзя назвать моим домом. И, кроме того, меня не взяли. Велели ждать повестки.

— В любом случае я горжусь тобой.

Дон вернулся в ресторан, ощущая некоторый стыд: у него не хватило смелости сказать ей, что он пытался вступить в Космическую гвардию, а его не взяли. К тому моменту, когда он добрался до ресторана Чарли, он уже почти решил завтра же пойти на призывной пункт и согласиться на наземные войска. Он убедил себя, что невозможность связи с Марсом обрывает все его связи с прежней жизнью и теперь следует начать новую и принять ее с готовностью. Лучше уж вступить в армию добровольно, чем быть мобилизованным.

Но сначала он решил все же съездить на Губернаторский остров и попытаться связаться с Сэром Исааком, вдруг тот сумеет устроить его в Космическую гвардию. Сейчас можно было с уверенностью сказать, что войска Космической гвардии в конце концов отправятся на Марс. Гораздо проще быть сразу направлен-

ным в Космическую гвардию, чем переводиться потом из других родов войск.

Это было разумно, но что-то его все-таки мучило.

В эту ночь Федерация напала на Венеру.

Конечно, это было невероятным. Сержант, владелец рисовой фермы, был прав: Федерация не могла позволить себе рисковать своими огромными городами только для того, чтобы наказать деревни Венеры. Он был прав, но только со своей точки зрения. Он рассуждал логично, но люди, которые живут за счет власти и ради власти, пользуются другой логикой. Она основывалась на сомнительных умозаключениях, таких же хрупких, как и их репутации. Это был вопрос принципа. Федерация была обязана наказать мятежных колонистов.

Лайнер «Валькирия», находившийся на орбите Венеры, внезапно, без предупреждения был превращен в радиоактивное облако. Корабль «Адонис», находившийся на той же орбите на расстоянии в тысячи миль, заметил взрыв и сообщил об этом в Нью-Лондон, а затем и сам превратился в огненный шар.

Дон проснулся от воя сирены. Он сел, потряс головой, чтобы окончательно проснуться, и с трудом понял, что означает этот звук. «Глупости», — сказал он себе. В последнее время ходили слухи, что будет учебная ночная тревога.

Но он все же встал, нащупал выключатель и обнаружил, что электричество отключено. Он нашел одежду, попал правой ногой в левую штанину, споткнулся. Несмотря на темноту, он был уже практически одет, когда к нему приблизился кто-то с мерцающим огоньком в руках. Это был Чарли. В одной руке он держал свечу, в другой — свой любимый мясницкий топор.

Сирены не умолкали.

— Что это такое, Чарли? — спросил Дон. — Может, на нас действительно напали?

— Скорее всего, какой-то дурак случайно облокотился на кнопку.

— Может быть. Знаете что, я пойду в город и узнаю, в чем дело.

— Лучше оставайся дома.

— Я ненадолго.

Чтобы выйти из дома, ему пришлось протолкнуться сквозь толпу неуклюжиков, издававших испуганное блеяние и старавшихся протиснуться внутрь, чтобы быть поближе к своему другу Чарли. Дон вышел на улицу, и за ним увязались два неуклюжика. Казалось, от страха они готовы были спрятаться у него в карманах.

Было так темно, что любая земная темнота сошла бы здесь за предрассветные сумерки. Электричества, очевидно, не было во всем городе; и пока Дон не вышел на Боконон-стрит, он даже пальцы собственной руки мог пересчитать только на ощупь.

Вся улица была забита людьми. Дон то и дело наткался на кого-нибудь и слышал обрывки из разговоров: «...полностью уничтожены...», «Это обычная учебная тревога», «Я работаю охранником в космическом порту, уж я-то знаю...», «Но почему выключили электричество? Ведь их детекторы все равно засекут источники энергии», «Эй, вы мне наступили на ногу!».

Где-то по дороге Дон потерял своих неуклюжиков, маленькие грегорианцы нашли кого-то более надежного, с кем им было удобнее и безопаснее.

Дон остановился там, где толпа была самой плотной, около здания газеты «Нью-Лондон таймс». Здесь горело аварийное освещение, в свете которого можно было прочитать бюллетени, наклеенные на окна.

«Экстренный бюллетень (неофициальные сведения). Крейсер "Валькирия", как сообщают с крейсера "Агонис", был взорван сегодня в ноль часов тридцать минут. Причины не сообщаются. Официальные лица отрицают возможность нападения, считая более вероятной возможность диверсии. Ожидаются дальнейшие сообщения от командира "Агониса"».

«По сообщениям с Бермудских островов (перехвачено): начались беспорядки в Западной Африке, которые охарактеризованы как "незначительные инциденты, спровоцированные религиозными проповедниками". Утверждается, что полиция и патрульные силы Федерации контролируют обстановку».

«По сообщениям с Бермудских островов (перехвачено): источник, близкий к министру иностранных дел, утверждает, что в скором времени ожидается разрешение инцидента на Венере. Представители восставших колонистов, как сообщается, ведут переговоры с послами Федерации где-то на Луне, в атмосфере доброжелательности и взаимопонимания. (Замечание. Это сообщение официально опровергается Губернаторским островом.)»

«Нью-Лондон (Штаб планеты. Официальное сообщение). Начальник штаба подтвердил, что кораблю "Валькирия" был нанесен ущерб, но размер ущерба значительно преувеличен. Список жертв не передается гласности в ожидании заявлений ближайших родственников. Полное сообщение от командира "Агониса" ожидается в ближайшее время».

«Экстренное сообщение (неофициальное). Город Куи-Куи. Сообщают, что радаром обнаружены неопознанные корабли. Они совершили посадку к юго-востоку от города. Местный гарнизон поднят по тревоге. Штаб планеты отказывается давать какие-либо комментарии. Кораблей насчитывается тридцать, и они все прибывают».

Дон пробрался через толпу, прочел бюллетени, а затем прислушался к разговорам. Кто-то сказал:

— Они, конечно, не будут приземляться. Ведь десант — устаревший способ, такой же, как и рукопашный штыковой бой. Если они действительно сшибли наши корабли, в чем я очень сильно сомневаюсь, они останутся на орбите и по радио передадут нам свой ультиматум.

— Но если предположить, что они действительно сели? — возразил кто-то.

— Не может быть! Этот бюллетень — фальшивка. Среди нас предатели.

Кто-то прикрепил к стеклу новый бюллетень. Дон протолкался поближе.

«Экстренное сообщение. Штаб планеты (официальное сообщение). Офицер-информатор из Генерального

штаба подтверждает, что было совершено нападение на некоторые из наших кораблей какими-то неопознанными силами, очевидно, силами Федерации. Ситуация опасная, но не критическая. Всех граждан призывают оставаться в своих домах, избегать паники и лишних разговоров, оказывать поддержку местным властям. Полное сообщение ожидается позднее. Повторяем — оставайтесь дома и оказывайте поддержку властям».

Чтец-доброволец в переднем ряду читал бюллетень громким голосом.

Толпа воспринимала новости молча. Пока он читал, сирены смолкли, зажглись уличные фонари. Тот же самый голос, который перед этим жаловался на затемнение, выражал теперь недовольство по противоположному поводу:

— Чего они добиваются? Чтобы на нас сбросили бомбы?

Больше сообщений не было; Дон выбрался из толпы, намереваясь пойти в здание МТТК. Не потому, что он хотел встретить Изабель, а в надежде узнать там еще какие-нибудь новости.

Вскоре он натолкнулся на подразделение полиции, которое освобождало улицу от людей. Они заставили его повернуть обратно и рассеяли толпу у здания газеты. Когда Дон покидал это место, единственным существом, которое еще оставалось там, был дракон, глаза которого были направлены в разные стороны. Казалось, он читал все бюллетени одновременно. Дону хотелось остановиться и спросить, не знает ли он что-нибудь о Сэре Исааке и его местонахождении, но полицейские оттеснили его. На улице остался один дракон.

...Чарли еще не спал. Он сидел за столом и курил. Перед ним лежал топор. Дон рассказал ему все, что удалось узнать.

— Как вы думаете, Чарли, они высадутся здесь?

Чарли встал, выдвинул ящик стола, вытащил точильный камень, затем вернулся на свое место и стал неторопливо затачивать лезвие топора.

— Возможно.

— Что же нам делать?

— Идти спать.

— Мне не хочется спать. Для чего вы его точите?

— Это мой ресторан. — Он взвесил топор в руке. — И страна тоже моя.

Он метнул топор. Тот дважды перевернулся в воздухе и вонзился в деревянный столб в противоположной стороне комнаты.

— Вы поосторожнее с этим. Так можно покалечить кого-нибудь.

— Иди спать.

— Но...

— Тебе нужно отдохнуть. Завтра ты будешь жалеть, что не выспался.

Он отвернулся, и Дон не мог добиться от него больше ни одного слова. Он махнул рукой и пошел в свою комнатку с намерением не ложиться спать, а все хорошенько обдумать. Довольно долго он слышал, как Чарли точит топор.

Сирены вновь разбудили его, когда было уже светло. Он вошел в ресторан. Чарли уже стоял за плитой.

— Что случилось?

— Завтрак.

Одной рукой Чарли снял со сковороды поджаренное яйцо и положил его на кусок хлеба, а другой рукой разбил еще одно и вылил его в кипящее масло. Сверху он положил еще кусок хлеба и подал сандвич Дону. Тот взял его и откусил большой кусок.

— Спасибо. Но почему воют сирены?

— Потому что идет бой. Прислушайся.

Где-то далеко ударил взрыв; совсем неподалеку раздался пронзительный свист точечного излучателя. Вместе с туманом в окно проник резкий запах горящего дерева.

— Видите, — воскликнул Дон срывающимся голосом, — они все-таки высадились! — Его челюсти машинально пережевывали бутерброд.

Чарли что-то пробурчал. Дон продолжал:

— Мы должны сматываться отсюда.

— Куда?

Дон не ответил. Глядя в окно, он дожевывал бутерброд. Запах дыма усилился. В конце улицы появился отряд. Люди двигались перебежками.

— Смотри. На них не наша форма!

— Естественно.

Отряд остановился на тротуаре, от него отделились трое и начали колотить в двери.

— Выходите! Просыпайтесь и выходите все!

Еще двое подошли к ресторану «Двух миров». Один из них пнул дверь, и она раскрылась.

— Выходите! Мы здесь все сожжем!

Солдат был одет в зеленую маскировочную форму с двумя шевронами, в руках у него был точечный излучатель Рейнольдса, на спине ранец с боеприпасами. Солдат осмотрелся.

— Ну и дыра. — Он повернулся к остальным. — Джо, глаз не спускай с лейтенанта.

Он повернулся к Чарли.

— Джек, захвати-ка побольше яиц. И поживее — сейчас будем поджигать.

Дон словно прирос к месту, не зная, что делать, что сказать. С «рейнольдсом» не поспоришь. Чарли казался растерянным, он отвернулся, словно подчиняясь. Затем он быстро повернулся к солдату — в руке у него был топор. Голубая сталь мелькнула в воздухе, послышался чавкающий звук, какой можно слышать в мясной лавке, и топор почти по самую ручку вошел в грудь солдата.

Тот не издал ни звука, глянул перед собой с безмерным удивлением и медленно опустился на пол. Его руки все еще сжимали излучатель.

Второй солдат держал излучатель на изготовку. Когда его командир упал, он вышел из оцепенения и выстрелил Чарли прямо в лицо. Затем повернулся и прицелился в Дона.

Дон застыл, глядя прямо в дуло.

Глава 11

«ТЫ СМОЖЕШЬ ВЕРНУТЬСЯ НА ЗЕМЛЮ...»

Так они стояли несколько мгновений, за которые сердце Дона, казалось, стукнуло всего три раза... Затем солдат опустил ствол на дюйм и резко приказал:

— Вон! Быстро!

Дон глянул на его оружие. Солдат сделал недвусмысленный жест, и Дон вышел. Сердце бешено стучало у него в груди; ему хотелось прикончить мерзавца, убившего старину Чарли. Не имело значения, что старик был убит по закону войны, Дон сейчас был не в состоянии думать о законности. Но он был безоружен и подчинился. Пока он выходил, солдат начал палить из своего «рейнольдса», и Дон слышал характерный звук, который издает луч, попадая в сухое дерево.

Солдат с яростью извергал огонь на здание; казалось, дом не просто загорелся, а взорвался огнем.

Солдат встал у него за спиной и толкнул его горячим стволом.

— Быстро, марш по улице!

Дон побежал рысцей. Они выбежали на Боконострит.

Улица была заполнена людьми. Одетые в зеленую форму солдаты гнали их в верхнюю часть города. Зда-

ния горели по обеим сторонам улицы; пришельцы уничтожали весь город, давая, однако, жителям возможность спастись. Вместе с толпой Дона затолкали в какую-то боковую улицу, которая еще не горела. Скоро они оказались за городом и пошли по бесконечной дороге. Дон никогда здесь не был, но узнал из разговоров окружающих, что они направляются в Ист-Сити.

Их гнали в лагерь, обнесенный колючей проволокой, который новое правительство использовало для нежелательных иностранцев. Большинство людей в толпе было слишком потрясено, чтобы реально воспринимать происходящее. Где-то недалеко от Дона закричала женщина, голос ее то взлетал, то падал, напоминая вой сирены.

Лагерь был переполнен. Количество людей, согнанных туда, раз в десять превышало то, на которое он был рассчитан. Бараки были так забиты, что уже негде было даже встать; даже снаружи колонисты стояли вплотную. Часовые затакивали их за проволоку и больше не обращали на них внимания; они стояли там, а в это время мягкий серый пепел их сгоревших домов опускался на их головы.

Дон взял себя в руки, еще когда их гнали к лагерю. Оказавшись внутри, он попробовал разыскать Изабель Костелло. Он протискивался через толпу, ища ее, спрашивая о ней, напряженно всматриваясь в лица. Много раз ему казалось, что он видит ее, но тут же с разочарованием он убеждался, что это не она. Не нашел он и ее отца. Несколько раз он заговаривал с людьми, которые видели их, но каждый раз эта ниточка обрывалась. Ему в голову полезли кошмарные мысли, будто Изабель уже мертва, сгорела заживо или лежит где-то в переулке с простреленной головой. Он прервал свои поиски в тот момент, когда откуда-то сверху раздался голос с металлической интонацией:

— Внимание! Спокойствие! Слушайте приказ. Говорит полковник вооруженных сил Федерации Вейнспорт от лица военного губернатора Венеры. Амнистия, за некоторыми исключениями, гарантируется всем колонистам. Исключение составляют лица, занимавшие посты в правительстве восставших, а также офицеры вооруженных сил. Вас очень скоро отпустят, как толь-

ко вы пройдете процедуру идентификации. Кодекс законов, который действовал перед восстанием, остается в силе. Военный губернатор может вводить новые законы по своему усмотрению. Внимательно слушайте чрезвычайный закон номер один! Города Нью-Лондон, Боконон и Куи-Куи больше не будут существовать в их прежнем виде. Будет разрешено существование населенных пунктов с численностью населения не более тысячи человек. Не более десяти человек могут собираться вместе без специального разрешения коменданта. Не разрешается создавать военные организации. Колонистам под страхом смертной казни запрещено иметь лучевое оружие.

Голос умолк. Дон услышал, как сзади кто-то сказал:

— Что они делают с нами? Нам некуда идти, негде жить...

Тут же последовал ответ на этот риторический вопрос. Голос продолжал:

— Восставшим не будет предоставлено никакой помощи. Пособие предоставляется только тем колонистам, которые не будут репрессированы. Когда вас освободят, вы должны будете разойтись по сельским районам и искать временного пристанища у фермеров в небольших поселениях.

— Вот тебе ответ, Клара, — резко сказал кто-то. — Им наплевать, выживем мы или умрем.

— Но как мы уйдем отсюда? — снова спросила женщина. — У нас нет даже гондолы.

— Вплавь, наверное, или пешком по воде.

Солдаты отделили человек пять-десять и, словно скотину из загона, выгнали их за ворота. Дон протолкался к воротам, пытаясь отыскать Изабель, и был выпихнут во вторую группу. Он назвал себя и тут же возникло затруднение: выяснилось, что он не значится в списках.

Он объяснил, что прибыл с последним рейсом «Наутилуса».

— Почему же вы сразу не сказали? — ворчливо заметил военный, проверявший документы.

Он повернулся и вытащил другой список.

— Ханнеген... Хардекер... вот. Харви, Дональд Дж. Отлично! Нет, постойте-ка — против вашей фамилии —

флажок. Эй, сержант! У этой птички против фамилии отметка «политический».

— Отведите его в караулку, — устало ответил сержант.

Дона втокнули в помещение для часовых вместе с дюжиной других. Почти сразу же его отвели в небольшой кабинет, расположенный в дальнем углу помещения. Человек, который казался бы высоким, если бы не был так толст, поднялся и сказал:

— Дональд Джеймс Харви?

— Да, совершенно верно, сэр.

Человек подошел к нему, оглядел его с головы до ног, и на лице его появилось что-то вроде счастливой улыбки.

— Приветствую тебя, мой мальчик, приветствую! Я рад видеть тебя.

На лице Дона было написано изумление. Человек продолжал:

— Полагаю, мне нужно представиться: Стенли Бенкфилд, к твоим услугам. Офицер первого класса политической службы ИБР. В данный момент я являюсь советником по специальным вопросам его превосходительства губернатора.

Как только Дон услышал слово «ИБР», он застыл. Человек сразу же заметил это. Его маленькие глазки, спрятанные в жирных складках лица, казалось, замечали все. Он сказал:

— Не беспокойся, сынок. Я не причиню тебе никакого зла. Я просто очень рад видеть тебя. Но должен сказать, что из-за тебя мне пришлось попутешествовать — можно сказать, я объехал половину Солнечной системы. В какой-то момент я даже думал, что тебя убили, что ты погиб с «Дорогой славы», о которой было высказано так много сожалений. И я уже оплакал тот факт, что твоя душа рассталась с телом. Но теперь я искренне рад. Все хорошо, что хорошо кончается. Перейдем к делу.

— К какому делу?

— Ах, брось. Ведь я все знаю о тебе. Я знаю почти каждое слово, которое ты произнес в детстве. Я даже кормил сахаром твою лошадку Лэйзи. Давай сюда эту штуку. Ты знаешь какую.

— Что я знаю? Что вам дать?

— Ну кольцо, кольцо, — Бенкфилд протянул пухлую руку.

— Я не понимаю, о чем вы говорите.

Бенкфилд очень выразительно повел плечами.

— Я говорю о кольце, сделанном из пластмассы и помеченном буквой «аш», которое ты получил от некоего доктора Джефферсона. Я знаю, что ты знаешь, о чем я говорю. И я знаю, что кольцо у тебя. И я во что бы то ни стало получу его. Офицер моей службы был настолько глуп, что позволил тебе уйти с этим кольцом — после этого его карьера кончилась. Ты ведь не хочешь, чтобы то же случилось и со мной? Тогда отдай мне кольцо.

— А, теперь я знаю, о каком кольце вы говорите, — ответил Дон. — Его у меня нет.

— Как? Что ты говоришь? Где же оно тогда?

Мозг Дона лихорадочно работал. Ему не потребовалось много времени, чтобы решить ни в коем случае не направлять ИБР по следу Изабель. Ни в коем случае, даже если ему придется откусить собственный язык.

— Я думаю, это кольцо сгорело, — сказал он.

— Дональд, мальчик, мне кажется, ты меня обманываешь. Я в этом уверен. Ты ответил не сразу, какое-то время колебался. Очень недолго. Наверное, никто, кроме меня, приставучего старика, не заметил бы этого.

— Но это правда, — настаивал Дон. — Один из ваших «героев» поджег дом, в котором я жил. Думаю, он сгорел дотла, и кольцо вместе с ним.

На лице Бенкфилда появилось сомнение.

— Что это за дом?

— Это ресторан «Двух миров» в конце переулочка Парадиз, в самой нижней части Боконон-стрит.

Бенкфилд быстро подошел к двери и отдал приказ.

— Вы можете взять столько людей, сколько понадобится, — закончил он. — И просейте каждую унцию пепла. Выполняйте! — Он со вздохом повернулся к Дону. — Конечно, я должен использовать все возможности. Но сейчас мы снова вернемся к нашему разговору. Есть вероятность, что ты мне все-таки лжешь. Скажи мне, а почему ты снял свое кольцо? Для того, чтобы оно не мешало мыть посуду?

— Да. Я работал, чтобы заработать на жизнь. Мне не хотелось, чтобы кольцо окуналось в горячую воду, поэтому я держал его в кармане.

Бенкфилд сжал губы.

— Ты почти убедил меня. То, что ты говоришь, звучит правдиво. И все же давай-ка мы с тобой вместе помолимся за то, что ты меня сейчас обманываешь. Это было бы лучше. Если ты сейчас говоришь неправду, а в конце концов приведешь меня туда, где находится кольцо, я смогу тебя очень щедро отблагодарить. Ты сможешь вернуться на Землю, и не просто вернуться, а отправиться туда по высшему классу, со всем комфортом. И я мог бы подумать о том, чтобы выделить тебе денежное вознаграждение, не очень большое, но достаточное; у нас есть специальные фонды.

— Боюсь, я не смогу получить это вознаграждение, разве что ваши люди найдут кольцо в золе.

— Дорогой мой! В том прискорбном случае, если кольцо не найдется, никто из нас — ни ты, ни я — не вернется на Землю. Нет, сэр! Ни в коем случае. Полагаю, тогда мне придется остаться здесь, хотя это и очень печально, и посвятить все свои оставшиеся годы тому, чтобы сделать твою жизнь как можно более неприятной. — Он улыбнулся. — Я пошутил. Я уверен, что мы с тобой найдем кольцо. А теперь, Дон, скажи мне, где оно. Что ты с ним сделал?

Он отечески обнял Дона за плечи. Дон попытался сбросить его руку, но понял, что это невозможно. Бенкфилд продолжал:

— Мы могли бы быстро разрешить все проблемы, если бы у меня было здесь соответствующее оборудование. Но я могу сделать это иначе... — Рука, лежавшая на плече Дона, внезапно упала; Бенкфилд схватил Дона за левый мизинец и согнул его быстрым движением. Дон застонал. — Извини. Мне самому не нравятся такие методы. Специалист, который занимается этими делами и проявляет слишком большое рвение, часто наносит такой ущерб клиенту, что от него не удастся получить никакой информации. Нет, Дон, полагаю, мы подождем несколько минут, а потом я переговорю с нашим медицинским отделением — думаю, что в нашем случае лучше всего подойдет пентонал натрия. Это

вызовет у тебя желание сотрудничать с нами, я уверен. — Бенкфилд снова подошел к двери. — Часовой! Отведите-ка его в карцер и приведите сюда Мэтьюсона.

Дона вывели из караульного помещения и отвели в загон, огороженный колючей проволокой. Здесь обычно содержались только что доставленные в лагерь лица. Единственный проход в этот загон шел через караульное помещение.

Сейчас здесь было десятка три гражданских, мужчин и женщин, и несколько офицеров из подразделений Орбитальной гвардии и наземных сил, еще в форме, но без оружия.

Дон начал всматриваться в лица женщин. Но Изабель среди них не было. Он и не ожидал увидеть ее здесь, но все же был очень разочарован. У него почти не оставалось времени; он понимал, что ему осталось всего несколько минут. Его снова схватят, введут в вену препарат, который превратит его в болвана, выбалтывающего все, что у него спросят, лишит воли к сопротивлению. Его никогда не допрашивали с «сывороткой правды», но он хорошо знал, как она действует. Даже глубокий самогипноз не может помочь допрашиваемому, находящемуся в руках опытного специалиста. А он чувствовал, что Бенкфилд был очень опытным специалистом. Он отошел в самый конец загона, как это делают испуганные животные, забиваясь в угол клетки, и стоял там, глядя на верх изгороди. Она была очень крепкой и частой. Никто не мог бы перепрыгнуть ее, разве что дракон. Но можно было, держась за прутья, перелезть через нее. Однако над решеткой проходили еще три ряда проволоки, и под самой нижней была небольшая красная надпись и изображение черепа со скрещенными костями. Надпись гласила: «Высокое напряжение».

Дон взглянул назад через плечо. Туман, обычный для этих мест, сейчас стал еще гуще, смешавшись с дымом горящего города. Караульного помещения почти не было видно. Ветер пригнал еще больше тумана. Дон был почти уверен, что никто, кроме других заключенных, его не увидит. Он попробовал взобраться, обнаружил, что ботинки мешают, и сбросил их.

— Не стоит, — произнес голос за спиной.

Дон обернулся. Сзади стоял майор наземных войск, фуражки на нем не было, один рукав оторван, рука окровавлена.

— Даже не пытайтесь, — сказал он. — Вас убьет. Я это точно знаю, ведь именно я строил это сооружение.

Дон спрыгнул на землю.

— Неужели нельзя как-нибудь отключить ток?

— Конечно можно, но не отсюда. — Офицер невольно улыбнулся. — Я и об этом позаботился. Я установил рубильник в закрытой наглухо комнате в караульном помещении, а второй рубильник находится в городе, на главном распределительном пульте. Больше рубильников нет.

Дон посмотрел на горящий город.

— Распределительный пульт электростанции, — сказал он тихо. — Интересно...

— Да? — Майор проследил за его взглядом. — Я не знаю, сейчас трудно что-либо утверждать, но вообще-то электростанция построена так, что не может выйти из строя.

Где-то за ними, в тумане, прозвучал голос:

— Харви! Дональд Харви! Выйдите в центр загона.

Дон полез по изгороди. Он на мгновение задержался перед первым из трех проводов, затем коснулся его тыльной стороной ладони. Ничего не случилось.

Через секунду он уже упал на другую сторону. Он сильно ушибся, повредил кисть, но быстро вскочил на ноги и побежал. За спиной у него слышались крики; он, не останавливаясь, бросил взгляд назад. Кто-то еще лез через изгородь. В этот момент раздалось шипение лучевого ружья. Фигура на ограде конвульсивно изогнулась и упала.

Подстреленный поднял голову. Дон услышал, как майор — а это был он — из последних сил крикнул:

— Венера и свобода!

Глава 12

МОКРАЯ ПУСТЫНЯ

Дон несясь, не разбирая дороги, стараясь только убежать подальше. Услышав смертоносное шипение, вильнул в сторону и побежал быстрее. Он сделал петлю, остановился, задержал дыхание и прислушался к звукам погони, выбирая направление, чтобы не попасть под косу смерти. Потом стремительно побежал вперед, изо всех сил. Легкие его работали как кузнечные мехи.

Внезапно он остановился: впереди была вода. Какое-то мгновение он стоял, прислушиваясь. Ничего нельзя было услышать, кроме стука собственного сердца. Но нет, кто-то кричал вдалеке. Он слышал даже звуки чьих-то шагов. Ему показалось, что идут справа; поэтому он повернул налево и рысцой побежал вдоль берега, ища глазами какую-нибудь гондолу, лодку или хоть что-нибудь плавающее.

Берег изгибался влево. Дон побежал вдоль него, затем остановился, сообразив, что эта дорога ведет его к перешейку, соединяющему Главный остров с Ист-Спитом. Возможно, там установлены посты. Ему помнилось, что по дороге в лагерь он видел там часовых. Он прислушался — да, его все еще преследовали, окружая со всех сторон. Впереди пока еще никого не было.

На лице Дона застыло бессильное отчаяние, но затем черты его расслабились. Дон медленно вошел в воду и двинулся от берега.

Он умел плавать и этим отличался от большинства колонистов Венеры. На Венере никто не умеет плавать — здесь просто нет подходящих водоемов. У Венеры нет луны, которая вызывала бы приливы и отливы; а солнечные приливы и отливы были почти незаметны. Здесь вода не замерзала, даже не охлаждалась ниже четырех градусов по Цельсию. Поэтому, в отличие от земных, все водоемы Венеры были заполнены грязной стоячей водой. На Венере не бывает сезонных перемен погоды. Водоемы на ней всегда спокойные, и за долгие века на дне накопилось огромное количество ила.

Дон продолжал идти вперед, стараясь не думать о черном фосфоресцирующем иле. Здесь было очень мелко. Когда он отошел от берега на пятьдесят ярдов и уже не видел его, вода была ему едва по колено. Дон оглянулся и решил отойти подальше. Если он не видит берега, то, вероятно, и его не заметят оттуда. Он напомнил себе, что ни в коем случае не должен поворачивать назад. Вскоре он почувствовал, что дно уходит из-под ног; он словно соскользнул с обрыва, потерял равновесие и с плеском забарахтался в воде. Ему удалось вернуться к краю обрыва, и он поздравил себя с этим.

Раздался крик и сразу же за ним — звук, похожий на шипение воды, попавшей на раскаленную плиту, но усиленный во много раз. В десяти футах от Дона поднялось облако пара и медленно растворилось в тумане. Дон согнулся и поискал укрытие, но здесь ничего такого не было. Крики возобновились, и можно было расслышать отдельные слова, хотя и искаженные расстоянием и туманом:

— Сюда! Сюда! Он здесь. Он в воде.

Откуда-то издали он услышал ответ:

— Мы идем.

Очень осторожно Дон двинулся вперед, нащупал обрыв и обнаружил, что можно спуститься еще ниже, оказавшись в воде по самые плечи. Но все же он мог идти. Он медленно продвигался вперед, стараясь не шуметь и еле удерживая равновесие, когда услышал за спиной зловещее шипение луча.

Солдат, который стоял на берегу, сообразил, что нет толку стрелять наугад, лучше водить лучом над поверхностью воды слева направо и справа налево, как поливают асфальт из шланга. Дон присел так, что над поверхностью воды осталась только голова. Луч прошел в нескольких дюймах над ним. Он даже почувствовал запах озона.

Шипение внезапно прекратилось, послышалась казарменная брань.

— Может, подождем, сержант? — спросил кто-то.

— Я тебе покажу «подождем»! Откуда ты знаешь, что он жив? Ты слышал приказ? Если ты убьешь его, я медленно разрежу тебя на куски ржавым ножом. Нет, я придумал лучше — отдам тебя мистеру Бенкфилду. Ты — безнадежный кретин!

— Но, сержант, он же мог уплыть! Я же должен был остановить его!

— «Но, сержант, но, сержант»! Достань лодку! Где рация? Нужно вызвать с базы вертолет.

— Лодку? Где я ее достану?

— Достань, и все тут! Он не мог далеко уйти. Мы найдем или его, или его тело. Если это окажется тело, лучше сам перережь себе глотку.

Дон выслушал все это, а затем неслышно пошел вперед, подальше от голосов. Он уже потерял ориентировку; вокруг была только черная вода и туман. Какое-то время дно оставалось на том же уровне. Затем оно стало уходить вниз. Дон вынужден был остановиться. Он ушел не так уж далеко от Главного острова. Было совершенно очевидно, что если они доставят оборудование для инфракрасного видения или радар, то очень легко обнаружат его. Все дело в том, насколько быстро они его доставят. Может быть, ему сдаться и вылезти из этой ужасной грязи? Сдаться, вернуться к Бенкфилду и сказать ему, чтобы тот нашел Изабель Костелло и забрал у нее кольцо? И вдруг он обнаружил, что уже плывет, стараясь держать лицо над водой.

Он плыл брассом; надо сказать, что этот стиль был не самым быстрым из тех, которыми он владел. Кроме того, необходимость все время держать голову над

водой мешала ему плыть. Шея начала болеть, затем боль распространилась на мышцы плеч и спины. Какое-то время он плыл через бесконечное водное пространство, чувствуя боль повсюду, казалось, даже в глазах. Он не мог сказать, далеко ли уплыл. Он как будто находился в ванне со стенками из серого тумана. Ему казалось просто невероятным, что среди архипелага, на котором была расположена провинция Боконон, можно плыть так долго, не встретив никакой суши — ни песчаной косы, ни глинистого островка.

Он перестал грести, отталкиваясь только уставшими ногами и лишь слегка шевеля кистями рук. Внезапно ему послышался шум моторной лодки, но к этому моменту ему было уже на все наплевать: плен означал конец мучений. Но звук исчез где-то вдали, и он снова поплыл сквозь серое ничто.

Вдруг ноги его коснулись дна... и он наконец-то поднял голову подальше от воды, высоко задирая подбородок. Постояв несколько секунд, он стал ощупывать ногами дно вокруг себя. С одной стороны оно опускалось вниз, с другой — поднималось.

Через несколько шагов плечи его оказались над водой, хотя ноги еще вязли в иле. Он нащупывал дорогу, как слепец, глаза сейчас не могли ему помочь. Иногда он вынужден был возвращаться назад и искать другое направление.

Он уже вышел из воды по грудь, когда заметил что-то более темное, чем туман. Дон двинулся в эту сторону и вдруг снова оказался по шею в воде. Затем дно начало быстро повышаться. Через несколько мгновений он выбрался на сухую землю.

Дон еще не решался на что-то большее, чем просто выбраться на сушу и укрыться за кустарником «чика». Он тщательно осмотрел себя. К ногам присосалось около дюжины болотных вшей, каждая величиной с детскую ладонь. Он с отвращением отодрал их, снял шорты и рубашку и обнаружил еще несколько тварей. Еще повезло, что он не встретил кого-нибудь похуже — в местном животном мире драконы имели множество «родственников», развивавшихся по другим линиям эволюции, подобно тому, как у человека на Земле есть родич в лице, например, гориллы. Многие из

этих созданий вели водный образ жизни, и это было еще одной из причин не лазить в воду.

Дон неохотно надел на себя мокрую грязную одежду, прислонился спиной к дереву и расслабился. Он сидел и отдыхал, когда снова услышал шум моторной лодки; на этот раз совершенно отчетливо. Он не пошевелился, надеясь, что кусты скроют его и наблюдатели уйдут.

Лодка приблизилась и двинулась вдоль берега. Потом мотор смолк. В наступившей тишине слышались голоса:

— Нам придется обыскать этот грязный берег.

— О'кэй. Пойдешь ты, Кудрявый, и ты, Джо.

— Как хоть выглядит этот парень, капрал?

— Да как вам сказать... Капитан ничего не говорил об этом. Это молодой парень, примерно твоего возраста. Да это и неважно. Ты просто хватай любого, кого увидишь. Он не вооружен.

— Мне что-то захотелось домой, в Бирмингем.

— Выполняй приказ!

Дон стал удаляться от них, стараясь идти как можно быстрее и не шуметь. Здесь была довольно густая растительность, и Дон надеялся, что остров достаточно велик. Начиналась опасная игра в прятки. Он уже прошел около сотни ярдов, когда его напугало какое-то движение впереди; ему пришло в голову, что на другой стороне острова мог высадиться еще один патруль.

Его испуг прошел, когда он увидел, что это не люди, а грегорианцы. Они увидели его и подошли с веселым блеянием, пытаясь приласкаться.

— Тихо! — сказал Дон резким шепотом. — Из-за вас меня могут поймать.

Неуклюжие не обратили на это никакого внимания. Им хотелось поиграть. Дон решил не обращать на них внимания и быстро пошел вперед, а они толпой последовали за ним. Он как раз подумал о том, что их любовь к людям может погубить его или привести в руки солдат, и тут перед ним открылась полянка.

Здесь находилась основная часть стада, сотни две особей, от малышей грегорианцев, которые сразу же прыгнули ему на руки, до седобородого патриарха с толстым животом, ростом по плечо Дону. Они показали

ему жестами и криками, что приветствуют его и просят остаться с ними на некоторое время.

Дону показалось, что он плыл по кругу и вернулся назад, на Главный остров. Но единственными неуклюжиками там были полудомашние воришки, которые постоянно вертелись у ресторанов, и не было никаких стад.

Внезапно ему пришло в голову, что можно обратить навязчивое дружелюбие этих существ в свою пользу. Они не оставят его в покое — это совершенно ясно. Если он попытается уйти из стада, они увяжутся за ним, начнут громко блеять и невольно выдадут его преследователям. А с другой стороны...

Расталкивая своих новых приятелей, он пробрался в середину стада и сел на землю. Три маленьких грегорианца сразу же влезли ему на колени. Он не стал прогонять их. Взрослые грегорианцы столпились вокруг, стараясь протолкнуться поближе, выказать свою любовь, прижимались к нему, чуть ли не облизывали и требовали ответной ласки. Дон позволял им делать все — сейчас он был закрыт стеной из их тел. Время от времени одних оттесняли другие, и те отходили в сторону пощипать траву, но Дон постоянно был скрыт их маленькими телами. Он ждал.

Когда прошло уже довольно много времени, он услышал на краю стада возбужденное блеяние. На минуту ему подумалось, что грегорианцы отвлекутся на новых гостей, но внутренний круг вокруг него остался, сохраняя свои, так сказать, привилегированные позиции. Дон снова услышал голоса:

— Бог ты мой, здесь же целое стадо этих глупышей!

Затем послышалось:

— Ну-ка, слезайте с меня. Нечего меня лизать.

— Похоже, он влюбился в тебя, Джо. Послушай, ведь Соли сказал нам, чтобы мы арестовывали всех: может быть, арестовать этих макак и привести к нему?

— Отстань, тебе говорят!

Послышались какие-то звуки, затем пронзительное блеяние неуклюжика, в котором слышались удивление и боль.

— Может быть, нам забрать с собой одного и зажать, — продолжал Кудрявый. — Я слышал, что они очень вкусные.

— Ты хочешь превратить нашу операцию в охоту? Соли будет недоволен и, чего доброго, пошлет к Старик-у для объяснений. Идем, пора заняться делом.

Дон следил за тем, как они продвигались по краю стада. По доносящимся звукам он мог сказать, где сейчас находятся эти двое солдат, отбивающиеся от навязчивых созданий. Солдаты ушли, а он еще долго сидел, почесывая маленького неуклюжика под подбородком, так что тот даже заснул у него на коленях.

Вскоре стадо начало устраиваться на ночь. К тому времени, как наступила полная темнота, все улеглись, кроме часовых, выставленных по краям стада. Поскольку Дон ужасно устал и не знал, что делать дальше, он устроился на ночлег вместе с ними. Его голова покоилась на чьей-то мягкой шерсти, он и сам представлял собой ложе для двух маленьких неуклюжиков.

Какое-то время он думал о своем странном положении, затем о том, как хочется есть и пить. А потом он уже ни о чем не думал...

Его разбудило просыпающееся стадо. Слышалось какое-то чихание, топанье ног, блеяние маленьких грегорианцев, чего-то требовавших или чем-то недовольных. Дон пришел в себя и встал на ноги; он примерно представлял себе, что сейчас будет: стадо начнет передвигаться. Грегорианцы очень редко оставались на одном пастбище два дня подряд. Обычно они первую часть ночи спали, а затем вставали и переходили на новое место еще до рассвета, пока их естественные враги находились в малоактивном состоянии. Они вброд переходили от одного острова к другому, используя мелкие места и отмели, известные вожакам стада. Нужно сказать, что грегорианцы умели плавать, но они очень редко это делали.

Дон подумал: «Хорошо, скоро я от них отделаюсь. Они прелестные создания, но слишком уж шумные».

Но затем он передумал. Если неуклюжики собирались перебраться на другой остров, это, без сомнения, будет не Главный остров, а раз так, они еще больше удалятся от людей. Что он потеряет?

Он чувствовал, что еще не совсем проснулся, и соображал недостаточно четко. Но идея была неплоха.

Когда стадо двинулось, он пошел с ним. Вожак привел их к берегу в четверти мили от стоянки и вошел в воду. Было еще темно, и Дон не видел воды, пока не вступил в нее. Она доходила ему всего лишь до лодыжек. Дон двигался довольно быстро, почти рысцой, стараясь оставаться в центре стада, чтобы наверняка избежать глубоких мест. Он надеялся, что на этом переходе стаду не придется плыть.

У него закружилась голова, но стадо пошло быстрее и приходилось поспевать. Вдруг вожак остановился и издал чихающий звук, затем свернул в сторону. Дон не знал, почему он так сделал. Ориентироваться было невозможно: утренний туман был очень густым. Однако путь, избранный вожаком, оказался самым мелким бродом. Они шли еще примерно милю, затем свернули несколько раз, и наконец вожак выбрался на берег, а Дон — следом за ним.

Дон бросился на землю совершенно без сил. Удивленный вожак остановился, а все остальное стадо столпилось возле него. Вожак недовольно чихнул, повернулся и занялся главным своим делом — повел стадо к хорошему пастбищу. Дон собрался с силами и последовал за ним.

Они как раз выходили из зарослей деревьев на берегу, когда Дон увидел ограду. Он воспрянул духом. — До свидания, приятели. Здесь я выхожу.

Он направился к ограде, а стадо пошло своим путем.

Подойдя к ограде, он подтолкнул в спину тех неуклюжиков, которые увязались за ним. Они отстали, и Дон двинулся вдоль ограды.

Где-нибудь есть калитка, которая приведет его к людям, думал он. Неважно, кто они, главное, у них можно будет поесть и отдохнуть, и они помогут ему скрыться.

Туман был очень густым, поэтому приходилось идти вплотную к ограде, чтобы не потерять ее. Дон чувствовал, что у него поднимается температура, мысли путались, но настроение было приподнятое.

— Стой!

Дон автоматически остановился, потряс головой и попытался вспомнить, где же он находится.

— Я тебя вижу, — продолжал голос. — Медленно двигайся вперед и держи руки поднятыми.

Дон напряг зрение, пытаясь разглядеть хоть что-то сквозь туман, и подумал, не убежать ли. Но тут он понял, что дошел до предела своих возможностей и больше ни на что не способен.

Глава 13

ПОЖИРАТЕЛИ ТУМАНА

— Иди сюда, — слышался голос, — быстро, иначе стреляю.

— О'кэй, — ответил Дон устало и пошел вперед, держа руки над головой.

Он прошел несколько шагов и теперь смог различить человеческую фигуру, потом еще несколько. Он понял, что перед ним солдат, а в руках у него ручной пулемет; направленный на Дона. Он был в выпуклых очках, делавших его похожим на чудовищного жука или на существо с другой планеты.

Солдат остановил Дона, когда тот приблизился на расстояние нескольких шагов, и приказал ему медленно повернуться. Когда Дон сделал это, солдат поднял на лоб свои очки и открыл глаза ярко-голубого цвета. Он опустил оружие.

— Парень, ты выглядишь довольно потрепанным, — прокомментировал он. — Чем ты занимался, скажи мне ради Священного Яйца?

Только теперь Дон понял, что этот солдат одет не в защитную форму Федерации, а в хаки наземных сил Республики Венера.

Начальник солдата, лейтенант Басби, попытался задать Дону несколько вопросов на кухне фермерского

дома, стоявшего внутри ограды, но быстро понял, что задержанный не в состоянии отвечать. Тогда он позвал жену фермера, чтобы она накормила его, приготовила горячую ванну и по возможности оказала медицинскую помощь. Только во второй половине дня, ближе к вечеру, Дон почувствовал себя достаточно отдохнувшим. Раны его были перевязаны, а места, к которым присасывались болотные вши, заклеены тампонами. Только теперь он смог рассказать все, что с ним произошло.

Басби выслушал его и кивнул головой.

— Я верю тебе на слово. Главным образом потому, что трудно представить, чтобы шпион Федерации оказался здесь и в таком виде.

Он продолжал его допрашивать, задавая конкретные вопросы: что Дон видел в Нью-Лондоне, сколько там солдат, как они вооружены и тому подобное. К сожалению, Дон мог рассказать ему немного. Но он пересказал лейтенанту «чрезвычайный закон №1».

Басби кивнул и сказал, что они слышали его по радио мистера Вонга, — он указал большим пальцем в угол комнаты. С минуту он сидел в задумчивости.

— Они все устроили довольно хитро. Они как будто взяли страницу из книги командора Хиггинса и разыграли ее как по нотам. Они не разбомбили наши города, а уничтожили только наши корабли, затем высадились здесь и все сожгли.

— У вас остались какие-нибудь корабли? — спросил Дон.

— Не знаю. Наверное, нет. В конце концов, это не имеет никакого значения.

— Вот как? Почему?

— Потому что они разыграли все слишком хитро. Больше они ничего уже не смогут нам сделать. С настоящего момента они будут бороться только с туманом. А мы — как нас называют, «пожиратели тумана» — знаем нашу планету лучше, чем они.

Дону позволили отдыхать весь день и всю ночь. Прислушавшись к разговорам солдат, Дон пришел к выводу, что Басби не был беспочвенным оптимистом. Ситуация была не совсем безнадежной, хотя положение было тяжелым. Очевидно, все корабли Космической

гвардии были уничтожены. Как сообщалось, «Валькирия», «Наутилус» и «Адонис» погибли, а вместе с ними погибли и командор Хиггинс, и большинство его подчиненных. О судьбе корабля «Весна» ничего не было известно, но это ничего не решало. Вся информация складывалась из слухов и официальной пропаганды войск Федерации.

Орбитальная гвардия, возможно, спасла некоторые из своих кораблей, спрятав их где-нибудь, но польза от них была невелика, поскольку эти корабли, предназначенные для кратковременных полетов, требовали для старта специальных катапульт. А что касается наземных сил, то половина их была либо уничтожена, либо захвачена в плен на острове Боколон и в других, менее крупных гарнизонах. Сейчас солдат, захваченных в плен, отпускали, но офицеров — нет. Единственными оставшимися на свободе офицерами были такие, как лейтенант Басби, которые в момент начала войны находились в каких-нибудь отдаленных местах. Отделение, которым командовал Басби, обслуживало радарную установку неподалеку от Нью-Лондона, и он сохранил свою часть, оставив уже ненужную Республике станцию.

Гражданское правительство молодой республики, конечно, уже не существовало. Все его члены были захвачены. Руководство вооруженных сил тоже было арестовано. У Дона возник вопрос, почему Басби действовал таким образом, будто его начальство все еще находилось на своих местах. Он продолжал вести себя так, словно оставался младшим командиром действующей армии, а его задачи и действия были четко определены. Боевой дух среди его подчиненных был высок. Казалось, они были готовы провести в партизанской войне месяцы, может быть, годы, нанося удары по армии Федерации, изматывая ее, и так вплоть до окончательной победы.

Вот что сказал Дону один из солдат:

— Они просто не могут нас поймать. Мы знаем наши болота лучше, чем они. Они не смогут уйти дальше чем на десять миль от города, даже если оборудуют лодки радарными. Мы можем сделать вылазку ночью, перерезать им глотки и вернуться к завтраку. Мы не позволим им вывезти даже тонны атомного горючего с

этой планеты и ни одной унции лекарств. Мы добьемся, что это обойдется им так дорого, во столько человеческих жизней, что им в конце концов это надоест и они уберутся на Землю.

Дон кивнул.

— Им надоест сражаться с туманом, как сказал лейтенант Басби.

— Басби?

— А что? Да, лейтенант Басби, ваш командир. Разве его не так зовут? Я ничего не понимаю. — Лицо Дона выразило недоумение.

Солдат продолжал:

— Понимаете, я нахожусь здесь лишь с сегодняшнего утра. Меня освободили только сегодня, и я пробиравшись домой, а настроение у меня было очень неважное. Я не собирался тут задерживаться, хотел только выпросить у Вонга чего-нибудь поесть, но обнаружил здесь этого лейтенанта... как вы его называли?.. Басби. При чем у него уже была налажена военная организация, и он заставил меня вернуться к службе. Должен вам сказать, это снова вселило в меня надежду. У вас не найдется спички?

Когда Дон ложился спать в сарае мистера Вонга вместе с двумя дюжинами солдат, он обратил внимание на то, что большинство из них не принадлежало к персоналу станции, состоявшему всего из пяти техников-электриков. Большинство было просто отбившимися от своих частей солдатами, многие не были даже вооружены. Зато боевой дух был высок.

Прежде чем заснуть, Дон принял решение. Он хотел сразу же обратиться к лейтенанту Басби, но подумал, что уже слишком поздно и не стоит его беспокоить.

На следующее утро, как только солдаты ушли, он выскочил из дома и увидел миссис Вонг; она кормила цыплят. Он спросил у нее, где солдаты. Она указала ему на берег. Там лейтенант Басби руководил переправой. Дон подошел к нему.

— Лейтенант, можно поговорить с вами?

Басби отвернулся.

— Я очень занят.

— Всего лишь минуту. Пожалуйста.

— Ну говори.

— Я хотел только спросить: не могли бы вы взять меня в свой отряд?

Басби усмехнулся. Дон стал настаивать, объясняя, что как раз собирался вступить в армию, когда произошло нападение.

— Если ты хотел вступить в армию, то мог это сделать уже давно. Как бы то ни было, даже из того, что ты сам рассказал о себе, известно, что большую часть жизни ты прожил на Земле. Ты не наш.

— Нет, я один из вас.

— Мне кажется, что ты просто-напросто романтический юноша. Ты еще недостаточно взрослый даже для того, чтобы голосовать на выборах.

— Но я достаточно взрослый, чтобы сражаться.

— А что ты можешь делать?

— Ну, я достаточно хорошо стреляю, во всяком случае, из ручного оружия.

— Что еще?

Дон быстро перебрал в уме все, что он умеет. Ему раньше как-то не приходило в голову, что солдаты должны уметь не только воевать. «Что если я скажу, что умею ездить верхом? Но здесь это ничего не стоит. О, я могу сказать, что довольно хорошо говорю на языке драконов».

— Вот это как раз полезно. Нам нужны люди, умеющие общаться с драконами. Что еще ты умеешь?

Дон подумал, что все-таки нашел в себе силы преодолеть болота и заросли во время бегства. Но все это лейтенант уже знал; это ясно доказывало, что он действительно настоящий «пожиратель тумана», хоть и прожил долгое время на Земле. Он решил, что нет смысла говорить о том, что узнал, обучаясь в школе на Земле. Басби, наверное, это не заинтересует.

— Ну что еще я могу? Я умею мыть посуду.

На лице Басби появилась слабая улыбка.

— Вот это ценное качество для солдата. И тем не менее, Харви, я очень сомневаюсь, что ты подходишь для военной службы; на этот раз это не будет похоже на военный парад. Мы будем существовать за счет того, что сумеем добыть сами, и нам никто не будет платить жалованья. Это означает, что мы будем голодать, зарастать грязью, постоянно будем в походе. И ты

не только рискуешь быть убитым во время военных действий — если тебя поймают, то просто сожгут, как предателя.

— Да, сэр. Об этом я уже подумал прошлой ночью.

— И все же хочешь вступить в армию?

— Да, сэр.

— Подними правую руку.

Дон поднял руку.

— Клянешься ли ты торжественно в том, что будешь защищать Конституцию Республики Венера от всех врагов, внутренних и внешних, и честно служить в вооруженных силах Республики Венера в это трудное время до того момента, когда будешь демобилизован? Клянешься ли ты подчиняться приказам своего командира?

Дон глубоко вздохнул.

— Клянусь.

— Очень хорошо, солдат. Тогда прыгай в лодку.

— Есть, сэр!

С этой минуты у Дона было много случаев пожалеть о своем решении — так, наверное, случается с каждым человеком, добровольно вступившим в армию. Но большей частью он был доволен, хотя, конечно, не признавал этого вслух: он приобрел солдатскую привычку постоянно жаловаться на войну, на погоду, на плохую пищу, на грязь и на глупость командиров. Такие жалобы заменяют профессиональному солдату приятное времяпрепровождение и даже хорошую пищу.

Он обучался приемам партизанской войны: бесшумно ходить, наносить удар, исчезать в тумане до того, как поднимут тревогу. Те, кто обучился этому, — жили, а кто так и не смог научиться — умерли. Дон жил. Он научился и другим вещам: спать всего лишь десять минут, когда для этого была возможность, и мгновенно просыпаться при любом звуке, оставаться без сна всю ночь или даже двое-трое суток. У него появились складки в уголках рта, морщины на висках и белый толстый шрам на левом предплечье.

Он не очень долго оставался под началом Басби. Вскоре его перевели в другое подразделение, передвигающееся на гондолах и действовавшее на территории между Куи-Куи и Нью-Лондоном. Они гордо называли себя «Рейдеры Марстена». Дон был прикомандирован к этому подразделению в качестве переводчика, знающего язык аборигенов. Большинство колонистов могло просвистеть лишь несколько фраз на языке драконов: достаточно, если хочешь что-нибудь продать или купить. Но очень немногие могли свободно пользоваться этим языком. Дон еще в детстве учился этому языку, и обучал его дракон, который относился к нему прямо-таки по-отечески. Его родители владели этим языком в совершенстве. До одиннадцати лет Дон практиковался в нем каждый день.

Драконы здорово помогали бойцам Сопротивления; они не были по природе воинственными, но их симпатии были на стороне колонистов. Точнее сказать, они презирали солдат Федерации. Колонисты смогли ужиться на Венере и сделать эту планету своим домом именно потому, что научились мирно сосуществовать с драконами. В этом и состояла «просвещенная политика», которую начал проводить еще Сайрус Боконон.

Человеку, рожденному на Венере, даже в голову не приходило сомневаться в том, что раса драконов развита и цивилизована не менее, чем человеческая. Но для большинства солдат Федерации, оказавшихся на этой планете впервые, драконы были безобразными животными, не способными даже к человеческой речи, которые тем не менее вели себя вызывающе, требуя привилегий, на которые ни одно животное не имело прав.

Такое отношение гнездилось в подсознании. И никакие приказы по войскам Федерации, никакие дисциплинарные взыскания не могли исправить положения. Это еще менее поддавалось разумному объяснению, чем любое аналогичное явление на Земле: ненависть белых к черным, неевреев к евреям, римлян к варварам и так далее. Даже офицеры не могли воспринимать это правильно — ведь они не родились на Венере. Даже главный советник губернатора, хитрый и талантливый Стенли Бенкфилд, не может выиграть в глазах дракона, если ведет себя так, чтобы понравиться ему, и в то же

время хлопает его ладонью по голове и говорит свысока.

Имели место два серьезных происшествия: один дракон из Нью-Лондона, тот самый, которого Дон видел у здания «Таймс», был серьезно обожжен огнем, а он был совладельцем местного банка и крупным пайщиком во многих предприятиях по добыче тория. Еще худшее случилось в Куи-Куи: там дракон был убит по недоразумению, открыв свой рот в неподходящем месте и в неподходящий момент. Этот дракон был связан родством с теми, кто происходил по прямой от Священного Яйца.

Может, этого было и недостаточно, чтобы оттолкнуть эти высокоразвитые создания, каждое из которых физически было не слабее, скажем, трех носорогов или среднего танка. Нужно напомнить, что драконы не воинственны, и война вообще непонятна им. Для достижения своих целей они использовали совершенно другие методы.

Когда Дону по службе приходилось говорить с драконами, он расспрашивал их о своем друге, Сэре Исааке, при этом, конечно, называя его венерианское имя. Он обнаружил, что даже те, кто не знал его лично, слышали о нем. Еще он обнаружил, что, когда он упоминал о знакомстве с ним, это сразу поднимало его престиж в глазах драконов. Но сейчас он даже не пытался связаться с Сэром Исааком: во-первых, не представлялось случая, а во-вторых, уже не было нужды просить его о переводе в Космическую гвардию, поскольку ее уже не существовало. Не один раз он пытался узнать, что же случилось с Изабель Костелло.

Он расспрашивал беженцев, драконов, бойцов Сопротивления, которые довольно свободно переходили через линию фронта, но так и не нашел ее. Однажды он услышал, что она якобы была в лагере на Ист-Спит, по другим сведениям, они с отцом были депортированы на Землю... но ни один из этих слухов не подтвердился.

Он все чаще думал, что она была убита в самом начале войны.

Он горевал, конечно, об Изабель, а не о кольце. Но что же это за кольцо, за которым охотятся на двух планетах?

Так ничего и не надумав, Дон решил, что Бенкфилд, несмотря на весь свой опыт, ошибся; самым важным было, наверное, не кольцо, а оберточная бумага, и агенты ИБР были просто недостаточно умны, чтобы догадаться об этом. Затем он вовсе перестал думать о нем: кольцо потеряно, и теперь уже ничего не поделаешь.

Но от намерения попасть на Марс он не отказался. Когда-нибудь война окончится и корабли снова полетят туда, а пока не было смысла расстраиваться по этому поводу...

Его рота была рассредоточена на четырех островах, что к юго-западу от Нью-Лондона. Они стояли там уже три дня. Это, пожалуй, был самый долгий привал. Дон был прикомандирован к штабу, находился на том же острове, что и капитан Марстен, а в данный момент дремал в гамаке, подвешенном меж двумя деревьями.

Посыльный из штаба нашел его и разбудил, тряхнув гамак. Дон немедленно проснулся и инстинктивно схватился за нож.

— Спокойно, — сказал ему посыльный. — Старик хочет тебя видеть.

Дон в крепких выражениях высказался по адресу капитана, но все же покорно поднялся на ноги. Он смотал гамак и засунул его в карман. Гамак весил всего четыре унции и, конечно, стоил весьма дорого. Дон прихватил и оружие.

Командир роты сидел за полевым столиком под навесом из срезанных ветвей. Дон подошел к нему и козырнул. Марстен взглянул на него и сказал:

— У меня есть для вас особое задание, Харви. Вам придется отправиться немедленно.

— Что, изменился план?

— Нет. Но вам придется участвовать в налете сегодня ночью. Довольно важная персона из драконов нуждается в переводчике. Вам придется поехать к нему сейчас же.

Дон помолчал.

— Вот так штука! А я надеялся участвовать в ночной операции. Нельзя ли отправиться к нему завтра? Дело в том, что эти создания довольно терпеливы и время для них значит мало.

— Хватит, солдат. Я даю вам увольнительную в соответствии с распоряжением штаба. Вы можете отсутствовать, сколько понадобится.

Дон резко ответил:

— Если мне приказано куда-то направиться, это вовсе не значит, что я в отпуске. Я остаюсь при исполнении служебных обязанностей.

— Харви, вы, оказывается, изрядный зануда.

— Так точно, сэр.

— Положите ружье, снимите знаки различия; вы отправитесь под видом такого славного парня-фермера. Возьмите про запас несколько весел. Ларсен ответит вас. У меня все.

— Есть, сэр. — Дон повернулся, шагнул к выходу и добавил: — Счастливой охоты, капитан.

— Спасибо, Дон, — улыбнулся Марстен.

...Первая часть пути пролежала по каналу, такому узкому и извилистому, что приборы видели не далее невооруженного глаза. Большую часть пути Дон проспал, положив голову на мешок с подгнившим зерном. Он не думал о предстоящем — несомненно, начальник, к которому он был направлен переводчиком, кто бы он ни был, объяснит, в чем будут заключаться его обязанности.

На следующий день они добрались до берега Великого Южного моря, и Дон перебрался на какое-то странное судно — плоское, пятнадцати футов в поперечнике, с реактивными двигателями, с экипажем из двух бесшабашных юнцов, которые не боялись ни врагов, ни болот. Корабль был накрыт конусом из полированного металла для защиты от обнаружения с воздуха — в этом случае конус действовал как рефлектор и лучи отражались к источнику. Но главным преимуществом этого суденышка была скорость.

Дон плашмя лежал на дне, держась за поручни, и думал о преимуществах полета над водой с помощью реактивного двигателя, а сумасшедшая лодка тем временем скакала по поверхности моря. Дон старался не

думать о возможности столкновения на такой скорости с плавучим бревном или с одним из крупных обитателей моря. Они прошли около трехсот километров менее чем за два часа, потом судно замедлило ход и остановилось.

— Конечная станция, — сказал один из моряков. — Приготовьте ваши багажные квитанции. Женщины и дети поднимаются по центральному эскалатору.

Антирадарная крышка открылась. Дон поднялся на затекшие ноги.

— Где мы находимся?

— «Драконвилль-на-болоте». А вот и комитет по встрече. Осторожнее на ступеньках.

Дон напряг зрение, пытаясь разглядеть хоть что-нибудь сквозь туман. Казалось, на берегу стояли несколько драконов. Дон шагнул прямо в грязь, зачерпнув в ботинки, потом выбрался на твердую почву. Сумасшедшее судно накрылось своим конусом и, завывая моторами, отправилось в обратный путь.

— Могли бы хоть помахать на прощание, — пробормотал Дон и повернулся к драконам.

Он растерялся: вокруг были одни драконы, а у него не было никаких инструкций, что делать в таком случае. Он подумал, что офицер, который должен был его встретить, опаздывал.

Драконов было семь. Дон окинул их взглядом и вежливо поздоровался на языке свиста, снова подумав о том, как трудно их различать. Затем дракон, стоявший в центре, заговорил с ним по-английски с акцентом, от которого так и тянуло жареным картофелем, рыбой и Лондоном.

— Дональд, дорогой мой! Как я счастлив снова видеть тебя! Ерунда!

Глава 14

«ДА БУДЕТ ТАК...»

Дон замер и уставился на дракона, на какое-то время позабыв о хороших манерах.

— Сэр Исаак! Сэр Исаак! — и, спотыкаясь, побежал навстречу.

Вряд ли возможно поздороваться с драконом за руку, поцеловать его или прижать к груди. Дон лупил Сэра Исаака кулаками по бронированным бокам, не в силах сдержать восторга. Чувства переполняли его, и все вокруг было как в тумане. Сэр Исаак подождал, пока все это кончится, затем сказал с изысканной вежливостью:

— Ну, а теперь, Дональд, разреши представить членов моей семьи...

Дон взял себя в руки, откашлялся и приготовился к беседе на языке свиста. Водэр был только у Сэра Исаака; возможно, другие драконы не знали английского языка. Он просвистел:

— Пусть ваша смерть будет прекрасной!

— Мы благодарим тебя.

Дочь, сын, внучка, внук, правнучка и правнук, представители четырех поколений, если считать и самого Сэра Исаака, приветствовали Дона в соответствии с

кодексом вежливости драконов. Дон, конечно, знал, что Сэр Исаак расположен к нему, но такие знаки уважения отнес на счет своих родителей.

— Мой отец и мать благодарят вас за доброту, которую вы проявили по отношению к их яйцу.

— Каково первое яйцо, таково и последнее. Мы очень счастливы приветствовать тебя здесь, Дональд.

Если к дракону приезжает гость, встречающие окружают его и вся процессия медленно идет к дому хозяйина. Но, даже когда дракон идет медленно, человеку трудно за ним угнаться. Сэр Исаак прилег на землю и сказал:

— А что если тебе использовать мои ноги, мой мальчик? Ведь путь у нас неблизкий.

— О нет, я пойду сам.

— Я настаиваю.

— Что ж...

— А ну-ка, вверх тормашками! Если я правильно помню это выражение.

Дон забрался на дракона и уселся за последней парой глаз, расположенных на жгутиках; они тут же повернулись к нему. Он обнаружил, что Сэр Исаак так подобрал у себя на шее роговые пластинки, чтобы за них было удобно держаться.

— Ну как, ты готов?

— Да, вполне.

Дракон снова поднялся на ноги, сначала на задние, потом на передние, и двинулся в путь, а Дон сидел на нем и чувствовал себя погонщиком слона.

Они пошли по дороге, встречая других драконов. Трудно было сказать, строил кто-то эту дорогу или это естественное образование. С милю она шла вдоль берега, а затем свернула в сторону. Зайдя в глубь суши уже довольно далеко, процессия сошла с дороги и свернула в туннель. Он определенно был искусственного происхождения: пол бы устроен таким образом, что наклонялся вперед, как бы образуя спуск под тяжестью идущего (конечно, в том случае, если это был дракон или кто-то, обладавший не меньшим весом); причем их скорость при этом увеличивалась в несколько раз. Дону было очень трудно судить о скорости и расстоянии.

Наконец они вошли в какой-то очень большой зал, большой даже для драконов; а движущийся пол как бы влился в пол зала и остановился.

Здесь собрались остальные представители рода. Но Дону не пришлось поприветствовать их: в соответствии с обычаями драконов, его сразу же доставили в гостевые апартаменты, чтобы он смог отдохнуть и набраться сил.

По стандартам жителей Венеры помещение было просторным, а Дону оно казалось просто огромным. В центре комнаты находилось что-то вроде огромной ванны, не менее шести футов в глубину и достаточно длинной для того, чтобы сделать несколько гребков. Именно этим он вскоре и занялся, причем с удовольствием. Вода была настолько же чистой, насколько грязна она была в море, которое он только что пересек, и, насколько он мог судить, температура была примерно девяносто восемь и шесть десятых градуса по Фаренгейту, то есть соответствовала температуре человеческого тела.

Дон повернулся на спину и полегал в воде, глядя на искусственный туман, закрывавший потолок. «Вот это жизнь», — думал он. Это была самая лучшая ванна со времени «Караван-сарая» в Нью-Чикаго. Как давно это было! С грустью подумал он, что его одноклассники уже закончили школу.

Ему надоело лежать в ванне, хотя это и было очень приятно. Он выбрался из нее, взял свою одежду и попытался соскрести с нее грязь, жалея, что у него нет хотя бы грубого серого мыла, которым пользуются фермеры.

Он прошелся босиком, ища, куда бы повесить выстиранную одежду. В «маленькой комнатке», которая здесь выполняла функции спальни, он вдруг остановился.

Ужин был готов. Кто-то накрыл для него стол, причем так, как это делается, скажем, в гостиницах. Только столик был почему-то ломберный, с монограммой гостиницы «Большие водопады». На стульях была та же монограмма — Дон специально перевернул их и проверил.

Стол был накрыт в соответствии с обычаями людей, правда суп был почему-то налит в кофейную чашку, а кофе — в тарелку. Но Дон ничего не имел против, поскольку и то и другое было достаточно горячим. Кое-что можно было сказать и о поджаренном хлебе: он был не только пережарен, но и не очень свеж. Яичница же была зажарена вместе со скорлупой.

Дон разложил свою мокрую одежду на теплом изразцовом полу, разгладил ее руками, после чего сел к столу и приступил к еде.

— Как говорит наш капитан, — пробормотал он, — не может быть лучше.

В спальне был мягкий матрас, набитый пористой массой; Дону было достаточно бросить на него лишь один взгляд, чтобы догадаться, что это армейский офицерский матрас. Кровати и одеял не было, но они, в общем-то, были и не нужны. Зная, что его не побеспокоят и ему не следует особенно церемониться, он растянулся на матрасе. Только сейчас он почувствовал, как устал.

То, что Сэр Исаак снова появился в его жизни, воскресило и освежило в его памяти многие воспоминания и потребовало от него новых решений. Он вспомнил о школе, о Джеке, с которым делил комнату. Может, он был в армии на стороне противника? Дон надеялся, что нет... но в душе он знал, что Джек именно так и поступил. Он сделал то, что должен был сделать в такой ситуации, оценивая ее со своей точки зрения. Джек не был врагом, такого просто не могло быть.

Старина Джек! Дон надеялся, что дикие и невысказанные совпадения, случающиеся на войне, не приведут к тому, что они встретятся лицом к лицу. Дон думал и о том, помнил ли его Лэйзи. Перед его глазами всплыло мертвое лицо Чарли, и вновь его сердце забилось взволнованно, воспоминания охватили его. Можно сказать, что он отомстил за старого Чарли, отомстил с лихвой. Он вновь загрустил, думая об Изабель.

В конце концов он начал вспоминать и о том, как он попал из штаба к Сэру Исааку. Действительно ли он выполнял здесь какую-то военную миссию или просто Сэр Исаак узнал, где он находится, и послал за ним? Последнее казалось более вероятным; штаб, конечно, рассматривал бы такое требование принца, происходящего по прямой от Священного Яйца, как военную необходимость, поскольку драконы играли очень важную роль в войне.

Дон почесал шрам на левой руке и заснул.

Завтрак оказался также не лучше ужина, но на этот раз в его появлении не было ничего загадочного — его привезла на столике с колесиками молодая дракониха. Дон определил ее возраст по тому, что задняя пара ее глаз, расположенных на жгутиках, еще не развилась. Ей, очевидно, было не более ста лет. Дон просвистел ей благодарность, она вежливо ответила ему и удалилась. Дон подумал, были ли у Сэра Исаака слуги из людей. Ведь кто-то должен был приготовить еду. Драконы не готовят себе пищу. Они предпочитают, чтобы их пища была свежей и даже немного грязноватой, для большей аппетитности. Он еще мог бы себе представить, что дракон сумел бы сварить яйцо, если бы знал, как это делается, но просто-напросто терялся в догадках относительно более сложных блюд. Человеческое искусство приготовления пищи весьма сложно и специфично.

Эти размышления не помешали Дону получить полное удовлетворение и от завтрака.

После еды, когда его настроение поднялось еще и потому, что одежда высохла, он подготовился к работе. Поскольку в последнее время его использовали как переводчика с так называемого настоящего языка, он представлял себе, что и здесь будет выступать в том же качестве, причем ему придется употреблять много современных слов языка драконов. Это требовало от него изрядной фантазии и действовало на нервы. Он надеялся, что сможет выполнить свою задачу достаточно хорошо, чтобы не поставить в неудобное положение свое начальство и не бросить тень на своих родителей.

Дон поспешно побрился, не очень чисто, поскольку зеркала у него не было, и был уже готов выйти, как услышал, что его позвали. Это удивило его, поскольку по обычаям драконов гостя не беспокоят, даже если он собирается остаться в своей комнате целую неделю, месяц или даже навсегда.

В помещение ввалился Сэр Исаак.

— Дорогой мой мальчик, простишь ли ты мне, старику, что я в спешке пришел к тебе, нарушив формальности, будто к одному из своих детей?

— Не стоит говорить об этом, Сэр Исаак.

И все же Дона это озадачило. Сэр Исаак спешит куда-то; это, наверное, первый случай в истории драконов.

— Если ты отдохнул, то, пожалуйста, иди за мной.

Дон последовал за ним, думая, что за ним все же наблюдали, ведь появление Сэра Исаака совпало с тем моментом, когда Дон и сам собирался выйти. Старый дракон провел его через комнаты, потом по какому-то коридору и привел в помещение, которое, по представлению драконов, могло бы считаться уютным. Оно было всего лишь футов сто шириной и столько же в длину. Дон решил, что это, очевидно, кабинет Сэра Исаака, так как здесь были полки с книгами, сделанными из резины, и вращающийся стол, установленный на уровне хватательных щупалец. Над полками было нечто вроде настенной росписи, но для Дона смысл ее был непонятен, так как часть изображения была сделана в инфракрасном диапазоне. Дон решил, что эта роспись может и не иметь смысла: ведь очень большая часть человеческого изобразительного искусства сводится к орнаментам.

Дон обратил внимание на занятный факт: в комнате было два кресла, предназначенных для людей, — а он в комнате был один.

Сэр Исаак пригласил его сесть. Дон сел и обнаружил, что кресло — из роскошных, оно как бы приспосабливалось к фигуре человека. Сразу же выяснилось, для кого было предназначено второе: в комнату вошел мужчина лет пятидесяти, сухопарый, подтянутый, с седыми волосами, похожими на проволоку, лысоватый. У

него были довольно резкие манеры, и создавалось впечатление, что он привык повелевать.

— Доброе утро, джентльмены! — Он обратился к Дону: — Ты ведь Дон Харви! Меня зовут Фипс, Монтгомери Фипс. — Он говорил так, словно это все всем объясняло. — А ты подрост. В последний раз, когда я тебя видел, ты укусил меня за палец.

Дон чувствовал себя с этим человеком, манеры которого напоминали поведение старшего военачальника, не совсем свободно. Он подумал, что это, должно быть, один из знакомых его родителей, который знал его в раннем детстве, но вспомнить его не мог.

— А что, у меня была причина кусать вас? — спросил он.

— Что?! — Человек внезапно рассмеялся лающим смехом. — Все зависит от того, как смотреть на этот вопрос. Но, полагаю, что мы остались квиты: я тогда хорошенько шлепнул тебя. — Он обратился к Сэру Исааку: — Мало будет здесь?

— Он сказал, что будет. Он обещал постараться изо всех сил.

Фипс с размаху сел в кресло и начал постукивать по подлокотнику костяшками пальцев.

— Ну что ж, я полагаю, нам придется подождать, хотя лично я вообще не вижу необходимости в его присутствии. И так уж мы слишком долго откладывали — нам следовало встретиться еще вчера вечером.

Сэр Исаак ухитрился извлечь из своего водэра звук, который походил на возглас крайнего удивления.

— Прошлым вечером?! Когда мой гость только что прибыл?!

Фипс пожал плечами.

— Ну ладно, не будем больше об этом. — Он вновь повернулся к Дону. — Как тебе понравился твой завтрак, паренек?

— Очень понравился.

— Его готовила моя жена. Она сейчас очень занята в лаборатории. Ты встретишься с ней попозже. Она великолепный химик, независимо от того, где находится — на кухне или в лаборатории.

— Мне хотелось бы поблагодарить ее, — прочувствованно сказал Дон. — Вы, кажется, сказали, здесь есть лаборатория?

— Да, лаборатория, причем великолепно оборудованная. Сам увидишь. У нас собрались лучшие ученые мира — все, что потеряла Федерация, приобрели мы.

У Дона было много вопросов, но они застряли у него в горле: кто-то или, точнее, что-то входило в комнату. Глаза Дона расширились, когда он понял, что это марсианское приспособление, «детская коляска», самодвижущееся устройство, без которого марсианин не мог бы жить ни на Венере, ни на Земле. Она приблизилась к ним. Существо внутри приподнялось и приняло положение, которое можно было бы назвать сидячим, при помощи специальной системы, помогавшей ему двигаться. Затем оно с натугой попыталось расправить псевдокрылья, и динамик коляски заговорил тонким усталым голосом:

— Мало из Датона приветствует вас.

Фипс встал.

— Мало, друг мой, тебе нужно поспешить в ванну. Ты можешь убить себя, если будешь так напрягаться.

— Я буду жить столько, сколько понадобится.

— Здесь перед нами младший Харви. Он похож на своего отца, не так ли?

Сэр Исаак, шокированный такой небрежностью в разговоре, вмешался, чтобы официально представить своих гостей друг другу. Дон старался лихорадочно припомнить хотя бы несколько слов, подходивших к данному случаю, но ограничился тем, что сказал:

— Я очень рад познакомиться с вами, сэр.

— Я тоже очень рад, — ответил усталый голос. — Высокий отец отбрасывает длинную тень.

Дон поразмышлял, что бы ему ответить на это, и решил, что бывают случаи, когда некоторым существам не хватает хороших манер, но они от этого ничего не теряют, как, например, неуклюжики.

Фипс прервал их:

— Полагаю, нам лучше сразу перейти к делу, пока Мало еще держится. Не так ли, Сэр Исаак?

— Очень хорошо. Дональд, ты ведь знаешь, что я очень рад видеть тебя в своем доме?

— Да, конечно, Сэр Исаак. Благодарю вас.

— Ты помнишь, я приглашал тебя еще до того, как узнал, кто твои родители, до того, как познакомился с теми благородными качествами, которыми ты обладаешь?

— Да, сэр. Вы говорили, чтобы я заглянул к вам, и я пытался это сделать, я действительно пытался — просто я не знал, где вы высадились. Я как раз собирался разыскать вас, но тут налетели эти, в зеленых мундирах. Мне очень жаль, что я не сумел вас разыскать.

Дон чувствовал себя несколько неловко: он сказал слишком много и потерял возможность самому первым задать вопрос.

— Я пытался разыскать тебя, Дональд, но, к сожалению, меня постигла неудача. И только совсем недавно до меня дошли слухи о том, где ты находишься и чем занимаешься. — Сэр Исаак сделал паузу. Казалось, он с трудом подбирает слова. — Ты знаешь, что этот дом твой и я в любом случае был бы рад видеть тебя здесь, поэтому прости меня за то, что я вызвал тебя сюда не только для того, чтобы увидаться с тобой, но и по делу тоже.

Дон решил, что в данном случае ему следует говорить на «настоящем» языке.

— Разве глаза могут оскорбить хвост, а отец — нанести оскорбление сыну? Сэр Исаак, чем я могу быть полезен? Что-то случилось?

— С чего бы мне начать? Может быть, с вашего Сайруса Боконона, который умер за свой народ, и, следовательно, умер счастливым, и который сделал и нас своим народом. Или, может быть, мне следует рассказать о странных и сложных обычаях твоего народа, который иногда — во всяком случае нам так кажется — делает странные вещи, словно ваша собственная челюсть начинает жевать вашу собственную ногу. Или, может быть, мне начать с тех событий, которые произошли с тех пор, как мы с тобой были в безвоздушном пространстве, разделяя там, образно выражаясь, один водоем?

Фипс заерзал от нетерпения.

— Разрешите, Сэр Исаак, я поведу эти переговоры. И не забывайте, что этот молодой человек и я принадлежим к одной расе. Мы не будем ходить вокруг да

около, я изложу ему все дело буквально в двух словах. Дело вовсе не такое уж и сложное.

Сэр Исаак согласно кивнул своей массивной головой.

— Как желаете, друг мой.

Фипс повернулся к Дону.

— Молодой человек, может быть, вы и не знали этого, но дело в том, что, когда ваши родители вызвали вас к себе на Марс, вы сделали курьером, который должен был доставить нам послание.

Дон вскинул на него взгляд.

— Я знал об этом.

— Да? Ты знал об этом? Что ж, очень хорошо! В таком случае, давай сюда послание.

— Какое?

— Кольцо! Кольцо, конечно! Дай нам кольцо!

Глава 15

«НЕ СУДИТЕ О НЕМ ПО ВИДУ...»

Евангелие от Иоанна, гл. 7, стих 24

— Минуточку, — сказал Дон, — вы что-то путаете. Я знаю, какое кольцо вы имеете в виду, но, полагаю, дело было не в нем, а в оберточной бумаге. Она попала к агентам ИБР.

Фипс удивился, затем рассмеялся.

— Так они ее забрали? Значит, они сделали ту же ошибку, что и ты. Главное — кольцо. Где же оно? Давай его.

— Наверное, вы все-таки ошибаетесь, — медленно ответил Дон. — Или, может быть, агенты ИБР подменили кольцо еще до того, как оно дошло до меня, ведь в кольце не может быть никакого послания. Оно было сделано из прозрачного пластика, возможно, из стайрина — и внутри ничего не было. Послание спрятать просто негде.

Фипс с нетерпением дернул плечом.

— Не нужно спорить со мной. Это как раз то самое кольцо, которое нам нужно; можешь быть уверен. Кроме того, агенты ИБР не подменяли кольца, мы это точно знаем.

— Как вы можете знать это?

— Знаем. Твоя задача состояла в том, чтобы доставить кольцо, вот и все, а есть в нем послание или нет, это уже наша забота.

У Дона начало крепнуть убеждение, что в детстве он поделом укусил Фипса за палец.

— Минуточку. Да, я должен был доставить кольцо. Именно это доктор Джефферсон... Вы знаете доктора Джефферсона?

— Я знаю его, хоть никогда и не встречался с ним.

— Именно этого он и хотел от меня. Он умер, во всяком случае мне сказали, что он умер. Так или иначе я не могу сейчас посоветоваться с ним, но он совершенно ясно сказал мне, кому я должен доставить кольцо. Моему отцу. А вовсе не вам.

Фипс ударил кулаком по подлокотнику кресла.

— Я тоже это знаю! Если бы все произошло, как было задумано, ты смог бы доставить кольцо своему отцу и у нас не было бы никаких неприятностей. Но эти горячие головы в Нью-Лондоне должны были непременно... ну ладно, не будем об этом. Поскольку произошло восстание, тебе пришлось остаться здесь, вместо того чтобы лететь на Марс. Я попытаюсь обрисовать тебе всю картину. Конечно, ты можешь доставить кольцо своему отцу, но тот же самый результат будет достигнут, если ты отдашь его мне. И твой отец, и я работаем ради одного дела.

Дон помешкал, прежде чем ответить, а затем сказал:

— Я, конечно, не хочу быть невежливым, но мне нужны доказательства.

Сэр Исаак извлек из своего водэра звук, напоминающий вежливое покашливание:

— Кгхм-м-м.

Они оба повернулись к нему.

— Кажется, мне следует вмешаться в ваш разговор. Я познакомился с Доном раньше, чем вы, дорогой Фипс...

— Ну и что же? Продолжайте.

Сэр Исаак повернул большую часть своих глаз к Дону.

— Мой дорогой Дональд, доверяете ли вы мне?

— Полагаю, что да, Сэр Исаак. Но мне кажется, что я все же должен получить доказательства. Это не мое кольцо.

— Да, у тебя есть основания для этого. В таком случае давай подумаем, что может послужить таким доказательством? Если бы я, например, предложил...

Тут Дон перебил его, чувствуя, что разговор выходит из-под контроля.

— Мне очень жаль, но мы напрасно затеяли этот спор. Понимаете, он совершенно беспредметен.

— Вот как? Почему?

— Все дело в том, что у меня нет кольца. Оно пропало.

Несколько минут царила полная тишина. Затем Фипс сказал:

— Думаю, что Мало в обмороке.

Всех охватило беспокойство. Устройство, внутри которого находился марсианин, было отправлено в его комнату, и это напряжение сохранялось до тех пор, пока не поступило сообщение, что марсианин плавает в своей постели и чувствует себя более или менее сносно.

Разговор возобновился. Фипс сверлил Дона глазами.

— Все из-за тебя. Твои слова разбили Мало сердце.

— Из-за меня? Я вас не понимаю.

— Он тоже был курьером и застрял здесь так же, как и ты. У него была вторая половина послания, а первую ты потерял. Таким образом, твои слова лишили его последнего шанса добраться домой, прежде чем сильная гравитация добьет его. Он очень плох, а тут еще эти сюрпризы.

— Но... — начал Дон.

— Дональд не виноват, — вмешался Сэр Исаак. — Молодых можно обвинять только после серьезного размышления, иначе взрослые потом будут жалеть об этом.

Фипс посмотрел на дракона, потом на Дона.

— Прошу извинить меня. Я устал, и у меня плохой характер. Что случилось — то случилось. Но все-таки важно знать, что именно произошло с кольцом. Есть ли хоть какая-нибудь возможность найти его?

Дон выглядел несчастным.

— Боюсь, что нет.

Он в нескольких словах объяснил, что кто-то пытался отобрать у него кольцо, а у него не было надежного места, где бы он мог его спрятать.

— Я не знал, что это кольцо представляет такую огромную ценность, но я хотел выполнить просьбу доктора Джефферсона. Может быть, я иногда бываю слишком упрям. И поэтому я сделал то, что в этих обстоятельствах казалось мне самым лучшим. Никому и в голову не пришло бы искать его у этого человека.

— Это разумно, — согласился Фипс. — Но все же кому ты отдал это кольцо?

— Я отдал его молодой девушке. — Дон нахмурился. — Боюсь, ее убили зеленые мундиры.

— Но ты не уверен в этом?

— Почти уверен. По роду моей работы я имел возможность наводить справки. Никто не видел ее с момента нападения. Я думаю, она убита.

— И все же ты можешь ошибаться. Как ее зовут?

— Изабель Костелло. Ее отец был управляющим отделением МТТК.

У Фипса глаза полезли на лоб. Он упал в кресло и громко расхохотался. Наконец он вытер слезы и сказал:

— Вы только послушайте, Сэр Исаак, нет, вы только послушайте! Вот после этого и говорите о том, что вы ищете свою судьбу, как синюю птицу, а она сидит в клетке буквально во дворе вашего двора. Или возьмите бабушку, которая ищет свои очки по всему дому, когда они у нее на лбу.

Дон переводил взгляд с одного на другого.

— Что вы имеете в виду? — спросил он недоуменно.

— Что я имею в виду? А то, паренек, что Джим Костелло и его дочь находятся здесь, и причем давно.

Дон вскочил с кресла.

— Не дергайся. Сиди, как сидел. Я сейчас вернусь.

И действительно он скоро вернулся.

— Я никак не могу научиться пользоваться этими вашими домашними телефонами, Сэр Исаак, — пожаловался он. — Они сейчас придут. — Он сел и глубоко вздохнул. — После этого мне, наверное, придется лечь в психушку.

Он замолчал и лишь изредка хихикал.

Сэр Исаак сидел в задумчивости. Казалось, он созерцает свой несуществующий пуп.

Дона обуревали чувства, и он был настолько рад, что это даже нельзя было назвать радостью, а скорее освобождением от огромной гнетущей тяжести. Изабель была жива! Через некоторое время, когда к нему вернулось спокойствие, он обратился к присутствующим:

— Послушайте... Не пора ли вам рассказать мне обо всем, что происходит?

Сэр Исаак поднял голову, и щупальца его легли на клавиши водэра.

— Прошу прощения, мой мальчик. Я задумался сейчас совсем о другом. Много-много лет назад, когда моя раса была очень молодой, а твоей не было вовсе...

Фипс вмешался в его рассказ:

— Извините, старина, но я могу рассказать ему обо всем короче, а что касается деталей, то вы сможете уточнить позднее. — Он встал и повернулся к Дону. — Харви, существует организация, вроде масонской логи. Можешь называть ее как угодно. Мы называем ее просто организация. Я являюсь ее членом. Ее членами являются и Сэр Исаак, и старина Мало, и твои родители. Ее членом был и доктор Джефферсон. Она состоит главным образом из ученых, но не только из них; единственное, что нас объединяет, — это вера в достоинство, в естественную ценность свободного разума. Мы вели свою борьбу разными путями и, нужно сказать, не всегда успешно. Я должен пояснить, что мы боролись против практики, сложившейся на протяжении последних двух столетий, а именно — уменьшения свободы индивидуума под давлением крупных и могущественных организаций как государственных, так и квазигосударственных.

На Земле происхождение нашей группы прослеживается от многих источников и уходит далеко в историю. Мы исходим от ассоциации ученых, боровшихся против засекречивания научной мысли, против ограничений и препятствий, которые ей ставились. А также от ассоциации людей искусства, боровшихся против цензуры. От ассоциаций, работавших в области юриспруденции, и от многих других организаций, хотя большинство

из них не имело успеха, а некоторые были просто беспомощными и глупыми. Около ста лет назад все такие организации оказались вне закона. Те, что были слабы, — распались сами; слишком шумные были разгромлены и ликвидированы, а остальные консолидировали свои силы.

Здесь, на Венере, происхождение нашей организации ведет начало от момента, когда впервые было достигнуто взаимопонимание и договоренность между Сайрусом Боконном и аборигенами. На Марсе одновременно с организацией — о ней я скажу несколько позднее — есть филиал, который состоит из представителей класса священников. Хотя это весьма неточное слово, поскольку они не являются священниками. Я бы скорее назвал их классом судей, это ближе по смыслу.

Сэр Исаак перебил его:

— Старшие.

— Да, пожалуй, это еще лучше передает смысл, хотя и с несколько поэтическим оттенком. Ну ладно, хватит об этом. Все дело в том, что все эти организации — марсианская, венерианская и земная — стремились к тому, чтобы...

— Минуточку, — вмешался Дон. — Если вы ответите мне всего лишь на один вопрос, это разрешит для меня всю проблему в целом. Я — солдат, сражающийся на стороне Венерианской Республики. Скажите мне только одно: эта организация — я имею в виду здешнюю, на Венере, — поможет изгнать отсюда зеленомундирников?

— Не могу обещать. Видишь ли...

Дон так и не узнал, что они хотели ему объяснить; речь Фипса была прервана восклицанием:

— Дон! Дональд! — и он оказался в объятиях представительницы своей собственной расы.

Казалось, Изабель обняла его так сильно, что чуть не сломала ему шею. Дон был растроган и смущен. Он мягко отвел ее руки и попытался сделать вид, что ничего особенного не произошло. В этот момент он заметил ее отца. Тот стоял рядом и смотрел на него со странным выражением.

— Здравствуйте, мистер Костелло.

Костелло приблизился и поздоровался с ним за руку.

— Как поживаете, мистер Харви? Очень рад снова видеть вас.

— И мне тоже приятно встретиться с вами. Я чрезвычайно рад узнать, что вы живы и здоровы, что с вами ничего не случилось. Я уже предполагал самое худшее.

— Нет, с нами ничего такого не случилось, но мы были близки к этому.

— Дон, а ты выглядишь старше, значительно старше, — сказала Изабель. — И как ты похудел!

Он улыбнулся.

— А ты выглядишь все так же, как и раньше, бабушка.

Фипс опять прервал их разговор:

— Мне, конечно, очень не хочется вмешиваться, когда вся семья в сборе и все так счастливы. Мисс Костелло, мы все хотим знать, где кольцо?

— Какое кольцо?

— То кольцо, которое я дал тебе на хранение, — пояснил Дон.

— Кольцо? — спросил мистер Костелло. — Мистер Харви, так, значит, вы подарили моей дочери кольцо?

— Видите ли, это не совсем то, что вы имеете в виду. Понимаете ли...

Фипс снова перебил их:

— Это то самое кольцо, Джим! Понимаешь? Кольцо, в котором послание. Харви был вторым курьером и, похоже, сделал так, что ваша дочь стала еще одним, незапланированным, курьером.

— Да? Должен сказать, что у меня в голове уже все перепуталось. — Он посмотрел на дочь.

— Оно все еще у тебя? — спросил Дон. — Ты не потеряла его?

— Потерять твоё кольцо?! Конечно, нет, Дон. Да, но я думала... Ну ладно, не будем об этом. Я могу вернуть его тебе.

Она огляделась вокруг. Глаза всех присутствующих были устремлены на нее. Всего четырнадцать пар глаз, считая, конечно, все глаза Сэра Исаака.

Она вышла, но почти сразу вернулась и протянула Дону кольцо.

— Вот оно.

Фипс потянулся за ним. Но Изабель быстро передала кольцо Дону. Фипс открыл было рот, потом закрыл, потом снова открыл.

— Ну ладно. Хорошо... Давайте его сюда, Харви.

Дон положил кольцо в карман.

— Вы так и не объяснили мне, почему, собственно, я должен передать его вам.

— Но... — Фипс вдруг покраснел. — Это уже глупо! Если бы мы знали, что оно все время находилось здесь, мы не стали бы посылать за тобой. Обошелся бы без отпуска.

— Ну нет, это не так.

Фипс перевел взгляд на Изабель.

— Интересно, почему же это не так, девушка?

— Потому что я бы никогда не отдала его вам. Дон сказал мне, что кто-то пытался отобрать у него это кольцо, и я не знала, кто именно. Может быть, это были как раз вы?

Лицо Фипса, который и так уже был достаточно красен, приобрело багровый апоплексический оттенок.

— Хватит детских игр вокруг очень серьезных дел! Я больше не потерплю! — Он подошел к Дону и схватил его за руку. — Кончай эту ерунду и отдай нам сообщение.

Дон оттолкнул его руку и отступил на полшага, а когда Фипс посмотрел вниз, он увидел, что ему в живот направлено острие кинжала. Дон держал нож профессионально, расслабленным захватом большого пальца и двух других пальцев руки. Так делали люди, знающие, как обращаться с кинжалом.

Казалось, Фипс не верит своим глазам. Дон мягко сказал:

— Ну-ка отстаньте от меня.

Фипс отпрянул назад.

— Но, Сэр Исаак!..

— Да, — сказал Дон, — Сэр Исаак, должен ли я мириться с таким обращением в вашем доме?

Щупальца дракона задвигались по клавишам водэра, но из него слышались какие-то странные, непонят-

ные звуки. Он повторил те же манипуляции, после чего прозвучали слова:

— Дональд, ведь это твой дом. Ты всегда будешь в нем в безопасности. Пожалуйста, ради всего хорошего, что ты сделал для меня, убери оружие.

Дон посмотрел на Фипса, выпрямился и убрал нож; он будто сам собой исчез из его руки. Фипс несколько успокоился и обратился к дракону:

— Ну, Сэр Исаак, что вы собираетесь делать?

На этот раз Сэр Исаак справился с водэром сразу.

— Изыди! — сказал он.

— Что такое?

— Вы вели себя недостойно. Вы не являетесь членом моей семьи и угрожали моему сыну. Пожалуйста, уходите. Иначе это приведет к большому несчастью.

Фипс начал что-то говорить, затем махнул рукой и вышел. Дон сказал:

— Сэр Исаак, мне очень, очень жаль, что так случилось. Я...

— Пусть воды покроют то, что произошло. Пусть все это будет похоронено в болотной тине. Дональд, дорогой мой, я могу уверить тебя в том, что если мы просим тебя что-то сделать, то исходим при этом из того, что твои родители на твоем месте поступили бы точно так же. Если бы они были здесь, они помогли бы тебе выбрать верный путь.

Дон на миг задумался.

— Я думаю, в этом вся загвоздка, Сэр Исаак. Я уже не маленький мальчик. Моих родителей здесь нет, и я не уверен, что послушался бы их, даже если бы они были здесь. Я уже взрослый. Не могу сказать, что такой же взрослый, как вы. Так или иначе, разница в нашем возрасте составляет несколько сотен лет. Я думаю, что разбираюсь в людях. Мистер Фипс все еще считает меня мальчиком. Он ошибается. Я уже не мальчик, и мне нужно все знать, чтобы принять свое собственное решение. До сих пор я слышал лишь общие фразы, со мной говорили так, словно я еще ребенок. Так не пойдет. Мне нужно знать факты.

Изабель захлопала в ладоши.

— А ты, Изабель? — спросил ее Дон. — Что ты знаешь обо всем этом?

— Я? Ничего. Я в таком же неведении. Можно сказать, меня засунули в мешок. Поэтому я и аплодировала тебе.

— Моя дочь ничего не знала, — произнес мистер Костелло. — Но я, конечно, знаю все это и считаю, что вы имеете право получить ответы на все ваши вопросы.

— Мне, конечно, хотелось бы задать вам целый ряд вопросов. С вашего разрешения, Сэр Исаак.

Дракон наклонил голову.

— Хорошо, — сказал Костелло. — Задавайте ваши вопросы. Я постараюсь дать вам правдивые ответы.

— О'кэй. Что за послание в этом кольце? В чем его суть?

— Я не могу ответить. Ведь если бы мы это знали, зачем бы тогда оно нам было нужно? Я знаю только, что в нем содержится научная информация из области физики. Это теория, имеющая практическое приложение. Довольно трудно и долго объяснять вам все это. Я и сам не понимаю ее: ведь я всего лишь инженер-связист, да и то в прошлом. В теоретической физике я профан.

Дон удивился.

— Не понимаю. Кто-то закладывает в кольцо что-то вроде текста учебника по физике, а затем мы начинаем играть в полицейских и воров по всей Солнечной системе. Это просто глупо. Такого просто не бывает.

Он вытащил кольцо и посмотрел его на свет. Это был обычный дешевый сувенир. Где тут можно спрятать фундаментальный трактат по физике?

Сэр Исаак сказал:

— Дональд, дорогой мой... ох, я чуть не сказал «мальчик», извини меня. Ерунда! Ты путаешь два понятия: простоту внутреннюю и простоту внешнего вида. Можешь быть уверен, что послание там. Теоретически возможно создать матрицу, где каждая отдельная молекула будет нести какую-либо информацию. Так устроены, например, отдельные молекулы и клетки нашего мозга. Пользуясь этим принципом, мы могли бы вместить всю Британскую энциклопедию в объем булавочной головки. Именно в объем булавочной головки, в этом нет ничего трудного.

Дон посмотрел на кольцо и снова положил его в карман.

— Хорошо. Если вы так говорите, значит, так оно и есть. Но мне все-таки непонятно, почему вокруг него так много шума.

— Мы тоже не все понимаем, — ответил мистер Костелло. — Послание должно было попасть на Марс, именно там лучше его использовать. Что касается меня, то я слышал об этом научном проекте только в общих чертах. Собственно говоря, я не знал о нем, пока мы не прибыли сюда. Послание содержит ряд формул, используя которые можно сжать пространство и как угодно манипулировать им. Я даже не могу представить себе всех возможных последствий и практических применений. Но кое-что мы уже знаем. Прежде всего можно создать силовое поле, которое устоит даже против термоядерного взрыва. Во-вторых, мы сможем создать такие корабли, перед которыми ракета будет выглядеть так же, как пешеход перед ракетой. Не спрашивай меня, как это будет сделано; я все равно не смогу объяснить. Спроси лучше Сэра Исаака.

— Меня можешь спрашивать только после того, как я изучу это послание, — сказал дракон довольно сухо.

Дон ничего не ответил. Повисло долгое молчание. Наконец мистер Костелло сказал:

— Ну, ты хочешь еще что-нибудь узнать об этой истории с кольцом?

— Мистер Костелло, когда я разговаривал с вами в Нью-Лондоне, вы уже знали об этом послании?

Костелло отрицательно покачал головой.

— Я знаю только, что наша организация питала большие надежды, связанные с исследовательской работой, проводимой на Земле. Я знал, что исследования должны были завершиться на Марсе. Дело в том, что я был, в силу занимаемой должности, одним из передаточных звеньев в системе связи организации. Я не знал, что вы были курьером, и уж, конечно, не знал, что вы сделаете курьером мою единственную дочь и доверите ей послание организации. — Он саркастически улыбнулся. — К сожалению, я не знал, что ваши родители — члены нашей организации; тогда бы я сразу передал вашу радиограмму. Видите ли, мы используем особые знаки, чтобы узнавать послание члена нашей организации. На вашем таких знаков не было. Что касается фамилии Харви, то она встречается часто.

— Знаете что, — медленно сказал Дон, — мне кажется, что, если бы доктор Джефферсон рассказал мне хотя бы о том, что я должен доставить на Марс, если бы вы больше доверяли Изабель, можно было бы избежать многих неприятностей.

— Может быть. Но дело в том, что люди часто погибают, если знают слишком много. Как говорится, нельзя выдать того, чего не знаешь.

— Согласен. Но ведь не обязательно посылать тех, кто знает слишком много секретов или может проболтаться?

Слушатели кивнули в знак согласия. Мистер Костелло добавил:

— Это как раз то, чего мы хотим добиться в конечном счете. Мы хотим, чтобы в мире не стало ни секретов, ни секретных служб.

Дон повернулся к хозяину дома.

— Сэр Исаак, когда мы с вами встретились на корабле «Дорога славы», вы знали, что у меня послание доктора Джефферсона?

— Нет, Дональд, хотя я начал подозревать что-то в этом роде, когда узнал, чей ты сын. — Он сделал паузу. — У тебя есть еще вопросы?

— Нет, я хотел бы все хорошенько обдумать.

Слишком много событий, одно за другим. У Дона появилось много новых мыслей... взять хотя бы то, о чем говорил мистер Костелло, — о послании, которое заключено в кольцо, и о последствиях, к которым оно может привести, — если, конечно, он не ошибается. Взять хотя бы сверхбыстрый способ передвижения, который означает, что можно летать гораздо быстрее кораблей Федерации. Или защиту от атомного и даже термоядерного удара. Ведь это означает, что Республика могла бы стать неизмеримо сильнее Федерации и даже не считаться с ней. Но ведь Фипс признал, что весь этот шум вокруг кольца был затеян вовсе не для того, чтобы помочь Республике в борьбе против зеленых мундиров. Они хотели доставить кольцо непременно на Марс. Но почему? Ведь там нет даже постоянного населения, только научные станции и экспедиции, как, скажем, та, в которой участвуют его родители. Эта планета не годится для жизни человека. Тогда почему именно на Марс? Кому же он может доверять? Иза-

бель? Да, конечно. Он доверился ей и не ошибся. Ее отцу? Они совершенно разные люди. Изабель даже не знала, чем занимался ее отец.

Дон посмотрел на девушку — она ответила ему серьезным взглядом, — потом на ее отца. Он просто не знал, как поступить. Просто-напросто не знал.

А Мало? Для Дона он был всего лишь голосом, доносящимся из кабины. А Фипс? Кто такой Фипс? Может, он и хороший человек, может, он любит детей, может, у него золотое сердце — но у Дона не было никаких оснований доверять ему.

Что же он знает наверняка? Только то, что все эти люди знали о докторе Джефферсоне. Все они знали о существовании кольца. Все они, похоже, знакомы с его родителями. Но ведь примерно то же знал и Бенкфилд. Да, ему необходимы были доказательства. Доказательства, а не просто слова. Все, что случилось, доказывало исключительную ценность послания.

Он не имел права ошибиться.

Было лишь одно бесспорное доказательство: Фипс сказал ему, что Мало вез вторую половину послания. Если окажется, что его половина подходит к той, которую вез Мало, это будет отличным доказательством. Тогда эти люди имеют право прочесть послание целиком.

Словом, чтобы узнать, не тухлое ли яйцо, его надо разбить, а потом его не соберет и вся королевская рать. Ведь все дело в том, что ему нужно получить доказательство до того, как он передаст им кольцо. Он уже слышал, что такие послания из двух частей использовались и раньше. Это был довольно обычный прием, но прибегали к нему только в исключительных случаях. Лучше уж не доставить его вообще, чем рисковать, что оно попадет в чужие руки.

Он посмотрел на дракона.

— Сэр Исаак...

— Да, Дональд.

— Что будет, если я откажусь отдать кольцо?

Сэр Исаак ответил не задумываясь, но был при этом мрачен и строг:

— В любом случае ты останешься моим яйцом. Это твой дом, где ты можешь жить в мире или покинуть его в мире, как сам пожелаешь.

— Благодарю вас, Сэр Исаак, — просвистел Дон, назвав при этом дракона его «настоящим» именем.

Костелло с некоторым нажимом сказал:

— Мистер Харви...

— Да?

— Знаете ли вы, почему язык драконов называется «настоящим»?

— Нет, не могу сказать с уверенностью.

— Потому что это действительно настоящий язык. Понимаете, я изучал различные семантические конструкции, и оказывается, что язык свиста просто не содержит такого понятия, как обман. А если в языке нет такого понятия, значит, для говорящего на нем не существует этого понятия вообще. Спросите его об этом, мистер Харви. Спросите его об этом на его собственном языке. То, что он ответит вам, будет правдой.

Дон посмотрел на старого дракона. Скорее всего, мистер Костелло прав. В языке драконов не было понятия «ложь». Значит ли это, что дракон не может солгать? Возможно, у них не было необходимости в этом. Умеет ли Сэр Исаак лгать? Или его психология настолько далека от человеческой, что это совершенно немыслимо для него? Дон посмотрел на Сэра Исаака и встретил непроницаемый взгляд восьми пар светящихся глаз. Как человек может узнать, о чем думает дракон?

— Спросите его, — настаивал Костелло.

Дон не доверял Фипсу — логично было бы не доверять и Костелло. У него не было никаких оснований доверять ему, и Изабель здесь была ни при чем. Но ведь человеку нужно верить кому-то хоть иногда. Человек не может всегда быть один и доверять лишь себе. Хорошо, пусть это будет дракон. Тот самый дракон, с которым они были, так сказать, «в одной ванне».

— В этом нет нужды, — неожиданно сказал Дон. — Вот.

Он засунул руку в карман, вытащил кольцо и вложил его в одно из щупалец Сэра Исаака. Щупальце проникло в отверстие кольца и как бы обволокло его.

— Благодарю тебя, Туман Над Водами.

Глава 16

БОЛЬШОЕ В МАЛОМ

Дон взглянул на Изабель и увидел, что она стоит с торжественным видом, без улыбки, но, судя по всему, одобряет его действия. Ее отец устало опустил в кресло.

— Уфф, — вздохнул он. — Надо сказать, мистер Харви, вы крепкий орешек. Я уже отчаялся...

— Извините. Мне нужно было все обдумать.

— Не извиняйтесь, — послышалось за их спинами. Обернулись все, кроме Сэра Исаака — ему не требовалось поворачивать тело. В дверях стоял Фипс. — Я вошел только что и слышал ваши последние слова, Джим. Вы не против моего присутствия?

— Нет, конечно.

— Тогда послушайте, что я скажу. — Он посмотрел на Дона. — Мистер Харви, я должен извиниться перед вами.

— Ничего не случилось. Все в порядке.

— Нет уж, позвольте мне сказать. У меня не было никаких прав заставлять вас сотрудничать с нами. Но поймите меня правильно, нам необходимо это кольцо, просто необходимо. И я буду настаивать на этом, буду спорить с вами до тех пор, пока мы его не получим. Но

я понимаю, что несколько погорячился и начал не с того конца. Нервы на пределе...

— Подумать только, — сказал Дон. — И со мной было то же самое. Давайте забудем.

Он повернулся к хозяину дома.

— Сэр Исаак, вы позволите?

Он протянул руку и коснулся щупальца дракона. Кольцо упало к нему в ладонь; он повернулся и передал его Фипсу.

Какое-то время Фипс смотрел на кольцо с довольно глупым видом. Когда он поднял взгляд, Дон увидел в его глазах слезы.

— Я не буду даже благодарить вас за это. Когда вы увидите результаты вашего поступка, сами поймете, что это стоит гораздо больше, нежели чья-то благодарность. В этом кольце заключены жизнь и смерть многих и многих людей. Вы увидите это сами.

Дон был смущен таким открытым выражением чувств.

— Я могу себе представить, — сказал он сдержанно. — Мистер Костелло сказал мне, что эта информация означает защиту от атомного оружия и сверхскоростные ракеты. Кроме того, у меня появилось ощущение, что мы с вами в конце концов окажемся на одной стороне. Я надеюсь, что не ошибаюсь.

— Ошибаетесь? Не-ет, вы не ошибаетесь. И не только в «конце концов», но именно сейчас. Теперь, когда в руках у нас вот это, — он высоко поднял кольцо, — у нас есть значительные шансы спасти наших людей на Марсе.

— На Марсе? — переспросил Дон. — Послушайте, о чем вы? При чем тут Марс? Кого там собираются спасти? И от кого?

Фипс посмотрел на него с недоумением.

— Позвольте, а разве не это заставило вас отдать нам кольцо?

— Что заставило?

— Разве Джим Костелло... А я думал, вы уже...

Тут его речь прервал водэр Сэра Исаака:

— Мы полагали, что само собой...

— Тише, пожалуйста, — воскликнул Дон и добавил, видя, что Фипс открыл рот: — Кажется, все опять

перепуталось. Кто-нибудь один может объяснить мне, что происходит?

И мистер Костелло рассказал ему все.

Уже долгие годы организация в глубокой тайне создавала на Марсе свой исследовательский центр. Марс был единственной планетой в Солнечной системе, где большую часть человеческого населения составляли ученые. А Федерация держала там лишь военный пост с небольшим гарнизоном. Марс не представлялся чем-то важным — это было место, где безобидные ученые занимались раскопками руин, изучали обычаи и жизненный уклад древней угасающей расы. Офицеры ИБР уделяли Марсу мало внимания; если там и появлялся случайно агент этого учреждения, то он видел лишь исследовательские работы, не имеющие никакого военного значения.

Группа ученых на Марсе, конечно, не имела тех огромных возможностей, которые могла бы предоставить им Земля: мощных кибернетических машин, неограниченных запасов энергии, сверхмощных ускорителей частиц, огромных лабораторий. Но у них была свобода. Теоретическая работа, которая легла в основу новой физической теории, была проделана на Марсе. Ее созданию сильно помогли найденные и расшифрованные записи Первой Империи, почти мифической эпохи, когда Солнечная система имела единое политическое устройство. И Дону было очень приятно, что исследования его родителей внесли большой вклад в разработку этой проблемы. Оказывается — во всяком случае так было записано в древних марсианских рукописях, — корабли Первой Империи совершали межпланетные перелеты, и они занимали не месяцы и даже не недели, а всего лишь дни. Описание этих кораблей и их двигателей было детальным, но различия в языке, в понятиях, в технологии создавали препятствия, казавшиеся специалистами по сравнительной семантике непреодолимыми, и доводили их до нервных припадков. Это было не образное выражение, многие из них действительно страдали нервными расстройствами. Представьте себе описание современной электроники на санскрите, да еще в поэтической форме, причем часть понятий дается как нечто само собой разумеющееся, и

вы получите примерное представление об этих рукописях.

На практике оказалось почти невозможно дать полный перевод марсианских рукописей. Для восстановления недостающих понятий нужно было додуматься до них самим и вложить в это много таланта и труда.

Когда теоретическая часть работы была доведена до стадии практического воплощения, результаты были переданы на Землю для реализации на высшем инженерном уровне. Поначалу шел постоянный обмен информацией между планетами, но по мере того как важность и секретность проблемы возрастала, члены организации, посвященные в тайну, все реже путешествовали между планетами, боясь раскрытия секрета. К моменту венерианского кризиса установилась практика посылать самую важную информацию с курьерами, которые ничего не знали о сути проблемы и поэтому ничего не могли выдать, как, например, Дон или же инопланетные существа, невосприимчивые к методам секретных служб. Применять, скажем, к дракону с Венеры третью степень было не только непрактично, но даже глупо. Несколько иные, но тоже совершенно очевидные причины не позволяли допрашивать марсианина на детекторе лжи.

Дона выбрали в самую последнюю минуту, он стал курьером случайно, просто потому, что подвернулась такая возможность, к тому же венерианский кризис заставил спешить. Насколько была велика необходимость в этом, не знал никто до тех пор, пока командир Хиггинс не совершил свой блестящий налет на «Терру-Орбитальную». Данные, так необходимые на Марсе — половина их была у Дона, — попали на Венеру и затерялись там в результате военных действий между восставшими и войсками Федерации. Случилось так, что восставшие колонисты, преследуя, в общем-то, те же цели, что и организация, сами того не зная, лишили себя великолепного шанса победить в этой войне.

Сообщение между членами организации с большим трудом было восстановлено, хотя уже не действовало так безотказно, как раньше, и работать приходилось под самым носом у полиции Федерации. В организации были члены, являвшиеся сотрудниками МТТК, такие,

как Костелло. Самому Костелло вместе с дочерью организовали побег потому, что он слишком много знал. Новый «почтовый ящик» был организован на Губернаторском острове, им ведал сержант технической службы Федерации. С этим сержантом контактировал некий дракон, у которого был контракт на уборку мусора на базе зеленых мундиров. У этого дракона не было водэра, а сержант не умел говорить на «настоящем языке», но щупальце дракона всегда могло передать записку в руку человека. Таким образом связь, хоть и сопряженная с трудностями и опасностью, стала возможной. Путешествия между планетами совершенно исключались. Правда, коммерческая линия Земля—Луна еще действовала. Группа, которая находилась на Венере, делала все, чтобы решить проблему, пыталась связаться с Марсом. Все было бы гораздо проще, если бы у нее была вторая часть послания. В этом случае они могли бы снарядить корабль, послать его на Марс, чтобы там завершили работу...

На это они и надеялись... И продолжали надеяться до самого последнего времени, когда с Земли была получена ужасная новость: в земную группу проникли агенты ИБР, высокопоставленный член организации, который знал очень много, был арестован и не сумел вовремя убить себя.

Эскадра Федерации уже направлялась к Марсу, чтобы ликвидировать находящихся там членов организации.

— Подождите, — сказал Дон. — Я ведь думал, что... Мистер Костелло, разве вы не говорили мне еще в Нью-Лондоне, что силы Федерации уже на Марсе?

— Это не совсем так. Я только сказал, что Федерация заняла станцию Скиапарелли, где расположен пункт связи МТТК, и теперь перехватывает все сообщения, направленные на Марс. На это им хватило отделения солдат из числа гарнизона, который постоянно находился на Марсе. Но в данном случае речь идет о крупной акции. Они намерены ликвидировать организацию.

«Ликвидировать организацию» — Дон понял это так, что все ее члены будут уничтожены. Значит, его родители...

Он потряс головой. Эта мысль как-то не укладывалась в голове. Они давно не виделись, он даже начал забывать их лица, но все равно не мог представить их мертвыми. Он даже удивился, что так равнодушно воспринял все это. Может быть, чувства в нем уже умерли и он не способен переживать по-настоящему? Нужно было что-то делать.

— Что мы должны сделать? Как остановить их?

— Прежде всего нельзя терять время, — ответил Фипс. — Мы и так уже потеряли полдня. Итак, Сэр Исаак...

— Да, друг мой, давайте поспешим...

Помещение представляло собой часть лаборатории, ее мастерскую, и она была большой даже по представлениям драконов. Она и должна была быть большой, потому что, кроме людей, здесь находилось около дюжины драконов. А людей здесь было не менее пятидесяти. Каждый, кто мог, хотел присутствовать при открытии кольца. Даже Мало из Датона был здесь. Он сидел в своей яйцевидной капсуле, поддерживаемый корсетом с сервомеханизмами, и было видно, как тело его переливается разными цветами, что означало сильное волнение.

Дон и Изабель поднялись на самый верх эстакады, откуда они могли все видеть и в то же время не мешали процедуре. Напротив них находился большой светящийся стереозэкран, но изображения на нем пока не было. Внизу располагался манипулятор, рассчитанный на управление драконом; здесь же были и другие приборы и механизмы. Они выглядели странно — и не только потому, что были созданы драконами и для драконов. Всякое лабораторное оборудование кажется необычным непосвященному человеку. Дон привык к предметам искусства драконов. Но существовали две технологии — человеческая и драконья, и они уже в большой степени проникли друг в друга. Для человека, жившего на Венере, все это казалось не таким уж и странным. Дон не находил ничего необычного в том, что некоторые части этого оборудования были кованы-

ми, а не литыми. Ничего необычного для него не было и в том, что для скрепления отдельных частей вместо болтов или винтов, как это сделали бы люди, драконы пользовались скобами.

Сэр Исаак стоял у пульта манипулятора, щупальца его лежали на рычагах. Над его головой располагалось большое устройство, напоминающее шлем с восемью окулярами для глаз. Он дотронулся до одной из кнопок, и экран засветился. На нем появилось цветное объемное изображение кольца. Изображение было увеличенным, и кольцо выглядело восьмифутовым обручем. Верхняя его часть, на которой была буква «аш», была видна очень четко.

Изображение мигнуло. Теперь была видна только часть кольца, а именно — часть буквы. При этом увеличение стало значительно больше и эмаль, окружающая букву, оказалась состоящей из каких-то крупинок, увеличенных на экране до размеров булыжника. Какая-то заостренная цилиндрическая тень, не совсем отчетливая, показалась на экране и пересекла изображение. На остром ее конце возникло нечто похожее на каплю масла, которая отделилась и оказалась на эмали. Составляющие эмаль крупинки начали осыпаться.

Монтгомери Фипс тоже взошел на эстакаду, увидел Дона с Изабель и сел рядом с ними. Казалось, он совсем успокоился.

— Сейчас произойдет нечто такое, о чем вы будете рассказывать своим внукам, — сказал он. — Старина Сэр Исаак работает. Он, пожалуй, самый лучший микромеханик в Солнечной системе. Он может разобрать предмет на отдельные молекулы и сделать с ними все, что захочет.

— Удивительно, — сказал Дон. — Я и не знал, что Сэр Исаак — лаборант.

— Лаборант?! Он великий физик. Разве вы не задумывались, почему он выбрал себе такое имя?

Дон почувствовал, что сморозил глупость. Он знал, что драконы выбирают земные имена не просто так, но обычно воспринимал их как что-то само собой разумеющееся, так же как и свое венерианское имя.

— Весь народ драконов стремится к тому, чтобы стать учеными, — продолжал Фипс. — У него есть

внук, называющий себя Галилео Галилей. Вы уже видели его? Среди них есть и Доктор Альберт Эйнштейн, и Мадам Кюри, есть химик, называющий себя, бог знает почему, Баттеркап-младший. Но старина Сэр Исаак — величайший из всех. Он великий мыслитель, и, кстати, он совершил поездку на Землю, чтобы помочь в продвижении работ над нашим проектом. Но вы ведь знали все это, не так ли?

Дон вынужден был признать, что не знал причин пребывания Сэра Исаака на Земле. Тут в разговор вмешалась Изабель.

— Мистер Фипс, если Сэр Исаак работал на Земле над этим проектом, то как же случилось, что он не знает, что находится в этом кольце?

— Ну как вам сказать... С одной стороны, он знает это, а с другой — нет. Он работал только над теоретическими вопросами. Мы найдем в этом кольце детальные технологические указания, разработанные для человеческих орудий труда и в рамках человеческой технологии. А это, сами понимаете, совершенно различные вещи.

Дон подумал об этом. Технология и наука — эти понятия для него как-то сливались. Ему, очевидно, не доставало технических знаний, чтобы понять огромную разницу. Поэтому он изменил тему разговора.

— Вы, наверное, и сами работали в лабораториях, мистер Фипс?

— Я? Боже, конечно, нет! Моя сфера — историческое развитие. Когда-то я работал только над теоретическими вопросами, а сейчас занимаюсь практическими приложениями. Так, кажется, кое-что начинает появляться.

Его глаза были устремлены на экран; растворитель смывал эмаль, очищая колечко, окаймляющее букву «аш». Это место теперь выглядело абсолютно прозрачным и приобрело янтарный цвет. Фипс встал.

— Я просто не могу сидеть спокойно. Я очень нервничаю. Пожалуйста, извините меня.

— Конечно, конечно.

На эстакаду медленно поднялся дракон. Он остановился рядом, и Фипс отошел в сторону.

— Как поживаете, мистер Фипс? Вы не возражаете, если я встану здесь?

— Нет, нисколько. Вы уже знакомы с этими молодыми людьми?

— Да, я уже встречался с этой леди.

Дон представился ему, назвав оба своих имени, и узнал от дракона, что того зовут «Освежающий Дождь», или Джозеф. («Зовите меня просто Джо».)

Джо был здесь первым драконом после Сэра Исаака, у которого Дон увидел водэр и который умел с ним обращаться. Дон смотрел на дракона с интересом. В одном он мог быть уверен: Джо обучался английскому языку у другого преподавателя, а не у того неизвестного с акцентом кокни, который обучал Сэра Исаака... этот был, несомненно, из Техаса.

— Я очень рад, что нахожусь в вашем доме, — сказал ему Дон.

Дракон устроился поудобнее и опустил голову, так что его подбородок оказался на уровне их плеч.

— Это не мой дом. Я думаю, эти снобы вообще не допустили бы меня сюда, если бы здесь не было работы, которую я могу сделать лучше других. Ведь я простой лаборант.

— Ах так...

Дон сначала хотел было защитить Сэра Исаака от обвинения в снобизме, но вмешиваться в отношения между драконами показалось ему невежливым. Он снова посмотрел на экран. Тот вновь показывал кольцо из эмали, окаймлявшее букву «аш»; виднелось пятнадцать-двадцать процентов его площади. Изображение все укрупнялось, пока небольшой участок не заполнил весь огромный экран. И снова растворитель капнул на эмаль.

— Похоже, Сэр Исаак приближается к цели, — прокомментировал Джо.

Эмаль растворялась, как снег под весенним дождем. Но вместо того чтобы обнажить совершенно чистую основу, она открывала что-то темное, похожее на сплетение трубок.

Наступила абсолютная тишина, затем кто-то радостно вскрикнул. Дон заметил, что перестал дышать.

— Что это? — спросил он Джо.

— Проволока. Что же это еще может быть?

Сэр Исаак еще в несколько раз увеличил изображение и стал показывать другую часть кольца. Очень медленно, с тщательностью и осторожностью матери, купающей своего первенца, он смыл защитный слой с проволоки, свернутой в несколько витков. Затем на экране появился микроскопический захват и очень аккуратно прихватил конец проволоки.

Джо поднялся.

— Мне нужно идти работать, — сказал он. — Сейчас моя очередь.

Он спустился вниз по эстакаде. Дон заметил, что у него все еще росла одна из ног с правого бока, посередине, и из-за этого его походка выглядела неуклюжей, похожей на движение автомобиля со спущенным колесом.

Очень медленно и очень осторожно проволока была распутана и очищена. Прошел почти час с начала операции, и вот едва видимые захваты манипуляторов растянули эту бесценную проволоку. Получилось около четырех футов стальной проволоки, настолько тонкой, что она была неразличима невооруженным глазом, даже глазом дракона.

Сэр Исаак поднял голову от окуляров.

— Вы уже подготовили ту часть проволоки, которая была у Мало?

— Все готово.

— Хорошо, друзья мои. В таком случае давайте приступим.

Проволоки были заправлены в два обычных диктофона, работающих на микропровошке. За контрольным пультом сидел человек, управляющий синхронизацией этого послания, разделенного на две части, чтобы нельзя было прослушать его с одной из проволок. Это был мистер Костелло. Стальная проволока стала очень медленно протягиваться через приборы, послышался какой-то неразборчивый шум высокого тона. Были заметны очень частые и короткие паузы, какие бывают при передаче кодом на высокой частоте.

— Нет синхронизации, — заявил мистер Костелло. — Прокрутите обратно.

Другой оператор возразил:

— Мне очень не хочется это делать, Джим. Эти тонкие проволоки могут порваться, даже если вы просто подышите на них.

— Ну что же. Если они порвутся, Сэр Исаак соединит их вновь. Перематывайте.

— Может быть, прокрутить назад только одну?

— Перестаньте говорить ерунду. Перематывайте обе.

Вскоре опять послышалась неразборчивая речь. Дону показалось, что звучание было таким же, как и в первый раз, и так же не имело никакого смысла. Но мистер Костелло кивнул головой.

— Это то, что нужно, — сказал он. — Здесь запись идет с самого начала?

Дон услышал, как Джо ответил со своим тexasским акцентом:

— Да.

— О'кэй. Начинайте воспроизведение записи. Постарайтесь воспроизвести ее с замедлением в двадцать раз.

Костелло щелкнул каким-то тумблером. Невнятная речь затихла, но приборы продолжали раскручивать невидимые нити. Вскоре из динамика послышался человеческий голос. Он был глубоким, приглушенным, с каким-то тягучим акцентом, но тоже почти неразборчивым. Джо установил аппаратуру, что-то изменил в настройке и включил снова.

Когда голос послышался вновь, он был чистым, ясным, приятным на слух — почти музыкальное контральто.

«Заголовок, — начал голос. — Записка о практическом применении уравнения Хорста—Милна. Содержание. Часть первая. О конструкции генераторов для создания свободного от напряжения молярного перехода. Часть вторая. Генераторы континуума пространства-времени, закрытого, открытого, свернутого. Часть третья. О генераторах системы навигации временного квазиускорения. Часть первая. Глава первая. Реализация критерия для простого генератора и контролирующей системы. Что касается уравнения семна-дцатого в приложении А, то нужно иметь в виду, что...»

Голос продолжал говорить и говорить, не уставая. Дону было очень интересно знать, о чем он рассказы-

вает, но он ничего не понимал. Он уже почувствовал, что засыпает, когда голос внезапно резко произнес:

«Дальше следует диаграмма! Диаграмма! Диаграмма!»

Костелло выключил тумблер, остановив воспроизведение, и спросил:

— Камеры готовы?

— Готовы.

— Переключайте.

Все устали на изображение. Это была диаграмма, составленная из множества деталей. То есть Дону сказали, что это диаграмма, ему-то она больше напоминала спагетти. Когда все рассмотрели изображение, вновь раздался голос.

После более чем двухчасового прослушивания в тишине, лишь изредка прерывавшейся одним-двумя словами, Дон обратился к Изабель:

— Я не понимаю все то, о чем здесь говорится, и научиться чему-либо сейчас не смогу. Что если мы выйдем?

— Согласна.

Они вместе спустились по эстакаде и направились к туннелю, ведущему в ту часть здания, где располагались жилые комнаты. По пути они повстречали Фипса. Его лицо сияло от счастья. Дон поклонился ему и хотел пройти мимо, но Фипс остановил его.

— Я как раз искал вас!

— Меня?

— Да. Мне казалось, что вам пригодится вот это.

Он протянул кольцо. Дон взял кольцо и очень внимательно осмотрел его. Единственная разница была в том, что на букве «аш», выгравированной на кольце, была чуть заметная царапина, настолько тонкая, что Дон не смог просунуть туда и ногтя.

— Что, оно вам больше не нужно?

— Да, из него взято все, что можно. Берегите его. Когда-нибудь любой музей с радостью купит его за огромную цену.

— Ну нет, — сказал Дон. — Я все-таки доставлю это кольцо своему отцу.

Глава 17

ПЕРЕВЕСТИ ЧАСЫ

Дон переселился из отведенных ему гигантских апартаментов, в которых уютно чувствовал бы себя разве что Гаргантюа, в другую, людскую, квартиру. Конечно, Сэр Исаак разрешил бы ему жить и в прежней квартире, занимавшей целый акр, сколько угодно, но Дону казалось глупым занимать гигантские комнаты, предназначенные для драконов, да и жить в них было не так уж удобно. К тому же он был человеком, привыкшим к партизанской войне в лесах, и такое изобилие свободного пространства вокруг действовало на него угнетающе.

Люди, с которыми он жил теперь, тоже занимали квартиру, предназначенную для дракона, но большие комнаты в ней были разделены перегородками на привычные для человека помещения. Все они пользовались бассейном, который находился в центре квартиры, как общей ванной. Кроме того, у них была общая столовая. Дон жил в одной комнате с доктором Роджером Конрадом, высоким худощавым молодым человеком, с лицом, застывшим в постоянной чудаковатой улыбке. Дон был сильно удивлен, узнав, что Конрад пользовался большим уважением среди остальных ученых.

Дон редко виделся с ним, да и с остальными соседями тоже. Даже Изабель была очень занята, взяв на себя всю канцелярщину.

Эта группа работала день и ночь с огромным напряжением. Кольцо было открыто, и данные, необходимые для работы, получены, но к Марсу уже мчалась вооруженная эскадра. Никто не знал — просто не мог знать, — успеют ли они закончить работу вовремя, успеют ли спасти своих коллег.

Конрад как-то объяснил Дону положение:

— У нас здесь нет нужных условий. Данные, которые мы получили, рассчитаны на реализацию в рамках земной или марсианской технологии. Все дело в том, что у драконов технология совершенно другая. У нас здесь довольно мало людей, а драконы тоже не всемогущи. Сначала планировалось смонтировать всю аппаратуру на пассажирском корабле из тех, что ходят на Марс. Вы видели их?

— Только на рисунках.

— Я тоже. Конечно, они совершенно бесполезны в качестве военных кораблей, но полностью герметичны и достаточно вместительны. А сейчас в нашем распоряжении лишь небольшой орбитальный корабль.

Надстратосферный корабль-челнок с «подстриженными ушами», то есть в положении с убранными крыльями, предназначенными для полета в атмосфере, был спрятан неподалеку от дома Сэра Исаака. Он мог бы лететь и на Марс, если его соответствующим образом переоборудовать.

— Но это очень трудно, — добавил он.

— Но мы все-таки сможем это сделать?

— Мы *должны* это сделать. Мы не можем пересчитать все параметры, у нас нет вычислительных машин, нет и времени.

— Да, как раз об этом я и хотел спросить. Мы успеем?

— Я сам бы хотел знать, — вздохнул Конрад.

Всех изводила спешка. В комнате, где они обедали, была установлена большая карта с изображением положения Земли, Солнца, Венеры и Марса на данный момент. Карту ежедневно корректировали в соответствии с движением планет по орбитам. Земля продвига-

лась на один градус, Венера — несколько больше, а Марс — на полградуса.

Длинная дуга шла из точки на орбите Земли к месту встречи с Марсом. Это был предполагаемый путь эскадры Федерации. Единственное, что они знали точно, — это время ее отправления. И траектория, и дата прибытия были рассчитаны исходя из относительного расположения планет и максимальной скорости кораблей Федерации. Была учтена и необходимая заправка кораблей горючим на орбите Земли.

Для ракетного корабля одни орбиты хороши, а другие — нет. Военный корабль, конечно, не полетит по экономной эллиптической орбите, потому что такой полет займет двести пятьдесят восемь земных суток. Но даже если корабль движется по гиперболической траектории и применяет для ускорения полета форсаж, все равно путь его должен подчиняться определенным законам.

Рядом с этой схемой висел календарь; здесь же располагались часы, показывающие земное время по Гринвичу. Около них светилась цифра. Это было количество дней, оставшихся до дня «М». Оставалось тридцать девять суток.

Дон наслаждался жизнью, которая для солдата могла считаться райской, — горячая пища вовремя, хорошо приготовленная и в большом количестве, сколько угодно времени для сна. У него была чистая одежда, чистая кожа, никаких обязанностей и никаких опасностей. Однако все это стало ему надоедать. Напряженная деятельность вокруг заставляла его стыдиться своего безделья, и он стремился быть полезным. Он много раз пытался в чем-то помочь, пока не обнаружил, что все поручения даются ему только для того, чтобы занять его чем-нибудь. Толку с него было мало: у высококвалифицированных специалистов, работавших в поте лица своего, просто не было времени на неумелого помощника. Дон понял это и стал просто бездельничать. Вскоре он обнаружил, что может убить время,

ложась спать среди дня. Однако эта практика привела к тому, что он перестал спать ночью.

Он задумывался, почему его тяготит такой приятный отпуск. Конечно, он беспокоился о своих родителях, хотя их образы несколько померкли в его памяти. Мысль о том, что он ничем не может помочь им, не давала ему покоя. Он хотел бы выбраться отсюда — здесь он никому не мог быть полезен — и вернуться в свое подразделение, к своему делу. Там не о чем было беспокоиться, не надо было над чем-то задумываться между боями. Главное — полностью выкладываться в схватке. Тебя окружает темнота, ты чувствуешь дыхание друзей справа и слева, медленно двигаешься вниз, стараясь избежать ловушек, настроенных зелеными мундирами, чтобы охранять свой сон. Затем — молниеносный удар, и ты откатываешься вместе со всеми к своей шлюпке, ориентируясь только по сигналу в наушниках...

Да, его сильно тянуло назад, в армию.

Он решил переговорить об этом с Фипсом и отправился в его кабинет.

— Ах, это вы? Не хотите ли сигаретку?

— Нет, спасибо.

— Это настоящий табак, а не местный, не ваша «сумасшедшая трава».

— Нет, спасибо. Я не курю.

— И правильно делаете. По утрам во рту творится такое...

Фипс все же закурил и откинулся на спинку кресла.

— Послушайте, вы ведь здесь довольно важное лицо, — начал Дон.

Фипс выдохнул дым, затем осторожно сказал:

— Давайте определим это так: я здесь всего лишь координатор. И уж во всяком случае не руковожу ни учеными, ни техниками.

Дон не стал спорить.

— Вы достаточно важное лицо для меня. Послушайте, мистер Фипс, я знаю, что совершенно бесполезен здесь. Не можете ли вы устроить так, чтобы я вернулся назад, в свою часть?

Фипс старательно выпустил кольцо дыма.

— Мне очень жаль, что у вас сложилось такое впечатление. Я мог бы дать вам работу, чтобы занять вас. Вы могли бы быть моим помощником.

Дон покачал головой.

— Мне уже достаточно давали такой работы. Собираешь рассыпанные спички, снова разбрасываешь их и опять собираешь в коробок. Я хочу заняться настоящим делом. Я солдат, а сейчас идет война, и именно там мое место. Как я могу вернуться?

— Никак.

— Что вы хотите сказать?

— Мистер Харви, я просто не могу позволить, чтобы вы отправились туда; вы слишком много знаете. Если бы вы просто отдали мне кольцо и не стали задавать вопросов, я мог бы отправить вас в вашу часть буквально в тот же час. Но вам обязательно нужно было знать все. А теперь мы не можем рисковать: вдруг вы попадете в плен. Мы знаем, что зеленые мундиры каждого пленного пропускают через все степени допроса, и просто не можем рисковать.

— Но, черт возьми, сэр, я никогда не позволю, чтобы меня взяли в плен. Я уже давно это решил.

Фипс пожал плечами.

— Если бы вас просто убили — что ж, тогда все было бы в порядке. Но в этом нельзя быть уверенным, несмотря на ваше твердое решение. Мы просто не можем рисковать — слишком много поставлено на карту.

— Но вы не можете меня здесь задерживать. У вас нет надо мной никакой официальной власти.

— Официальной — нет, и тем не менее вы не сможете покинуть это место.

Дон открыл рот, закрыл и молча вышел.

На следующее утро он решил во что бы то ни стало добиться своего. Доктор Конрад встал раньше и перед уходом на работу сказал:

— Дон...

— Что, Роджер?

— Если ты в состоянии оторваться от кровати, можешь зайти в нашу лабораторию, там будет кое-что интересное.

— Да? А что? Когда?

— Ну, скажем, около девяти.

Когда Дон пришел в лабораторию, там уже были почти все люди и добрая половина многочисленного семейства Сэра Исаака. Роджер Конрад стоял у панели с какими-то приборами, которые ничего не могли сказать непосвященному человеку. Он долго возился с аппаратами, потом поднял глаза и сказал:

— А теперь посмотрите вон туда. Сейчас вылетит птичка. Вон там, над диваном, — и нажал кнопку.

Над диваном возник ниоткуда какой-то серебристый шарик диаметром фута в два, причем он висел в воздухе без всякой опоры. Казалось, что поверхность его была абсолютно сферической и отражала свет, напоминающая украшение на рождественской елке. Конрад торжественно улыбнулся.

— О'кэй, Тони. А теперь попробуй эту штуку топором.

Мускулистый Тони Винсенте поднял топор и приготовился.

— Как вам угодно, чтобы я его расколол? Сверху вниз, пополам или наискось?

— Как угодно.

Винсенте поднял топор над головой и ударил.

Топор отскочил.

Сферическая штукавина даже не пошевелинулась, на ее зеркальной поверхности не осталось ни царапинки. Детская улыбка на лице Конрада стала еще шире.

— Конец первого действия, — провозгласил он и нажал другую кнопку. Шар бесследно исчез.

Конрад опять склонился над пультом управления.

— Действие второе, — снова провозгласил он. — Сейчас мы работаем только вполсилы. Прошу всех отойти от дивана. — Он опять взглянул на присутствующих. — Внимание! Прицел! Огонь!

Там появилась полусфера. Ее поверхность была испещрена какими-то разводами.

— А теперь подставку, Тони.

— Минуточку, только прикурю.

Винсенте зажег сигарету, выпустил большой клуб дыма, положил ее в пепельницу, а пепельницу подставил под полусферу. Конрад снова начал манипулировать тумблерами и кнопками, в результате чего предмет опустился на диван и накрыл пепельницу с еще дымящейся сигаретой.

— Кто-нибудь хочет ударить по этому предмету топором или еще чем-нибудь? — спросил Конрад.

Желающих не было.

Конрад опять начал щелкать переключателями, серебристая полусфера поднялась. Сигарета в пепельнице продолжала дымиться, ничуть не поврежденная.

— Как вам понравится, — спросил он, — если мы такую же полусферу опустим на столицу Федерации на Бермудских островах и оставим ее там до тех пор, пока не договоримся с ними?

Естественно, эта идея встретила безоговорочную поддержку. Почти все здесь были гражданами Венеры и поэтому чувствовали себя на стороне восставших, независимо от того, чем они занимались сейчас. Фипс прервал возбужденные возгласы вопросом:

— Доктор Конрад, не могли бы вы дать нам популярное объяснение того, что мы сейчас видели? Как это действует? Мы можем только догадываться об огромных возможностях того, что вы нам показали.

Лицо Конрада стало очень серьезным.

— М-м-м... шеф, возможно, самым простым объяснением будет следующее: фазарда модулирует гарбаб в таком фазовом состоянии, что тримолин взрывается и вырывается наружу — другими словами, происходит то же самое, когда кто-то впускает мышь в ванную комнату. А если серьезно, для этого просто нет популярного объяснения. Даже если бы вы согласились усердно заниматься со мной лет пять и начали бы с элементарной математики, то и за это время я смог бы только подвести вас к своему ограниченному уровню знаний. Некоторые из сверхсложных уравнений, использованных здесь, мягко говоря, уникальны. Но нам были даны настолько четкие указания, что мы сделали все, даже не понимая сути.

Фипс кивнул.

— Мне остается только поблагодарить вас за это. Придется попросить Сэра Исаака.

— Попробуйте. Я и сам с удовольствием послушаю его.

Дону стало ясно, что реализовать древнюю технологию все же возможно, но беспокойство не проходило. Каждый день, когда он видел новую цифру в обеденном зале, она напоминала ему, что время уходит, а он бездействует. Он уже не надеялся уговорить Фипса, чтобы его послали туда, где идут военные действия, а сам начал строить планы, как выбраться туда.

Дон видел карту Великого Южного моря и примерно знал, где находится. К северу лежала территория, которая не была населена даже драконами, там обитали их дикие сородичи, известные своей кровожадностью. Считалось, что эта территория непроходима. Путь, ведущий к морю через южные области, был значительно длиннее, но он проходил через территорию, населенную драконами, а дальше начинались сельскохозяйственные фермы людей. Умея объясняться на языке драконов и с запасом еды на неделю, он мог попытаться дойти до берега. А что касается всего остального, что могло с ним случиться, то у него на этот случай были нож и смекалка. Кроме того, он теперь лучше ориентировался в этих болотистых местностях, чем тогда, когда убегал от людей Бенкфилда.

Дон понемногу начал подкапывать еду.

Оставались сутки до того момента, когда он собирался предпринять свою попытку. Тогда-то Фипс и вызвал его. Дон подумал, что, может быть, лучше вообще не показываться Фипсу, но потом решил пойти, чтобы не вызвать лишних подозрений.

— Садитесь, — начал Фипс. — Сигарету? Ах да, я забыл. Чем вы занимались в последнее время? Делали что-нибудь?

— Я вообще ничего не делал!

— Очень жаль. Мистер Харви, задумывались ли вы когда-нибудь над тем, как будет выглядеть мир, когда все это кончится?

— Нет, над этим я как-то не задумывался.

Если честно, он думал об этом, но все представлялось каким-то зыбким, ему нечего было ответить на этот вопрос. Он представлял себе это так: когда война закончится, он наконец сможет встретиться со своими родителями. Что же касается будущего — ну...

— Каким бы вы хотели видеть мир?

— Ну... я просто не знаю... — Дон задумался. — Полагаю, что я не из тех, кого вы называли бы политически мыслящими людьми. Для меня неважно, кто будет руководить этим миром, за одним исключением: должна быть свобода. Понимаете, человек должен иметь право делать то, что ему хочется, если он в состоянии сделать это. Его не должны ни принуждать, ни сдерживать.

Фипс кивнул.

— У нас очень похожие взгляды, более, чем вы можете себе представить. Я не пуританин, когда дело касается политической теории. Всякое правительство, которое становится слишком могучим и чересчур преуспевает, являет собой угрозу. Именно таким стало правительство Федерации, хотя все начиналось хорошо. А сейчас это правительство пора поставить на место, чтобы граждане могли иметь определенные свободы.

Дон сказал:

— Может быть, у драконов более правильная общественная структура: единственной формой организации является у них семья.

Фипс покачал головой.

— То, что хорошо для драконов, не всегда годится для нас. Семьи тоже могут подавлять, как и правительства. Посмотрите на молодых драконов. Пройдет не менее пяти сотен лет, пока они получат право хотя бы чихнуть без разрешения. Я ведь спросил ваше мнение потому, что и сам не знаю ответа на свой вопрос, хотя изучал историю, когда вас еще не было на свете. Сейчас мы готовы выпустить на свободу такие силы, что никто не сможет сказать, чем это обернется.

Дон очень удивился.

— Но мы уже путешествуем в космосе; я не вижу принципиальной разницы между тем, что мы имеем

сейчас, и возможностью путешествовать еще быстрее. А что касается того фокуса, который мы видели, то мне кажется, что это замечательная мысль: взять и накрыть колпаком целый город, чтобы его нельзя было разбомбить сверху.

— Согласен. Но ведь это только начало. Я как-то пытался выписать для себя все возможные применения этого изобретения. Прежде всего, вы очень сильно недооцениваете увеличения скорости перелетов. Что касается других возможностей, то я здесь в полном замешательстве. Я уже достаточно пожилой человек, и мое воображение, так сказать, несколько «заржавело» и нуждается в смазке. Вот хотя бы такое предложение: можно перебрасывать воду отсюда, с Венеры, на Марс. — Он нахмурил лоб. — Более того, мы могли бы даже передвигать планеты.

Дон поднял на него взгляд. Где-то он слышал почти те же слова...

— Ну ладно, оставим это, — продолжал Фипс. — Мне просто хотелось узнать точку зрения молодого человека. Так сказать, свежий взгляд на эти вопросы. Вы могли бы тоже подумать над этим. Люди, работающие в лаборатории, не будут думать о последствиях, они слишком заняты. Иногда эти физики делают чудеса, но никогда не задумываются над тем, что будет дальше. — Он помолчал и добавил: — Сейчас мы переставляем наши часы на новое время, но не знаем, какое будущее готовим себе.

Он замолчал. Дон с облегчением решил, что разговор окончен, и поднялся.

— Нет-нет, не уходите, — сказал Фипс. — У меня есть еще кое-что. Вы уже собрались уходить от нас, не так ли?

Дон остановился и, заикаясь, спросил:

— Почему вы так думаете?

— Я знаю. Однажды утром мы проснемся и увидим, что ваша кровать пуста. А затем мне придется снова вас искать.

Дон успокоился.

— Это Конрад сказал вам? — произнес он с горечью.

— Конрад? Нет. Я вообще сомневаюсь, что доктор замечает что-нибудь крупнее электрона. Нет, просто я не вчера родился. Я обязан разбираться в людях, это моя профессия. Мы повздорили при нашей первой встрече, но, напоминая, я был ужасно измотан. А теперь вы покидаете нас, и я не могу вас остановить. Я достаточно хорошо знаю драконов и уверен, что Сэр Исаак не позволит мне помешать вам. Он любит вас, как собственное яйцо! Но я просто не могу позволить вам уйти. Причины вы знаете. Предупреждаю, я скорее убью вас, чем отпущу.

Дон наклонился вперед, перенес вес тела на носки.

— И вы считаете, что вам это удастся? — спросил он мягко.

Фипс ухмыльнулся.

— Нет, не считаю. Вот почему мне пришлось придумать другой выход. Вы знаете, что мы сейчас комплектуем команду корабля? Хотите полететь на нем?

Глава 18

«МАЛЕНЬКИЙ ДАВИД»

Дон раскрыл рот от удивления и замер. К его чести надо сказать, что он никогда всерьез не думал о таком. Он даже мечтать не мог об этом.

Фипс продолжал:

— Откровенно говоря, я поступаю так, чтобы отделаться от вас, чтобы как-то вас изолировать и сделать недостижимым для инквизиторов Федерации до тех пор, когда это уже не будет иметь такого значения. Я думаю, это оправдается.

Мы хотим подготовить как можно больше людей для «Маленького Давида» и затем использовать их для команд других кораблей. Но у меня ограниченный выбор. Большинство из нашей группы слишком стары или близоруки, остальные — хилые молодые гении, пригодные только для работы в лабораториях. Вы же молоды, здоровы, у вас очень быстрая реакция — я это знаю, — и кроме того, вы привыкли к космическим полетам с самого раннего детства. Конечно, вы не космонавт, но это не так уж и важно, потому что эти корабли — новинка для всех. Мистер Харви, как вам понравится идея отправиться на Марс и вернуться обратно капитаном Харви, на своем собственном корабле, который

будет достаточно могуч, чтобы нанести удар по насекомым Федерации, кишашим вокруг Венеры? Или хотя бы помощником капитана, — сказал Фипс, думая о том, что на корабле, команда которого будет состоять всего из двух человек, Дон вряд ли сможет занять менее значительную должность.

Нравится ли ему эта идея? Она просто великолепна! У Дона даже начал заплетаться язык, когда он попытался утвердительно ответить на этот вопрос — он очень спешил это сделать. Затем почти сразу же его пронзила отрезвляющая мысль. Фипс увидел, как изменилось его лицо.

— В чем дело? — спросил он резко. — Вы испугались?

— Испугался? — на лице Дона отразилось презрение. — Скажете тоже! Я так часто пугался, что уже привык. Беда не в этом.

— А в чем же?

— Все дело в том, что я все еще числюсь в действующей армии. Я не могу, находясь в отпуске, отправиться за сотню миллионов миль. Строго говоря, это будет дезертирство. Меня сперва повесят, а уж потом начнут задавать вопросы.

Фипс задумался.

— О, я полагаю, это можно уладить. Это уж моя забота.

Прошло три дня, и Дон получил новый приказ, на этот раз — в письменном виде, причем он был изложен в таких выражениях, что о смысле его приходилось догадываться. Он гласил:

«Кому: Харви, Дональду Дж., сержанту-специалисту первого класса. Через инстанции.

1. Вы направляетесь для выполнения специального задания, временного характера, но неопределенной продолжительности.

2. Вы можете при необходимости путешествовать, выполняя это задание.

3. Задание выполняется в интересах Республики. Когда вы сочтете, что ваше задание выполнено, вам следует доложить в ближайшее военное ведомство и потребовать, чтобы вас снабдили транспортом для доставки к начальнику штаба, с тем чтобы вы могли доложить ему лично.

4. На время выполнения задания вам присваивается временное звание младшего лейтенанта.

От лица командующего
Дж. С. Басби,
подполковник (временное звание).

Примечание.

Доставить через курьера.

Генри Марстен,
капитан (временное звание).
Командир 16-й ударной группы гондольеров».

К приказу была прикреплена записка, написанная от руки.

«Р. S. Дорогой лейтенант!

Это, наверное, самый глупый приказ, который я подписывал когда-либо в своей жизни. Что ты такое задумал, черт возьми? Может быть, ты женился на дочери одного из драконов? Или застал одну из крупных военных шишек при компрометирующих обстоятельствах? Во всяком случае желаю тебе хорошо провести время, а также всяческих удач.

Марстен».

Дон положил приказ и записку в карман. Время от времени он засовывал в карман руку, ощупывая и приказ, и письмо Марстена.

Дни быстро уплывали, а дуга все ближе и ближе подходила к Марсу. Все нервничали. На стене столовой появилась еще одна цифра — дата, к которой корабль «Маленький Давид» должен был быть готов, если они

собирались успеть вовремя. За двадцать минут до старта Дон все еще сидел в кабинете Сэра Исаака, его багаж (все тот же, что и раньше) был уже на борту. Прощание с Сэром Исааком оказалось более трудным, чем он ожидал. Он не думал о разных глупостях, вроде «отеческого благословения», просто он очень хорошо осознавал тот факт, что старый дракон — очень близкое ему существо. Едва ли не в большей степени, чем родители.

Он почти с облегчением встретил тот момент, когда стрелки показали урочный час. Пора!

— Мне нужно идти, — сказал он. — Осталось девятнадцать минут.

— Да, мой дорогой Дональд. Вы, люди, чья жизнь так коротка, почему-то всегда спешите.

— Ну что ж, до свидания, — просвистел Дон.

— Желаю тебе всего самого лучшего, Туман Над Водами.

Выйдя из кабинета Сэра Исаака, Дон высморкался и привел свои чувства в порядок. Из-за массивной колонны вышла Изабель.

— Дон! Я хотела попрощаться с тобой.

— А разве ты не придешь к старту?

— Нет.

— Ну что же, делай как знаешь. А мне нужно спешить, бабуля.

— Я уже просила тебя, чтобы ты так меня не называл!

— Ты же у нас взрослая, вот к тебе и прилипло это прозвище... бабушка.

— Дон, ты упрям как осел! Дон, возвращайся обратно. Ты понимаешь меня?

— Да, конечно. Мы вернемся очень скоро.

— Смотри, я буду ждать. Ты недостаточно хитер, чтобы позаботиться о себе. Ну что ж, желаю тебе счастливого пути, счастливого полета.

Она схватила его за уши, быстро поцеловала и убежала.

Дон смотрел ей вслед, потирая ладонью губы. Девушки, думал он, иногда ведут себя еще более странно, чем драконы. Возможно, они принадлежат к совсем-совсем другой расе.

Он поспешил к месту старта. Почти вся колония собралась здесь, и последним из команды корабля прибыл Дон. Когда он появился, его встретил не самый дружелюбный взгляд капитана Родса, командира «Маленького Давида». Родс раньше работал в Интернациональной службе, а сейчас числился в составе действующей армии, в Орбитальной гвардии. Он появился здесь всего три дня тому назад и был не очень расположен к разговорам. Все свое время он проводил с Конрадом. Дон дотронулся до своего кармана и подумал: интересно, какие приказы получил Родс? Наверное, не менее странные.

«Маленького Давида» вытащили на берег; он стоял на опорах, похожих на лыжи. Ему не нужна была катапульта, да и взять ее было негде: все три катапульты находились в руках Федерации. Антирадарный колапс сняли, и над кораблем было теперь чистое небо, пространство, в которое он мог быстро устремиться.

Дон посмотрел на корабль и подумал, что тот больше похож на огромную бетономешалку, чем на ракету. Там, где раньше были крылья, остались какие-то выступы, и выглядели они довольно печально. Носовая часть — раньше она была заостренной — теперь была переоборудована и приобрела форму шара, там была смонтирована радарная установка. Весь корабль был покрыт шрамами от сварки, переделывали его в спешке, не заботясь о красоте.

Гондолы ракет были сняты, а на месте, где был бак с горючим, сейчас установили контейнер с атомным топливом, отгороженный от кабины экипажа массивным защитным экраном. По всей обшивке торчали какие-то выпуклости, которые Конрад называл «антеннами». Именно они и предназначались для искривления пространства. Правда, Дон представлял себе антенны по-другому.

Команда «Маленького Давида» состояла из девяти человек: Родса, Конрада, Харви и еще шести. Все они были молоды и только учились управлять кораблем. Роджер Конрад носил великолепное звание «офицер, отвечающий за специальное оборудование». Корабль вез только одного пассажира — старину Мало. Его не было видно, и Дон не искал его. Задняя часть отсека,

отведенного для экипажа, была герметизирована, воздух там был очень разреженным, сухим и холодным.

Все уже были на борту. Люк закрыли, и Дон уселся на свое место. Несмотря на то что значительный объем помещения был занят новым оборудованием, осталось много пассажирских кресел. Капитан Родс уселся за пульт управления и произнес низким голосом:

— Включить механизмы старта! Пристегнуть ремни!

Дон так и сделал.

Родс повернулся к Конраду. Конрад сказал небрежным тоном, как будто вел светскую беседу:

— Через две минуты, джентльмены, — поскольку у нас не было возможности провести испытания корабля, — будет проведен довольно интересный эксперимент. У нас три возможности. — Он сделал эффектную паузу.

— Продолжайте! — резко сказал Родс.

— Возможно, что вообще ничего не произойдет. Нас могут подвести некоторые просчеты в теории, только и всего. Второе — может случиться, что все сработает хорошо. И третья возможность — корабль взорвется. — Он улыбнулся. — Хочет ли кто-нибудь сделать ставку в такой игре? — Никто не ответил. Конрад посмотрел себе под ноги и сказал: — Ну что ж, о'кэй, капитан. Давайте хватайте судьбу за хвост.

Дону показалось, что вдруг настала ночь. Наступила невесомость. Его желудок, уже привыкший к повышенной гравитации Венеры, почувствовал себя неудобно и чуть не изъявил свое неудовольствие открыто. Конрад не был привязан, он плавал в воздухе, держась одной рукой за панель управления.

— Извините, джентльмены, — сказал он. — Это результат небольшой ошибки. А теперь давайте внесем поправки и направимся к Марсу. Порадуем нашего пассажира.

Он покрутил верньеры на пульте.

Желудок Дона оказался на месте в результате возникшего тяготения примерно в одну треть земного.

Конрад сказал:

— Очень хорошо, капитан. Теперь можно позволить всем отстегнуться.

Кто-то позади Дона спросил:

— В чем дело? Что, наш план не сработал?

— Совсем наоборот, — ответил Конрад. — Мы сейчас летим с... — он остановился и взглянул на приборы, — ...с ускорением примерно в двадцать «g».

Корабль по-прежнему был окружен темнотой, отрезанный от всей Вселенной тем, что не совсем правильно называли «бесконечностью», за исключением нескольких минут в конце каждой вахты, когда Конрад выключал поле, чтобы дать возможность капитану Родсу сориентироваться по звездам. Во время этих пауз они пребывали в состоянии невесомости, а звезды ярко светили через иллюминаторы. А затем вновь наступала темнота, и «Маленький Давид» возвращался в свой особый маленький мир.

Капитан Родс завел привычку негромко ругаться про себя после каждой обсервации. Он проверял свои расчеты не менее трех раз.

Между вахтами Конрад занимался со своим «классом по изучению аппаратуры», причем столько часов в день, сколько этот класс мог выдержать. Дон обнаружил, что его лекции были так же непонятны, как и те объяснения, который Конрад дал в свое время Фипсу.

— Я просто не могу понять этого, Роджер, — пожаловался он своему учителю, когда тот в третий раз повторял ему сказанное.

Конрад пожал плечами и улыбнулся.

— Не тушуйся. К тому времени, когда ты закончишь устанавливать оборудование на свой собственный корабль, ты уже будешь знать его так, как твоя нога знает родной ботинок. А сейчас давай снова пройдемся по этому пункту.

Кроме занятий делать было совершенно нечего, корабль был слишком мал и битком набит людьми. Почти непрерывно шла игра в карты. У Дона с самого начала было немного денег, а скоро и вовсе не осталось. Играть было не на что, он спал или размышлял.

Фипс был прав, решил он. Путешествия с такой скоростью изменят мир. Люди станут перепрыгивать с одной планеты на другую так же легко, как летают с

одного континента Земли на другой. Это будет революция в транспорте, рывок от парусных кораблей к межконтинентальным ракетам, почти мгновенный, а не растянутый на три столетия.

Может быть, когда-нибудь он вернется на Землю. Жизнь там имеет свои приятные стороны. Взять хотя бы верховую езду. Интересно, помнит ли его Лэйзи?

Ему хотелось бы научить Изабель ездить на лошади. Хотел бы он увидеть выражение ее лица, когда она впервые встретится с лошадыю.

Одно было для него совершенно ясно. Он не останется на Земле, даже если когда-нибудь и вернется туда. Он не останется ни на Венере, ни на Марсе. Теперь он знал, где его место, — там, где он родился, — в космосе. Любая планета была для него чем-то вроде гостиницы, а космос — родным домом.

Может быть, он отправится к звездам на «Первопроходце». Если они уцелеют, любой из экипажа «Маленького Давида» будет иметь хорошие шансы попасть в экипаж звездного корабля. Правда, команда «Первопроходца» должна была состоять из супружеских пар, но теперь это уже не казалось ему препятствием. Он был уверен, что успеет жениться, хотя и не мог точно сказать, откуда у него эта уверенность. Такая, как Изабель, пойдет за своим мужчиной хоть на край света. Ее не придется уговаривать. Кроме того, «Первопроходец» стартует еще не скоро: его будут оборудовать системами Хорста—Милна—Конрада.

Во всяком случае сначала нужно покончить с войной. Когда он вернется, его, вероятно, переведут в Космическую гвардию, и это сделает его положение в обществе достаточно высоким к тому моменту, когда он будет демобилизован по выслуге лет. Подумать только, уже сейчас можно считать, что он служит в Космической гвардии!

Мак-Мастерс был прав: есть только один путь на Марс — на военном корабле.

Дон осмотрелся вокруг. Игра в карты продолжалась, а двое его друзей бросали кости на палубе, причем кубики катились медленно, поскольку сила тяжести была невелика. Конрад опустил свое кресло в положение для лежания. Дон решил, что все это не очень-то

похоже на миссию по спасению мира. Кабина ракеты чем-то напоминала неубранную постель.

Они должны были выйти в обычное пространство около Марса на одиннадцатый день. И если их расчеты были правильными, силы Федерации окажутся рядом, причем настолько близко, что их корабли и «Маленький Давид» прибудут на Марс почти одновременно. «Класс по специальному оборудованию» занялся военной техникой и ее использованием. Родс выбрал вторым пилотом Арта Франкелла, который имел опыт управления кораблем, а Конраду помогал Франклин Чанг, тоже ученый-физик. Из четырех оставшихся двое обслуживали радиостанцию, двое — радар. Служебное место Дона было в центре отсека, позади пилотских ложементов стояло кресло, называвшееся центральным. В его ведении находился тумблер уничтожения корабля — устройство, которое еще столетие назад получило название «рубильник мертвой руки», потому что включался он весом тела мертвого оператора.

Во время первого учебного занятия Конрад сначала проверил, как знают свои функции остальные члены экипажа, а потом подошел к Дону.

— Ты понял, что от тебя нужно? — спросил он.

— Да, я должен сделать следующее: нажать кнопку, подготавливающую корабль к взрыву, а затем взяться за «рубильник мертвой руки».

— Нет-нет! Сначала взяться за «рубильник мертвой руки» и только потом нажать кнопку подготовки взрыва.

— Ах да, я просто перепутал.

— Главное, не сделай наоборот на самом деле, лейтенант. Если ты сделаешь как надо, все будет в порядке. Если ты ошибешься, нам будет очень плохо.

— О'кэй, Роджер, эта кнопка включает атомную бомбу?

— Нет, не совсем. Это было бы слишком дорого. У нас на борту достаточно взрывчатки, чтобы уничтожить всю нашу коробку. Задача состоит в том, чтобы взорвать корабль, если его попытаются взять в плен. Поэтому тебе нужно будет держаться за этот рычаг и не отпускать его ни в коем случае, даже если тебе захочется почесаться этой рукой. Потерпи.

Капитан Родс подошел к ним и отозвал Дона в сторону. Он говорил тихо, чтобы его не могли слышать другие:

— Харви, ты доволен своим постом? Ты ничего не имеешь против него?

— Нет, ничего, — ответил Дон. — Я знаю, что все остальные подготовлены лучше, чем я, зато у меня реакция лучше, чем у них.

— Это не то, что я имею в виду, — возразил капитан. — Ты вполне мог бы заменить любого, кроме меня и доктора Конрада. Я хочу быть уверен в том, что ты выполнишь порученное дело.

— Я не понимаю, почему вы в этом сомневаетесь. Мне только нужно взяться за рычаг, нажать кнопку и держать рычаг не отпуская. Для этого вовсе не нужно знать высшую математику.

— И это тоже не то, что я имел в виду. Я еще плохо знаю тебя, Харви, но мне сказали, что ты участвовал в боях. Единственный из нашей команды. Вот почему это дело поручено тебе. Люди, которые разбираются в таких делах, считают, что ты сможешь его выполнить. Я не беспокоюсь, что ты забудешь очередность действий. Но мне нужно знать, сможешь ли ты в критический момент нажать на рубильник? Сможешь?

Дон ответил не сразу. В одно мгновение перед его мысленным взором промелькнуло множество картин: доктор Джефферсон, который пошел на явное самоубийство, — конечно, он умер не случайно, старина Чарли с искривившимся ртом, все еще державший в руках свое оружие... вспомнил он и голос, донесшийся до его слуха сквозь венерианский туман: «Венера и свобода!».

— Если будет нужно, я смогу.

— Хорошо. Я бы за себя не поручился. Итак, я полностью полагаюсь на вас, сэр, если случится самое худшее. Наш корабль не должен быть захвачен.

— Я все сделаю.

Напряжение все нарастало, а вместе с ним — и нервозность. Они не могли быть уверены на сто процентов, что прибудут к Марсу раньше кораблей Феде-

рации. Возможно, эти корабли двигались как-то иначе, не по оптимальной траектории. Возможно, силы Федерации уже на Марсе и контролируют всю планету. Тогда их будет трудно выбить оттуда.

А у Конрада были и другие причины для беспокойства: оружие корабля могло не сработать. Он лучше других знал, как неустойчиво их положение. Приходилось полностью полагаться на теоретические расчеты. Он знал, как часто блестящие теории оказывались пустым звуком из-за того, что какие-то законы природы просто-напросто не были учтены. Короче говоря, практическое испытание ничем нельзя заменить, а это оружие еще не испытывалось. Он даже утратил свою обычную улыбку и временами спорил с Родсом, причем делал это не очень-то тактично. И это все усиливалось по мере приближения момента, когда они должны были выйти из состояния сверхскоростного полета.

Все проблемы решились ко всеобщему удовлетворению. Однажды Родс спокойно скомандовал:

— Час пробил, джентльмены. Занять боевые посты!

Он направился к своему креслу, пристегнулся и резко приказал:

— Сообщить о готовности!

— Второй пилот!

— Радиостанция!

— Специальное вооружение готово!

— Пост «мертвой руки»! — закончил переключку Дон.

Ожидание затянулось, секунды отсчитывались медленно-медленно. Родс спокойно предупредил Мало в микрофон, чтобы тот приготовился к невесомости.

— Внимание! — крикнул он.

Дон крепче ухватился за свой рычаг и вдруг ощутил невесомость. Через иллюминаторы, расположенные по обеим сторонам отсека, стал виден свет звезд. Дон не увидел Марса и решил, что он, очевидно, скрыт корпусом корабля. Солнце светило откуда-то сзади, но обзор был хорошим. «Маленький Давид» начинал свое существование как крылатая ракета, поэтому у него имелся обзорный иллюминатор, расположенный перед креслами пилотов. Дон мог видеть все впереди не

хуже, чем Родс и второй пилот, и лучше, чем все остальные члены экипажа.

— Радар? — спросил Родс.

— Что вы, шкипер! Даже при скорости света... О! О! Сигнал!

— Где они и какова их скорость?

— Тэта три, пять, семь, точка, два; фи минус ноль, точка, восемь; радиальная скорость шесть, восемь...

— Это я и так вижу, — резко сказал Конрад.

— Визуальное наблюдение?

— Пока еще нет.

— Можем мы их достать?

— Нет. Думаю, нам нужно набраться терпения и сблизиться с ними. Возможно, они нас еще не заметили.

Затем их корабль уменьшил скорость, чтобы получить возможность для маневрирования; и все же они сблизались с противником со скоростью более девяноста миль в секунду. Дон пытался рассмотреть корабли, если эти сигналы на экранах действительно были кораблями. Но его глаза, конечно, уступали электронной аппаратуре.

Нервы у всех были напряжены до крайности. Расстояние все уменьшалось, пока не стало казаться, что сигналы на экранах радаров вовсе не были вражескими кораблями. Может быть, какие-нибудь астероиды, не отмеченные на навигационных картах. И тут по всему кораблю прозвучал резкий сигнал боевой тревоги, он включался автоматически радиосигналами определенных частот.

— Вот они! — воскликнул Родс.

— Мы сближаемся.

Затем наступила короткая пауза.

— Они требуют, чтобы мы назвали себя. Это те, кого мы ищем. Может быть, выстрелить сейчас? — Родс повернулся к Конраду. — Что вы скажете?

— Нет, нужно подойти поближе. Тяните время. — Лицо Конрада было серым и мокрым от пота.

Родс нажал кнопку и заговорил в микрофон:

— А вы кто такие? Назовите сначала себя.

Ответ пришел немедленно и был усилен динамиком над головой капитана:

— Назовите себя, иначе будете расстреляны!!!

Родс снова посмотрел на Конрада, но тот был слишком занят, чтобы ответить на его взгляд. Родс снова заговорил в микрофон:

— Это истребитель «Маленький Давид», частное судно, выполняющее задание по договору с Республикой Венера. Немедленно уберите.

Дон снова напряг зрение. Ему показалось, что он увидел впереди три новые звезды. Ответ пришел немедленно.

— Говорит «Миротворец», флагманский корабль эскадры Федерации. Пиратскому кораблю «Маленький Давид»: немедленно сдавайтесь, иначе будете уничтожены.

Когда Родс снова обратился к Конраду, тот повернул к нему лицо, на котором была написана неуверенность.

— Они еще далеко. Мне трудно поймать цель. Я могу промахнуться.

— У нас не осталось времени! Начинай!

Дон уже мог видеть эти корабли, теперь они невероятно выросли в размерах. А затем, совершенно неожиданно, один из них превратился в серебряный шар, затем второй и третий. Целый набор елочных игрушек невероятных размеров оказался на том месте, где только что были могучие боевые корабли. И эти шары все приближались, пока наконец не проплыли где-то слева... «Битва» была выиграна.

Конрад глубоко вздохнул.

— Вот и все, капитан. — Он повернулся и сказал: — Дон, ты сделаешь всем нам большое одолжение, если отключишь свой рубильник. Нам он больше не понадобится.

Под ними проплывал Марс, красный и удивительно красивый. Скиапарелли, мощная станция межпланетной связи МТТК, была накрыта огромной серебряной «шапкой»: не стоило пока хвастаться победой.

Капитан Родс сообщил о своем прибытии на другую, менее мощную, станцию. Не пройдет и часа, как они

опустятся на планету неподалеку от Датона... а вот и Мало выбрался из своего холодильника. Он уже не был больным и усталым, скорее, энергичным, и даже не опасался теплого, плотного и влажного воздуха кабины: ведь дом был уже рядом.

Дон опять вернулся в свое кресло, чтобы лучше видеть. Знаменитые каналы Марса были четко видны невооруженным глазом; их мягкая зелень пересекала оранжевые и коричневые равнины. Сейчас на юге была зима, и казалось, что на макушку планеты надели белый поварской колпак. Это была южная полярная шапка. Странно, но она напоминала Дону о старине Чарли...

Наконец-то Марс... Скорее всего, он увидит своих родителей еще до захода солнца и наконец-то отдаст отцу перстень, хотя и не так скоро, как хотелось.

В следующий раз он попытается избегать окольных путей.

Содержание

Гражданин Галактики, роман, <i>перевод с английского А. Шарова,</i> <i>Р Волошина</i>	5
Между планетами, роман, <i>перевод с английского Ю. Логинова</i>	305

МИРЫ РОБЕРТА ХАЙНЛАЙНА

**Полное собрание фантастических произведений
в двадцати пяти томах**

Книга восьмая

Составитель В. Быстров

Главный редактор А. Захаренков

Ответственный за выпуск Е. Чутов

Редакторы А. Александрова, М. Проворова

Технический редактор К. Козаченко

Корректоры К. Вартанова, И. Лаздина

Оператор компьютерной верстки Н. Амосова

Художественное оформление серии: М. Захаренкова

Оформление обложки и форзаца: А. Кириллов

Оформление шмуцтитлов: Е. Храменкова

Лицензия № 062455 от 23.03.93 г.

Подписано в печать 25.10.93. Формат 84×108¹/₃₂.

Усл. печ. л. 27,72. Тираж 30 000 экз. Заказ № 1316.

Издательская фирма «Полярис».

Латвийская Республика, LV-1039, Рига, а/я 22.

Отпечатано с готовых диапозитивов на Книжной фабрике № 1

Комитета РФ по печати.

144003, г. Электросталь Московской обл., ул. Тевосяна, 25.

**Миры Роберта Хайнлайна кн. 8 / Пер. с англ. — Рига:
Полярис, 1993. — 527с.**

VERBA VOLANT, SCRIPTA MANENT

POLARIS
publishers